

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: История и право**

Научный журнал

Том 15 № 6 / 2025

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: History and Law**

Scientific Journal

Vol. 15 № 6 / 2025



**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: История и право
(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Istoriya i pravo)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследованиях в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовного процесса, криминалистики, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Юридические науки: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Политология: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Исторические науки и археология: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алихаджиева Инна Саламовна, д-р юрид. наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой (г. Москва, Россия)

Ананьева Анна Анатольевна, д-р юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия (г. Москва, Россия)

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Голубцов Валерий Геннадьевич, д-р юрид. наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Гуторова Алла Николаевна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Дилбандян Самвел Агванович, д-р юрид. наук, профессор, Ереванский государственный университет (г. Ереван, Республика Армения)

Красильникова Екатерина Ивановна, д-р ист. наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет (г. Новосибирск, Россия)

Коростелев Станислав Валентинович, д-р полит. наук, доцент, Объединенная комиссия при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (г. Санкт-Петербург, Россия)

Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)

Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Малышева Елена Михайловна, д-р ист. наук, профессор, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп, Россия)

Никуленко Андрей Вячеславович, д-р юрид. наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)

Русскевич Евгений Александрович, д-р юрид. наук, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

Рябинина Татьяна Кимовна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Самович Юлия Владимировна, д-р юрид. наук, профессор, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань, Россия)

Сафронова Елена Викторовна, д-р юрид. наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)

Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Соловых Светлана Жорисовна, д-р юрид. наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия)

Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Урда Маргарита Николаевна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна, д-р ист. наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия)

Цыбаков Дмитрий Леонидович, д-р полит. наук, доцент, Академия гражданской защиты МЧС России (г. Москва, Россия)

Шевченко Алевтина Владимировна, д-р полит. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции:

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Телефон: (4712) 22-25-26,

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

© Юго-Западный государственный университет, 2025



Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного
университета, 305040, г. Курск,
ул. 50 лет Октября, 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется
по подписке.

Подписной индекс журнала 44296
в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 25.12.2025.

Дата выхода в свет 30.12.2025. Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Усл.печ.л. 34,5.

Тираж 1000 экз. Заказ 64.

16+



Proceedings of the Southwest State University

Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctoral or candidate thesis in the following areas:

Juridical Studies: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Political Studies: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Historical Studies and Archaeology: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University
(Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University
(Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Inna S. Alihadzhieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova (Moscow, Russia)

Anna A. Ananieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS (Moscow, Russia)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kursk, Russia)

Valerij G. Golubcov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)

Alla N. Gutorova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Samvel A. Dilbandyan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

Ekaterina I. Krasilnikova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

Stanislav V. Korostelev, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on the Harmonization of Legislation in the field of security and countering New Challenges and Threats (St. Petersburg, Russia)

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Kursk, Russia)

Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Elena M. Malysheva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Adygea State University (Maykop, Russia)

Andrej V. Nikulenko, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Evgenij A. Russkevich, Doctor of Juridical Sciences, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia (Moscow, Russia)

Tatiana K. Ryabinina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Yuliya V. Samovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kazan Branch of the Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

Elena V. Safronova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Svetlana Z. Solovyh, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)

Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Ravilya R. Hisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia)

Margarita N. Urda, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Dmitrij L. Cybakov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Moscow, Russia)

Alevtina V. Shevchenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Founder and Publisher :

“Southwest State University”

Official address of the Founder, Publisher and Editorial Office:

305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,

Fax: (+74712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:

The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media (PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

Printing office:

Printing Center

of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:

the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

16+

© Southwest State University, 2025



Publications are available in accordance with the Creative Commons Attribution 4.0 License

Sent to the printer 25.12.2025.
Release 30.12.2025. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 34,5.
Circulation 1000 copies. Order 64.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ	10
Оригинальные статьи	
Российская правовая политика в сфере культуры через призму стратегических документов: постановка проблемы.....	10
<i>Полетыкина Ю.Н.</i>	
Нормы о побоях и истязании в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных: специфика законодательной регламентации и научного толкования.....	20
<i>Фаизова Д.Л.</i>	
Развитие правового статуса Дагестанской АССР в рамках общесоюзной конституционной реформы 1936–1937 годов.....	32
<i>Халилова Д.Г.</i>	
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ	43
Оригинальные статьи	
Онлайн-урегулирование споров, возникающих из правоотношений с участием потребителей: российская и зарубежная практика.....	43
<i>Бабенкова В.Р., Сурков А.Н., Фоков А.П.</i>	
Основания исполнения обязательств внесением долга в депозит нотариуса	54
<i>Блинков О.Е., Блинкова Е.В., Фоков А.П., Коротких О.А.</i>	
Налогообложение сумм компенсации морального вреда и неустойки по Закону Российской Федерации «О защите прав потребителей»: коллизия гражданского и налогового права.....	69
<i>Брусенцева М.И., Блинков О.Е., Коротких О.А., Сурков А.Н.</i>	
Правовая природа передачи вещи.....	80
<i>Мальбин Д.А.</i>	
О правосубъектности суда в процессуальном правоотношении.....	89
<i>Филиппов П.М.</i>	
Женское предпринимательство: сложности реализации и перспективы развития	99
<i>Байбекова Э.Ф., Григорова К.С.</i>	
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	112
Оригинальные статьи	
Возвращение уголовного дела прокурору для составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера.....	112
<i>Рябинина Т.К., Татьяна Л.Г.</i>	
К вопросу о необходимости восполнения доказательств, признанных недопустимыми	124
<i>Брянская Е.В.</i>	
Формы реализации ответственности в уголовном праве в условиях трансформации его функций.....	135
<i>Кузнецов А.А.</i>	
Преступления с административной преюдицией в аспекте реализации методов современной уголовной политики.....	148
<i>Комягин Р.А.</i>	

Генезис законодательства о противодействии нелегальному обороту табачной и никотиносодержащей продукции: регулятивная нормативно-правовая база. Часть 1..... 160

Шеметов Д.А.

Понятие и значение тезауруса уголовно-процессуального доказывания в условиях развития цифровых технологий.....172

Ряполова Я.П.

Ходатайство воинской части как условие приостановления уголовного преследования лица, участвующего в специальной военной операции.....182

Шевелева С.В., Михайлова О.Г.

Самостоятельность руководителя следственного органа: понятие и аспекты реализации..... 192

Бочковский Ф.О.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ 202

Оригинальные статьи

Национальный состав городского населения Челябинской области по материалам Всесоюзной переписи 1959 года.....202

Журавлева В.А., Мирошниченко М.И., Палецких Н.П.

Трансформация земельных отношений в российской деревне в период «черного передела» (1917–1918 годы).....216

Колупаев А.А.

Проекты реформы земской избирательной системы в период ревизии Положения о земских учреждениях 1864 года.....227

Сорокин А.А.

Традиции и модернизация: динамика сельского хозяйства Адыгеи в 1924-1950 гг.....246

Кирич Д.А.

«Сибирский север далекий и таинственный»: О работе Б.И. Лебединского и Н.А. Андреева в изучении истории освоения Байкальской Сибири и Крайнего Севера на рубеже XIX–XX веков.....259

Ткачев В.В.

Реализация плана строительства и реконструкции города Курска в конце 1960 – начале 1970-х годов....272

Масалев Я.В.

Образ императора Александра III в материалах уголовных дел по оскорблению царской фамилии.....285

Ван Хуни

К сведению авторов..... 297

CONTENT

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES	10
Original Articles	
Russian legal policy in the sphere of culture through the lens of strategic documents: problem statement.....	10
<i>Yuliya N. Poletykina</i>	
Norms on beatings and torture in the code of criminal and correctional punishments: specifics of legislative regulation and scientific interpretation.....	20
<i>Diana L. Faizova</i>	
Development of the legal status of the dagestan assr within the framework of the all-union constitutional reform of 1936–1937.....	32
<i>Dzhamilya G. Khalilova</i>	
PRIVATE (CIVIL) JURISPRUDENCE.....	43
Original Articles	
Online dispute resolution arising from legal relationships involving consumers: russian and foreign practice.....	43
<i>Victoria R. Babenkova, Alexander N. Surkov, Anatoly P. Fokov</i>	
Grounds for fulfilling obligations by depositing a debt with a notary.....	54
<i>Oleg E. Blinkov, Elena V. Blinkova, Anatoly P. Fokov, Olga A. Korotkih</i>	
Taxation of compensation sums for moral damage and penalties under the law of the russian federation “On protection of consumers’ rights”: Conflict of civil and tax law.....	69
<i>Mariya I. Brusentseva, Oleg E. Blinkov, Olga A. Korotkih, Alexander N. Surkov</i>	
The legal nature of the transfer of the item.....	80
<i>Dmitry A. Malbin</i>	
On the legal personality of a court in a procedural legal relationship.....	89
<i>Pyotr M. Filippov</i>	
Women's Entrepreneurship: Challenges and prospects.....	99
<i>Elmira F. Baybekova, Kristina S. Grigorova</i>	
CRIMINAL LEGAL SCIENCES.....	112
Original Articles	
Return of the criminal case to the prosecutor for drawing up a indictment or a bill of indictment in a criminal case sent to court with a ruling on the application of a compulsory medical measure.....	113
<i>Tatyana K. Ryabinina, Larisa G. Tatyana</i>	
On the issue of the need to fill in evidence that has been declared inadmissible.....	124
<i>Elena V. Bryanskaya</i>	
Forms of realization of liability in criminal law in the context of transformation of its functions	135
<i>Alexey A. Kuznetsov</i>	
Crimes with administrative prejudice in the aspect of implementing modern criminal policy methods.....	148
<i>Roman A. Komyagin</i>	
The genesis of legislation on combating illicit trafficking in tobacco and nicotine-containing products: regulatory framework. Part 1.....	160
<i>Dmitry A. Shemetov</i>	

The concept and significance of the thesaurus of criminal procedure evidence in the context of the development of digital technologies.....172

Yaroslava P. Ryapolova

The petition of a military unit as a condition for suspending criminal prosecution of a person participating in a special military operation.....182

Svetlana V. Sheveleva, Olga G. Mihailova

Autonomy of the head of the investigative body: concept and aspects of realization.....192

Felix O. Bochkovsky

HISTORICAL SCIENCES.....202

Original Articles

Ethnic composition of the urban population of the Chelyabinsk region based on the 1959 all-union census.....203

Vera A. Zhuravleva, Maria I. Miroshnichenko, Nadezhda P. Paletskikh

Transformation of land relations in the Russian village during the "black redistribution" period (1917–1918).....216

Andrei A. Kolupaev

Draft reforms of the zemstvo electoral system during the revision of the law on zemstvo institutions of 1864.....227

Alexander A. Sorokin

Traditions and modernization: The dynamics of agriculture in Adygea in 1924-1950.....246

Danil A. Kirin

"The Siberian North, Far and Mysterious": About the work of B.I. Lebedinsky and N.A. Andreev in studying the history of the development of Baikal Siberia and the Far North at the turn of the 19th and 20th centuries.....260

Vitaliy V. Tkachev

Implementation of the Kursk construction and reconstruction plan in the late 1960-s and early 1970-s 273

Iaroslav V. Masalev

The image of emperor Alexander III in criminal case materials concerning offenses against the imperial family.....286

Wang Hongyi

FOR AVTORS.....298

Российская правовая политика в сфере культуры через призму стратегических документов: постановка проблемы

Ю.Н. Полетыкина^{1✉}

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉e-mail: Kurskgolos@mail.ru

Резюме

Актуальность. Культура – неотъемлемый элемент любого общества, государства, неразрывно связанная с национальными интересами. В Российской Федерации культура в широком смысле этого слова не только представляет собой элемент российской идентичности, но и выступает объектом государственной охраны. С учетом современных вызовов и угроз, «отмены» российской культуры в ряде недружественных государств, необходимости более глубокого погружения в объективную правовую картину механизма реализации национальных интересов в сфере культуры в настоящее время назрела необходимость определения status quo национальной правовой политики в сфере культуры.

Цель состоит в уяснении значения российской правовой политики в сфере культуры на современном этапе развития российского государства.

Задачи исследования: установить состояние современной правовой политики в сфере культуры; определить место культуры в системе «национальный интерес – национальный приоритет»; оценить содержание стратегических документов в сфере государственной культурной политики.

Методология. В работе использовались в совокупности общенаучные (анализ, описание, интерпретация, системный анализ) и частнонаучные (формально-юридический, метод толкования правовых норм) методы. Основой исследования явился всеобщий диалектический метод научного познания.

Результаты исследования показали, что правовая политика в сфере культуры лишь частично отражается в стратегических документах. Отмечены негативные изменения их содержания, которые представляются непродуманными.

Вывод. Правовая политика в сфере культуры требует переосмысления и более интенсивного развития. Признание культуры в качестве стратегического национального приоритета несколько нивелирует ее значение для российской государственности и самоидентичности, несмотря на пристальное внимание со стороны государства и безусловный стратегический потенциал обеспечения национального суверенитета.

Ключевые слова: правовая политика; культура; государственная культурная политика; национальные интересы; национальные приоритеты.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Полетыкина Ю.Н. Российская правовая политика в сфере культуры через призму стратегических документов: постановка проблемы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 10–19. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-10-19>.

Поступила в редакцию 08.11.2025

Принята к публикации 02.12.2025

Опубликована 25.12.2025

Russian legal policy in the sphere of culture through the lens of strategic documents: problem statement

Yuliya N. Poletykina¹✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉e-mail: kurskgolos@mail.ru

Abstract

Relevance. Culture is an intrinsic element of any society and state, inextricably linked to national interests. Within the Russian Federation, culture in the broad sense constitutes not only a fundamental component of national identity but also an object of state protection. In light of contemporary challenges and threats, including the boycott and marginalization of Russian culture by a number of unfriendly states, alongside the imperative for a deeper analysis of the legal mechanisms for realizing national interests in the cultural domain, there is a pressing need to define the status quo of national legal policy in this sphere.

Purpose. This study aims to clarify the significance of Russian legal policy in the field of culture at the present stage of the state's development.

Objectives. The research objectives are: to ascertain the current state of legal policy in the sphere of culture; to determine the position of culture within the "national interest – national priority" framework; to evaluate the content of strategic documents pertaining to state cultural policy.

Methodology. The study employed a combination of general scientific methods (analysis, description, interpretation, systems analysis) and specific legal methods (formal-legal analysis, legal norm interpretation). The universal dialectical method of scientific cognition served as the foundational methodology.

Results. The analysis revealed that the current legal policy in the sphere of culture is only partially reflected in strategic documents. The research identified negative developments in their content, which appear to be poorly conceived and lack substantive justification.

Conclusion. Legal policy in the cultural sphere requires conceptual re-evaluation and more dynamic development. The formal recognition of culture as a strategic national priority, while indicative of state attention, inadvertently fails to capture its profound significance for Russian statehood and self-identity, thus underestimating its strategic potential for ensuring national sovereignty.

Keywords: legal policy; culture; state cultural policy; national interests; national priorities.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Poletykina Yu.N. Russian legal policy in the sphere of culture through the lens of strategic documents: problem statement. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(6):10–19. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-10-19>.

Received 08.11.2025

Accepted 02.12.2025

Published 25.12.2025

Введение

Обеспечение национального суверенитета правовыми средствами приобрело особое звучание в период беспрецедентных мер давления, оказываемых на Российскую Федерацию, на ее разные сферы жизнедеятельности. Провозглашены и активно обсуждаются финансовый, технологический, правовой суверенитеты.

Особое значение в этом перечне занимает культурный суверенитет. Культура – неотъемлемый элемент любого общества, государства. Культура неразрывно связана с национальными интересами, под которыми в научной литературе понимается «охраняемая законом совокупность объективных, целесообразных потребностей личности, общества и государства с

внутренне присущими национальными ценностями, исторически сложившейся, сплоченной, благодаря социально-межкультурным коммуникациям, и сформированной в государство социальной общности»¹. Культурная политика – это средство, с помощью которого государство может «управлять или регулировать допустимые выражения социальной и культурной идентичности» [1, с. 142].

В 2014 г. был принят Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики»² (далее – Основы ГКП). В ее развитие и в соответствии с провозглашенными целями, принципами и задачами в 2024 году была утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. № 2501-р Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года³ (далее – Стратегия ГКП). Все это обуславливает необходимость определения *status quo* национальной правовой политики в сфере культуры в настоящее время, с учетом современных вызов и угроз, «отмены» российской культуры в ряде недружественных государств, необходимости более глубокого погружения в объективную правовую картину механизма реализации национальных интересов в сфере культуры.

¹ Бидова Б.Б. Правовое обеспечение национальных интересов: общетеоретическое исследование концептуальных основ: дис. ... докт. юрид. наук. Грозный, 2021. С. 13.

² Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента РФ от 24 дек. 2014 г. № 808 : [ред. от 17.07.2025] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/ (дата обращения: 20.10.2025).

³ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: [утв. распоряжением Правительства РФ от 11 сент. 2024 г. № 2501-р : ред. от 06.09.2025] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_485830/ (дата обращения: 20.10.2025).

Методология

Основой проведения исследования являлся всеобщий диалектический метод научного познания, позволивший рассмотреть существующее положение правовой политики в сфере культуры, выявить определенные противоречия, содержащиеся в стратегических документах. Автор в целях получения достоверных результатов и выводов применял общенаучный метод анализа, эмпирические методы описания, интерпретации, позволившие оценить содержание основных стратегических документов в сфере культуры, сформулировать релевантные выводы. Системный метод использовался для структурирования и изложения материала. Формально-юридический метод и метод толкования правовых норм применялись при изучении содержания Основ государственной культурной политики, Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, Стратегии национальной безопасности.

Результаты и их обсуждение

Состояние современной правовой политики в сфере культуры

Культура в широком смысле этого слова представляет собой «совокупность общественных норм, ценностей, обычаев, традиций, искусства, языка, религии, технологий и других элементов, которые передаются из поколения в поколение и определяют способ жизни и взаимодействие людей в рамках определённого общества или сообщества»⁴. Это общее понятие культуры частично находит свое юридическое отражение в основах ГКП, согласно которым «культура – совокуп-

⁴ Виды и формы культуры // Сравни: [сайт]. URL: <https://edu.sravni.ru/ege-oge/info/obshchestvoznaniye-vidy-i-formy-kultury/> (дата обращения: 20.10.2025).

ность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т. д.)». Вместе с тем Основы законодательства Российской Федерации о культуре¹ (далее – ОЗК) не содержат в себе легального определения «культура» как объекта правового регулирования, охраны и защиты, что, как предварительно представляется, снижает потенциал правового регулирования сферы культуры.

Приоритет культуры заложен в Конституции Российской Федерации: в ст. 44 не только гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, но возлагается обязанность сохранять историческое и культурное наследие, беречь памятники истории и культуры. Конституционная обязанность детерминирует необходимость учета взаимных прав и обязанностей государства и гражданина в осуществляемой правовой политике в сфере культуры.

Правовая политика в общетеоретическом смысле представляет собой весьма интересный объект для исследования применительно к конкретной сфере. Систематизация научных работ, посвященных правовой (государственной)² политике, позволяет сделать вывод, что правовая политика – это неотъемлемый элемент *деятельности* (курсив наш. – Авт.)

¹ Основы законодательства Российской Федерации о культуре: [утв. Верховным Советом РФ 9 окт. 1992 г. № 3612-1; ред. от 24.06.2025] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (дата обращения: 20.10.2025).

² В научной литературе понятия «правовая политика» и «государственная политика» некоторыми авторами рассматриваются как синонимы, другими – как не тождественные.

государства и общества. Следует признать, что ведущие ученые, занимающиеся проблемами правовой политики как объекта научного познания, хоть и расходятся в содержательном наполнении общетеоретического понимания дефиниции «правовая политика» (например, Н.И. Матузов определяет правовую политику как «комплекс идей, мер, задач, целей, программ, установок, реализуемых в сфере действия права и посредством права, т. е. правовая политика – это область отношений, связей и интересов, охватываемых понятием “правовое пространство” и объективно нуждающихся в регулятивном опосредовании (упорядочивании) со стороны публичной власти, дабы гарантировать их от «просто случая и просто произвола» (К. Маркс) [2, с. 8], а А.В. Малько – как научно обоснованную, комплексную и последовательную «деятельность государства, индивидов, их объединений, включая все общество, по созданию и реализации стратегических правовых идей в целях формирования правовой государственности» [3, с. 6-7]), единодушны в том, что правовая политика – именно деятельность. Субъектный состав такой деятельности весьма обширен и, как представляется, зависит от сферы, в которой эта деятельность осуществляется³.

В зарубежной литературе отмечается, что «отношения между правом и культурой не должны определяться слишком строго, чтобы оставить гибкие категории, которые можно использовать для понимания общества» [1, с. 138]. С этим утверждением можно согласиться. Разрабатывая государственную политику в сфере культуры, следует помнить, что нормы права не всегда способны эффективно, особенно если они императивные, регулировать отношения в сфере культуры.

³ В настоящей работе вопрос о субъектном составе осуществления правовой политики не рассматривается, автор полагает, что он заслуживает самостоятельного изучения в рамках заявленной проблематики.

По утверждению К.А. Устиленцева, правовая политика – «наиболее релевантная форма государственного управленческого воздействия на общественные отношения... Лишь правовая политика как средство реализации государственного управленческого воздействия... позволяет достичь реализации публичных интересов» [4].

Государственная политика в сфере культуры в настоящее время переживает свой ренессанс. Интерес к культуре, как неотъемлемой части самоидентификации нашего государства в мировом сообществе, стал одним из мейнстримов деятельности всех органов власти. Как отмечается в Стратегии ГКП, государство является стратегическим инвестором культуры, но одновременно на государственном уровне признается, что «особенностью современного подхода к гуманитарной сфере является узковедомственный подход к культуре, а также отчасти утилитарное понимание культуры как сферы услуг... порождает более низкий общественный статус культуры». Этому вторит А.А. Мохов, который, в том числе со ссылкой на В.М. Солдатову, пишет, что «интерес общества и государства к сфере культуры, деятелям культуры, отдельным работникам культуры возрос в связи с началом специальной военной операции. До ее начала проблемы в сфере культуры, включая проблемы ее законодательного регулирования, были уделом узкого круга экспертов... На наш взгляд, время декларативных и рамочных федеральных законов, не подкрепленных рабочими правовыми средствами и механизмами как публично-правового, так и частного-правового характера, прошло» [5, с. 53]. С последним утверждением сложно не согласиться. Декларативность и расплывчатость формулировок, отсутствие единства в терминологии, а главное – отсутствие моделей правового регулирования отношений в сфере культуры, отвечающих запросам общества, влекут за собой состояние правовой неопределен-

ности, выражающейся в отсутствии эффективных правовых средств, могущих оказать должное влияние на развитие правовой политики в сфере культуры в целом.

В настоящее время понятие «правовая политика в сфере культуры» отсутствует. В рамках Российской Федерации действует государственная культурная политика, под которой понимается «деятельность, осуществляемая органами публичной власти при участии институтов гражданского общества, направленная на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей»¹. Как верно отмечает А.А. Мохов, «несмотря на позитивные изменения последних лет (наличие документов стратегического планирования, задающих вектор развития общественных отношений), с их реализацией сохраняется ряд проблем, обусловленных как инертностью правовой политики по отдельным направлениям, сферам деятельности, так и проблемами доктринального и иного характера» [6, с. 127]. Представляется, что правовая политика в сфере культуры заслуживает самостоятельного места с последующим отражением ее подходов в специальных законодательных актах, регулирующих отношения в сфере культуры. Перефразируя замечание, высказанное в зарубежной научной литературе, о том, что «роль культуры в устойчивом развитии обречена оставаться размытой и нечеткой до тех пор, пока не будет возможно дать определение культуре в целом или для контекста устойчивого развития в частности» [7], отметим, что роль правовой политики в сфере культуры в

¹ Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента РФ от 24 дек. 2014 г. № 808 : [ред. от 17.07.2025] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/ (дата обращения: 20.10.2025).

обеспечении культурного суверенитета обречена оставаться размытой, пока не будут определены ее цели, задачи, а главное – правовые механизмы реализации.

Национальные интересы, приоритеты и культура

Национальный интерес как правовая категория отражает «согласованное признание обществом и государством объективных потребностей их обоюдного (национального) развития. Главным в их осознании, формулировании, согласовании, формировании и реализации выступает право в качестве универсального регулятора общественных отношений, в основе которых лежат объективные потребности, принимающие в процессе экспликации форму интересов, а в правовом измерении – форму субъективных прав и обязанностей» [8, с. 4]. Согласно Указу Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»¹ (далее – Стратегия нацбезопасности), культура как объективное явление в качестве национального интереса не названа (п. 26)², но упоминается в качестве стратегического национального приоритета – «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры (курсив наш. – Авт.) и исторической памяти». Указанная стратегия, в отличие от ранее действующей³, в которой суще-

ствовал самостоятельный раздел «Культура», определявший стратегические цели обеспечения национальной безопасности в области культуры, основы общероссийской идентичности народов Российской Федерации, угрозы национальной безопасности в области культуры и пр. (п. 76-82) и прямо называющая «сохранение и развитие культуры» национальным интересом, упоминает о культуре в разделе «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти». Следует ли из этого, что культура перестала быть национальным интересом? Как представляется, из самостоятельного национального интереса по большей части она стала инструментом, которым они (национальные интересы. – Авт.) обеспечиваются. Такой вывод, в частности, позволяет сделать содержание раздела I Стратегии ГКП о том, что «утверждение приоритета культуры призвано обеспечить... защиту национальных интересов». Культуру средством обеспечения национальных интересов называет К.Е. Федотова [9]. В связи с этим возникает вопрос: должно ли государство при разработке правовой политики в сфере культуры рассматривать культуру как самостоятельный национальный интерес или смещать акценты в сторону обеспечения реализации национальных интересов при помощи культуры совокупностью соответствующих правовых средств (способов и методов правового регулирования), «направленных на создание условий для реального воплощения жизненно важных потребностей личности, общества и государства»? [10, с. 124] Сквозную оценку новациям Стратегии нацбезопасности дает С.И. Гирько, указывая, что «на смену “повышения качества жизни российских граждан, здравоохранения и культуры” пришли “сбережение народа России и развитие человеческого потенциала” и «защита традиционных россий-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Консультант-Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 20.10.2025).

² Предположительно, понятие «культура» в понимании данной стратегии поглощается таким национальным интересом, как «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 // Консультант-Плюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/>

document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 20.10.2025).

ских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти”» [11], однако напрямую в научной литературе о снижении уровня (ранга) культуры нигде не упоминается.

Вместе с тем в научных исследованиях упоминается о необходимости разработки и введения в нормативные правовые акты и стратегические документы понятия «культурная безопасность» в контексте безопасности или национальной безопасности. Е. Л. Щукина пишет, что культурная безопасность «один из важнейших факторов национальной безопасности, поскольку проблемы сохранения и трансляции национальных культурных ценностей в современном глобализирующемся мире приобретают все большую остроту и значимость», акцентируя, что «категория “культурная безопасность” лишь недавно становится востребованной проблемой в социально-гуманитарном знании» [12, с. 346]. Также выделяется культурная (духовно-культурная) безопасность, под которой предлагается понимать «состояние защищенности духовно-нравственных, культурно-исторических и религиозных основ жизни российского народа», а механизм ее обеспечения «усилить государственной защитой культурных прав и свобод человека в их традиционном понимании с соответствующими обязанностями государственных органов» [13]. А.А. Мохов пишет о «ментальной безопасности», подчеркивая необходимость качественно нового подхода к законодательству о культуре, которое «должно быть адекватным потребностям государства и общества, иметь широкую линейку правовых средств и механизмов (профилактических, превентивных, регулятивных, охранительных), обеспечивающих сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [14, с. 6]. Одновременно высказываются и сомнения относительно формирования понятия «культурная безопасность» как нового вида национальной

безопасности ввиду множественности определений «культура» [15]. Полагаем, что понятие «культурная безопасность» имеет право на существование, но его разработка, наполненность, внедрение в правовую материю требуют подготовки и в первую очередь теоретико-правовых исследований.

Оценка содержания стратегических документов в сфере государственной культурной политики

Основы ГКП, утвержденные еще в 2014 г., отразили главные направления государственной культурной политики, через призму которых культуру можно рассматривать как инструмент достижения общегосударственных целей и выполнение сопутствующих задач. В частности, государственная культурная политика обеспечивает «приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны, укрепление общероссийской гражданской идентичности, единства и сплоченности российского общества, повышение качества жизни в Российской Федерации». Вместе с тем декларируется, что культура возведена в ранг *национальных приоритетов* и признана *«важнейшим фактором роста* (курсив наш. – Авт.) *качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России*».

Легальное определение «стратегический национальный приоритет» дано в Стратегии нацбезопасности: важнейшие направления обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации. Под национальными интересами в ней понимаются объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии. В связи с этим сложно согласиться с заложенной в Стратегии нацбезопасности мыслью, что

культура – это национальный приоритет, хоть и стратегический, особенно в текущий период времени.

Структурно Основы ГКП включают в себя 8 разделов, в том числе цели, принципы, задачи государственной культурной политики. Отметим, что общей цели и / или задачи «в сфере культуры» Основы ГКП не содержат, ограничиваясь перечислением областей, которые должны, по-видимому, представлять наиболее значимые направления осуществления этой политики. Нисколько не умаляя значимости для общества всех перечисленных сфер, тем не менее полагаем, что концептуально отсутствие в основной цели указания именно на «культуру» является значительным недостатком содержания Основ ГКП.

Основы ГКП не предусматривают правового обеспечения реализации государственной культурной политики: ни в одном из разделов не закладывается необходимость создания непротиворечивой системы правового регулирования отношений в сфере культуры. Лишь в Стратегии ГКП отмечается, что одним из механизмов достижения целей и приоритетных направлений ее реализации является совершенствование законодательства, принятие иных мер нормативно-правового характера, направленных на повышение ресурсной базы реализации государственной культурной политики.

Внимательное изучение содержания основ ГКП, Стратегии ГКП и Стратегии национальной безопасности обращает внимание на попытку связать культуру и духовно-нравственные ценности таким образом, чтобы укрепить положение

культуры как инструмента. В частности, в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809, прямо указывается, что государственная политика в этой сфере реализуется в области культуры (п. 10), решение проблем в области сохранения и укрепления традиционных ценностей должно осуществляться путем совершенствования системы государственной поддержки проектов в области культуры с учетом целей государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей (п. 19).

Выводы

Оценка состояния правовой политики в сфере культуры через призму стратегических документов показывает острую необходимость в повышении внимания государства к ее разработке и скорейшему внедрению. Наличие как минимум трех стратегических документов в отношении охраны и защиты культуры не обеспечивают надлежащий уровень формирования правовой политики в рассмотренной сфере. Признание культуры в качестве стратегического национального приоритета несколько нивелирует ее значение для российской государственности и самоидентичности, несмотря на пристальное внимание со стороны государства и безусловный стратегический потенциал обеспечения национального суверенитета.

Список литературы

1. Lucero I.R. Culture through the state: Law and policy as a frame to culture // The Journal of Social Policy Studies. 2015. No. 13 (1). P. 137-148.
2. Матузов Н.М. Понятие и основные приоритеты российской правовой политики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1997. № 4 (219). С. 6-17.
3. Малько А.В., Солдаткина О.Л. Приоритеты российской правовой политики и изменения права в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 5-19. <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.9.1>.

4. Устиленцев К.А. К вопросу о социальной обусловленности правовой политики в сфере охраны и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей // *Философия права*. 2024. № 1 (108). С. 54-60.
5. Мохов А.А. Гражданско-правовые средства реализации государственной политики в сфере культуры // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2024. Т. 14, № 4. С. 51-60. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-51-60>.
6. Мохов А.А. Документы стратегического планирования и их значение для гражданского и семейного права России // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2025. Т. 15, № 4. С. 124-136. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-124-136>.
7. Plessis A. du, Rautenbach C. Legal perspectives on the role of culture in sustainable development // *Potchefstroom Electronic Law Journal*. 2010. Vol. 13, no. 1. URL: <https://ssrn.com/abstract=1612582> (дата обращения: 01.11.2025).
8. Беляев В.П., Бидова Б.Б., Беляева Г.С. Национальные интересы России. М.: Юрлитинформ, 2023. 296 с.
9. Федотова К.Е. Культура как средство обеспечения национальных интересов Российской Федерации // *Политика и Общество*. 2016. № 12 (144). С. 1630-1636.
10. Беляев В.П., Беляева Г.С. Понятие и структура механизма обеспечения реализации национальных интересов в современной России // *Вестник Владимирского юридического института*. 2022. № 1(62). С. 122-127.
11. Гирько С.И. Современные проблемы обеспечения национальных интересов и стратегических приоритетов Российской Федерации // *Труды Академии управления МВД России*. 2024. № 4. С. 33-42.
12. Щукина Е.Л. Культурная безопасность современной России как элемент национальной безопасности // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2015. № 3. С. 346-350.
13. Сабаева С.В. Права и свободы человека в Российской Федерации и их защита органами исполнительной власти в контексте духовно-культурной безопасности личности, общества и государства: мировоззренческий выбор // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019. № 6. С. 104-115.
14. Мохов А.А. Государственная политика в сфере культуры, направленная на обеспечение сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей: правовой взгляд // *Современное право*. 2024. № 6. С. 5-8.
15. Рожкова А.К., Кочеткова И.В. Правовые вопросы выделения новых видов национальной безопасности // *Правоприменение*. 2020. № 2. С. 67-72.

Reference

1. Lucero I.R. Culture through the state: law and policy as a frame to culture. *The Journal of Social Policy Studies*. 2015;(13):137-148.
2. Matuzov N.I. The Concept and main priorities of russian legal policy. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*. 1997;(4):6-17. (In Russ.)
3. Mal'ko A.V., Soldatkina O.L. Priorities of the russian legal policy and changes in law in the context of digitalization. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2019;(9):5-19. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.9.1>.
4. Ustilentsev K.A. On the issue of social conditionality of legal policy in the field of protection of traditional russian spiritual and moral values. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*. 2024;(1):54-60. (In Russ.)

5. Mokhov A.A. Civil law means of implementing state policy in the sphere of culture. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(4):51-60. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-51-60>.
6. Mokhov A.A. Strategic planning documents and their significance for the civil and family law of Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(4):124-136. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-124-136>.
7. Du Plessis A., Rautenbach C. Legal perspectives on the role of culture in sustainable development. *Potchefstroom Electronic Law Journal*. 2010;13(1). (In Russ.) Available from: <https://ssrn.com/abstract=1612582> (accessed 01.11.2025).
8. Belyaev V.P., Bidova B.B., Belyaeva G.S. National Interests of Russia. Moscow: Yurlitinform; 2023. 296 p. (In Russ.)
9. Fedotova K.E. Culture as a means of ensuring the national interests of the Russian Federation. *Politika i Obshchestvo = Politics and Society*. 2016;(12):1630-1636. (In Russ.)
10. Belyaev V.P., Belyaeva G.S. The concept and structure of the mechanism for ensuring the implementation of national interests in modern Russia. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*. 2022;(1):122-127. (In Russ.)
11. Gir'ko S.I. Modern problems of ensuring national interests and strategic priorities of the Russian Federation. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;(4):33-42. (In Russ.)
12. Shchukina E.L. Cultural security of modern Russia as an element of national security. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS = State and Municipal Management. Scholarly Notes of SKAGS*. 2015;(3):346-350. (In Russ.)
13. Sabaeva S.V. Human rights and freedoms in the Russian Federation and their protection by executive authorities in the context of spiritual and cultural security of the individual, society and the state: worldview choice. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2019;(6):104-115. (In Russ.)
14. Mokhov A.A. State policy in the sphere of culture aimed at ensuring the preservation and strengthening of traditional russian spiritual and moral values: a legal view. *Sovremennoe pravo = Modern Law*. 2024;(6):5-8. (In Russ.)
15. Rozhkova A.K., Kochetkova I.V. Legal issues of identifying new types of national security. *Pravoprimenenie = Law Enforcement*. 2020;(2):67-72. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Полетыкина Юлия Николаевна, соискатель,
Юго-Западный государственный университет,
г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kurskgolos@mail.ru,

Yuliya N. Poletykina, Applicant, Southwest State
University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kurskgolos@mail.ru,

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.6

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-20-31>

Нормы о побоях и истязании в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных: специфика законодательной регламентации и научного толкования

Д.Л. Фаизова^{1✉}¹Казанский юридический институт МВД России

ул. Магистральная, д. 35, г. Казань 420108, Российская Федерация

✉e-mail: faizova.27092000@mail.ru

Резюме

Актуальность. Проведенный анализ законодательства XIX века, в том числе механизмов дифференциации ответственности через разграничение деяний на преступления и проступки в сопоставлении с аналогичным разграничением их на преступления и административные правонарушения в Российской Федерации, приобретает особую значимость в свете современных правовых реформ. Особую актуальность изучению выделенных исторических аспектов придает осуществленная законодателем частичная декриминализация побоев, вновь остро поставившая вопрос о критериях разграничения уголовной и административной ответственности за насилие.

Цель: рассмотреть нормы Уголовного уложения 1845 года, его редакций 1866 и 1885 годов, а также Устава о наказаниях 1864 года, закрепляющие ответственность за побои и истязание не только в рамках правовых предписаний, но и в контексте их доктринального толкования.

Задачи: выявление и анализ составов побоев и истязания в Уложении о наказаниях и Уставе о наказаниях; определение характерных черт их квалификации; изучение спорных вопросов применения этих норм, отраженных не только в официальных актах толкования, но и через призму научных позиций ведущих правоведов XIX столетия.

Методология. Автор придерживался общенаучных (анализ, синтез, обобщение), частнонаучных, в том числе специально-юридических (историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический) методов познания.

Результаты. Норма об уголовной ответственности за истязание характеризовалась отсутствием конкретных признаков объективной стороны, что приводило к ее субъективному толкованию. Важным научным положением является доказательство исторической преемственности между дореволюционными подходами к дифференциации ответственности за побои и современными изменениями в законодательстве.

Выводы. В результате анализа Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, а также Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, определены сходства и различия, позволяющие проследить эволюцию развития уголовной ответственности за побои и истязание. Полученные результаты исследования обосновывают гипотезу о цикличности определенных моделей криминализации и декриминализации деяний.

Ключевые слова: побои; истязание; физические страдания; психические страдания; Уложение 1845 года; особая жестокость; мучение.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Фаизова Д.Л. Нормы о побоях и истязании в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных: специфика законодательной регламентации и научного толкования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 20–31. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-20-31>.

Поступила в редакцию 11.09.2025

Принята к публикации 31.10.2025

Опубликована 25.12.2025

Norms on beatings and torture in the Code of Criminal and Correctional Punishments: Specifics of legislative regulation and scientific interpretation

Diana L. Faizova¹✉

¹Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
35 Magistralnaya Str. Kazan 420108, Russian Federation

✉e-mail: faizova.27092000@mail.ru

Abstract

Relevance. The analysis of the legislation of the 19th century, including the mechanisms of differentiation of responsibility through the differentiation of acts into crimes and misdemeanors in comparison with their similar differentiation into crimes and administrative offenses in the Russian Federation, acquires special significance in the light of modern legal reforms. The partial decriminalization of beatings carried out by the legislator gives special relevance to the study of the highlighted historical aspects, which again sharply raised the question of the criteria for distinguishing criminal and administrative responsibility for violence.

Purpose: to consider the norms of the Criminal Code of 1845, its editions of 1866 and 1885, as well as the Statute on Punishments of 1864, which establish responsibility for beatings and torture not only within the framework of legal regulations, but also in the context of their doctrinal interpretation.

Objectives: at identifying and analyzing the components of beatings and torture in the Penal Code and the Statute of Punishments, determining the characteristic features of their qualifications; as studying controversial issues of the application of these norms, reflected not only in official acts of interpretation, but also through the prism of the scientific positions of leading jurists of the XIX century.

Methodology. The author adhered to general scientific (analysis, synthesis, generalization), private scientific, including special legal (historical-legal, comparative-legal, formal-legal) methods of cognition.

Results. The norm on criminal liability for torture was characterized by the absence of specific signs of the objective side, which led to its subjective interpretation. An important scientific position is to prove the historical continuity between pre-revolutionary approaches to the differentiation of responsibility for beatings and modern changes in legislation.

Conclusions. As a result of the analysis and comparison of these regulations, similarities and differences have been identified, allowing us to trace the evolution of criminal liability for beatings and torture. The results of the study substantiate the hypothesis of the cyclical nature of certain models of criminalization and decriminalization of acts.

Keywords: beatings; torture; physical suffering; mental suffering; the Code of 1845; special cruelty; torment.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Faizova D.L. Norms on beatings and torture in the Code of Criminal and Correctional Punishments: Specifics of legislative regulation and scientific interpretation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(6):20–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-20-31>.

Received 11.09.2025

Accepted 31.10.2025

Published 25.12.2025

Введение

В первой половине XIX в. российское законодательство представляло собой сочетание действующих и отменённых правовых норм, зачастую дублирующих или противоречащих друг другу. Такая правовая коллизия приводила к от-

сутствию единообразия в правоприменительной деятельности: разобраться в том, какие законы действуют в настоящее время, а какие утратили силу, могли лишь высококвалифицированные специалисты [1, с. 120]. Свод законов 1832 г. представлял собой соединение в одном акте положений всех периодов русской

законодательной деятельности. Он страдает отсутствием внутреннего единства, потому что, во-первых, общая часть уголовного закона не была изложена последовательно, и во-вторых, противоречивость сочетания в одном законодательном акте разных по строгости преступлений вызвала правовую неопределенность при вынесении судебных решений. Как отмечает А.Ф. Бернер, с одной стороны, в него была положена система устрашения Воинских артикулов, а с другой стороны – в нем проводилась противоположная этому идея Наказа Екатерины, стеснявшая судебскую совесть. Происходило постоянное отступление от правил Наказа Екатерины по причине применения жестоких статей Соборного уложения 1649 г. и Воинских артикулов Петра I¹.

В 1845 г. в Российской империи был утвержден первый масштабный систематизированный уголовный кодекс – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (далее – Уложение о наказаниях). Этот документ разделил нормативные положения на Общую и Особенную части. Однако Уложение о наказаниях сохраняло крепостническую идеологию, отличалось избыточной детализацией (казуистичностью) и громоздкостью из-за множества статей. Эти недостатки привели к неоднократным правкам: кодекс пересматривался в 1857, 1866 и 1885 гг. Уложение о наказаниях представляется важнейшим уголовно-правовым актом Российской империи. Его разработка стала закономерным результатом многовековой нормотворческой деятельности. От более ранних актов его отличает улучшенное качество законодательной техники, достигнутое благодаря систематизации норм и детализации формулировок.

Стоит отметить, что проблематика ответственности за побои и истязание в

контексте исторического развития разрабатывалась в научных изысканиях С.В. Расторопова [2], Ю.С. Пестеревой [3], Э.А. Багун [4], Н.Н. Кошелева [5] и др.

Ответственность за посягательства на здоровье человека предусматривалась законодателем в главе III «О нанесении увечья, ран и других повреждений здоровью» раздела X. Этот раздел был посвящен преступлениям против жизни, здоровья, свободы и чести граждан.

Методология

В процессе исследования применялись общенаучные (анализ, синтез, обобщение) и частнонаучные методы познания (историко-правовой метод, сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод). Путем применения историко-правового метода были определены особенности эволюции российского уголовного законодательства в сфере противодействия побоям и истязанию во второй половине XIX в. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления норм соответствующих нормативных актов и выявления тенденций в эволюции отечественного уголовного закона. Формально-юридический метод применялся для анализа внутренней структуры, содержания норм о побоях и истязании в разных редакциях Уложения о наказаниях. Он позволил выявить юридико-технические особенности и недостатки самих законодательных конструкций. Выводы исследования были сформулированы с помощью методов анализа, синтеза и обобщения. В качестве материалов исследования использовались современные научные публикации, а также труды правоведов XIX в., отражающие доктринальные подходы к интерпретации уголовного законодательства эпохи.

Результаты и их обсуждение

Несмотря на наличие схожих диспозиций уголовно-правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность за совершение побоев и истязания

¹ Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Часть общая. СПб.: Изд. Н. Неклюдова, 1865. С. 272.

в различных редакциях Уложения о наказаниях, необходимо рассмотреть ряд отличий, позволяющих проследить законодательные изменения в исследуемой области. В редакции 1845 г. Уложение содержало 21 статью, связанную с нанесением увечий, ран и иных повреждений здоровью.

В ст. 1960 Уложения о наказаниях 1845 г. была закреплена ответственность за причинение кому-либо с умыслом тяжких, подвергающих жизнь опасности, побоев или иных истязаний и мучений. Квалифицированные виды этого преступления регулировались другими статьями: ст. 1961 (если в результате побоев, истязаний или иных мучений появятся увечья или тяжкие раны, а также смерть), ст. 1962 (если побои, истязания, мучения совершены в отношении беременной женщины), ст. 1963 (если побои нанесены отцу или матери: наказание возвышается в три степени, или родственнику по восходящей линии: наказание возвышается в две степени). Что касается наказаний за нанесение тяжких побоев или иных истязаний и мучений, отметим, что за их совершение виновного лишали прав и преимуществ и могли приговорить либо к ссылке от двух до трех лет (в Иркутскую или Енисейскую губернии) или до четырех лет (в Томскую или Тобольскую губернии), либо к наказанию розгами с отдачей в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на срок от четырех до десяти лет.

Считаем важным отметить, что в разделе 11 «О преступлениях прав семейственных» в отделении 3 «О злоупотреблении прав и нарушении обязанностей супружества» законодатель употребил термин «жестокое обращение» в отношении жены или мужа: наказание, как указано в санкции ст. 2075, возвышается в две степени, по сравнению с санкцией за тяжкие побои, подвергающие жизнь опасности (ст. 1960)¹.

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Соств. Е. И. В. канцелярии, 1845. С. 763.

По нашему мнению, введение специальной нормы с повышенным наказанием демонстрирует стремление законодателя ужесточить санкции за насилие в семье. Однако в этой статье защита распространялась только на супругов, игнорируя иные формы семейного насилия (например, в отношении детей или других родственников). Данный пробел частично преодолевался в ст. 1963 Уложения, где закрепляется повышенное наказание за нанесение побоев, совершение истязаний и причинение мучений в отношении родителей, а также родственников по восходящей линии.

По ст. 2075 для христиан дополнительно предусматривалось церковное покаяние, что указывает на синтез правовых и религиозно-нравственных механизмов воздействия. Подобная мера не только выполняла карательную функцию, но и подчеркивала моральную недопустимость насилия, трактуя его как нарушение духовных основ общества. Церковное покаяние, как санкция, носило конфессиональный характер, что нарушало принцип равенства перед законом для представителей иных религий.

Одновременно с этим оскорблением признавалось нанесение кому-либо личной обиды, ударом или иным оскорбительным для него действием, а также нанесение тяжких побоев, не подвергающих жизнь обиженного опасности (ст. 2008 Уложения о наказаниях 1845 г.). Удар или иное оскорбительное действие влекло за собой заключение в тюрьму на срок от трех месяцев до одного года, тогда как в санкции за побои, не представляющие опасности, прибавлялось еще одно альтернативное наказание – заключение в смиренный дом на срок от одного года до двух лет, с лишением некоторых прав и преимуществ.

Реформы Александра II (1860–1870-х гг.) оказали глубокое и комплексное влияние на Уложение о наказаниях, приведя к значительным изменениям в его структуре и содержании. Хотя само Уложение не было полностью заменено

новым кодексом до 1903 г., оно подверглось масштабным пересмотрам под влиянием новых принципов и реалий.

Указ от 17 апреля 1863 г. «О некоторых изменениях...» внес радикальные ограничения в применении телесных наказаний. Законодательно отменялись плети, клеймение, шпицрутены. Кроме того, запрещались телесные наказания для женщин всех сословий (исключая ссыльных) и солдат (исключая штрафных). Единственными разрешёнными видами телесного воздействия остались розги и наложение оков [6, с. 247]. Вступление в силу Указа от 17 апреля 1863 г. потребовало масштабного пересмотра более 500 статей Уложения о наказаниях 1845 г.

Одним из кардинальных направлений изменений стало исключение в 1864 г. малозначительных преступлений и проступков из Уложения о наказаниях и перемещение некоторых из них в Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (далее – Устав о наказаниях), который формировался на основе нескольких источников: самого Уложения о наказаниях и норм различных ведомственных актов (например, строительного, почтового уставов). Санкции по Уставу о наказаниях предусматривали арест (до 3 мес.), заключение в работный дом (до 1 года) или штраф (до 300 руб.). Его введение потребовало пересмотра Уложения о наказаниях: новое издание 1866 г. содержало уже 1711 статей (вместо 2304). Российский уголовный закон был частично разгружен благодаря формированию института мирового судопроизводства и обособления административно-полицейского законодательства [7, с. 195].

Согласно Уложению о наказаниях в редакциях 1866 и 1885 гг., побои также подразделялись на два типа: тяжкие, угрожающие жизни (ст. 1489, 1490, 1492), и тяжкие, но не опасные для жизни (ст. 1533, 1534)¹. К телесным поврежде-

ниям относились исключительно побои первой категории. Второй тип, не представляющий угрозы для жизни, законодательство квалифицировало как «непосредственные личные оскорбления (обида действием)», исключая их из разряда телесных повреждений [8, с. 167–168]. Обоснование отнесения второго типа побоев к преступлениям против чести, как отмечает В.С. Снегирев, содержится не в науке. Грань между побоями как повреждениями и побоями как обидой действием, равно как и сама необходимость такого разделения коренится не в теоретических построениях, а в конкретных условиях общественной жизни. Именно уровень гражданского развития общества, который находит своё отражение в законодательных нормах, определяет как основания для этого разграничения, так и его практическое воплощение [9, с.12].

Количество наказаний в санкции ст. 1489 (тяжкие побои, угрожающие жизни) в сравнении с редакцией 1845 г. существенно уменьшилось: в соответствии с принятым указом от 17 апреля 1863 г. были исключены телесные наказания (розгами). Действующими оставались лишь лишение прав, ссылка в Сибирь или отдача в исправительные арестантские отделения. Смягчение наказаний прослеживается и в ст. 1533 Уложения о наказаниях. По сравнению с редакцией 1845 г. за нанесение побоев, не представляющих угрозу для жизни обиженного, предусматривались следующие виды: заключение в смиренный дом на срок от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев (в редакции 1845 г. – от одного года до двух лет), заключение в тюрьму на срок от двух до восьми месяцев (в редакции 1845 года – от трех месяцев до одного года).

Уложение о наказаниях не предусматривало отдельной категории для лег-

¹ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. СПб.: Тип.

М. Стасюлевича, 1876. С. 567, 588; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб.: Изд. Н.С. Таганцева, 1889. С. 584, 606, 607.

ких побоев. Однако такие действия всё же признавались противозаконными, но регулировались не самим Уложением, а Уставом о наказаниях (ст. 142)¹. Они не должны были влечь за собой угрозу жизни, а также не должны были иметь своей целью оскорбить или оказать презрение к личности. Для квалификации по данной статье виновный мог совершить насилие либо воспрепятствовать что-либо сделать потерпевшему: сюда подпадают действия как ради самоуправного мщения, так и простое применение насилия. Судебные решения, утвержденные сенатом, демонстрируют, какие действия подпадают под те или иные признаки ст. 142 Устава о наказаниях. Так, под простое насилие подпадают случаи побоев, ударов палкой по шее (дело Чулкова 1867–597), нанесение хозяином своему служителю удара палкой по голове (дело Мартянова 1869–107), битье и таскание за волосы (дело Спешнева 1871–887), вырывание из рук пьющего стакана с недопитым вином (дело Соловьева 1868–290) и др.² Тогда как примером самоуправного мщения является нанесение побоев оскорбителю как самовольная расправа (дело Курныгина 1870–999)³.

Таким образом, все формы физического насилия охватывались законом, но классифицировались и наказывались через разные правовые источники в зависимости от тяжести деяния.

Историческая преемственность между реформой 1864 г. (перенос малозначительных преступлений и проступков в

Устав о наказаниях) и частичной декриминализацией побоев в РФ в 2016 г. (ст. 6.1.1 КоАП РФ) демонстрирует общую закономерность дифференциации ответственности за побои исходя из степени общественной опасности.

Оба исторических этапа отражают стремление законодателя сократить объём дел, подпадающих под юрисдикцию уголовных судов от незначительных деяний, сосредоточившись на иных, более общественно опасных преступлениях. В 1864 г. лёгкое насилие, в том числе побои без вреда здоровью (не угрожающие жизни и совершенные не с целью оскорбления), были перенесены из Уложения в Устав о наказаниях (ст. 142). Тяжкие побои, угрожающие жизни, остались в Уложении о наказаниях. Аналогично, реформа 2016 г. перенесла основной состав побоев (без квалифицирующих признаков) из УК РФ в КоАП РФ. Уголовная ответственность сохранена лишь для побоев при наличии двух альтернативно выраженных признаков, характеризующих мотив (хулиганский или ненависти и вражды) либо при совершении их с публичной демонстрацией. Таким образом, определяемая ключевая закономерность – выделение малозначительного, неопасного насилия в административную сферу регулирования (или специальные уставы в XIX в.) с упрощённой процедурой разрешения дел, при сохранении ответственности за совершение общественно опасных форм насилия.

Определение побоев законодательно не было предусмотрено. В уголовно-правовой доктрине выделилось два подхода в понимании побоев: как непосредственного действия и как последствия определенных действий. В качестве действия побои выделяет П.П. Пусторослев, отмечая, что Уложение ставит побои в один разряд с насильственными действиями (ст. 1464), с истязаниями и мучениями (ст. 1489; 1490), и употребляет все эти термины с той целью, чтобы охарактеризовать образ действий преступника, а не

¹ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1867. С. 33.

² Алфавитный указатель вопросов, разрешенных уголовным кассационным и общим собранием кассационных департаментов Правительствующего Сената, 1866–1876. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1878. С. 372.

³ Таганцев Н.С. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: с доп. по 1 янв. 1879 г. 2-е изд., перераб. СПб.: Тип. М. Стасюлевича. СПб., 1879. С. 199–201.

последствия, обусловленные этим образом действий для жертвы преступления. Последствия же эти могут быть разнообразны: смерть (1464; 1490), опасность смерти (1489), увечья, тяжкие раны, повреждение умственных способностей (1490) и т. д. [10, с. 42]

Второго подхода придерживаются В.С. Снегирев [9, с. 20], И.Я. Фойницкий [11, с. 79], С.В. Познышев [12, с. 87]. Так, В.С. Снегирев определяет их как повреждения, причиняемые ударом твердого тупого орудия, все равно, будет ли это орудие действовать на поверхность тела, или само тело вследствие толчка ударится об него. И.Я. Фойницкий основывается на определении в грамматическом смысле побоев как действия, наравне с истязанием и мучениями, а в юридическом понимании как результат действия по отношению к потерпевшему.

Понятия истязания и мучений изначально не получили четкого законодательного определения, хотя их содержание было сформировано в ходе правоприменительной практики и развито в рамках уголовно-правовой доктрины. Ввиду того, что истязание являлось категорией юридической, а не медицинской, наличие в действиях лица признаков истязания устанавливалось судом, а не в результате проведения судебно-медицинской экспертизы¹.

Н.С. Таганцев понимает под истязанием такое посягательство на личность, которое сопровождалось мучением и жестокостью². Однако любое физическое насилие, по сути, влечет за собой физические страдания. Ввиду этого Правительствующий сенат разъяснил, что для признания побоев или других насильственных действий истязаниями необхо-

димо, чтобы они представляли собой высшую и гораздо более продолжительную степень страдания, нежели при обыкновенном насилии и побоях, и что их нанесение сопровождалось особой жестокостью со стороны подсудимого³. Данное дополнение дано для того, чтобы судебные органы не трактовали любое, даже незначительное проявление жестокости и мучения как истязание [13, с. 558].

В связи с чем признаками истязания можно выделить: особую жестокость как признак субъекта преступления, продолжительность или неоднократное повторение насилия, мучительность как признак объекта преступления [14, с. 10]. Следует отметить, что особых внешних повреждений на теле потерпевшего, свидетельствующих о совершенных в отношении него продолжительных истязаний, может и не быть. Например, длительное лишение пищи (на 10 дней) не приведет к существенным повреждениям тела человека, однако будет приводить к истощению организма, что в длительной перспективе может создавать опасность для жизни и здоровья потерпевшего.

Уложение устанавливало уголовную ответственность за истязание в двух аспектах: во-первых, как за самостоятельное преступление (ст. 1489–1492), а во-вторых, в качестве отягчающего обстоятельства, повышающего общественную опасность других деяний. Последнее положение было закреплено в ряде норм различных разделов Уложения о наказаниях, включая ст. 354, 378, 478, 1453, 1477, 1479, 1526 и 1542⁴.

Изначально Кассационный сенат разъяснил, что выражение «подвергаю-

¹ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. М.: Юрид. лит., 1988. С. 375.

² См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб.: Изд. Н.С. Таганцева, 1889. С. 581.

³ Алфавитный указатель вопросов, разрешенных уголовным кассационным и общим собранием кассационных департаментов Правительствующего Сената, 1878–1893. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1895. С. 38.

⁴ Вениаминов В.Г. Уголовная ответственность за побои и истязание: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 34.

щих жизнь опасности», закрепленное в диспозиции уголовно-правовой нормы, не относится к истязаниям и мучениям. Данное обстоятельство вытекает из того, что если считать подходящими под ст. 1489 только истязания и мучения, угрожающие опасностью жизни, то другие истязания и мучения оставались бы ненаказуемыми¹. Однако в дальнейшем точка зрения Сената по данному вопросу изменилась на прямо противоположную.

Его итоговую позицию поддерживал И.Я. Фойницкий: «По наказуемости и условиям истязание и мучения сравнимы с тяжкими, опасными для жизни, побоями» [11, с. 81]. Аналогичной позиции придерживался А.В. Лохвицкий, утверждая, что истязание само по себе заключает идею о тяжком страдании, подвергаящем жизнь опасности. Например, оставление без обеда невозможно назвать легким мучением, поскольку это вызывает противоречие коренному значению самого слова «мучения», предполагающему тяжкое страдание [13, с. 560]. Истязания и мучения, не представляющие угрозы для жизни, должны квалифицироваться как «иные повреждения», упомянутые в ст. 1483, если они повлекли за собой более или менее продолжительное расстройство здоровья, в остальных случаях – как насилие по ст. 142 Устава о наказаниях, либо могут быть отнесены к категории реальных обид, в зависимости от характера и последствий деяния [12, с. 88].

Н.А. Неклюдов отмечал: «...ст. 1489 говорит лишь о тех истязаниях и мучениях, кои подвергают опасности жизнь истязуемого». Он указывал на ошибочность квалификации случая сечения розгами по ст. 1489. По его мнению, такие действия должны быть отнесены к ст. 1533, регу-

лирующей побой, не создающие угрозы для жизни. Он подчёркивал, что форма насилия (будь то 40 ударов розгами или 40 ударов кулаками) не имеет принципиального значения, если итоговые последствия для потерпевшего идентичны [15, с. 198, 200].

Стоит отметить, что правоприменительную практику того времени в решении данного вопроса можно назвать достаточно непоследовательной. То же самое сечение в одних делах признавалось истязаниями, а в других суд присяжных приходил к решению об отсутствии состава истязания в действиях виновного. Например, в 1872 г. в делах № 491, 1054, 1228 сечение розгами и кнутом, совершившееся один раз, признано истязанием², а в 1875 г. по делу Борвика сечение женщины по приказанию сельского старосты признано истязанием, сечение же ремнями по приказанию хозяина не признано истязанием (1876 г. № 22) [16, с. 80].

Первоначального же толкования Сената придерживался Н.С. Таганцев, утверждая, что «закон вовсе не требует, чтобы эти мучения и жестокости подвергали опасности жизнь и здоровье потерпевшего». Его позицию поддерживает И.С. Курилов: к истязанию не относится слово тяжкие, т. к. закон не знает разделения истязания на тяжкие и нетяжкие. Единственная ст. 1489 только и предусматривала истязание как самостоятельное преступление, тогда как побои могут быть: тяжкие, подвергающие жизнь опасности (1489); тяжкие, не подвергающие жизнь опасности (1533), и оскорбления действием [16, с. 87].

В целом стоит согласиться с отсутствием в рамках уголовно-правовой доктрины единого мнения относительно соотношения истязания и мучений с опас-

¹ См.: Алфавитный указатель вопросов, разрешенных уголовным кассационным и общим собранием кассационных департаментов Правительствующего Сената, 1866-1876. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1878. С. 189.

² Алфавитный указатель вопросов, разрешенных уголовным кассационным и общим собранием кассационных департаментов Правительствующего Сената, 1866-1876. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1878. С. 190.

ностью для жизни потерпевшего, а правоприменительную практику в решении данного вопроса непоследовательной.

Согласно ст. 1489, истязания и мучения могли быть квалифицированы как преступление только при наличии умысла, при этом конкретные цели виновного не влияли на правовую оценку деяния. Единого мнения по данному вопросу в уголовно-правовой доктрине не сложилось. Н.С. Таганцев, анализируя данную норму, подчёркивал, что для квалификации ключевым критерием выступает особая жестокость действий, независимо от того, причинили ли они физический вред здоровью потерпевшего или какие мотивы (намерения, цели) лежали в основе преступления¹.

И.С. Курилов же определяет, что побои и истязание – это способы причинить вред здоровью человека. Различие заключается в цели осуществления этих действий. Истязание, по его мнению, имеет целью что-либо выпытать или получить. И.С. Курилов определяет его как пытку с целью к чему-нибудь принудить. Только тогда можно назвать истязанием действия преступника, когда он, убивая или нанося увечья, получил в мучительных страданиях своей жертвы удовлетворение своей жестокости [16, с. 86].

Н.А. Неклюдов, сопоставляя истязание и пытку, подчеркивал их сходство, однако отмечал, что пытка всегда преследует цель добиться признания в чем-либо, тогда как истязание выступает проявлением жестокости, злобы или мести.

Соглашаясь с указанным мнением, отметим, что, во-первых, на законодательном уровне пытки были запрещены Указом императора Александра I от 27 сентября 1801 г. «Об уничтожении пыток, кои велено истребить из памяти народной...», еще до принятия Уложения о наказаниях 1845 г. [17, с. 147] Во-вторых, запрет пытки был во многом

обусловлен получившим резонанс делом в Казани, когда невинный под пыткой оговорил себя и был казнен. Пытка рассматривалась как средство, применяемое во время допроса на этапе предварительного следствия [18]. Это подтверждается и положениями самого Указа, где отмечено: «...ни исполнять никаких истязаний под страхом неминуемого и строгого наказания...».

Таким образом, разграничение пытки и истязания в правовой доктрине XIX в. базировалось на цели деяния: пытка – инструмент принуждения к признанию при даче показаний, истязание – акт жестокости, что отразилось в законодательном запрете пыток как антигуманного метода следствия.

Истязание и мучение, исходя из трактовок законодательных актов и научной литературы, тесно связано с причинением физических страданий. Современная трактовка истязания сводится не только к причинению физического насилия, но и подразумевает психическое воздействие на потерпевшего. С точки зрения буквального толкования норм уголовного закона Уложение о наказаниях не рассматривало истязание и мучение как способ причинения психических страданий. Однако в ст. 1490 Уложения о наказаниях редакций 1866, 1885 гг. побои и истязание могли повлечь повреждение умственных способностей, что косвенно указывает на криминализацию законодателем причинения психического вреда личности.

Кроме того, представители различных научных школ рассуждали о возможности такой уголовно-правовой квалификации. Так, А.В. Лохвицкий отмечал, что «мучения могут состоять и в моральных страданиях, например, в постоянных упреках, оскорблениях. Они бывают так значительны, что сводят в могилу. Но этого рода факты недоступны действию уголовного закона, как они ни возмутительны, и под мучениями в Уложении надобно разуметь только физиче-

¹ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб.: Изд. Н.С. Таганцева, 1889. С. 584.

ские страдания, причиняемые материальными причинами» [13, с. 557–558].

В.С. Снигирев обращает внимание на то, что Уложение (ст. 1490), признавая повреждение умственных способностей возможным следствием «мучений», тем самым указывает на недопустимость сведения причин такого вреда исключительно к физическому воздействию: «...этим оно даёт понять, что оно не принимает его исключительно как последствие только материальных средств, но и нравственных» [9, с. 22].

Выводы

Подводя итог, следует подчеркнуть, что Уложение 1845 г. впервые в истории российского права выделило истязание в самостоятельный состав преступления против личности. Однако отсутствие четких признаков объективной стороны этого деяния, казуистичность формулировок (в частности, ст. 1489), а также наличие смежных норм с пересекающимися признаками привели к противоречивости судебной практики: статья применялась либо чрезмерно расширительно, либо, напротив, неоправданно ограничительно. Несмотря на эти недостатки юридической техники, сама криминализация истязания стимулировала научные дискуссии – не только в доктрине уголовного права, но и на государственном уровне (разъяснения Правительствующего сената) начали разрабатываться такие понятия, как «физические страдания» и «му-

чения», уточнялись их временные параметры, способы причинения и связь с последствиями для потерпевшего. Кроме этого, научная мысль уже в тот период выходила за рамки буквального толкования норм: правоведы признавали, что преступления, включая истязание, могли посягать не только на физическое здоровье, но и на психическое состояние потерпевшего. Таким образом, даже при формальной связи совершения истязания с физическими страданиями доктринальная дискуссия XIX в. заложила основы для понимания комплексного характера вреда, включающего психическое воздействие, что актуально для современного уголовного права.

Относительно соотношения пыток и истязания отметим, что запрет пыток в Российской империи был законодательно закреплен Указом Александра I (1801 г.) задолго до Уложения 1845 г. Тем самым прослеживается разграничение пытки и истязания: первые применялись для принуждения при даче показаний, а вторые являлись проявлением жестокости.

Отсутствие достаточной степени общественной опасности лежит в основе частичной декриминализации побоев. Историческая преемственность этого подхода видна как в реформе 1864 г. (когда малозначительные проступки были переведены в сферу административно-полицейского законодательства), так и в результате изменений законодательства, проведенных в 2016 г. (ст. 6.1.1 КоАП РФ).

Список литературы

1. Кевбрина О.Б. Историко-юридическая характеристика Свода законов Российской империи 1832 г. // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 4(42). С. 119-122.
2. Расторопов С.В. Уголовное законодательство об ответственности за причинение вреда здоровью человека. Сравнительный анализ Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовного уложения 1903 г. // Закон и право. 2004. № 8. С. 68-72.
3. Пестерева Ю.С. Уголовная ответственность за истязание по Уголовному уложению 1845 г. // Уголовный закон: проблемы теоретического моделирования и правоприменения: материалы Международной научно-практической конференции. Омск: Омск. юрид. акад., 2009. С. 53-57.
4. Багун Э.А. Побой в системе преступлений против здоровья: история, современность, перспективы уголовно-правового регулирования // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2020. № 4. С. 65-71.

5. Кошелев Н.Н. Царское уголовное законодательство об ответственности за причинение вреда здоровью человека: побои и истязание // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 1-2 (47-48). С. 63-67.
6. Вяхирева Г.Д. Телесные наказания в России: проблемы периодизации существования // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 2(7). С. 241-248.
7. Дудырев Ф.Ф. Разработка и принятие уголовного уложения 1903 г. // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 4 (12). С. 193-198.
8. Анциферов К.Д. Сборник статей и заметок по уголовному праву и судопроизводству: к учению о побоях по действующему русскому праву. СПб.: Гос. тип., 1898. 587 с.
9. Снигирев В.С. Учение о несмертельных повреждениях, по русским законам. СПб.: Имп. Акад. наук, 1869. 46 с.
10. Пусторослев П.П. Русское уголовное право: Особенная часть. Юрьев: Тип К. Маттисена, 1913. 414 с.
11. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Часть особенная: Посягательства на личность и имущество. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1893. 440 с.
12. Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права: Сравнительный очерк важнейших отделений особенной части старого и нового уложений. М.: Унив. тип., 1905. 408 с.
13. Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. СПб.: Скоропечатня Ю.О. Шредера, 1871. 704 с.
14. Ивановский Н.П. Разделение несмертельных повреждений по ныне действующему уложению о наказаниях. Ярославль: Типо-литогр. Г. Фальк, 1905. 14 с.
15. Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Преступления против личности. Т. 1. СПб.: Тип. П.П. Меркурьева, 1876. 543 с.
16. Курилов И.С. Об истязаниях // Юридический вестник. 1881. № 5. С. 74-88.
17. Бардеев К.А. История применения и запрета пытки в уголовном законодательстве России // Теория и практика общественного развития. 2023. № 2(180). С. 145-148.
18. Упоров И.В., Хоконова М.Р. Уголовный процесс в Российской империи в конце XVIII – первой трети XIX веков: основные тенденции законодательного развития // Аллея науки. 2018. № 1 (17). С. 335-342.

References

1. Kevbrina O.B. Historical and legal characteristics of the Code of Laws of the Russian Empire of 1832. *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii = Bulletin of the Russian University of Cooperation*. 2020;(4):119-122. (In Russ.)
2. Rastoropov S.V. Criminal legislation on liability for harm to human health. Comparative analysis of the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 and the Criminal Code of 1903. *Zakon i pravo = Law and Pravo*. 2004;(8):68-72. (In Russ.)
3. Pestereva Yu.S. Criminal liability for torture under the Criminal Code of 1845. In: *Ugolovnyj zakon: problemy teoreticheskogo modelirovaniya i pravoprimereniya: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Criminal law: problems of theoretical modeling and law enforcement: proceedings of the International scientific and practical conference*. Omsk: Omsk jurid. acad.; 2009. P. 53-57. (In Russ.)
4. Bagun E.A. Beatings in the system of crimes against health: history, modernity, prospects of criminal law regulation. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii = Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy*. 2020;(4):65-71. (In Russ.)
5. Koshelev N.N. Tsarist criminal legislation on liability for harm to human health: beatings and torture. *Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki = Actual issues of education and science*. 2015;(1-2):63-67. (In Russ.)
6. Vyahireva G.D. Corporal punishment in Russia: problems of periodization of existence. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*. 2008;(2):241-248. (In Russ.)

7. Dudyrev F.F. Development and adoption of the Criminal Code of 1903. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Russian Journal of Economics and Law*. 2009;(4):193-198. (In Russ.)
8. Antsiferov K.D. Collection of articles and notes on criminal law and judicial proceedings: towards the doctrine of beatings under current Russian law. Saint Petersburg: Gos. tip.; 1898. 587 p. (In Russ.)
9. Snigirev V.S. The doctrine of non-fatal injuries, according to Russian laws. Saint Petersburg: Tip. Imp. akad. nauk; 1869. 46 p. (In Russ.)
10. Pustoroslev P.P. Russian criminal law: A special part. Yuriev: Tip. K. Mattisena; 1913. 414 p. (In Russ.)
11. Foynitsky I.Ya. The course of criminal law: Part of the special: Encroachments on personality and property. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha; 1893. 440 p. (In Russ.)
12. Poznyshev S.V. A special part of Russian criminal law: A comparative sketch of the most important branches of the special part of the old and new codes. Moscow: Univ. tip; 1905. 408 p. (In Russ.)
13. Lokhvitsky A.V. The course of Russian criminal law. St. Petersburg: Skoropechatnya Y.O. Schroedera; 1871. 704 p. (In Russ.)
14. Ivanovskiy N.P. Division of non-fatal injuries according to the current Penal Code. Yaroslavl: Tipo-litogr. G. Falk, 1905. 14 p. (In Russ.)
15. Neklyudov N.A. A guide to a special part of Russian criminal law. Crimes against the person. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. P.P. Merkuryeva; 1876. 543 p. (In Russ.)
16. Kurilov I.S. About the torture. *Yuridicheskij vestnik = Legal Bulletin*. 1881;(5):74-88. (In Russ.)
17. Bardeev K.A. The history of the use and prohibition of torture in the criminal legislation of Russia. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2023;(2):145-148. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.2.20>.
18. Uporov I.V., Hokonova M.R. Criminal procedure in the Russian Empire at the end of the XVIII – first third of the XIX centuries: the main trends of legislative development. *Alleya nauki = Alley of Science*. 2018;(1):335-342. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Фаизова Диана Ленаровна, адъюнкт кафедры уголовного права, Казанский юридический институт МВД России, г. Казань, Российская Федерация,
e-mail: faizova.27092000@mail.ru

Diana L. Faizova, Adjunct of the Department of Criminal Law, Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russian Federation,
e-mail: faizova.27092000@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 342.22(470.67)"1936/1937"(09)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-32-42>**Развитие правового статуса Дагестанской АССР в рамках общесоюзной конституционной реформы 1936–1937 годов****Д.Г. Халилова¹ **¹Дагестанский государственный университет

ул. М. Гаджиева, д. 43А, г. Махачкала 367000, Российская Федерация

✉e-mail: dghalilova@mail.ru

Резюме

Актуальность. Системный историко-правовой анализ развития правового статуса автономных республик в советский период представляет значительный научный и практический интерес для современной России. Его проведение способствует углублению теоретических основ российского федерализма и выработке конкретных рекомендаций по оптимизации государственного управления.

Изучение процессов становления республик, их статуса, начиная с советского периода, позволяет выявить преемственность конституционно-правовых моделей и проследить их влияние на современное региональное нормотворчество.

Цель исследования состоит в историко-правовом анализе развития правового статуса Дагестанской АССР в 1936–1937 годы.

Задачи: изучение развития правового статуса Дагестанской АССР в рамках советской федеративной системы в указанный период, характеристика принципиальных различий в конституционно-правовом положении союзных и автономных республик, определение объема законодательных и управленческих полномочий автономных республик.

Методология. В статье используется комплекс общенаучных и специально-юридических методов исследования. Историко-правовой характер статьи обусловил применение методов историко-сравнительного и сравнительно-правового анализа.

Исследование рассматриваемой проблемы осуществлялось на основе применения системного подхода и принципа историзма.

Результаты исследования имеют практическую значимость, направлены на оптимизацию законодательного регулирования, укрепление основ конституционной безопасности и обеспечение гармонизации интересов полиэтнического населения Российской Федерации. Исследование данной проблемы формирует предпосылки для устойчивого и поступательного развития федерализма в России.

Выводы. Обращение к историко-правовому опыту конституционного оформления статуса автономных республик в советский период дает ценный аналитический инструментарий для понимания современных вызовов и тенденций в развитии российского федерализма. Отмечается, что политико-правовой статус Дагестанской АССР, при всей его внешней формальной определённости, на практике был интегрирован в единую общегосударственную систему с безусловным верховенством союзного центра.

Ключевые слова: правовой статус; Конституция; автономия; преемственность; национально-государственное устройство; государство; республика.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Халилова Д.Г. Развитие правового статуса Дагестанской АССР в рамках общесоюзной конституционной реформы 1936–1937 годов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 32–42. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-32-42>.

Поступила в редакцию 01.11.2025

Принята к публикации 01.12.2025

Опубликована 25.12.2025

Development of the legal status of the Daghestan ASSR within the framework of the all-union constitutional reform of 1936–1937

Dzhamilya G. Khalilova¹ 

¹Dagestan State University
43A M. Gadzhieva Str., Makhachkala 367000, Russian Federation

✉e-mail: dghalilova@mail.ru

Abstract

Relevance. A systematic historical and legal analysis of the development of the legal status of autonomous republics during the Soviet period is of significant scientific and practical interest for modern Russia. Its implementation contributes to deepening the theoretical foundations of Russian federalism and developing specific recommendations for optimizing state governance.

Studying the processes of formation of republics, their status starting from the Soviet period allows identifying continuity in constitutional and legal models and tracing their impact on current regional law-making.

The purpose of this study is a historical and legal analysis of the development of the legal status of the Daghestan ASSR in 1936–1937.

Objectives: to study the development of the legal status of the Daghestan ASSR within the Soviet federal system during the specified period, characterization of fundamental differences in the constitutional and legal position of union and autonomous republics, determination of the scope of legislative and administrative powers of autonomous republics.

Methodology. The article employs a set of general scientific and special legal research methods. The historical and legal nature of the article necessitated the use of methods of historical-comparative and comparative legal analysis.

The study of the problem in question was carried out on the basis of a systematic approach and the principle of historicism.

The results of the study has practical significance, aimed at optimizing legislative regulation, strengthening the foundations of constitutional security and ensuring harmonization of interests of multiethnic population in the Russian Federation. The study of this problem creates prerequisites for sustainable and steady development of federalism in Russia.

Conclusions. Referring to the historical and legal experience of constitutional regulation of the status of autonomous republics in the Soviet period provides a valuable analytical toolkit for understanding modern challenges and trends in the development of Russian federalism. It is noted that the political and legal status of the Daghestan ASSR, despite its apparent formal clarity, was in practice integrated into a unified all-state system with unconditional supremacy of the union center.

Keywords: Legal Status; Constitution; autonomy; continuity; national-state structure; state; republic.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation. Khalilova D.G. Development of the legal status of the Daghestan ASSR within the framework of the all-union constitutional reform of 1936–1937. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(6):32–42. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-32-42>.

Received 01.11.2025

Accepted 01.12.2025

Published 25.12.2025

Введение

В современной России проблема развития правового статуса республик, входящих в ее состав, сохраняет фунда-

ментальную значимость. Ее осмысление имеет важное значение для дальнейшего укрепления российской государственности и совершенствования федеративных отношений. Комплексный историко-

правовой анализ эволюции правового статуса республик в составе РСФСР и СССР позволяет выявить историческую обусловленность и «правовые корни» текущего статуса республик в составе Российской Федерации.

Правовая конструкция – Автономная Советская Социалистическая Республика (АССР) – стала важным этапом в формировании национально-государственного устройства России. Следует согласиться с тем, что «преемственность государственности в историко-правовом ракурсе носит объективно-закономерный характер, который выражается в сохранении, передаче и поддержании народами эндогенных типических черт социально-политической и культурно-правовой традиции, что проявляется в скреплении целостных связей между различными формами организации общества» [1, с. 79]. Многие из ныне существующих республик Российской Федерации являются правопреемниками прежних советских автономий. Их административные границы, правовые традиции и практики взаимодействия с федеральным центром уходят корнями в советский период. Изучение данного вопроса способствует пониманию природы конституционных коллизий, возникших после распада СССР. Это придает исследованию данной проблемы не только теоретическую, но и практическую значимость для оптимизации федеративных отношений и устойчивого развития страны. Как справедливо отмечает И.А. Исаев: «...общество нуждается в прошлом в целях самоопределения. ...Обращение к прошлому позволяет извлекать из него элементы собственного представления о себе, находить точки опоры для своих надежд и целей» [2, с. 5].

Методология

Специфика рассматриваемой проблемы обусловила необходимость использования комплекса общенаучных и специально-юридических методов исследования. Историко-правовой характер

статьи определил применение методов историко-сравнительного и сравнительно-правового анализа.

Указанные научные подходы позволили выявить общее и особенное в развитии правового статуса Дагестанской АССР в 1936–1937 гг., а также изучить советские конституционные нормы указанного периода для того, чтобы понять особенности этих правовых явлений и тенденции их развития.

Изучение обозначенной проблемы потребовало применения системного подхода, который дал возможность рассмотреть автономную республику как компонент многоуровневой политико-правовой конструкции, включающей общесоюзный (СССР), республиканский (РСФСР) и региональный (АССР) уровни. Это позволило выявить иерархические взаимосвязи, где преобразования на вышестоящем уровне определяли правовой статус нижестоящих. На основе данного подхода показано, что конституционные реформы общесоюзного масштаба, связанные с принятием Конституции СССР 1936 г., выступали первичным детерминирующим фактором. Они задавали нормативный вектор и обязательные рамки для последующего преобразования законодательства РСФСР и её автономий. Таким образом, развитие конституционных основ Дагестанской АССР в рассматриваемый период предстаёт как прямое следствие и конкретизация этих общесоюзных установок.

Применение принципа историзма как методологического инструмента позволило проанализировать конституционные преобразования в контексте конкретной исторической эпохи. Такой подход предполагает изучение реформ в их органичной связи с социально-политическими условиями соответствующего периода. Это даёт возможность интерпретировать правовой статус Дагестанской АССР не как статичного образования, а как динамичный феномен, сформировавшийся на определённом этапе

развития национально-государственного устройства СССР.

Результаты и их обсуждение

Как известно, к середине 1930-х гг. в СССР завершился процесс масштабных преобразований, официально ознаменовавший построение основ социализма. Это создало предпосылки для разработки нового Основного закона страны, который был принят 5 декабря 1936 г. и закрепил новый этап в развитии Советского государства.

В ст. 1 Конституции СССР 1936 г. было сформулировано положение о том, что СССР представляет собой социалистическое государство рабочих и крестьян. Вопросы национально-государственного строительства в Конституции решались на прежних принципах, но на качественно новом уровне. В главе II Конституции была дана характеристика Союза ССР как единого союзного государства, основанного на принципах добровольности объединения и равенства входящих в него советских социалистических республик. Важной гарантией добровольности являлось закреплённое за каждой союзной республикой право свободного выхода из состава СССР (ст. 17). Данная норма, имевшая в большей степени идеологическое и декларативное значение, подчёркивала теоретическую основу Союза ССР как свободного союза суверенных наций.

К 1936 г. структура СССР претерпела значительные изменения, что было отражено в новой Конституции. За период с 1924 по 1936 г. произошло существенное расширение численного состава Союза ССР: количество союзных республик увеличилось с первоначальных 4 до 11. Параллельно развивалась и система автономий: некоторые автономные области были преобразованы в автономные советские социалистические республики, что означало повышение их политико-административного статуса в рамках союзных республик. Эти преобразования

свидетельствовали о проводимой политике государственного строительства наций и усложнении административно-территориального устройства страны.

В этот период в русле обновления конституционной системы произошли заметные изменения в правовом статусе автономной республики. Конституция СССР 1936 г. перечислила автономные республики в составе РСФСР (ст. 22). Было закреплено непосредственное представительство автономных республик в высшем органе государственной власти СССР – Верховном Совете СССР. Так, ст. 35 Конституции СССР устанавливала, что «Совет Национальностей избирается гражданами СССР по союзным и автономным республикам, автономным областям и национальным округам по норме: по 25 депутатов от каждой союзной республики, по 11 депутатов от каждой автономной республики, по 5 депутатов от каждой автономной области и по одному депутату от каждого национального округа»¹. Этот правовой механизм позволял автономным республикам напрямую, минуя уровень союзной республики, участвовать в решении общесоюзных вопросов, что формально усиливало их влияние в общегосударственных делах.

Конституция 1936 г. закрепляла статус автономных республик в главе VII. Важнейшим элементом их правового статуса, закреплённым в ст. 92, стало наличие собственной конституции. Высшим органом власти в АССР провозглашался Верховный Совет, который формировал подчиненные ему институты – Президиум Верховного Совета и Совет Народных Комиссаров АССР. Следует подчеркнуть, что конституционное закрепление собственной системы государственной власти завершало оформление автономной республики как субъекта советской федеративной системы.

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: [принята 5 декабря 1936 г.]. Л.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С. 11.

Автономная республика в советской государственной-правовой системе рассматривалась как высшая форма автономии. В отечественной юридической науке того периода доминировала доктрина, согласно которой советская автономия представляла собой государственную-правовую форму разрешения национального вопроса и способ реализации права наций на самоопределение в рамках единого союзного государства.

При этом в научной литературе само понятие «автономия» трактовалось по-разному. Среди множества теоретических подходов советских исследователей выделяется определение, сформулированное Ю.Ю. Юнусовым. Проанализировав существующие трактовки, он предложил следующее определение этого термина применительно к советскому государственному устройству: «Советская автономия – это одна из форм реализации в нашей стране права наций на самоопределение, представляющая собой внутреннее самоуправление народа определенных территорий, отличающихся национальным составом населения и особыми хозяйственными, бытовыми и прочими условиями, в составе суверенного государства в пределах, определяемых государственной властью союзной республики» [3, с. 19]. Следовательно, советская автономия являлась формой внутреннего самоопределения, ее полномочия определялись верховной властью союзной республики и были обусловлены спецификой конкретной территории.

В условиях советского государственного строя отдельные демократические принципы, закреплённые в конституциях, носили декларативный характер, что предопределяло их формальное применение. «Это обуславливалось господством однопартийной диктатуры и монистической идеологии, отсутствием реальной свободы в экономической и иных видах деятельности» [4, с. 11].

Несмотря на это, теоретико-концептуальная составляющая советского кон-

ституционного опыта сохраняет значительную научную ценность, оказав заметное влияние на мировую конституционную практику. Как подчёркивает Т.Я. Хабриева: «...создатели зарубежных конституций после Второй мировой войны верно увидели в социалистическом опыте конституционного строительства рациональное зерно и, отсекая тоталитарную сущность, использовали некоторые подходы и формы для иного по существу конституционного регулирования» [5, с. 6].

Важным этапом в развитии государственности РСФСР стало принятие новой Конституции 21 января 1937 г. на XVII Всероссийском чрезвычайном съезде Советов. Данный документ, принятый в развитие норм общесоюзной Конституции СССР 1936 г., детализировал правовой статус автономных республик в составе РСФСР.

В соответствии со ст. 20 новой Конституции РСФСР, за каждой автономной республикой закреплялось право иметь собственную конституцию, «учитывающую особенности Автономной республики и построенную в полном соответствии с Конституцией РСФСР и Конституцией СССР»¹. В рамках государственного-правового устройства РСФСР конституировался принцип верховенства федерального законодательства по отношению к правовым актам автономных республик. Данный принцип находил своё нормативное закрепление в особом порядке введения в действие основных законов (конституций) этих национально-государственных образований, которые приобретали юридическую силу исключительно после процедуры их ратификации Верховным Советом РСФСР.

Фактически законодательная компетенция автономных республик была существенно ограничена, что детерминировало её декларативный характер. В част-

¹ Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. М.: Юрид. изд-во НКЮ Союза ССР, 1937. С. 15.

ности, республиканские органы власти были законодательно лишены прерогативы на приостановление или опротестование нормативных актов, исходящих от общесоюзных органов власти РСФСР. Кроме того, в их исключительное ведение не входили вопросы осуществления амнистии и помилования, что являлось прерогативой высших федеральных инстанций. Совокупность указанных правовых ограничений объективно свидетельствовала о производном и подчинённом характере их государственно-правового статуса в составе РСФСР. «Республиканские законы принимались путем почти дословного заимствования общесоюзных и общероссийских законов» [6, с. 52].

Принятие Конституций автономных республик, в том числе и Дагестанской АССР в 1937 г., стало закономерным и завершающим этапом масштабной конституционной реформы в СССР, связанной с принятием Конституции СССР 1936 г. и Конституции РСФСР 1937 г. Разработка Основного Закона Дагестана осуществлялась в русле унификации государственно-правового устройства и, вместе с тем, предусматривала адаптацию базовых конституционных принципов к специфическим социально-экономическим, национальным и историко-культурным реалиям многонационального региона [7].

Непосредственная работа над проектом Основного Закона велась в тесном взаимодействии с федеральным центром под руководством Президиума ВЦИК, что гарантировало идеологическое и юридическое единство. Для её осуществления «Президиум ЦИК ДАССР 5 июля 1936 г. образовал конституционную комиссию в составе 36 человек под председательством Н. Самурского, которой было поручено подготовить проект Конституции Дагестана, с учетом особенностей республики и в полном соответствии с новой Конституцией РСФСР» [8, с. 184].

Важной задачей комиссии стало гармоничное сочетание унифицирован-

ных общесоюзных норм с положениями, отражающими уникальность полиэтнического и поликонфессионального Дагестана. Существенным аспектом этой работы стало конституционное регулирование языковой политики, где наиболее ярко проявился учёт местной специфики.

Конституционная комиссия проделала значительную работу по редактированию и совершенствованию первоначального текста документа. Так, была изъята статья, гарантировавшая национальностям право на участие в государственном управлении, поскольку её содержание сочли отражённым в ст. 90 проекта. Также была исключена статья о равноправии языков. Причиной послужило то, что соответствующий принцип, хотя и не в полном объеме, получил отражение в ст. 78 подготовленного документа. Изъятию подверглась статья, фиксировавшая факт образования Дагестанской АССР 13 ноября 1920 г., поскольку она носила характер исторической справки. Вместо этого комиссия предложила принять отдельное постановление съезда о признании указанной даты всенародным праздником. Поправки редакционного и содержательного характера, направленные на конкретизацию полномочий государственных органов, были применены к тридцати восьми статьям проекта.

После одобрения Президиумом ЦИК ДАССР в апреле 1937 г. проект был вынесен на рассмотрение Чрезвычайного XI Вседагестанского съезда Советов. Опубликованный проект стал предметом широкого общественного обсуждения, в ходе которого поступили сотни предложений.

10 июня 1937 г. возобновивший работу съезд Советов детально обсудил проект Конституции. Для редактирования текста Основного Закона была избрана редакционная комиссия, которая представила окончательный проект на утверждение съезда. 12 июня 1937 г. съезд утвердил окончательный текст Консти-

туции, что стало завершающим этапом конституционной реформы в республике.

Принятие новой Конституции Дагестанской АССР ознаменовало переход к новой системе организации государственной власти, в связи с чем XI Вседagестанский съезд Советов стал последним съездом Советов в истории республики. «В числе конституций других автономных республик Российской Федерации она была утверждена 2 июня 1940 г. третьей сессией Верховного Совета РСФСР» [3, с. 54]. Основной Закон Дагестанской АССР был разработан в соответствии с базовыми принципами Конституции СССР 1936 г. и Конституции РСФСР 1937 г., что предопределило его производный и во многом унифицированный характер в рамках единого правового пространства страны. Вместе с тем в нём нашли отражение некоторые специфические особенности региона.

В соответствии со ст. 1 Основного Закона, Дагестанская АССР провозглашалась социалистическим государством рабочих и крестьян. Эта доктринальная формулировка, идентичная общесоюзной, закрепляла политическую природу республики и подчёркивала особенности её правового статуса, связанные с факторами исторического и национального характера.

В советской юридической науке автономные республики обычно рассматривались в качестве субъекта РСФСР. Признание автономных республик (АССР) в качестве государств в составе РСФСР рассматривалось в качестве главного признака для определения РСФСР как федерации. В частности, как отмечает А.М. Халилов, «государственно-правовая природа автономных республик неразрывно связана с федеративным государственным устройством РСФСР. Признание автономных республик государствами означает в то же время признание федеративной природы РСФСР. Отрицание того, что АССР является государством, означает отрицание федеративного ха-

рактера РСФСР» [9, с. 100]. Данный подход устанавливал логическую взаимосвязь: факт существования субъектов, обладающих признаками государства, непосредственно конституировал федеративный характер союзной республики. Следовательно, федерализм РСФСР получал свою легитимацию через правовой статус её составных частей – автономных республик, что составляло главный признак её государственного устройства.

Важнейшим аспектом, разграничивавшим конституционно-правовой статус союзной и автономной республики, являлось право свободного выхода из состава СССР. Общесоюзная Конституция 1936 г. закрепляла за союзными республиками право сепарации, в то время как Дагестанская АССР, будучи субъектом не Союза, а РСФСР, подобной прерогативы была лишена.

Дагестанская АССР обладала признаками, характеризующими ее как советское социалистическое государство, которые заключались в наличии: «1. Конституции Дагестанской АССР. 2. Высших органов государственной власти и государственного управления. 3. Системы законодательства. 4. Верховного суда Дагестанской АССР. 4. Собственного гражданства. 5. Территориального верховенства» [3, с. 66–67]. Ко всем этим признакам необходимо добавить, что Дагестанская АССР имела герб, флаг и столицу. Особенностью АССР как государства являлся её несuverенный характер.

Конституция Дагестанской АССР закрепила статус республики как автономной. В соответствии со ст. 13 Конституции, ДАССР входила в состав РСФСР на правах автономной республики. Вне пределов ст. 14 Конституции СССР и ст. 19 Конституции РСФСР республика осуществляла государственную власть на автономных началах [10]. Регламентация положения об осуществлении государственной власти в Дагестанской АССР на автономных началах была лишена необходимой чёткости. Отсутствовала яс-

ность относительно того, в какой степени республика могла самостоятельно реализовывать права в пределах своей компетенции. Кроме того, понятие «автономные начала», использовавшееся для описания правового статуса Дагестанской АССР, применялось и к автономным областям и национальным округам, что ещё больше размывало его содержательное значение. «Фактически “автономные начала” при осуществлении государственной власти оказались прикрытием отсутствия самостоятельности республик в процессе осуществления государственной власти» [6, с. 52].

Важнейшей составляющей правового статуса автономной республики являлось законодательное определение сфер ее самостоятельного регулирования и полномочий, делегированных федеральным центром. В ст. 18 Конституции Дагестанской АССР 1937 г. был закреплён перечень вопросов, находящихся в ведении республики.

Согласно положениям новой Конституции ДАССР 1937 г., произошло снижение правового статуса республики в сравнении с ранее действовавшими основными законами. Существенным изменением стало упразднение разделения наркоматов на объединённые и необъединённые (автономные). В результате все народные комиссариаты Дагестанской АССР перешли в прямое подчинение соответствующим наркоматам РСФСР, что означало утрату республикой самостоятельности в руководстве сферами государственного управления. Таким образом, республиканская компетенция в сферах государственного руководства была существенно ограничена, что свидетельствовало об усилении унитаристских начал в государственном устройстве.

Конституции автономных республик 1937 г., как отмечает О.Е. Кутафин, «более четко, чем их предшественницы, определяли государственно-правовые институты, регулировали более широкий

круг общественных отношений» [11, с. 200]. Так, Основной Закон Дагестанской АССР 1937 г. детально регламентировал структуру и компетенцию органов государственной власти. В соответствии с Конституцией высшим органом государственной власти республики являлся Верховный Совет ДАССР. Он являлся единственным законодательным органом республики. Важным институтом, обеспечивавшим функционирование государственной власти в периоды между сессиями Верховного Совета, являлся его Президиум. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Дагестана являлся Совет Народных Комиссаров ДАССР (с 1946 г. – Совет Министров). В республике функционировало 12 наркоматов. В Дагестане была установлена единая система судов, построенная применительно к административно-территориальному делению.

В феврале 1938 г. прошла пятая сессия Центрального исполнительного комитета Дагестанской АССР X созыва, которая была созвана «специально для обсуждения и принятия проекта Положения о выборах в Верховный Совет ДАССР» [12, с. 122]. По итогам всестороннего рассмотрения сессией было принято решение об утверждении данного Положения.

С учетом полиэтнического состава республики важное значение имела ст. 78 Конституции ДАССР, согласно которой судопроизводство в ДАССР велось на русском или на языке большинства населения конкретной местности, с обеспечением права полного ознакомления с материалами дела на родном языке через переводчика [10, л. 21]. Данная конституционная норма не только обеспечивала доступ к правосудию для нерусскоязычного населения, но и подчеркивала государственное признание культурно-языкового многообразия республики в рамках общесоюзной правовой системы.

Важным аспектом правового статуса являлось полномочие республики иметь

свое гражданство. Каждый гражданин ДАССР одновременно признавался гражданином РСФСР и СССР (ст. 17). Это подчеркивало многоуровневый характер советской федеративной системы. Как указывает Б.Л. Железнов, гражданство автономной республики «представляло собой политико-правовой институт, обеспечивавший реализацию власти АССР в сфере отношений между государством и личностью» [13, с. 58].

Вопросы административно-территориального устройства автономных республик находились в ведении Верховного Совета РСФСР. Важным правовым основанием обеспечения территориальной целостности Дагестанской АССР выступала норма ст. 15 Конституции республики, в соответствии с которой границы автономной республики не могли быть изменены без её согласия. «Практически все изменения территории производились путем взаимной договоренности заинтересованных республик, с последующим утверждением этого соглашения вышестоящими органами государственной власти» [14, с. 159]. Конституция ДАССР 1937 г. утвердила новое деление республики на 39 районов и два города республиканского подчинения – Махачкалу и Дербент. «В отличие от окружного деления районирование территории республики в общих чертах больше соответствовало историческим реалиям региона» [15, с. 26]. Вскоре произошли изменения административно-территориальных границ. Согласно имеющимся данным: «Постановлением ВЦИК от 22 февраля

1938 г. Ачикулакский, Каясулинский, Кизлярский и Шелковский районы были переданы из Дагестанской АССР в состав Орджоникидзевского края» [16, с. 152-153].

Выводы

Конституционная реформа 1936–1937 гг., юридически оформившая статус Дагестана как автономной советской социалистической республики в составе РСФСР, закрепила его положение в качестве субъекта советской федерации. Новый конституционный каркас закрепил за Дагестанской АССР ряд признаков государства: собственная территория, верховные органы власти, законодательство и гражданство. Вместе с тем эти институциональные признаки носили подчиненный, производный характер.

Реальная политическая практика демонстрировала ограниченный объем административно-управленческой самостоятельности республики. Функционирование её автономии детерминировалось принципами централизованной партийно-государственной модели, в рамках которой ключевые властные полномочия были сосредоточены в общесоюзных и республиканских (РСФСР) структурах, а механизмом их реализации служила вертикаль КПСС. Следовательно, политико-правовой статус Дагестанской АССР, при всей его внешней формальной определённости, на практике был интегрирован в единую общегосударственную систему с доминирующей ролью центра.

Список литературы

1. Тонков Е.Е., Абдуллаев М.Н. Преемственность государственности: сущность явления в историко-правовом ракурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 1 (56). С. 77-84.
2. Исаев И.А. Ретроспективы Нового времени: образцы государственности и Новый Рим // История государства и права. 2025. № 4. С. 2-10.
3. Юнусов Ю.Ю. Дагестанская АССР – советское социалистическое государство. Махачкала: Тип. Дагестанского филиала АН СССР, 1970. 181 с.
4. Витрук Н.В. Верность Конституции. 2-е изд. М.: РГУП, 2016. 272 с.
5. Хабриева Т.Я. Конституционные модели и основные этапы конституционного развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2005. Вып. 1. С. 3-9.

6. Халилов А.М., Гамзатов Я.Б. Государственное устройство России и правовой статус Дагестана. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1998. 116 с.
7. Халилова Д.Г. Дагестан в составе России: эволюция государственного устройства и права (1860 г. – нач. XXI в.): монография. Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2014. 190 с.
8. Казанбиев М.А. Создание и укрепление национальной государственности народов Дагестана. Махачкала: Тип. Дагестанского филиала АН СССР, 1970. 383 с.
9. Халилов А.М. РСФСР – социалистическое федеративное государство. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967. 138 с.
10. ЦГА РД (Центральный государственный архив Республики Дагестан). Ф. 37-р. Оп. 19. Д. 370. Л. 6.
11. Кутафин О.Е. Избранные труды: в 7 т. Т. 5. Российская автономия: монография. М.: Проспект, 2011. 768 с.
12. Казанбиев М.А. Очерки истории советского строительства в Дагестанской АССР (1921–1937 гг.). Махачкала: Тип. Дагестанского филиала АН СССР, 1965. 124 с.
13. Железнов Б.Л. Конституционно-правовые институты автономных республик в советский период // Вестник экономики, права и социологии. 2008. № 4. С. 54-67.
14. Труженикова Л.А. Развитие государственных отношений в Дагестане после принятия Конституции 1937 года // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2006. № 4 (17). С. 156-164.
15. Абдуллаев М.Н. Административно-территориальное устройство Дагестанской АССР в 1920–1930-х годах // Вестник Дагестанского государственного университета. 2013. Вып. 2. С. 24-27.
16. Мирзабеков М.Я. Образование Дагестанской АССР и ее политическое развитие в 20-е – 30-е годы XX в. // Актуальные проблемы развития государственности народов Кавказа: материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием). Махачкала: АЛЕФ, 2013. С. 146-153.

References

1. Tonkov E.E., Abdullayev M.N. The continuity of statehood: the essence of the phenomenon in a historical and legal perspective. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Vestnik of Voronezh State University. Series: Law*. 2024;(1):77-84. (In Russ.)
2. Isaev I.A. Retrospectives of the New time: models of statehood and the New Rome. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*. 2025;(4):2-10. (In Russ.)
3. Yunusov Yu.Yu. The Dagestan ASSR – a soviet socialist state. Makhachkala: Tip. Dagestanskogo filiala AN SSSR; 1970. 181 p. (In Russ.)
4. Vitruk N.V. Fidelity to the Constitution. 2nd ed. Moscow: RGUP; 2016. 272 p. (In Russ.)
5. Khabrieva T.Ya. Constitutional models and the main stages of constitutional development. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2005;(1):3-9. (In Russ.)
6. Khalilov A.M., Gamzatov Ya.B. The state structure of russia and the legal status of Daghestan. Makhachkala: IPTs DGU; 1998. 116 p. (In Russ.)
7. Khalilova D.G. Dagestan as part of Russia: The evolution of the state structure and law (1860 – early XXI century). Makhachkala: ALEF (IP Ovchinnikov M.A.); 2014. 190 p. (In Russ.)
8. Kazanбиеv M.A. The creation and strengthening of the National Statehood of the peoples of Daghestan. Makhachkala: Tip. Dagestanskogo filiala AN SSSR; 1970. 383 p. (In Russ.)
9. Khalilov A.M. The RSFSR – a socialist federative state. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta; 1967. 138 p. (In Russ.)
10. GGARI (Central State Archive of the Republic of Daghestan). F. 37-r. Op. 19. D. 370. L. 6. (In Russ.)
11. Kutaфин O.E. Selected works. Vol. 5. Russian autonomy. Moscow: Prospekt; 2011. 768 p. (In Russ.)

12. Kazanbiev M.A. Essays on the history of soviet state-building in the Daghestan ASSR (1921–1937). Makhachkala: Tip. Dagestanskogo filiala AN SSSR; 1965. 124 p. (In Russ.)
13. Zheleznov B.L. Constitutional and legal institutions of autonomous republics in the soviet period. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* = *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2008;(4):54-67. (In Russ.)
14. Truzhenikova L.A. The development of state relations in Daghestan after the adoption of the 1937 Constitution. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* = *Vestnik of Saratov State Technical University*. 2006;(4):156-164. (In Russ.)
15. Abdullaev M.N. Administrative and territorial structure of the Daghestan ASSR in the 1920s–1930s. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Vestnik of Daghestan State University*. 2013;(2):24-27. (In Russ.)
16. Mirzabekov M.Ya. The formation of the Dagestan ASSR and its political development in the 20s – 30s of the XX century. In: *Aktual'nye problemy razvitiya gosudarstvennosti narodov Kavkaza: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem)* = *Actual problems of the development of statehood of the peoples of the caucasus: materials of the All-Russian scientific conference (with international participation)*. Makhachkala: ALEF; 2013. P. 146-153. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Халилова Джамиля Гаджибутаевна, соискатель, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация, e-mail: dghalilova@mail.ru

Dzhamilya G. Khalilova, Applicant, Daghestan State University, Makhachkala, Russian Federation, e-mail: dghalilova@mail.ru

Онлайн-урегулирование споров, возникающих из правоотношений с участием потребителей: российская и зарубежная практика

В.Р. Бабенкова¹, А.Н. Сурков¹, А.П. Фоков²

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

² Пекинский университет
Ихэюань Роуд, 5, район Хайдянь, Пекин 100871, Китайская Народная Республика

✉ e-mail: viktorina.babenkova@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Категория онлайн-споров приобретает особое значение в условиях фактического саморегулирования отношений, возникающих при заключении договоров в цифровой среде. Проблема неэффективности традиционного порядка разрешения массовых потребительских споров в электронной коммерции до настоящего времени не имеет своего разрешения. В России становление системы онлайн-разрешения споров находится в самом начале, в связи с чем сравнение законодательных подходов и практик разрешения споров на таких платформах, как Taobao, Wildberries и в онлайн-суде представляется актуальным и практически значимым.

Целью является установление правовых особенностей системы онлайн-урегулирования споров с участием потребителей, возникающих при приобретении товаров (услуг) на маркетплейсах в России и зарубежных странах и выработка рекомендаций по ее совершенствованию.

Задачи включают: определение современного состояния и правовой основы ODR в России; выявление передового опыта Китайской Народной Республики на примере платформы Таобао, проведение сравнения моделей онлайн-урегулирования споров и формулирование рекомендаций по развитию рассматриваемого направления.

Методология. Статья выполнена на основе диалектического метода познания, а также методов анализа, описания, обобщения, формально-юридического, системного, сравнительно-правового методов.

Результаты. Определено, что российская система ODR характеризуется фрагментарностью, отсутствием единого законодательного регулирования и недостаточной эффективностью внутренних процедур маркетплейсов. Выявлены особенности успешных зарубежных моделей, включая технологизацию, стандартизацию процедур и вовлечение пользовательского сообщества.

Вывод. Необходимо создание государственного онлайн-сервиса-коммулятора, обеспечение независимости арбитража и преодоление системных барьеров для развития ODR. Только комплексный подход позволит создать эффективный механизм защиты прав потребителей в цифровой среде.

Ключевые слова: онлайн-урегулирование споров; маркетплейс; онлайн-платформа; защита прав потребителей.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Бабенкова В.Р., Сурков А.Н., Фоков А.П. Онлайн-урегулирование споров, возникающих из правоотношений с участием потребителей: российская и зарубежная практика // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 43–53. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-43-53>.

Поступила в редакцию 03.11.2025

Принята к публикации 01.12.2025

Опубликована 25.12.2025

© Бабенкова В.Р., Сурков А.Н., Фоков А.П., 2025

Online dispute resolution arising from legal relationships involving consumers: Russian and foreign practice

Victoria R. Babenkova^{1✉}, Alexander N. Surkov¹, Anatoly P. Fokov²

¹ Southwest State University

50 Let Oktyabrya Str 94, Kursk 305040, Russian Federation;

²Peking University

5 Yiheyuan Road, Haidian District, Beijing 100871, People's Republic of China

✉e-mail: viktoria.babenkova@yandex.ru

Abstract

Relevance. The category of online disputes is becoming particularly important in the context of *de facto* self-regulation of relations arising from the conclusion of contracts in the digital environment. The problem of the ineffectiveness of the traditional procedure for resolving mass consumer disputes in e-commerce has not yet been resolved. In Russia, the development of an online dispute resolution (ODR) system is in its infancy, and therefore a comparison of legislative approaches and practices for resolving disputes on platforms such as Taobao, Wildberries and the Online Court appears to be relevant and practically significant.

The purpose is to establish the legal features of the online dispute resolution system involving consumers arising from the purchase of goods (services) on marketplaces in Russia and abroad and to develop recommendations for its improvement.

The objectives include determining the current state and legal basis of ODR in Russia, identifying the best practices of the People's Republic of China using the example of the Taobao platform, comparing online dispute resolution models, and formulating recommendations for the development of this area.

Methodology. The article is based on the dialectical method of cognition, as well as methods of analysis, description, generalization, formal-legal, systemic, and comparative-legal methods.

Results. It is determined that the Russian ODR system is characterized by fragmentation, lack of unified legislative regulation and insufficient effectiveness of internal procedures of marketplaces. The features of successful foreign models are revealed, including tecnification, standardization of procedures and involvement of the user community.

Conclusion. It is necessary to create a state-owned online switchboard service, ensure the independence of arbitration and overcome systemic barriers to the development of ODR. Only an integrated approach will make it possible to create an effective mechanism for protecting consumer rights in the digital environment.

Keywords: online dispute resolution; marketplace; online platform; consumer rights protection.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Babenkova V.R., Surkov A.N., Fokov A.P. Online dispute resolution arising from legal relationships involving consumers: Russian and foreign practice. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(6):43–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-43-53>.

Received 03.11.2025

Accepted 01.12.2025

Published 25.12.2025

Введение

Институт защиты прав потребителей, как один из самых динамически развивающихся в условиях цифровизации и формирования платформенной экономики, претерпевает существенные изменения в связи все с большим и большим распространением электронной торговли.

И если в европейских странах процесс урегулирования споров в онлайн начался более 15 лет назад¹, то в нашей стране он

¹ Cortes P., Lodde A.R. Consumer dispute resolution Goes Online: Reflections on the Evolution of European Law for Out-of-Court Redress (March 24, 2014) // *Maastricht Journal of European and Comparative Law.* 2014. No. 1.

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право / *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(6):43-53

находится на зачаточном уровне. Примечательно, что Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», который вступит в силу с 1 октября 2026 г., в соответствии со ст. 1 определяет «правовые основы платформенной экономики в Российской Федерации и регулирует отношения, возникающие между операторами посреднических цифровых платформ, их партнерами, пользователями и иными лицами в связи с продажей товаров, выполнением работ, оказанием услуг»¹, не содержит в себе «основ» онлайн-урегулирования споров с участием потребителей. Статья 14 вышеназванного закона формулирует некий «прообраз» рассмотрения жалоб (разрешение споров) на посреднической цифровой платформе только между оператором и партнером или владельцем пункта выдачи, игнорируя потребителя.

Действительно, цифровая трансформация общества кардинально изменила модели потребительского поведения, сместив значительную часть торговли в онлайн-пространство. Катализатором этого процесса в России стала пандемия COVID-19, продемонстрировав преимущества и результативность продажи товаров и оказания услуг посредством сети Интернет. Ввиду этого современная экономика характеризуется стремительным ростом объема интернет-транзакций. По данным Росстата, оборот розничной торговли в России за первое полугодие 2025 г. вырос за год на 2,1%, до 28,88 трлн рублей. Объем интернет-торговли стал на 36% больше и составил

примерно 5,3 трлн рублей². Маркетплейсы, как ключевые игроки электронной коммерции, стали основными площадками для совершения покупок, что закономерно привело к росту количества потребительских споров.

В этих условиях классический порядок разрешения споров посредством обращения в судебные инстанции зачастую оказывается неэффективным. Споры с участием потребителей, связанные с онлайн-покупками, часто характеризуются однотипностью требований и относительно небольшой суммой иска, что делает судебное разбирательство экономически нецелесообразным, в первую очередь для потребителя, несмотря на все правовые дополнительные гарантии, предоставленные ему законодательством. Это обуславливает актуальность развития механизмов разрешения споров онлайн «Online dispute resolution» (далее – ODR), которые позволяют разрешать конфликты быстро, дистанционно и с минимальными издержками. Кроме того, как отмечают зарубежные исследователи, системы разрешения онлайн-споров (ODR) «играют важную роль не только в упрощении транзакций, но и в том, как продавцы контролируют качество продукции»³, должны снизить затраты потребителей на судебные расходы и, как следствие, нагрузку на суды⁴. Внедрение онлайн-разрешения споров способно не

URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2414098 (дата обращения: 30.10.2025).

¹ Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: Федер. закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2025. № 31, ст. 4643.

² Офлайн не конкурирует с онлайн // Коммерсантъ. 2025. 29 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7992126> (дата обращения: 28.10.2025).

³ Hu B., Lee W.K. Rushed justice: The value of fast-track dispute systems on second-hand platforms // SSRN Electronic Journal. 2025. August 27. URL: <https://ssrn.com/ab-stract=5411086> (дата обращения: 30.10.2025).

⁴ Schmidt-Kessen M.J., Nogueira R., Cantero Gamito M. Success or Failure? - Effectiveness of Consumer ODR Platforms in Brazil and in the EU // Copenhagen Business School, CBS LAW Research Paper. 2019. No. 19-17. URL: <https://ssrn.com/abstract=3374964> (дата обращения: 30.10.2025). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3374964>

только повысить доступность правосудия в целом, но и особо благоприятно сказаться на положении социально уязвимых групп. Технологический формат позволяет устранить целый ряд барьеров, таких как: географическая удаленность или ограничения мобильности; нарушения зрения или слуха; языковые трудности [1, с. 199].

Методология

Исследование выполнено на основе диалектического метода научного познания. Сравнительно-правовой метод использовался для выявления законодательных моделей онлайн-урегулирования споров в зарубежных государствах с целью выявления положительного опыта, пригодного для российского правопорядка, использование которого способствовало бы развитию защиты прав потребителей в онлайн-среде, а также с целью определения пределов допустимого заимствования наиболее эффективных юридико-технических решений. Общенаучные методы анализа, описания, обобщения позволили получить релевантные результаты и выводы о специфике онлайн-урегулирования споров на электронных торговых площадках, выделить особенности, им присущие. Структурирование полученных результатов и выводов осуществлялось на основе системного метода. Формально-юридический метод применялся при изучении содержания законодательных актов, содержащих в себе элементы правового регулирования онлайн-урегулирования споров с участием потребителей в цифровой среде.

Результаты и их обсуждение

Развитие электронной коммерции создает устойчивую тенденцию к росту числа жалоб потребителей. В то же время отечественная система онлайн-разрешения потребительских споров на маркетплейсах находится на этапе формирования, сочетая элементы саморегуляции и первые шаги государственного регулирования.

Права и свободы человека, провозглашенные в ст. 2 Конституции Российской Федерации высшей ценностью, обеспечиваются различными способами их защиты, включающими самозащиту и защиту государственными органами – судами (ст. 45, 46). В целях разгрузки судов и оптимизации судопроизводства законодатель интегрировал в правовое поле альтернативный механизм – процедуру медиации, регламентированную Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». В условиях стремительной цифровизации общественных отношений и расширения онлайн-взаимодействия особую актуальность приобретает вопрос адаптации медиации к цифровой среде. Несмотря на существующую законодательную базу, институт медиации в целом остается невостребованным в России, а сфера досудебного урегулирования споров с участием потребителей в формате «онлайн» фактически отсутствует.

В научной доктрине, как отмечают Е.А. Гринь и С.В. Кобылинская, сформировалось несколько подходов к определению споров, разрешаемых с использованием цифровых технологий [2, с. 44]. Среди них:

- Electronic alternative dispute resolution (eADR) – электронное альтернативное разрешение споров;
- Internet Dispute Resolution (iDR) – разрешение споров в сети Интернет;
- Online Dispute Resolution (oADR) – альтернативное разрешение споров в сети Интернет в режиме онлайн.

Наибольшее распространение получила концепция ODR, которая, по признанию зарубежных ученых, «выполняет двойную функцию: разрешает споры между B2C-компаниями и повышает доверие потребителей к рынку электронной коммерции»¹. Универсальная структура

¹ Dal Pubel L. Boosting consumer trust: odr and structural assurance in B2c E-commerce // SSRN Electronic Journal. 2025. June 24. URL:

медиации, предполагающая взаимодействие сторон спора и нейтрального посредника, является органичной основой для ее реализации в цифровом формате, что открывает значительные перспективы для развития гибких и доступных механизмов защиты прав в условиях цифровой экономики.

К тому же ключевой проблемой, подрывающей эффективность традиционной судебной защиты, является низкая стоимость среднего чека покупки на маркетплейсе [3, с. 48]. В частности, средний чек в российской электронной торговле в 2024 г. составил в среднем 1,4 тыс. руб., сократившись на 6% по сравнению с 2023 г. и на 20% по сравнению с 2022 г.¹

Как верно отмечает Е.В. Вавилин: «...не каждый покупатель или продавец согласится на само судебное разбирательство длительностью в несколько месяцев, несение дополнительных затрат, связанных с оплатой государственной пошлины (пусть и сравнительно небольшой) и услуг представителя, в целях защиты и восстановления его нарушенных прав, поскольку это не будет отвечать принципу эффективности, под которым в праве понимается такое сочетание способов и правовых средств в процессе осуществления прав и обязанностей, при котором правовая цель достигается при минимальных издержках с максимальной полнотой» [4]. Совокупные временные и финансовые издержки многократно превышают цену иска. Для судебной системы рассмотрение дел с незначительной ценой иска также экономически нецелесообразно.

Вышеуказанная проблема сигнализирует об отсутствии выработанной системы разрешения споров онлайн-способом и законодательства, регламентирующего ее должное правовое закрепление.

<https://ssrn.com/abstract=5317581> (дата обращения: 30.10.2025).

¹ Маркетплейсы перешли на доступное // Коммерсантъ. 2024. 17 сент. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7159763> (дата обращения: 28.10.2025).

Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) не предусматривает обязательный досудебный порядок урегулирования споров. В научной литературе рассматриваемый подход неоднократно становился предметом критики [5]. Вместе с тем, как указано в п. 33 постановления Пленума Верховного Суда от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства», несмотря на отсутствие в Законе о защите прав потребителей обязанности по досудебному урегулированию спора, такая обязанность может быть предусмотрена в специальных законах, регулирующих отношения с потребителями в определенных сферах, например, обращение к уполномоченному по правам потребителей финансовых услуг, предусмотренное Федеральным законом от 4 июня 2018 г. №123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», или направление претензии по договорам об оказании услуг связи, перевозки пассажира и багажа внутренним водным транспортом (п. 4 ст. 55 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи», п. 1 ст. 161 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ).

Формирование системы урегулирования споров онлайн за рубежом происходило постепенно, на что указывает пример масштабной судебной реформы в Великобритании [6]. Так, в 2016 г. был создан онлайн-суд, названный «Суд ее Величества онлайн» (HRMC). Основная юрисдикция данного суда охватывает гражданско-правовые споры с ценой иска, не превышающей 25 000 фунтов, которые подлежат разрешению через механизмы онлайн-урегулирования споров (ODR) [7, с. 151]. Процедура реализуется через структурированную трехэтапную модель. На начальном этапе – онлайн-оценке – происходит рассмотрение пред-

мета и содержания спора, анализируются обстоятельства дела, а сторонам разъясняются потенциальные варианты его движения. По сути, эта стадия является переговорами, в ходе которых стороны, получив полную информацию о перспективе дела, нередко самостоятельно приходят к консенсусу. В случае недостижения согласия участники переходят ко второму этапу – разрешению спора при участии посредника. Здесь в процесс включаются аккредитованные специалисты-медиаторы, которые с помощью специализированных цифровых платформ содействуют сторонам в поиске взаимоприемлемого решения. Таким образом, применяя автоматизированные средства для ведения переговоров, такие помощники способствуют своевременному урегулированию спора путем применения кооперативных, а не конфронтационных подходов.

Следующим этапом является онлайн-решение, которое выносится судом и носит обязательный для сторон характер. Данный этап может быть реализован в двух форматах: в виде письменного онлайн-производства или посредством удаленного судебного заседания с использованием телекоммуникационных технологий (аудио- или видеоконференцсвязи), а в исключительных случаях – в форме очного слушания. Здесь же уже стоит говорить об онлайн-арбитраже, который хоть и по своей сути не является способом ОУС, но при взаимодействии с двумя прошлыми стадиями образует систему онлайн разрешения споров¹.

Примечателен опыт Китайской Народной Республики. Как известно, Китай является мировым лидером не только по объему рынка электронной торговли, но и по развитию систем его правового сопровождения, в частности ODR. Без сомнения, правы Е.П. Губин и Ю.С. Хари-

тонова, указавшие, что «китайское государство открыто дает понять, что инновационное и технологическое развитие бизнеса поддерживается и одобряется, когда затраты на развитие алгоритмов и приобретение оборудования больших технологических компаний приносит пользу и государству, позволяя осуществлять контроль, а иногда и принуждение к исполнению обязанностей предпринимателями в отношениях как между собой и гражданами-потребителями, так и с государством» [8].

Формирование правовой базы для систем онлайн-урегулирования споров в Китае было инициировано принятием Закона КНР «Об электронной торговле» в 2018 г., предоставившим правовую возможность операторам электронной торговли разрабатывать и внедрять собственные механизмы разрешения конфликтов в цифровой среде. Наглядным примером реализации этих положений является практика интернет-платформы Taobao, которая предлагает пользователям многоуровневую систему урегулирования споров, включающую четыре основных механизма: прямые переговоры между сторонами, вмешательство службы поддержки потребителей Taobao, систему общественного контроля (общественное жюри Alibaba) и онлайн-отчет [9, с. 696]. Особого внимания заслуживает система общественного контроля. Для разрешения спора привлекается «народный суд» из 31 члена жюри – самих пользователей платформы, которые образуют комиссию присяжных заседателей. Процедура урегулирования спора начинается с момента предъявления покупателем через интерфейс маркетплейса требования о возврате денежных средств за приобретенный товар продавцу. В случае несогласия продавца с данной претензией, покупатель получает доступ к альтернативным механизмам разрешения конфликта – может обратиться в службу поддержки клиентов Taobao либо в специализированный «Центр разрешения споров». После этого покупатель оформ-

¹ ODR и его применение в сервисах в сфере интеллектуальной собственности в ЕС // iPCNain: сайт. URL: <https://ipquorum.ru/upload/ODR-hplnsOcL.pdf> (дата обращения: 30.10.2025).

ляет официальную онлайн-жалобу, к которой в течение трех суток обязан приложить подтверждающие материалы (например, фото- или видеофиксацию товара). Далее стороны излагают свои доводы на специальной онлайн-платформе, формируя цифровое дело, которое проходит предварительное изучение комиссией жюри перед организацией голосования. Комиссия присяжных формируется из числа добровольцев, действующих на безвозмездной основе. В их задачи входит анализ доказательств, представленных обеими сторонами конфликта, с последующим принятием решения путем голосования (требуется простое большинство голосов). Члены жюри обладают правом самостоятельного отбора дел в соответствии с их компетенцией и личными предпочтениями, при этом установлен лимит – не более 20 дел в день на одного участника комиссии [10, с. 125].

Изучение зарубежных моделей уже нашло отражение в конкретных законодательных инициативах. Вслед за европейскими странами Правительство РФ выступило с предложением создать отдельную платформу – онлайн-сервис для разрешения споров. Так, в 2021 г. в Государственную Думу был внесен законопроект № 1138398-7, который предполагал создание на базе портала «Госуслуги» единого бесплатного онлайн-сервиса для урегулирования потребительских споров. Ключевые положения законопроекта включали электронный формат подачи заявлений, автоматическую фиксацию всех сообщений и процессуальных сроков, возможность привлечения экспертов и медиаторов, а также заключение сторонами соглашения, имеющего силу гражданско-правового договора. Согласно предлагаемой процедуре, разрешение спора через онлайн-сервис было бы возможно только при условии, что это прямо предусмотрено договором между продавцом и потребителем. При этом интересной особенностью являлось право сторон в процессе рассмотрения спора изменить первоначальное требование.

Стоит отметить, что направление требования через онлайн-сервис лишало потребителя права предъявить аналогичное требование в иной форме. Преимуществом системы являлась ее доступность, поскольку использование сервиса предполагалось бесплатным для обеих сторон: расходы возникали лишь в случае привлечения экспертов. Несмотря на это, по результатам второго чтения Государственная Дума отклонила законопроект.

Как отмечает В.А. Белов, в условиях повсеместной цифровизации потребительских правоотношений, где дистанционное заключение и исполнение договоров стало неотъемлемой частью электронной коммерции, возникает объективная необходимость в адекватной трансформации механизмов разрешения споров [11]. Сохранение дисбаланса между цифровым происхождением обязательств и традиционными, преимущественно очными, способами их защиты представляется нелогичным и создает правовой парадокс. Такого же мнения придерживаются Н.А. Новиков и Е.В. Михайлова [12, с. 49].

Стоит согласиться с мнением О.А. Каракуца, Т.В. Юшкиной, Т.В. Пилюгиной о том, что предложенная выше процедура является крайне востребованной [13, с. 129]. Отклонение же законопроекта отражает системные проблемы развития альтернативного разрешения споров в России, среди которых недостаточная информированность общества о возможностях онлайн-разрешения споров, недоверие со стороны потенциальных пользователей и сопротивление со стороны традиционной судебной практики. Таким образом, для успешной реализации подобных инициатив в будущем необходим комплексный подход, включающий активную популяризацию института альтернативного разрешения споров, совершенствование законодательной базы и развитие образовательных программ для всех участников процесса.

В результате отсутствия законодательного регулирования российские маркетплейсы развивают собственные системы ODR. Федеральная антимонопольная служба России выступила с инициативой, рекомендовав ведущему отечественному маркетплейсу Wildberries разработать и внедрить внутренние арбитражные механизмы для разрешения конфликтов. Данное предложение направлено на создание институциональной процедуры для тех спорных ситуаций, которые не могут быть урегулированы через стандартные каналы обратной связи.

Так, маркетплейс разработал систему досудебного урегулирования споров с участием потребителей, которая функционирует полностью в цифровом формате. Основным инструментом является автоматизированная система возврата денежных средств, товаров и претензий, доступная через личный кабинет покупателя. При возникновении спора пользователь может самостоятельно выбрать причину обращения, загрузить фотографии или видео, подтверждающие проблему, и выбрать желаемый вариант решения возврата денежных средств или обмен товара. Заявка автоматически регистрируется и передается на рассмотрение. Далее подключается внутренний механизм модерации, где платформа выступает в роли арбитра. Специалисты или алгоритмы маркетплейса анализируют предоставленные доказательства, запрашивают позицию продавца и принимают окончательное решение, которое является обязательным для исполнения последним. Для нестандартных ситуаций и консультаций предусмотрена бесплатная служба поддержки, доступная через онлайн-чат или телефон горячей линии.

Таким образом, Wildberries создал многоуровневую систему, сочетающую автоматизацию, арбитражную функцию платформы и персональную поддержку, что позволяет эффективно разрешать большинство потребительских споров в досудебном порядке. Стоит отметить, что большинство других интернет-площадок

имеют схожую структуру разрешения конфликтов онлайн.

Эволюция данных систем демонстрирует реактивный путь развития: платформы вынужденно создают арбитражные механизмы в ответ на растущий поток жалоб. При этом отсутствие единых законодательных стандартов приводит к значительной вариативности в подходах. Например, некоторые маркетплейсы делают больший акцент на алгоритмическую автоматизацию первичных решений, другие – на ручную модерацию сложных случаев. Эта фрагментарность, с одной стороны, позволяет гибко адаптироваться к специфике платформы, но с другой – создает неравные условия для потребителей и продавцов на разных площадках и усложняет внешний контроль за соблюдением базовых процессуальных гарантий.

Тем не менее указанные механизмы обладают существенными недостатками. Центральным вопросом их объективности является внутренняя политика, которую платформа применяет при разрешении конфликтов. Широко распространенная на западных торговых площадках, таких как eBay и Amazon, установка «клиент всегда прав», с ее упрощенными процедурами возврата средств, зачастую ставит продавцов в заведомо невыгодное положение, создавая почву для злоупотреблений со стороны недобросовестных покупателей. Противоположная ситуация возникает, когда баланс смещен в пользу продавца. Как отмечает Б.Р. Галлямов, проблема становится особенно острой в случаях конфликта интересов, когда сама платформа выступает участником спорного правоотношения. Наглядной иллюстрацией является практика Amazon, которая реализует собственную продукцию через свой же маркетплейс. Существуют обоснованные опасения, что подобные споры могут разрешаться на иных, более благоприятных для платформы условиях, нежели конфликты с третьими продавцами [14, с. 9].

Также автор разделяет предложение Н.А. Новикова и Е.В. Михайловой о необходимости легального закрепления результатов онлайн-урегулирования споров, в том числе с использованием института нотариата [12, с. 57]. Действительно, в отсутствие надлежащего процессуального оформления результатов ODR (будь то достигнутое соглашение или сам факт проведения процедуры) возникает серьезная правовая неопределенность. Стороны, пытающиеся в последующем обратиться в суд, рискуют столкнуться с невозможностью подтвердить соблюдение досудебного порядка урегулирования спора, если цифровой след процедуры окажется утрачен, изменен или технически недоступен. Это не только дискредитирует саму идею онлайн-урегулирования, но и создает дополнительные процессуальные риски для добросовестных участников, фактически ставя их в менее защищенное положение по сравнению с теми, кто использует традиционные письменные формы коммуникации.

Следовательно, для обеспечения справедливости и беспристрастности необходимы законодательные гарантии, исключающие конфликт интересов в ситуациях, когда платформа одновременно выполняет функции арбитра и коммерческого участника сделки, а также механизмы государственного контроля за деятельностью владельцев цифровых платформ, обеспечивающие прозрачность и соответствие их внутренних процедур общеправовым принципам. Придание результатам ODR нотариальной или иной установленной законом формы фиксации представляется логичным и необходимым шагом. Это обеспечило бы юридическую силу доказательств, сформированных в цифровой среде, и устранило бы ключевой барьер на пути интеграции

ODR в российскую правовую систему [15]. Только комплексный подход, сочетающий правовое регулирование и независимый надзор, может создать сбалансированную систему, защищающую интересы всех участников электронной торговли.

Выводы

Онлайн-урегулирование споров с участием потребителей перестало быть теоретической возможностью и стало практической необходимостью в эпоху доминирования электронной коммерции. Российская система в этой области находится в самом начале своего развития, главным образом осуществляется путем саморегулирования. Система представлена разрозненными и недостаточно эффективными внутренними процедурами маркетплейсов и перегруженной судебной системой. Передовой опыт зарубежных стран демонстрирует, что успех возможен только при системном подходе, сочетающем четкое законодательное регулирование, глубокую интеграцию бизнеса и государства, стандартизацию и технологизацию процедур, а также активное вовлечение пользовательского сообщества. Для России ключевым шагом должно стать не просто создание еще одной электронной площадки, а построение целостной экосистемы ODR. Эта экосистема должна объединить единый государственный сервис-коммутатор, внутренние системы маркетплейсов и институт независимых арбитров. Только таким образом можно обеспечить реальную, а не декларативную защиту прав потребителей в цифровой среде, разгрузить судебную систему и создать по-настоящему доверительную среду для онлайн-торговли.

Список литературы

1. Фань Цзинчжао. Преимущества «разрешения споров онлайн» и регулирования в России // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. № 5. С. 197-200.
2. Гринь Е.А., Кобылинская С.В. Зарубежный и отечественный опыт использования процедуры медиации и перспективы ее применения. Краснодар: КубГАУ, 2019. 69 с.

3. Мельник В.Д. О некоторых особенностях интернет-споров, возникающих из сделок, совершенных на маркетплейсах // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 5. С. 47-54.
4. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2016. 416 с.
5. Богдан В.В. Досудебный порядок урегулирования споров, возникающих в сфере защиты прав потребителей // Российский судья. 2003. № 3. С. 23-26.
6. Лозовицкая А.Д. Обеспечение доступа к правосудию при реформировании английской судебной системы // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1. С. 102-104.
7. Столбин Н.С., Шичко А.Р. Перспективы онлайн-урегулирования споров в России // Право и управление. 2023. № 6. С. 149-154.
8. Губин Е.П., Харитонов Ю.С. Цифровые платформы в Европе, Китае и России: основные подходы и тенденции правового регулирования // Право и экономика. 2020. № 8. С. 5-13.
9. Ермакова Е.П. Особенности онлайн-урегулирования потребительских споров платформами электронной торговли в Китайской Народной Республике // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Vol. 1, no. 3. P. 691-711.
10. Ермакова Е.П. Онлайн-разрешение споров на китайской платформе электронной торговли «Таобао» // Территория новых возможностей. 2022. № 3. С. 118-128.
11. Белов В.А. Цифровизация потребительских споров // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. 2022. № 8. С. 8-15.
12. Новиков Н.А., Михайлова Е.В. Урегулирование споров в России: правовая природа и пути развития // Нотариальный вестник. 2021. № 10. С. 45-58.
13. Каракуца О.А., Юшкина Т.В., Пилюгина Т.В. Место института альтернативного разрешения споров в российской правовой системе: анализ зарубежного опыта, проблемы и пути их решения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 8. С. 125-131.
14. Галлямов Б.Р. Досудебное урегулирование потребительских споров в условиях развития цифровых технологий и электронной торговли // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 4-3. С. 7-10.
15. Эликашвили О.Б. Создание альтернативного онлайн-механизма по урегулированию потребительских споров, связанных с онлайн-покупками // Вопросы развития права и управления в современных условиях: сборник материалов студенческой научной конференции. Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 280-283.

Reference

1. Fan Jinchao. The advantages of online dispute resolution and regulation in Russia. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki = Problems of Economics and Legal Practice*. 2020;(5):197-200. (In Russ.)
2. Grin E.A., Kobylinskaya S.V. Foreign and domestic experience of using mediation procedure and prospects of its application. Krasnodar: KubGAU; 2019. 69 p. (In Russ.)
3. Mel'nik V.D. On some features of internet disputes arising from transactions made on market-places. *Rossiyskoe pravo: Obuchenie, praktika, nauka = Russian Law: Education, Practice, Science*. 2023;(5):47-54. (In Russ.)
4. Vavilin E.V. Implementation and protection of civil rights. Moscow: Statute; 2016. (In Russ.)
5. Bogdan V.V. Pre-Trial settlement of disputes arising in the field of consumer protection. *Rossiyskij sud'ya = The Russian Judge*. 2003;(3):23-26. (In Russ.)
6. Lozovitskaya A.D. Ensuring access to justice in the reform of the English judicial system. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;(1):102-104. (In Russ.)
7. Stolbin N.S., Shichko A.R. Prospects for online dispute resolution in Russia. *Pravo i upravlenie = Law and Management*. 2023;(6):149-154. (In Russ.)
8. Gubin E.P., Kharitonova Yu.S. Digital platforms in Europe, China, and Russia: Basic approaches and trends in legal regulation. *Zakon i ekonomika = Law and Economics*. 2020;(8):5-13. (In Russ.)
9. Ermakova E.P. Features of online settlement of consumer disputes by e-commerce platforms in China. *Zhurnal cifrovyyh tekhnologiy i prava = Journal of Digital Technologies and Law*. 2023;1(3):691-711. (In Russ.)

10. Ermakova E.P. Online dispute resolution on Chinese e-commerce platform Taobao. *Territoriya novykh vozmozhnostej = Territory of New Opportunities*. 2022;(3):118-128. (In Russ.)
11. Belov V. A. Digitalization of consumer disputes. *Sovremennye tendencii razvitiya grazhdanskogo i grazhdanskogo processualnogo zakonodatelstva i praktiki ego primeneniya = Modern trends in the development of civil and civil procedural legislation and the practice of its application*. 2022;(8):8-15. (In Russ.)
12. Novikov N.A., Mikhailova E.V. Dispute resolution in Russia: Legal nature and development trends. *Vestnik notariata = Notary Bulletin*. 2021;(10):45-58. (In Russ.)
13. Karakutsa O.A., Yushkina T.V., Pilyugina T.V. The place of alternative dispute resolution in Russian legal system: Analysis of foreign experience, problems, and solutions. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. 2025;(8):125-131. (In Russ.)
14. Gallyamov B.R. Pre-trial settlement of consumer disputes in the context of digital technologies and e-commerce. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022;(4-3):7-10. (In Russ.)
15. Elikashvili O.B. Creation of an alternative online mechanism for the settlement of consumer disputes related to online purchases. In: *Voprosy razvitiya prava i upravleniya v sovremennykh usloviyakh: sbornik materialov studencheskoi nauchnoi konferentsii = Issues of law and management development in modern conditions: collection of materials of the student scientific conference*. Saratov: Saratovskii istochnik; 2022. P. 280-283. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Бабенкова Виктория Романовна, юрист, стажер программы «Китайский язык и культура», Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: viktoria.babenkowa@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0286-7321

Victoria R. Babenkova, Lawyer, Intern of the program "Chinese Language and Culture", Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: viktoria.babenkowa@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0286-7321

Сурков Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: rnessa3059@mail.ru, Autor ID: 550219

Alexander N. Surkov, Doctor of Sciences (Juridical), Professor of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: rnessa3059@mail.ru, Autor ID: 550219

Фоков Анатолий Павлович, доктор юридических наук, профессор, ординарный профессор Школы права, Пекинский университет, г. Пекин Китайская Народная Республика, e-mail: fokovam@yandex.ru, SPIN-код: 4212-1926

Anatoly P. Fokov, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Ordinary Professor at the School of Law, Peking University, Beijing, China, e-mail: fokovam@yandex.ru, SPIN code: 4212-1926

Оригинальная статья / Original article

УДК 347. 421/.961

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-54-67>**Основания исполнения обязательств внесением долга в депозит нотариуса****О.Е. Блинков^{1,2} ✉, Е.В. Блинкова^{2,3}, А.П. Фоков⁴, О.А. Коротких¹**

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

² Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний
ул. Сенная, д. 1, г. Рязань 390000, Российская Федерация

³ Тюменский государственный университет
ул. Володарского, д. 6, г. Тюмень 625003, Российская Федерация

⁴ Пекинский университет
Ихэюань Роуд, д. 5, г. Пекин 100871, Китайская Народная Республика

✉ e-mail: blinkov@inbox.ru

Резюме

Актуальность. В статье анализируются положения российского гражданского законодательства, определяющие правовой режим исполнения обязательств посредством внесения долга в депозит. Автором представлен сравнительный анализ общих и специальных оснований, дифференцирована их родовая и видовая принадлежность в системе оснований исполнения обязательств посредством внесения долга в депозит.

Целью исследования стало создание системного догматико-практического представления об основаниях исполнения обязательств внесением долга в депозит нотариуса с учетом действующего российского законодательства и правовой природы данного способа исполнения гражданско-правовых обязательств.

Задачи: определить общие и выявить специальные основания, устанавливающие возможность исполнения обязательств внесением долга в депозит нотариуса, определить их соотношение с общими основаниями, установленными Гражданским кодексом Российской Федерации.

Методология. В процессе исследования были применены: метод системного подхода, методы анализа и синтеза, догматико-юридический метод, толкования норм права и др.

Результаты исследования имеют теоретико-прикладной характер, имеющие целью повышение качества правоприменения в сфере исполнения обязательств внесением долга в депозит нотариуса, а также предупреждение случаев принятия нотариусом денежных средств и ценных бумаг в депозит в нарушение закона, влекущих, как следствие, нарушение законных прав и интересов кредиторов.

Выводы. Должник вправе внести причитающиеся с него денежные средства или ценные бумаги в депозит нотариуса только в случаях, установленных нормативно-правовым актом, имеющим силу федерального закона, поэтому использование депозита нотариуса в качестве способа исполнения обязательства не входит в границы абсолютной автономии воли должника при исполнении обязательства, и только законом ему может быть представлена такая альтернатива, образуя добросовестность его поведения. В случаях же, когда внесение денежных средств или ценных бумаг в депозит нотариуса является установленной законом обязанностью, а не правом должника, автономия его воли исключается полностью.

Ключевые слова: обязательственное право; исполнение обязательств; депозит нотариуса; должник; денежные средства; ценные бумаги.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Основания исполнения обязательств внесением долга в депозит нотариуса / О.Е. Блинков, Е.В. Блинкова, А.П. Фоков, О.А. Коротких // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 54–67. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-54-67>.

Поступила в редакцию 12.11.2025

Принята к публикации 01.12.2025

Опубликована 25.12.2025

© Блинков О.Е., Блинкова Е.В., Фоков А.П., Коротких О.А., 2025

Grounds for fulfilling obligations by depositing a debt with a notary

Oleg E. Blinkov^{1,2✉}, Elena V. Blinkova^{2,3}, Anatoly P. Fokov⁴, Olga A. Korotkih¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

² Academy of the FPS of Russia
1 Sennaya Str., Ryazan 390000, Russian Federation

³ University of Tyumen
6 Volodarskogo Str., Tyumen 625003, Russian Federation

⁴ Peking University
5 Yiheyuan Road, Haidian District, Beijing 100871, P.R.China

✉ e-mail: blinkov@inbox.ru

Abstract

Relevance. The article analyzes the provisions of Russian civil legislation that determine the legal regime for the fulfillment of obligations by depositing a debt into a deposit. The author presents a comparative analysis of general and special grounds, differentiates their generic and specific affiliation in the system of grounds for the fulfillment of obligations by depositing a debt into a deposit.

The purpose of the study was to create a systematic dogmatic and practical understanding of the grounds for the fulfillment of obligations by depositing a debt into a notary's deposit, taking into account the current Russian legislation and the legal nature of this method of fulfilling civil obligations.

Objectives: to determine the general and identify special grounds establishing the possibility of fulfilling obligations by depositing a debt into a notary's deposit, to determine their relationship with the general grounds established by the Civil Code of the Russian Federation.

Methodology. In the process of the research the following were applied: the method of the system approach, methods of analysis and synthesis, dogmatic-legal method, interpretation of legal norms, etc.

The results of the research are of a theoretical and applied nature, aimed at improving the quality of law enforcement in the sphere of fulfillment of obligations by depositing a debt into a notary's deposit, as well as preventing cases of acceptance by a notary of funds and securities into a deposit in violation of the law, which, as a consequence, entails the violation of the legal rights and interests of creditors.

Conclusions. The debtor has the right to deposit funds or securities due from him into a notary's deposit only in cases established by a normative legal act having the force of federal law, therefore the use of a notary's deposit as a method of fulfilling an obligation is not included in the boundaries of the absolute autonomy of the debtor's will in fulfilling the obligation, and only the law can provide him with such an alternative, forming the good faith of his behavior. In cases where the deposit of funds or securities into a notary's deposit is a legally established obligation and not the right of the debtor, the autonomy of his will is completely excluded.

Keywords: law of obligations; execution of obligations; notary deposit; debtor; cash; securities.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Blinkova E.V., Blinkov O.E., Fokov A.P., Korotkih O.A. Grounds for fulfilling obligations by depositing a debt with a notary. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(6):54–67. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-54-67>.

Received 12.11.2025

Accepted 01.12.2025

Published 25.12.2025

Введение

Принцип надлежащего исполнения обязательств, помимо прочего, требует, чтобы обязательство было исполнено

должником кредитору или управомоченному им на это лицу (ст. 309 и 312 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)), и только в этом случае оно может считаться надлежаще испол-

ненным и прекратившимся (п. 1 ст. 408 ГК) при соблюдении иных условий надлежащего исполнения обязательства¹. Принцип бесспорно поддерживается в научной литературе, в частности об этом пишут К.К. Плехотко [1] и Ю.Ю. Гарцева [2].

Напротив, ошибка должника в части определения управомоченного лица принять исполнение не влечет за собой прекращения обязательства [3]; такой должник остается обязанным, правда, приобретает право требовать возврата переданного имущества от лица, неосновательно обогатившегося из-за его фактической или юридической ошибки или ошибки иного лица (ст. 1102 ГК). Таким образом, описанный риск, по общему правилу, полностью возлагается на должника, поскольку закон, устанавливая модель его добросовестного поведения, предоставляет ему право требования к кредитору представить доказательства того, что он или управомоченное им на это лицо обладает статусом кредитора, в противном случае все неблагоприятные последствия ложатся бременем на должника (п. 1 ст. 312 ГК РФ).

Исполнению обязательства могут препятствовать обстоятельства, не зависящие от воли должника, но не снимающие с него обязанностей по исполнению обязательства в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями (абз. 1 ст. 309 ГК РФ). Эти обстоятельства (препятствия) могут носить фактический или юридический характер, быть связаны с недобросовестным или явно противоправным поведением кредитора или

уполномоченного им или управомоченного законом лица либо иметь объективный характер и не зависеть от воли сторон обязательства. Главное, что они не свидетельствуют о невозможности исполнения обязательства как основании его прекращения (ст. 416 ГК РФ), поэтому не освобождают обязанное лицо от исполнения взятого на себя обязательства.

Своего рода фикцией исполнения обязательства, как отмечает А.А. Волос [4] и Ю.Б. Мельников [5], надлежащему лицу законом признано исполнение обязательства внесением долга в депозит (п. 1 ст. 327 ГК), когда внесение денежной суммы или ценных бумаг в депозит нотариуса или суда считается надлежащим исполнением обязательства в части управомоченного субъекта (п. 2 ст. 327 ГК РФ).

У.С. Новопашина [6], М.А. Баранова, Е.В. Егоров [7], В.В. Ралько [8] упоминают, что следует предостеречь попытку квалифицировать внесение долга в депозит в качестве альтернативного способа исполнения, применяемого должником по своему усмотрению, поскольку такая возможность не имеет безусловного характера. Непосредственно в самом законе определены случаи, когда должник может использовать такой способ исполнения обязательства, а именно «должник вправе внести причитающиеся с него деньги или ценные бумаги в депозит нотариуса, а в случаях, установленных законом, в депозит суда – если обязательство не может быть исполнено должником...» (п. 1 ст. 327 ГК РФ) [9].

Диспозиция указанной нормы позволяет сделать однозначный вывод, что депозит суда может быть использован для исполнения обязательства только в случаях, прямо предусмотренных законом. Этой же позиции придерживаются О.А. Поташник [10], Е.С. Цыкунова [11], Л.Я. Микьянец [12]. Если же рассматривать возможность внесения в депозит нотариуса как способа исполнения обязательства, то в ГК РФ реализация такого

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1: Федер. закон от 30 нояб. № 51-ФЗ: [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 21.10.2025).

права должника прямо не обусловлена нормативным закреплением – «в случаях, установленных законом», что позволяет предположить свободу такого выбора при исполнении обязательств, за исключением случаев, прямо связанных с личностью кредитора, когда обязательство должно быть исполнено исключительно ему, или в случаях, когда такой исключительный порядок императивно определен основанием возникновения такого обязательства при любых обстоятельствах.

Подобное грамматическое толкование позволяет некоторым юристам, в частности Е.Н. Абрамову [13] и В.К. Корсику [14], предлагать такой способ исполнения (внесение денежных средств в депозит нотариуса) в уголовных делах в случаях уклонения потерпевшего от получения денежных сумм, предоставляемых обвиняемым в качестве возмещения причиненного преступлением ущерба в целях примирения с потерпевшим (ч. 1 ст. 61, ст. 76, 76.1, 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ)). Более того, такое поведение потерпевшего квалифицируется в качестве злоупотребления своими правами, и предлагается депозит нотариуса².

С такой позицией согласиться нельзя, и представляется, что правы те авторы, которые, обнаруживая потребность использования депозита нотариуса в правоотношениях, указывают, что для его

легализации требуется внесение изменений в законодательство [15; 16]. Кроме того, поскольку на этапе следствия по уголовному делу право потерпевшего на возмещение вреда еще не имеет природу денежного обязательства, не выражено в конкретной сумме, не определено решением суда или соглашением потерпевшего и обвиняемого (подсудимого), следовательно, потерпевший не является кредитором, и у него нет «кредиторской обязанности» принять исполнение от обвиняемого (подсудимого). Напротив, если решение суда вступило в законную силу, и уже ставший преступником является обязанным лицом по возмещению вреда потерпевшему, размер которого определен решением суда, то в этом случае депозит нотариуса возможен, если есть препятствия в исполнении денежного обязательства, поскольку для преступника возмещение вреда является условием для его условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ), замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК), снятия с него после отбытия наказания судимости до истечения срока ее погашения (ч. 5 ст. 86 УК РФ) или освобождения от уголовной ответственности за ограничение конкуренции (ч. 3 ст. 178 УК РФ) [17].

Отсутствие императивного запрета на право должника исполнить обязательство путем внесения денежных средств и ценных бумаг в депозит нотариуса без установленных на то законных оснований обусловило неоднозначную судебную практику по применению нормы ч. 1 ст. 327 ГК. Превалирующая позиция судов сводится к возможности реализации должником права на исполнение обязательства через депозит нотариуса только в случаях, когда такое исполнение прямо предусмотрено законом. Так, разъясняя вопросы применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении, Верховный Суд Российской Федерации

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 21.10.2025).

² См.: Возмещение вреда с помощью нотариального депозита // Праворуб: профессиональное сообщество юристов и адвокатов. URL: <https://user56421.pravorub.ru/personal/100063.html> (дата обращения: 01.07.2025); Вам случалось что-нибудь приготовить или сделать с печальными последствиями? // Нотариус Лексакова. URL: <https://web.telegram.org/a/#-1001304737167> (дата обращения: 01.07.2024).

ции указал, что исполнение обязательства должника перед кредитором посредством внесения денежных сумм и ценных бумаг в депозит нотариуса «допускается при наличии обстоятельств, указанных в пункте 1 статьи 327 ГК РФ» (п. 54 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54¹). Указанная правовая позиция положена в основу большинства судебных актов². Однако в судебной практике встречается и иная точка зрения, согласно которой норма ст. 327 ГК РФ толкуется как не содержащая прямого запрета на возможность ис-

полнения обязательства путем внесения денежных средств на депозит нотариуса, в случае отсутствия на то установленных законом оснований, а принятое кредитором исполнение обязательства при таких обстоятельствах признается надлежащим³.

Генеральный вопрос, на который мы должны ответить: в каких же случаях должник имеет право внести, а нотариус обязан принять денежные средства и ценные бумаги в депозит, не допустив нарушений установленного законом порядка?

Методология

Для реализации цели и задач исследования оснований исполнения обязательств внесением долга в депозит нотариуса авторы использовали общенаучные (анализ, синтез, метод системного подхода) и частнонаучные методы научного познания (догматико-юридический, толкования норм права и др.).

Применение методов анализа и синтеза предоставило авторам возможность установить сущность внесения денежных средств или ценных бумаг в депозит нотариуса как способа исполнения обязательств. Системный метод позволил провести структурирование и логическое изложение исследовательского материала. Догматико-юридический метод гарантировал качественное изучение состояния законодательства в исследуемых областях. Использование метода толкования норм права способствовало выявлению пробелов и коллизий в правовом регули-

¹ О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 нояб. 2016 г. № 54 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2017. № 1.

² См., например: Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 15 августа 2025 г. № 21АП-5138/25 по делу N A84-6163/2025 // Гарант: сайт. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/66605873/> (дата обращения: 10.11.2025); Решение Арбитражного суда Московской области от 4 августа 2025 г. по делу № A41-39954/2025 // Гарант: сайт. <https://arbitr.garant.ru/#/document/582955356/> (дата обращения: 10.11.2025); Решение Марковского городского суда Саратовской области от 9 сентября 2025 г. по делу № 2-566/2025 // Гарант: сайт. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/347414111/> (дата обращения: 10.11.2025); Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 17 января 2024 г. по делу № 33-434/2024 // Гарант: сайт. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/339281283/> (дата обращения: 10.11.2025); Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 25 октября 2023 г. № 01АП-6028/23 по делу № A43-13781/2023 // Гарант: сайт. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/65927545/paragraph/> (дата обращения: 10.11.2025); Решение Дзержинского районного суда г. Оренбурга Оренбургской области от 28 февраля 2023 г. по делу № 2-103/2023 // Гарант: сайт. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/332721615/paragraph/> (дата обращения: 10.11.2025).

³ См., например: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 октября 2018 г. № Ф05-15884/18 по делу № A40-213638/2017 // Гарант: сайт. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/41970391/> (дата обращения: 10.11.2025); Решение Тверского районного суда г. Москвы от 10 ноября 2021 г. по делу № 02-2878/2021 // Гарант. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/330852795/> (дата обращения: 10.11.2025).

ровании внесения денежных средств или ценных бумаг в депозит нотариуса.

Результаты и их обсуждение

В качестве общих, можно даже сказать генеральных, оснований можно выделить случаи, когда должник вправе внести причитающиеся с него деньги или ценные бумаги в депозит нотариуса, если обязательство не может быть исполнено должником вследствие:

1) отсутствия кредитора или лица, уполномоченного им принять исполнение, в месте, где обязательство должно быть исполнено;

2) недееспособности кредитора и отсутствие у него представителя;

3) очевидного отсутствия определенности по поводу того, кто является кредитором по обязательству, в частности в связи со спором по этому поводу между кредитором и другими лицами;

4) уклонения кредитора от принятия исполнения или иной просрочки с его стороны (п. 1 ст. 327 ГК).

При этом указанный перечень не является *numerus clausus*, поскольку норма ст. 87 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате¹ (далее – Основы)), являющаяся специальной по отношению к норме п. 1 ст. 327 ГК РФ, определяет, что нотариус принимает от должника в депозит денежные средства и ценные бумаги для передачи их кредиторам в случаях, предусмотренных гражданским законодательством Российской Федерации. Гражданское законодательство, как известно, состоит из Гражданского кодекса и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов (п. 2 ст. 3 ГК РФ), следовательно, специальная норма

(абз. 1 ст. 87 Основ) допускает депозит, во-первых, только в случаях, предусмотренных гражданским законодательством, т. е. нормативными правовыми актами, имеющими силу («статус») федерального закона, во-вторых, не ограничиваясь случаями, указанными в п. 1 ст. 327 ГК РФ.

Подтверждение этого вывода мы находим и в толковании высшего судебного органа: «...внесение денежных сумм и ценных бумаг в депозит нотариуса в качестве исполнения обязательства должника перед кредитором допускается при наличии обстоятельств, указанных в пункте 1 статьи 327 Гражданского кодекса Российской Федерации. Особенности исполнения отдельных обязательств внесением денежных средств или ценных бумаг в депозит нотариуса могут быть предусмотрены законом» (п. 54 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54).

К таким специальным основаниям нотариального депозита, допускаемым нормами отдельных подотраслей гражданского права, следует отнести случаи:

1) исполнения юридическим лицом (должником), заявившим о своей реорганизации, требований кредиторов, возникших до опубликования первого уведомления об этом, не позднее чем в течение тридцати дней после даты опубликования последнего уведомления о реорганизации до завершения реорганизации, если кредитор или лицо, уполномоченное им принять исполнение, отсутствует в месте, где обязательство должно быть исполнено, либо очевидна неопределенность по поводу того, кто является кредитором по данному обязательству, либо кредитор уклоняется от принятия исполнения или допускает иную просрочку со своей стороны (п. 2 ст. 60 ГК РФ);

2) отказа кредитора принять исполнение от третьего лица, на которого оно возложено должником, если из закона, иных правовых актов, условий обязательства или его существа не следует требование личного исполнения обязательства (пп. 1, 3 ст. 313 ГК РФ);

¹ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: [утв. постановлением Верховного Совета РФ от 11 февр. 1993 г. № 4463-1 : ред. от 31.07.2025: с изм. и доп., вступ. в силу с 24.11.2025] // Консультант-Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 21.10.2025).

3) отказа кредитора принять исполнение от третьего лица, на которого оно хотя и не было возложено должником, но последний допустил просрочку исполнения денежного обязательства, что влечет для такого третьего лица неблагоприятные последствия в виде опасности обращения взыскания на имущество должника и утраты своего права, производного от права должника (п. 2 ст. 313 ГК РФ);

4) отказа заказчика принять надлежащее исполнение по договору подряда, что влечет право подрядчика продать результат работ, а вырученную денежную сумму за вычетом платы по договору, расходов на реализацию и прочих причитающихся ему платежей внести на имя заказчика в депозит нотариуса. Условием законности таких действий подрядчика является продажа результата работы по истечении месяца со дня истечения срока принятия результата работ и последующее за этим двукратное предупреждение его об этом, если иное не предусмотрено договором подряда. Эти правила являются общими для всех видов подряда за исключением бытового подряда (п. 6 ст. 720 ГК РФ);

5) отказа заказчика принять надлежащее исполнение по договору бытового подряда, что влечет право подрядчика продать результат работ, а вырученную денежную сумму за вычетом платы по договору, расходов на реализацию и прочих причитающихся ему платежей внести на имя заказчика в депозит нотариуса. Условием законности таких действий подрядчика является продажа результата работы по истечении двух месяцев после письменного предупреждения. Эти правила являются специальными и действуют исключительно в отношении бытового подряда (ст. 738 ГК РФ);

6) внесения в депозит нотариуса (возврат) застройщиком денежных средств на имя участника долевого строительства, уплаченных им в счет цены договора, а также процентов на эту сумму за пользование указанными денежны-

ми средствами, в случае расторжения договора участия в долевом строительстве по основаниям, предусмотренным чч. 4 и 5 ст. 5 и чч. 1 и 1.1 ст. 9 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ¹ (далее – Закон об участии в долевом строительстве), если в течение соответствующего установленного законом срока участник долевого строительства не обратится к застройщику за получением денежных средств (ч. 2 ст. 9 Закона об участии в долевом строительстве);

7) зачисления в депозит нотариуса денежных средств, причитающихся участникам долевого строительства, не заявившим своих требований до даты проведения публичных торгов, на которых было реализовано заложенное имущество в обеспечение исполнения обязательств застройщика (залогодателя) по договору долевого строительства (земельный участок, принадлежащий застройщику на праве собственности, или право аренды, право субаренды на указанный земельный участок и строящиеся (создаваемые) на этом земельном участке многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости) (ч. 5 ст. 15 Закона об участии в долевом строительстве). Взыскание на предмет залога может быть обращено не ранее чем через шесть месяцев после наступления предусмотренного договором срока передачи застройщиком объекта долевого строительства и прекращения или приостановления строительства (создания) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что в предусмотренный договором срок объект доле-

¹ Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 30 дек. 2004 г. № 214-ФЗ : [послед. ред.] // Консультант-Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/ (дата обращения: 21.10.2025).

вого строительства не будет передан участнику долевого строительства (ч. 1 ст. 14 Закона об участии в долевом строительстве);

8) внесения в депозит нотариуса на имя правообладателя земельного участка платы за публичный сервитут единовременным платежом, в следующих случаях (п. 8 ст. 39.46 Земельного кодекса Российской Федерации¹ (далее – ЗК РФ));

а) если в течение тридцати дней со дня получения правообладателем земельного участка проекта соглашения об осуществлении публичного сервитута такое соглашение не заключено, за исключением случая оспаривания правообладателем земельного участка решения об установлении публичного сервитута в суде. Обладатель публичного сервитута, внесший плату за публичный сервитут в депозит нотариуса, вправе осуществлять публичный сервитут до заключения соглашения об осуществлении публичного сервитута, в том числе выполнять необходимые работы в соответствии с графиком и сроками, которые предусмотрены проектом указанного соглашения (п. 11 ст. 39.47 ЗК РФ);

б) оспаривания правообладателем земельного участка решения об установлении публичного сервитута, когда обладатель публичного сервитута направляет проект соглашения об осуществлении публичного сервитута и приступает к осуществлению публичного сервитута в течение семи рабочих дней с момента вступления в законную силу решения суда об отказе в удовлетворении требования правообладателя земельного участка об оспаривании решения об установлении публичного сервитута (п. 13 ст. 39.47 ЗК РФ)) [18];

9) внесения денежных средств в депозит нотариуса в счет возмещения за изымаемые земельный участок и (или) расположенные на нем объекты недвижимого имущества в связи с их изъятием для государственных или муниципальных нужд (п. 2 ст. 56.11 ЗК РФ);

10) внесения денежных средств на депозит нотариуса в течение семи дней со дня вынесения решения суда в счет возмещения при изъятии земельных участков и (или) расположенных на них объектов недвижимого имущества в целях комплексного развития территории жилой застройки, комплексного развития территории нежилкой застройки, если отсутствует информация о банковском счете правообладателя, у которого изымаются объекты недвижимого имущества.

Средства вносятся лицом, заключившим договор о комплексном развитии территории в соответствии с Градостроительным кодексом Российской Федерации² (далее – ГрК РФ), либо органом исполнительной власти, органом местного самоуправления, принявшими решение об изъятии указанных земельных участков и (или) расположенных на них объектов недвижимого имущества для государственных или муниципальных нужд в целях комплексного развития территории, либо юридическим лицом, обеспечивающим в соответствии с ГрК РФ реализацию решения о комплексном развитии территории (п. 11 ст. 56.12 ЗК РФ);

11) внесения на депозит нотариуса средств компенсационного фонда саморегулируемой организации в сфере финансового рынка, объединяющей кредитные кооперативы, при исключении сведений о ней из единого реестра саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка, не позднее пяти дней со

¹ Земельный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 25 окт. 2001 г. : [ред. от 31.07.2025 : с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 21.10.2025).

² Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 2004 г. № 190-ФЗ: [ред. от 31.07.2025] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 21.10.2025).

дня проведения общего собрания членов саморегулируемой организации, утратившей статус саморегулируемой организации.

В случае ликвидации саморегулируемой организации средства компенсационного фонда подлежат распределению между кредитными кооперативами – членами такой организации пропорционально суммам внесенных ими платежей (взносов) в компенсационный фонд и по истечении трех лет со дня исключения сведений о некоммерческой организации из единого реестра саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка выплате кредитным кооперативам, являвшимся членами саморегулируемой организации в сфере финансового рынка, объединявшей кредитные кооперативы, из депозита нотариуса.

В течение срока нахождения средств компенсационного фонда на депозите нотариуса из средств компенсационного фонда могут осуществляться компенсационные выплаты лицам, указанным в протоколе общего собрания членов саморегулируемой организации, на основании вступивших в силу решений суда (пп. 11, 13 ст. 40 Федерального закона от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ¹ (далее – Закон о кредитной кооперации»));

12) внесения арбитражным управляющим в депозит нотариуса средств, полученных от продажи жилого помещения на торгах, если гражданин-кредитор уклоняется от их получения. Сумма, которая вносится арбитражным управляющим, должна соответствовать размеру стоимости его встречного предоставления, т. е. уплаченной суммы за данное жилое помещение (п. 9 ст. 61.6-1 Феде-

рального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ² (далее – Закон о банкротстве)).

В случае признания арбитражным судом сделки по приобретению гражданином у должника (банкрота) жилого помещения (доли в праве общей собственности на жилое помещение) недействительной на основании п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, и если для такого гражданина и членов его семьи, совместно проживающих в этом жилом помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, право требования по возврату уплаченной им денежной суммы подлежит удовлетворению из вырученной от продажи такого жилого помещения (п. 1 ст. 61.6-1 Закона о банкротстве);

13) перечисления денежных средств в депозит нотариуса в счет исполнения обязательств должника учредителями (участниками) должника, собственником имущества должника – унитарного предприятия либо третьим лицом или третьими лицами в любое время до окончания внешнего управления в целях прекращения производства по делу о банкротстве (п. 1 ст. 113 Закона о банкротстве). Для использования данного способа удовлетворения в полном объеме требований кредиторов необходимы подача данными лицами заявления внешнему управляющему и определение арбитражного суда, рассматривающего дело о банкротстве, об удовлетворении такого заявления (пп. 4-5 ст. 113 Закона о банкротстве) [19];

14) внесения конкурсным управляющим в депозит нотариуса по месту нахождения должника денежных средств, причитающихся кредитору, в случае невозможности перечисления денежных средств на счет или вклад кредитора (п. 2 ст. 142 Закона о банкротстве);

¹ О кредитной кооперации: Федер. закон от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ : [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89568/ (дата обращения: 21.10.2025).

² О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 окт. .2002 г. № 127-ФЗ : [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 21.10.2025).

15) передачи конкурсным управляющим ценных бумаг клиентов в депозит нотариуса по истечении шести месяцев с даты принятия арбитражным судом решения о признании профессионального участника рынка ценных бумаг, управляющей компании, клиринговой организации банкротом и об открытии конкурсного производства, если это имущество не было передано клиентам (п. 5 ст. 185.6 Закона о банкротстве);

16) передачи в депозит нотариуса денежных средств клиента, если в период деятельности временной администрации по управлению кредитной организацией или в ходе конкурсного производства в случае признания кредитной организации, осуществляющей профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг, банкротом, в такую кредитную организацию не поступило заявление ее клиента о возврате его имущества (п. 11 ст. 189.33 Закона о банкротстве);

17) внесения в депозит нотариуса по месту нахождения кредитной организации (ее филиалов) денежных средств в счет исполнения обязательств кредитной организации за счет средств, предоставленных ее учредителями (участниками) или третьим лицом (третьими лицами), в конкурсном производстве, в случае невозможности исполнения обязательства перед кредитором в связи с нарушением им обязанностей по предоставлению сведений о себе, необходимых для осуществления с ним расчетов, а также в случае уклонения его от принятия исполнения обязательства кредитной организации (п. 10 ст. 189.93, пп. 7-9 ст. 189.96 Закона о банкротстве);

18) передачи имущества клиентов конкурсным управляющим в депозит нотариуса, если по истечении шести месяцев с даты принятия арбитражным судом решения о признании участника клиринга банкротом и об открытии конкурсного производства имущество клиентов не было им передано (п. 5 ст. 201.17 Закона о банкротстве);

19) перечисления акционерным обществом в депозит нотариуса денежных средств в связи с выкупом им акций у лиц, зарегистрированных в реестре акционеров общества, при отсутствии информации о реквизитах банковского счета или невозможности зачисления денежных средств на банковский счет по обстоятельствам, не зависящим от общества, по месту нахождения общества (п. 4.1 ст. 76 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ¹ (далее – Закон об акционерных обществах))²;

20) перечисления лицом, которое приобрело более 95% акций публичного общества, денежных средств зарегистрированным в реестре акционеров общества владельцам в связи с выкупом их ценных бумаг, при отсутствии у регистратора общества сведений о банковских реквизитах (банковских счетах) владельцев выкупаемых ценных бумаг, в депозит нотариуса по месту нахождения публичного общества (п. 7 ст. 84.8 Закона об акционерных обществах);

21) перечисления лицом, которое приобрело более 95 процентов акций публичного общества, денежных средств номинальным держателям, которые зарегистрированы в реестре акционеров общества, в связи с выкупом ценных бумаг у владельцев, не зарегистрированных в реестре акционеров общества, при отсутствии у регистратора общества сведений

¹ Об акционерных обществах : Федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ: [ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/ (дата обращения: 21.10.2025).

² Примечательно, что данный порядок не применяется в случае с выкупом обществом акций лиц, не зарегистрированных в реестре акционеров общества, поскольку законом допускается расчет только путем перечисления денежных средств за выкупаемые акции на банковский счет номинального держателя акций, зарегистрированного в реестре акционеров общества (п. 4.2 ст. 76 Закона об акционерных обществах).

о банковских реквизитах (банковских счетах) номинальных держателей, в депозит нотариуса по месту нахождения такого публичного общества (п. 7.1 ст. 84.8 Закона об акционерных обществах);

22) внесения в депозит нотариуса имущества, составляющего компенсационный фонд саморегулируемой организации оценщиков, в денежной форме в случае отсутствия национального объединения саморегулируемых организаций оценщиков при ликвидации некоммерческой организации, имеющей статус саморегулируемой организации оценщиков, и (или) исключения сведений о некоммерческой организации из единого государственного реестра саморегулируемых организаций оценщиков, кроме случаев исключения сведений о некоммерческой организации из единого государственного реестра саморегулируемых организаций оценщиков в связи с ее реорганизацией (ст. 24.8 Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ¹ (далее – Закон об оценочной деятельности));

23) передачи закладной в депозит нотариуса при ее залоге, что освобождает от предъявления закладной должнику или залогодателю, в отношении которых осуществляется соответствующее право, по его требованию, а при исполнении должником своего обязательства по обеспеченному ипотекой обязательству – требует внесения долга в депозит нотариуса (пп. 1, 5 ст. 17 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ² (далее – Закон об ипотеке));

¹ Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федер. закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ : [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/ (дата обращения: 21.10.2025).

² Об ипотеке (залоге недвижимости): Федер. закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ : [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19396/ (дата обращения: 21.10.2025).

24) внесения в депозит нотариуса по месту нахождения изымаемого недвижимого имущества (если иное не предусмотрено решением суда) денежных средств, подлежащих уплате в счет возмещения убытков, возникающих в связи с изъятием земельных участков и (или) иных объектов недвижимого имущества, в отношении которых органами публичной власти оспаривается в суде титул возникновения права у владельца на изымаемое имущество (ч. 8 ст. 13 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 43-ФЗ³ (далее – Закон об особенностях регулирования))⁴;

25) внесения в депозит нотариуса по месту нахождения изымаемого недвижимого имущества (если иное не предусмотрено решением суда) денежных средств, подлежащих уплате в счет возмещения убытков, возникающих в связи с изъятием земельных участков и (или) иных объектов недвижимого имущества, в случае, если не представлены лицом, у которого изымаются объекты недвижимого имущества, реквизиты расчетного

³ Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации – городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 43-ФЗ: [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144623/ (дата обращения: 21.10.2025).

⁴ Если права лица, в отношении которого принято решение об изъятии недвижимого имущества, на изымаемое недвижимое имущество не установлены либо на изымаемое недвижимое имущество установлены права иного лица, денежные средства с депозита нотариуса возвращаются без согласия лица, в пользу которого внесен депозит, во внесудебном порядке на основании запроса органа исполнительной власти, принявшего решение об изъятии недвижимого имущества, в течение пяти дней со дня поступления соответствующего запроса (ч. 10 ст. 13 Закона об особенностях регулирования).

счета (ч. 11 ст. 13 Закон об особенностях регулирования);

26) внесения в депозит нотариуса платы за установление сервитута для размещения объектов федерального или регионального значения, если в течение одного года со дня принятия решения об установлении сервитута не подписано собственником земельного участка, землепользователем, землевладельцем или арендатором земельного участка соглашение о плате за установления сервитута, вследствие их отсутствия по адресам их места жительства либо вследствие их отказа от переговоров по данному вопросу с обладателем сервитута. Плата за установление сервитута вносится в депозит нотариуса по месту нахождения земельного участка для обеспечения исполнения обязательств обладателя сервитута по внесению платы за установление сервитута (п. 3 ст. 18 Закона об особенностях регулирования);

27) внесение должником суммы по векселю в депозит нотариуса «за счет, риск и страх векселедержателя в случае непредъявления переводного векселя к платежу в срок» (ст. 42 Положения о переводном и простом векселе, введенного Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 07.08.1937 № 104/1341¹ (далее – Положение).

Держатель переводного векселя сроком на определенный день или во столько-то времени от составления или от предъявления должен предъявить переводной вексель к платежу либо в день,

когда он должен быть оплачен, либо в один из двух следующих рабочих дней (ст. 38 Положения) [20].

Выводы

Представленный перечень предусмотренных специальными нормами случаев внесения денежных средств или ценных бумаг в депозит нотариуса условно можно считать *считатъ clausus*², но не все из них следует считать самостоятельными основаниями наряду с перечисленными в п. 1 ст. 327 ГК РФ, поскольку некоторые являются случаями либо отсутствия кредитора или лица, уполномоченного им принять исполнение, в месте, где обязательство должно быть исполнено, либо очевидной неопределенности того, кто является кредитором по обязательству, в частности в связи со спором по этому поводу между кредитором и другими лицами, либо уклонения кредитора от принятия исполнения или иной просрочки с его стороны. Однако главный вывод, который не подлежит сомнению, заключается в том, что должник вправе внести причитающиеся с него денежные средства или ценные бумаги в депозит нотариуса только в случаях, установленных нормативно-правовым актом, имеющим силу федерального закона, поэтому использование депозита нотариуса в качестве способа исполнения обязательства не входит в границы абсолютной автономии воли должника при исполнении обязательства, и только законом ему может быть представлена такая альтернатива, образуя добросовестность его поведения. В случаях же, когда внесение денежных средств или ценных бумаг в депозит нотариуса является установленной законом обязанностью, а не правом должника, автономия его воли исключается полностью.

¹ Введено в действие 25 февраля 1937 г., применяется на территории Российской Федерации в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации, вытекающими из ее участия в Конвенции от 7 июня 1930 г., устанавливающей Единообразный закон о переводном и простом векселях. См.: О переводном и простом векселе : Федер. закон от 11 марта 1997 г. № 48-ФЗ: [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13669/ (дата обращения: 21.10.2025).

² Данный вывод основан на анализе содержания базы данных справочно-правовой системы «КонсультантПлюс», актуализированной на 01.10.2025 г.

Список литературы

1. Плехотко К.К. Проблемы обеспечения прав владельцев ценных бумаг при внесении должником ценных бумаг в депозит нотариуса // Нотариус. 2013. № 4. С. 11-13.
2. Гарцева Ю.Ю. Особенности правового регулирования депозита нотариуса как способа обеспечения обязательств // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2023. № 1(44). С. 244-247.
3. Волос А.А. К вопросу о соотношении надлежащего и реального исполнения обязательства // Юрист. 2013. № 7. С. 41-42.
4. Волос А.А. Экономичность исполнения обязательства: вопросы теории и практики // Юрист. 2016. № 18. С. 42-46.
5. Мельников Ю.Б. О защите прав потерпевших через призму примирения // Виктимология. 2020. № 1(23). С. 27-31.
6. Новопашина У.С. О возможностях использования депозита нотариуса // Нотариус. 2018. № 3. С. 9-16.
7. Баранова М.А., Егоров Е.В. О проблемных аспектах примирения потерпевшего с обвиняемым по уголовным делам частного обвинения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 6(125). С. 155-162.
8. Ралько В.В. Суд над депозитом нотариуса. Противоречия в судебной практике по вопросу об ответственности нотариуса за принятые в депозит денежные суммы // Нотариальный вестник. 2012. № 3. С. 25-30.
9. Бакшеева Ю.Н. Актуальные вопросы прекращения вексельного обязательства внесением вексельной суммы в депозит нотариуса // Нотариус. 2009. № 3. С. 6-9.
10. Поташник О.А. О внесении в депозит нотариуса // Нотариус. 2014. № 8. С. 36-41.
11. Цыкунова Е.С. Принятие нотариусом денежных средств и ценных бумаг в депозит и на депонирование // Нотариальный вестник. 2020. № 7. С. 39-52.
12. Микьянец Л.Я. Внесение долга в депозит нотариуса в банкротстве // Судебная практика в Западной Сибири. 2012. № 2. С. 64-70.
13. Абрамова Е.Н. Принятие в депозит нотариуса денежных сумм и ценных бумаг // Право и экономика. 2006. № 1. С. 15-20.
14. Корсик В.К. Депозит нотариуса: проблемы теории и практики. Часть 1 // Нотариус. 2017. № 5. С. 10-14.
15. Ралько В.В., Ралько В.В. Депозит нотариуса. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 176 с.
16. Солодунин А.П. Примирение с потерпевшим // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 4. С. 120-122.
17. Майборода В.А. Использование депозита нотариуса при заключении соглашения об осуществлении публичного сервитута // Нотариус. 2019. № 5. С. 37-40.
18. Корсик В.К. Депозит нотариуса: проблемы теории и практики. Статья 2 // Нотариус. 2017. № 6. С. 9-14.
19. Сычев О.М. Депозит нотариуса: проблемы правоприменения // Закон. 2008. № 12. С. 196-199.
20. Ананьева К.Я., Ананьев А.Г. Новые подходы к определению состава принципов исполнения обязательств // Юридическая наука. 2016. № 5. С. 78-84.

References

1. Plekhotko K.K. Problems of ensuring the rights of securities holders when a debtor deposits securities in a notary's deposit. *Notarius = Notary*. 2013;(4):11-13. (In Russ.)
2. Gartseva Yu. Features of the legal regulation of a notary's deposit as a way to secure obligations. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(1):244-247. (In Russ.)

3. Volos A.A. On the issue of the ratio of proper and real fulfillment of obligations. *Yurist = Lawyer*. 2013;(7):41-42. (In Russ.)
4. Volos A.A. Efficiency of fulfillment of obligations: issues of theory and practice. *Yurist = Lawyer*. 2016;(18):42-46. (In Russ.)
5. Melnikov Yu.B. On the protection of victims' rights through the prism of reconciliation. *Viktimologiya = Victimology*. 2020;(1):27-31. (In Russ.)
6. Novopashina U.S. On the possibilities of using a notary's deposit. *Notarius = Notary*. 2018;(3):9-16. (In Russ.)
7. Baranova M.A., Egorov E.V. On problematic aspects of reconciliation between a victim and a defendant in private criminal cases. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2018;(6):155-162. (In Russ.)
8. Ralko V.V. The trial of the notary's deposit: Contradictions in judicial practice on the issue of notaries' responsibility for amounts accepted as deposits. *Vestnik notariata = Notary Bulletin*. 2012;(3):25-30. (In Russ.)
9. Baksheeva Yu.N. Actual issues of terminating a promissory note obligation by depositing the amount of the note in a notary's deposit. *Notarius = Notary*. 2009;(3):6-9. (In Russ.)
10. Potashnik O.A. Making a notary's deposit. *Notarius = Notary*. 2014;(8):36-41. (In Russ.)
11. Tsykunova E.S. Notary acceptance of funds and securities for deposit and deposit. *Vestnik notariata = Notary Bulletin*. 2020;(7):39-52. (In Russ.)
12. Mikyanets L.Ya. Depositing debt in a notary's account in bankruptcy. *Sudebnaya praktika v Zapadnoj Sibiri = Judicial Practice in Western Siberia*. 2012;(2):64-70. (In Russ.)
13. Abramova E.N. Acceptance of sums of money and securities into the notary's deposit. *Zakon i ekonomika = Law and Economics*. 2006;(1):15-20. (In Russ.)
14. Korsik V.K. Notary deposit: problems of theory and practice. Part 1. *Notarius = Notary*. 2017;(5):10-14. (In Russ.)
15. Ralko V.V. Notary's deposit. Moscow: Infotropik Media; 2016. 176 p. (In Russ.)
16. Solodunin A.P. Reconciliation with the victim. *Soyuz kriminologov i kriminantov = Union of Criminologists and Criminologists*. 2018;(4):120-122. (In Russ.)
17. Mayboroda V.A. Using a notary's deposit when concluding an agreement on implementing a public easement. *Notarius = Notary*. 2019;(5):37-40. (In Russ.)
18. Korsik V.K. Notary's deposit: problems of theory and practice. Article 2. *Notarius = Notary*. 2017;(6):9-14. (In Russ.)
19. Sychev O.M. Notary deposit: problems of law enforcement. *Pravo = Law*. 2008;(12):196-199. (In Russ.)
20. Ananyeva K.Ya., Ananyev A.G. New approaches to determining the composition of principles of fulfillment of obligations. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*. 2016;(5):78-84. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Блинков Олег Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра «Цивилист» кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация; профессор кафедры гражданского права и процесса, Академия права управления Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: blinkov@inbox.ru,
ORCID: 0000-0002-3506-2194

Oleg E. Blinkov, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Leading Researcher of the Scientific and Educational center "Civilist" of the Civil Law Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation; Professor of the Department of Civil Law and Process, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation,
e-mail: blinkov@inbox.ru,
ORCID: 0000-0002-3506-2194

Блинкова Елена Викторовна, доктор юридических наук, профессор, профессор Академического департамента Школы права и управления, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация; профессор кафедры гражданского права и процесса, Академия права управления Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: elenablinkova@inbox.ru,
ORCID: 0000-0002-0748-1252

Фоков Анатолий Павлович, доктор юридических наук, профессор, ординарный профессор Школы права, Пекинский университет, г. Пекин, Китайская Народная Республика,
e-mail: fokovam@yandex.ru,
SPIN-код РИНЦ: 4212-1926

Коротких Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: korotkixol@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-7784-3773

Elena V. Blinkova, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Professor of the Academic Department at the School of Law and Management, University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation; Professor of the Department of Civil Law and Process, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation,
e-mail: elenablinkova@inbox.ru,
ORCID: 0000-0002-0748-1252

Anatoly P. Fokov, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Ordinary Professor at the School of Law, of Peking University, Beijing, China,
e-mail: fokovam@yandex.ru,
SPIN code: 4212-1926

Olga A. Korotkih, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: korotkixol@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-7784-3773



Налогообложение сумм компенсации морального вреда и неустойки по Закону Российской Федерации «О защите прав потребителей»: коллизия гражданского и налогового права

М.И. Брусенцева^{1,2✉}, О.Е. Блинков^{2,3}, О.А. Коротких², А.Н. Сурков²

¹ Управление Федеральной налоговой службы по Курской области
ул. Горького, д. 37, г. Курск 305000, Российская Федерация

² Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

³ Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний
ул. Сенная, д. 1, г. Рязань 390000, Российская Федерация

✉ e-mail: mari.kryukova.2002@mail.ru

Резюме

Актуальность. Анализируются коллизии, возникающие при налогообложении сумм компенсации морального вреда и неустойки, взыскиваемых в пользу потребителя. Выявляются противоречия между фискальными интересами государства и целями гражданско-правового восстановления нарушенных прав граждан.

Целью настоящего исследования является формирование единого подхода к налогообложению компенсационных и штрафных выплат по Закону Российской Федерации «О защите прав потребителей», взыскиваемых в пользу потребителей.

Задачи исследования: определение правовой природы выплат потребителям для целей налогообложения; установление коллизий судебных подходов к налогообложению взысканных сумм компенсации морального вреда и неустойки; формулирование конкретных предложений по устранению противоречий.

Методология. Статья выполнена на основе всеобщего диалектического метода. Также использовались системный, формально-юридический и технико-юридический методы, методы анализа, описания, обобщения.

Результаты. Отталкиваясь от принципа необходимости сочетания частноправовых и публично-правовых интересов при регулировании отношений с участием потребителей, определено, что имеются существенные расхождения теоретических подходов к проблематике налогообложения присужденных в пользу потребителя сумм неустойки, а судебная практика демонстрирует, как дуализм правовой природы компенсационных выплат находит прямое отражение в судебных решениях, порождая диаметрально противоположные подходы к ее налогообложению. Изложенное высвечивает проблему дисбаланса не только в разрезе необходимости налогообложения этих сумм или отсутствия таковой, но и еще раз указывает на необходимость недопущения злоупотребления правом и разумное использование публичных правовых инструментов.

Вывод. Предлагаемые результаты исследования направлены на корректное определение объекта налогообложения в соответствии с реальной экономической и правовой природой компенсационных и штрафных выплат потребителю по решению суда в целях обеспечения баланса интересов и укрепления доверия к правовой системе.

Ключевые слова: налоговое право; защита прав потребителей; компенсация; моральный вред; неустойка; договор долевого участия.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Налогообложение сумм компенсации морального вреда и неустойки по Закону Российской Федерации «О защите прав потребителей»: коллизия гражданского и налогового права / М.И. Брусенцева, О.Е. Блинков, О.А. Коротких, А.Н. Сурков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 69–79. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-69-79>.

Поступила в редакцию 01.11.2025

Принята к публикации 28.11.2025

Опубликована 25.12.2025

Taxation of compensation sums for moral damage and penalties under the Law of the Russian Federation “On protection of consumers’ rights”: conflict of civil and tax law

Mariya I. Brusentseva^{1,2✉}, Oleg E. Blinkov^{2,3}, Olga A. Korotkih²,
Alexander N. Surkov²

¹Office of the Federal Tax Service for the Kursk region

37 Gorky Str., Kursk 305000, Russian Federation

²Southwest State University

50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

³The Academy of the FPS of Russia

1 Sennaya Str., Ryazan 390000, Russian Federation

✉ e-mail: mari.kryukova.2002@mail.ru

Abstract

Relevance. The conflicts that arise in the taxation of compensation sums for moral damage and penalties levied in favor of the consumer are analyzed. The contradictions between the fiscal interests of the state and the goals of civil law restoration of violated citizens' rights are revealed.

The purpose of this study is to form a unified approach to the taxation of compensation and penalty payments under the Law of the Russian Federation “On Consumers’ Rights Protection”, collected in favor of consumers.

The objectives of the study are to determine the legal nature of consumers’ payments for tax purposes; to establish conflicts of judicial approaches to taxation of the collected sums of compensation for moral damage and penalties; to formulate specific proposals to eliminate contradictions.

Methodology. The article makes use of the universal dialectical method. Systematic, formal-legal and technical-legal methods, methods of analysis, description, generalization were also applied.

Results. Based on the principle of the need to combine private law and public law interests in regulating relations with consumers, it has been determined that there are significant discrepancies in theoretical approaches to the problem of taxation of penalties awarded in favor of consumers, and judicial practice demonstrates how the dualism of the legal nature of compensation payments is directly reflected in court decisions, giving rise to diametrically opposed approaches to their taxation. The article highlights the problem of imbalance not only in terms of the need for taxation of these sums or lack thereof, but also once again points to the necessity to prevent abuse of law and the reasonable use of public legal instruments.

Conclusion. The proposed study results are aimed at correctly determining the object of taxation in accordance with the real economic and legal nature of compensation and penalty consumers’ payments by court decision in order to ensure a balance of interests and strengthen confidence in the legal system.

Keywords: tax law; consumers’ rights protection; compensation; moral damage; penalty; equity participation agreement.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Brusentseva M.I., Blinkov O.E., Korotkih O.A., Surkov A.N. Taxation of compensation sums for moral damage and penalties under the Law of the Russian Federation “On protection of consumers’ rights”: conflict of civil and tax law. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(6):69–79. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-69-79>.

Received 01.11.2025

Accepted 28.11.2025

Published 25.12.2025

Введение

Современная правовая система Российской Федерации характеризуется сложным переплетением публичных и

частных интересов. Одной из наиболее рельефных «точек напряжения» на стыке отраслей права является сфера, где сталкивается фискальная политика государ-

ства, реализуемая через нормы налогового права, и социальная функция по защите экономически слабой стороны – потребителя. Взаимодействие норм налогового права и законодательства о защите прав потребителей представляет собой сложный и малоисследованный сегмент межотраслевого взаимодействия. Несмотря на различную отраслевую принадлежность, эти институты тесно переплетаются в правоприменительной практике, порождая ряд доктринальных и практических проблем. Нормы гражданского законодательства, в частности Закон РФ от 7 февраля 1991 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей), направлены на восстановление нарушенного положения гражданина, в том числе с помощью мер гражданско-правовой ответственности (компенсация морального вреда, неустойка). Налоговое же право рассматривает любые поступления в пользу физического лица через призму их экономической выгоды, что зачастую приводит к правовым коллизиям и нарушению принципов справедливости, а в ряде случаев и к добросовестности.

Методология

Основу работы составил всеобщий диалектический метод научного познания. Для получения обоснованных результатов и выводов использовались общенаучный метод анализа, эмпирические методы описания, обобщения, интерпретации, позволившие получить знания о содержании норм Налогового кодекса Российской Федерации, выделить специфику законодательства о защите прав потребителей в части взыскания неустойки, установить противоречия. Использование системного метода привело к структурированию материала на основе налогового законодательства, законодательства о защите прав потребителей и обобщенной судебной практики, что позволило получить релевантные выводы. Формально-юридический метод и метод системного

толкования правовых норм применялись при изучении норм налогового законодательства и законодательства о защите прав потребителей.

Результаты и их обсуждение

Правовая природа выплат потребителям и их налогообложение: постановка вопроса

Принцип сочетания частноправовых и публично-правовых интересов плотно вошел в систему правового регулирования отношений в условиях рыночной экономики. Еще в 2008 г. в юридической литературе указывалось на «важность соблюдения “принципа сочетания частноправовых и публично-правовых интересов”», отраженную в Постановлении Конституционного Суда РФ [1], позднее определялось, что «сочетание частноправового и публично-правового регулирования как в сфере частных, так и в сфере публичных отношений является закономерным процессом правового развития» [2], а в настоящее время прямо декларируется, что «в современных условиях становится очевидной необходимость объединения частноправовых принципов с публично-правовыми» [3]. Применительно к институту защиты прав потребителей В.В. Богдан справедливо отмечает, что «осознание неотвратимости взаимодействия частного и публичного права в регулировании... правоотношений с участием потребителей есть отражение реалий современной российской действительности, породивших правовую неопределенность... следствием которой являются в том числе и случаи злоупотреблений в отношении потребителей, регулярно выявляемые на потребительском рынке, и противоречивая правоприменительная практика» [4, с. 1404]. Аналогичная позиция и в отношении конвергенции частного и публичного права в целом [5]. С данным утверждением сложно не согласиться. В современных условиях функционирования института защиты прав потребителей, включая раз-

витие платформенной экономики, вопросы, составляющие его ядро, приобретают особую актуальность, т. к. рассматриваемые правоотношения представляют собой особую сферу правового регулирования. Данный факт детерминирован спецификой правового статуса центральной фигуры таких отношений, которой выступает потребитель. Вместе с тем потребитель, хоть и является основным субъектом защиты, остается экономически слабой стороной в правоотношениях, в связи с чем законодатель предусмотрел ряд специальных правил, направленных на защиту его имущественных и личных неимущественных прав и интересов, и соответственно возложил дополнительные обязанности на продавцов, исполнителей, изготовителей, владельцев агрегатора, а именно:

- возмещать потребителю вред, причиненный недостатками товаров, работ или услуг (ст. 14 Закона о защите прав потребителей);

- компенсировать причиненный потребителю моральный вред при наличии у него нравственных или физических страданий по вине продавца (ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 15 Закона о защите прав потребителей);

- оплачивать неустойку за нарушение срока удовлетворения требований потребителя, связанных с приобретением товаров, работ и услуг (ст. 13, 23-23.1 и 28 Закона о защите прав потребителей).

- оплачивать штраф в размере 50% от всех присужденных в пользу потребителя денежных сумм при отказе удовлетворить его требования в досудебном порядке (п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей).

Правовая природа компенсации морального вреда и неустойки в рамках законодательства о защите прав потребителей носит компенсационно-восстановительный и штрафной характер. Согласно ст. 15 Закона о защите прав потребителей, моральный вред, причиненный по-

ребителю вследствие нарушения его прав, подлежит компенсации причинителем вреда за сам факт нарушения прав потребителей. Неустойка (штраф) взыскивается (ст. 23, 28 Закона о защите прав потребителей) в случае неудовлетворения требования потребителя в добровольном порядке сверх убытков, что предопределяет ее штрафной характер. Следовательно, на первый взгляд, данные выплаты не являются экономической выгодой или доходом в гражданско-правовом смысле, их основная цель в рассматриваемых правоотношениях – нивелировать физические и нравственные страдания, а также стимулировать добросовестное поведение исполнителя / продавца, как более сильного участника правоотношений.

На «проблемы выделения публично-правовых и частноправовых интересов, воздействующих на налоговые отношения» указывалось еще в 2002 г. [6] С позиций налогового права в соответствии с п. 1 ст. 41 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) «доходом признается экономическая выгода в денежной или натуральной форме, учитываемая в случае возможности ее оценки». Формальное соответствие рассматриваемых в настоящей научной работе денежных поступлений критериям экономической выгоды, установленным ст. 209 НК РФ, формирует возможности для их налогообложения. Таким образом, на стыке гражданского и налогового права формируется правовая проблема, требующая разрешения: может ли компенсационная выплата, полученная физическим лицом, рассматриваться в качестве дохода, приносящего ему экономическую выгоду? Министерство финансов России и Федеральная налоговая служба России длительное время придерживались позиции, что суммы компенсации морального вреда и неустойки подлежат обложению НДФЛ, поскольку увеличивают благосостояние физического лица. Однако Министерство финансов РФ в своем письме от 7 апреля 2023 г. № 03-04-05/31279 да-

ло разъяснения относительно включения различных видов компенсаций в базу по НДФЛ¹. В письме речь шла о компенсации реального ущерба, судебных расходов, морального вреда и штрафа, выплаченного по решению суда. Исходя из положений данного письма, можно сделать вывод, что если выплата носит компенсационный характер (возмещает понесенные потери или затраты), то данные суммы не облагаются налогом. Если это штрафная санкция (неустойка, штраф), то она облагается НДФЛ. Вместе с тем в доктрине и судебной практике наблюдается отсутствие консенсуса относительно правовой природы компенсационных и штрафных выплат, что порождает дискуссию о пределах их налогообложения.

Анализ правовой природы неустойки позволяет констатировать ее дуализм, общепризнанный в российской цивилистической доктрине. Указанный дуализм проявляется в том, что неустойка выполняет две ключевые функции: служит способом обеспечения обязательств и в то же время представляет собой самостоятельную меру имущественной ответственности. Этот взгляд разделяется и на высшем уровне судебной власти: Конституционный Суд Российской Федерации в своей практике неоднократно подчеркивал двуединую сущность данного института, квалифицируя его и как обеспечительную меру, и как меру ответственности². При этом в рамках анализи-

руемого вопроса стоит отметить и другие точки зрения, например, И.И. Пучковская пытается опровергнуть двойственную природу неустойки, утверждая, что она не является способом обеспечения исполнения обязательств [7, с. 37].

Стоит отметить, что определение неустойки по делам о защите прав потребителей в качестве штрафной весьма дискуссионно. В цивилистической литературе этой проблематике уделено достаточно внимания. В контексте поднятой проблематики это имеет значение в том смысле, что штрафная неустойка позволяет потребителю взыскивать со своего контрагента весьма значительные суммы. В частности, ряд авторов пишут, что наличие штрафной неустойки в правоотношениях с участием потребителей оправдано [8], однако взыскиваться она

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25043/ (дата обращения: 20.10.2025); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Наговицына Юрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 21 дек. 2000 г. № 263-О // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33855/; По жалобам граждан Бузулуцкой Антонида Михайловны, Егоровой Зинаиды Ивановны, Марченко Александра Владимировича, Мокрышева Владимира Андреевича, Педана Виктора Андреевича и Семенищев Иван Тимофеевича на нарушение их конституционных прав статьей 333 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 10 янв. 2002 г. № 11-О // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35807/; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бочаровой Нины Викторовны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 22 янв. 2004 г. № 13-О // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46845/ (дата обращения: 20.10.2025).

¹ Письмо Министерства финансов РФ № 03-04-05/31279 от 07.04.2023 // КонтурНорматив: сайт. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=447343&ysclid=mix3dwgg4183093605> (дата обращения: 20.10.2025).

² См.: По жалобе гражданина Коржа Сергея Аркадьевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации и статей 325 и 432 Гражданского процессуального кодекса РСФСР: определение Конституционного Суда РФ от 7 окт. 1999 г. № 137-О // КонсультантПлюс: сайт. URL:

должна с учетом таких требований, как соразмерность [9, с. 37-38], законность [10], отсутствие злоупотреблений со стороны потребителей [11], обоснованность [12], вина лица, совершившего правонарушение [13], фактические действия потребителя [14].

Весьма показательным в этой части является гражданское дело № 2-2177/2022, рассмотренное Красноглинским районным судом г. Самары, решением которого с ответчика была взыскана неустойка «в размере 19224 рубля за каждый день, то есть 1% от цены товара, начиная со дня, следующего за днем вынесения решения по день фактического исполнения обязательства в части выплаты убытков в виде разницы между ценой автомобиля, установленной договором, и ценой аналогичного автомобиля на день вынесения судом решения»¹. Сумма неустойки ко дню фактического взыскания составила 1 172 664 руб.², что, как представляется, с учетом цены иска вполне можно рассматривать как получение дохода (экономической выгоды).

Коллизия судебных подходов к налогообложению взысканных сумм компенсации морального вреда и неустойки: анализ судебной практики

В правоприменении на сегодняшний день отсутствует единообразная судебная

практика в части правового регулирования налогообложения компенсационных выплат, что создает явную правовую неопределённость. Это демонстрирует существенные расхождения в подходах к квалификации природы таких выплат. Гражданское право стремится восстановить нарушенное право, налоговое – восполнить бюджет за счет «дохода» от этого нарушения.

Суды общей юрисдикции, рассматривая споры о защите прав потребителей, последовательно указывают, что компенсация морального вреда не является доходом. Она призвана компенсировать нематериальные потери, а не обогатить потерпевшего. Так, Второй Кассационный суд общей юрисдикции в определении от 14 марта 2023 г. № 88-6959/2023 указал: «...сумма возмещения морального вреда, выплачиваемая физическому лицу на основании решения суда в соответствии со статьей 15 Закона РФ “О защите прав потребителей”, не подлежит обложению налогом на доходы физических лиц... Компенсация морального вреда по своей природе не может рассматриваться как экономическая выгода, и следовательно, не является объектом налогообложения»³, тем самым отказав в удовлетворении исковых требований.

При этом Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 12 апреля 2023 г. № 88-43576/2022 демонстрирует совершенно другой подход к определению правовой природы компенсационных выплат. Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции, с позицией которого согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что «предусмотренные законодательством о защите прав потребителей санкции носят

¹ Решение Красноглинского районного суда г. Самары по делу № 2-2177/2022 // Красноглинский районный суд г. Самара. URL: https://krasnoglinsky--sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_orp=case&case_id=54504941&case_uid=74181aaf-9e0e-459b-ae80-58e267ec8056&delo_id=1540005 (дата обращения: 20.10.2025).

² О законности взысканной неустойки см.: Определение Верховного Суда РФ по делу № 46-КГ24-11 от 30 июля 2024 г. // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi>; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-1208/2024 от 23 января 2024 г. // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 20.10.2025).

³ Определение Второго Кассационного суда общей юрисдикции от 14.03.2023 № 88-6959/2023 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 20.10.2025).

исключительно штрафной характер, и их взыскание не преследует цель компенсации потерь (реального ущерба) потребителя. Поскольку выплата сумм таких санкций приводит к образованию имущественной выгоды у потребителя, они включаются в доход гражданина на основании положений статей 41, 209 НК РФ вне зависимости от того, что получение данных сумм обусловлено нарушением прав физического лица»¹.

Анализируя правовую природу штрафов и возможности их налогообложения, С.В. Гармаш указала: «Гражданин оспаривал правомерность включения в налогооблагаемую базу НДФЛ сумм штрафа и неустойки, взысканных с банка по закону “О защите прав потребителей”, указывая, что данные выплаты носят компенсационный характер и не являются доходом в экономическом смысле². Он полагал, что поскольку взыскание штрафных санкций направлено на восстановление нарушенных прав и наказание недобросовестного исполнителя, а не на обогащение потребителя, такие суммы не должны облагаться налогом. Суд удовлетворил требования заявителя, согласившись с тем, что штрафные выплаты по закону “О защите прав потребителей” не образуют экономической выгоды и, следовательно, не подлежат включению в налоговую базу. Суд указал, что природа

взысканных сумм связана исключительно с нарушением банком обязанностей перед потребителем, а не с получением последним дополнительного дохода. Тем самым судебный акт подтвердил правовую позицию, согласно которой компенсационно-штрафные выплаты по закону “О защите прав потребителей”, не приводящие к реальному увеличению имущественного положения гражданина, не должны облагаться НДФЛ» [15, с. 19].

Представленная в настоящем исследовании судебная практика наглядно демонстрирует, как дуализм правовой природы компенсационных выплат находит прямое отражение в судебных решениях, порождая диаметрально противоположные подходы к ее налогообложению. Стоит отметить, что судебная практика последовательно разграничивает штрафные выплаты, увеличивающие имущественное положение получателя, и потому подлежащие обложению НДФЛ, и компенсационные платежи, не образующие объекта налогообложения. Данный подход согласуется с принципом толкования налоговых норм в пользу налогоплательщика (п. 7 ст. 3 НК РФ): если закон прямо не освобождает конкретный вид дохода от налогообложения, он включается в расчетную базу при наличии признаков экономической выгоды³.

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на следующее. Действительно, неустойка (штраф) – это мера ответственности, а не источник обогащения потребителя. Однако последнее, в общей логике защиты прав потребителей при одновременном соблюдении баланса интересов и недопущения злоупотребления правом, должно относиться к тем случа-

¹ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 12.04.2023 г. № 88-43576/2022 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 20.10.2025).

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 1358-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баранова Вячеслава Викторовича на нарушение его конституционных прав статьями 41, 208 и 209 Налогового кодекса Российской Федерации» // Легалакт: сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30052023-n-1358-o/?ysclid=mix4gu3jfp389837682> / (дата обращения: 20.10.2025).

³ Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением главы 23 Налогового кодекса Российской Федерации: [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.10.2015] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187725/ (дата обращения: 20.10.2025).

ям, когда неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения прав потребителей. Сложившаяся судебная практика, в том числе позиция Верховного Суда РФ, в настоящее время склоняется в пользу потребителя. Суды указывают, что, поскольку компенсация морального вреда и взыскание неустойки носят компенсационный, а не доходный характер, они не образуют объекта налогообложения по НДФЛ.

Анализ судебной практики наглядно демонстрирует, что вопрос о налогообложении НДФЛ штрафных санкций, взыскиваемых по Закону о защите прав потребителей, характеризуется отсутствием консолидированной позиции со стороны фискальных органов. Их официальные разъяснения и подходы «на местах» демонстрируют широкий спектр мнений: от освобождения указанных выплат от налогообложения до безусловного их отнесения к налогооблагаемым доходам. Возникающая вследствие этого правовая нестабильность дестабилизирует правоприменительный процесс, ставя как граждан-взыскателей, так и судебные инстанции перед необходимостью заново доказывать компенсационную природу соответствующих платежей в рамках каждого отдельного спора. Для преодоления сложившейся коллизии и обеспечения единообразия правоприменения, с учетом наличия в НК РФ меры ограничительного характера в отношении потребителей¹, считаем необходимым допол-

нить п. 1 ст. 217 Налогового кодекса Российской Федерации новым пунктом следующего содержания: «Не подлежат налогообложению (освобождаются от налогообложения) следующие доходы физических лиц... суммы компенсации морального вреда, а также суммы неустойки (штрафа, пени), взысканные по делам, возникающим из правоотношений в сфере защиты прав потребителей, на основании вступившего в законную силу судебного акта или соглашения сторон, утвержденного судом, если сумма неустойки не превышает 1 000 000 рублей».

Данные меры позволят устранить существующие межотраслевые противоречия, обеспечить действительный приоритет защиты прав граждан в рамках правового государства, а также создать условия, препятствующие злоупотреблению потребителем своими правами.

Выводы

Наличие системных коллизий между нормами налогового права и законодательства о защите прав потребителей есть следствие попыток обеспечения оптимального сочетания частноправовых и публично-правовых интересов. Подход, при котором компенсационные и восстановительные выплаты, а также последствия действий недобросовестных контрагентов пытаются рассматривать как объект налогообложения для потерпевшей стороны, противоречит принципам справедливости и целям гражданско-правового регулирования. В связи с этим для гармонизации межотраслевых отношений и формирования единообразной правоприменительной практики требуется принятие системообразующей законодательной новеллы. Наиболее эффектив-

и уменьшенной на сумму государственной пошлины, подлежащей уплате при цене иска 1 000 000 рублей.

¹ С учетом положений подп. 4 пп. 2 и 3 ст. 333.36 Налогового кодекса РФ истцы по искам, связанным с нарушением прав потребителей, освобождаются от уплаты государственной пошлины при подаче в суды общей юрисдикции, а также мировым судьям исковых заявлений, если цена иска не превышает 1 000 000 рублей. В случае если цена иска превышает эту сумму, уплачивается государственная пошлина в сумме, исчисляемой в соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 333.19 НК РФ

ным и логичным решением является прямое закрепление в ст. 217 Налогового кодекса Российской Федерации положения, исключающего из состава налогооблагаемых доходов физических лиц суммы компенсации морального вреда, а также законной и договорной неустойки (штрафа, пени), взысканных на основании судебного акта или мирового соглашения в рамках защиты прав, предусмотренных Законом РФ «О защите прав потреби-

лей», с учетом предложенного ограничения. Предлагаемая норма направлена не на предоставление налогоплательщику-взыскателю необоснованной льготы, а на корректное определение объекта налогообложения в соответствии с реальной экономической и правовой природой рассматриваемых выплат, что будет способствовать укреплению доверия к правовой системе в целом.

Список литературы

1. Ведяхин В.М., Ревина С.Н. О роли решений Конституционного Суда РФ в утверждении принципов рыночной экономики // Российская юстиция. 2008. № 4. С. 2-5.
2. Раскотиков И.С. Особенности и формы соотношения публичных и частных интересов в правовой жизни общества // Гражданин и право. 2014. № 8. С. 40-52.
3. Попов А.И. Проблемы баланса частных и публичных интересов в административно-договорных правоотношениях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 4. С. 42-47.
4. Богдан В.В. Частноправовые и публично-правовые начала регулирования защиты прав потребителей в России // Политика и Общество. 2014. № 11. С. 1404-1411.
5. Богдан В.В., Манукян А.Р., Алымов А.А. К вопросу о системе права: проблемы конвергенции частного и публичного права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 165-170.
6. Петрова Г.В. Современные проблемы развития теории и практики правового регулирования налогообложения в финансовой деятельности государства // Журнал российского права. 2002. № 8. С. 22-26.
7. Пучковская И.И. Неустойка не является способом обеспечения исполнения обязательств // Юрист. 2013. № 7. С. 36-40.
8. Краснова С.А. Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // Вестник экономического правосудия. 2020. № 1. С. 68-110.
9. Богдан В.В. Модернизация Закона РФ «О защите прав потребителей» и судебная практика: частноправовые аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 2-1. С. 34-39.
10. Богдан В.В. Положения Закона РФ «О защите прав потребителей» о неустойке нуждаются в совершенствовании // Гражданское право. 2012. № 4. С. 9-11.
11. Богдан В.В. Практика применения норм о взыскании неустойки в свете нового постановления Пленума Верховного Суда РФ «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Право и экономика. 2014. № 3 (313). С. 76-79.
12. Богдан В.В. Гражданско-правовые способы защиты прав потребителей в сфере торговли и услуг // Юрист. 2003. № 7. С. 11-15.
13. Слесарев В.Л., Кравец В.Д. Штрафная неустойка как «сверхкомпенсационная» санкция и особенности ее применения в делах с участием потребителей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 3. С. 59-64.
14. Нестерова Т.И., Кочнев А.С. Особенности взыскания неустойки и штрафа по Закону о защите прав потребителей // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 2. С. 97-104.

15. Гармаш С.В. НДС на штрафы и неустойку с точки зрения законодательства о защите прав потребителей // Правовое регулирование экономической деятельности. 2024. № 3. С. 16-23.

References

1. Vedyakhin V.M., Revina S.N. On the role of the Russian Federation Constitutional Court's decisions in approving the principles of a market economy. *Rossiiskoe pravosudie = Russian Justice*. 2008;(4):2-5. (In Russ.)
2. Raskotikov I.S. Features and forms of correlation of public and private interests in the legal life of society. *Grazhdanin i pravo = Citizen and Law*. 2014;(8):40-52. (In Russ.)
3. Popov A.I. Problems of balancing private and public interests in administrative and contractual legal relations. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*. 2023;(4):42-47. (In Russ.)
4. Bogdan V.V. Private law and public law principles of regulation of consumers' protection in Russia. *Politika i obshchestvo = Politics and Society*. 2014;(11):1404-1411. (In Russ.)
5. Bogdan V.V., Manukyan A.R., Alymov A.A. On the issue of the legal system: problems of convergence of private and public law. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*. 2017;(6):165-170. (In Russ.)
6. Petrova G.V. Modern problems of theory and practice development of legal regulation of taxation in financial activity of the state. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2002;(8):22-26. (In Russ.)
7. Puchkovskaya I.I. A penalty is not a way to ensure the fulfillment of obligations. *Yurist = Jurist*. 2013;(7):36-40. (In Russ.)
8. Krasnova S.A. Overcompensation protection in Russian civil law: forms and limits. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya = Bulletin of Economic Justice*. 2020;(1):68-110. (In Russ.)
9. Bogdan V.V. Modernization of the Law of the Russian Federation "On consumers' rights protection" and judicial practice: private law aspects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2012;(2-1):34-39. (In Russ.)
10. Bogdan V.V. The provisions of the Law of the Russian Federation "On consumers' rights protection" on penalties need to be improved. *Grazhdanskoe pravo = Civil law*. 2012;(4):9-11. (In Russ.)
11. Bogdan V.V. The practice of applying rules on the recovery of penalties in the light of the new resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On the consideration by courts of civil cases on consumer protection disputes". *Zakon i ekonomika = Law and economics*. 2014;(3):76-79. (In Russ.)
12. Bogdan V.V. Civil law methods of consumer protection in the field of trade and services. *Yurist = Jurist*. 2003;(7):11-15. (In Russ.)
13. Slesarev V.L., Kravets V.D. The penal sum as an "overcompensation" sanction and the specifics of its application in cases involving consumers. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = The laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2022;(3):59-64. (In Russ.)
14. Nesterova T.I., Kochnev A.S. The specifics of collecting penalties and fines under the Law on consumer protection. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii = Property relations in the Russian Federation*. 2018;(2):97-104. (In Russ.)
15. Garmash S.V. Personal income tax on fines and penalties from the point of view of consumer protection legislation. *Pravovoe regulirovanie ekonomicheskoy deyatel'nosti = Legal regulation of economic activity*. 2024;(3):16-23. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Брусенцева Мария Игоревна, специалист-эксперт правового отдела № 1, УФНС России по Курской области; координатор деятельности юридической клиники, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: mari.kryukova.2002@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4513-2544

Mariya I. Brusentseva, Specialist-expert of the Legal Department No. 1, Office of the Federal Tax Service for the Kursk region; Coordinator of the legal clinic's activities, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: mari.kryukova.2002@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4513-2544

Блинков Олег Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра «Цивилист» кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация; профессор кафедры гражданского права и процесса, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: blinkov@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-3506-2194

Oleg E. Blinkov, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Leading Researcher of the Scientific and Educational center "Civilist" of the Civil Law Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation; Professor of the Department of Civil Law and Process, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: blinkov@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-3506-2194

Коротких Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: korotkixol@gmail.com, ORCID: 0000-0002-7784-3773

Olga A. Korotkih, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: korotkixol@gmail.com, ORCID: 0000-0002-7784-3773

Сурков Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: rnessa3059@mail.ru, Autor ID: 550219

Alexander N. Surkov, Doctor of Sciences (Juridical), Professor of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: rnessa3059@mail.ru, Autor ID: 550219

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.22

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-80-88>

Правовая природа передачи вещи

Д.А. Мальбин¹✉

¹Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева
ул. Новочеремушкинская, д. 69, г. Москва 117418, Российская Федерация

✉e-mail: malbin.rgup@gmail.com

Резюме

Актуальность статьи обусловлена отсутствием в науке гражданского права единого мнения относительно правовой природы передачи вещи. Исследование данного вопроса способно обогатить юридическую науку и повысить эффективность правоприменительной деятельности.

Цель: определение правовой природы передачи вещи в российском гражданском праве.

Задачи: исследование института передачи вещи в гражданском праве России и сложившейся практики применения судами норм о передаче вещи и переходе права собственности; анализ различных научных подходов к определению правовой природы акта передачи вещи; выявление в них противоречий и формулирование выводов относительно правовой природы передачи вещи и ее роли в гражданском обороте.

Методология. В статье использованы общенаучные методы анализа и синтеза, абстрагирования и обобщения, дедукции, диалектический, формально-юридический и исторический методы.

Результаты. Передача вещи – действие волевое, с которым связывается переход права собственности от отчуждателя к приобретателю. В этой связи в юридической науке встречается утверждение о том, что передача вещи представляет собой особую распорядительную сделку, которая существует наряду со сделкой обязательственной – договором, во исполнение которого передается вещь. Между тем встречается и другая точка зрения, согласно которой передача вещи не является сделкой, поскольку не отвечает признакам сделки, а представляет собой только материальный акт, с которым связаны правовые последствия.

Выводы. Передача вещи в российском гражданском праве представляет собой материальный акт, который в системе юридических фактов относится к юридическим поступкам.

Ключевые слова: право собственности; передача вещи; традиция; переход права; отчуждение имущества; юридический факт; сделка.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Мальбин Д.А. Правовая природа передачи вещи // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 80–88. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-80-88>.

Поступила в редакцию 31.10.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Опубликована 25.12.2025

The legal nature of the transfer of the item

Dmitry A. Malbin¹ 

¹Lebedev Russian State University of Justice
69 Novocheremushkinskaya Str., Moscow 117418, Russian Federation

✉e-mail: malbin.rgup@gmail.com

Abstract

The relevance of the article is due to the lack of a consensus in the science of civil law regarding the legal nature of the transfer of a thing. The study of this issue can enrich the legal science and increase the effectiveness of law enforcement activities.

Purpose: to determine the legal nature of the transfer of a thing in Russian civil law.

Objectives: to study the institution of transfer of a thing in Russian civil law and the established practice of applying the rules on transfer of a thing and transfer of ownership by courts; analyze various scientific approaches to determining the legal nature of the act of transfer of a thing; identify contradictions in them and formulate conclusions regarding the legal nature of the transfer of a thing and its role in civil turnover.

Methodology. The article uses general scientific methods of analysis and synthesis, abstraction and generalization, deduction, dialectical, formal legal and historical methods.

Results. The transfer of a thing is a volitional action, which is associated with the transfer of ownership from the alienator to the acquirer. In this regard, in legal science, there is an assertion that the transfer of a thing is a special administrative transaction that exists along with a binding transaction – a contract in fulfillment of which the thing is transferred. Meanwhile, there is another point of view, according to which the transfer of a thing is not a transaction, since it does not meet the criteria of a transaction, but represents only a material act with legal consequences.

Conclusions. The transfer of a thing in Russian civil law is a material act, which in the system of legal facts refers to legal acts.

Keywords: ownership; transfer of a thing; tradition; transfer of rights; alienation of property; legal fact; transaction.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Malbin D.A. The legal nature of the transfer of the item. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(6):80–88. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-80-88>.

Received 31.10.2025

Accepted 27.11.2025

Published 25.12.2025

Введение

В соответствии с п. 1 ст. 223 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ), передача вещи является одним из фактов, с наличием которого связывается переход права собственности на движимую вещь от отчуждателя (соб-

ственника) к приобретателю. Наступление правовых последствий вследствие акта передачи имущества закономерно ставит перед юридической наукой вопрос о правовой природе такого института. Однако до настоящего времени цивилистика не пришла к единому мнению по данному вопросу, напротив, наблюдается различие взглядов, что указывает на актуальность исследования природы акта передачи вещи. При этом такое исследование не только способно обогатить юридическую науку за счет предметного анализа поставленного вопроса, но его

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: [ред. от 31.07.2025] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 09.09.2025).

результаты также окажутся полезны для правоприменительной деятельности, что подчеркивает одновременно прикладной характер исследования.

Методология

Исследование проведено с использованием общенаучных методов анализа и синтеза, абстрагирования и обобщения. В свою очередь, применение метода дедукции позволило на основе обобщенных данных прийти к частным выводам. Диалектический метод познания позволил выявить противоречия между различными точками зрения по вопросу правовой природы передачи вещи, а использование формально-юридического метода позволило, исходя из содержания правовых норм и категорий, определить правовую природу такого акта.

Результаты и их обсуждение

Анализ ст. 223 ГК РФ указывает на то, что переход права на движимое имущество является следствием действия – передачи вещи и в этой связи не оставляет сомнений в том, что релевантным является исключительно факт – передача вещи. Однако разнообразие взглядов на природу передачи вещи продиктовано противоречивостью данного института, т. к. передача вещи хотя и является актом материальным, но одновременно составляет действие волевое, с которым связываются правовые последствия. Именно это качество передачи вещи дает основание считать, что при передаче вещи сторонами совершается особая распорядительная сделка [1, с. 44], в которой выражается воля сторон на переход права собственности на вещь и которая существует наряду со сделкой обязательственной, т.е. договором, на основании которого осуществляется передача вещи. Так, например, Н.В. Козлова прямо называет передачу вещи во исполнение договора двусторонней распорядительной сделкой, которая при этом не является договором [2, с. 14-15].

При этом передача вещи рассматривается лишь в качестве одного из случаев распорядительной сделки, под которой в более общем виде понимается акт непосредственного отчуждения имущества [3, с. 9] независимо от того, о каком виде имущества идет речь. В частности, исследуя настоящий вопрос, В.В. Бердников указывает следующее: «...при исполнении обязательств в большинстве случаев совершается особый вид сделки – распорядительная сделка, посредством которой осуществляется перенос определенного имущественного субъективного права (вещного при передаче вещи или обязательственного при уступке права) от одного лица к другому» [4, с. 16].

Равным образом в ряде случаев суды при рассмотрении споров также указывают, что передача вещи представляет собой распорядительную сделку, совершаемую во исполнение обязательства¹. Так, например, в постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.10.2020 № 13АП-19174/2020 по делу № А56-127006/2018/сд.1 отмечается следующее: «...гражданское законодательство различает обязательственную сделку, которая лишь создает обязанность передать вещь, и действия по исполнению этой сделки (распорядительную сделку); так, право собственности на вещь переходит, по общему правилу, при передаче самой вещи (статья 223 Гражданского кодекса РФ), а не при заключении в отношении ее обязательственной

¹ См.: Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 21.02.2025 № 88-1562/2025; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 23.08.2022 № Ф04-3937/2022 по делу № А75-10564/2021; Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 26.06.2015 № 08АП-5864/2015 по делу № А46-7919/2014 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 09.09.2025).

сделки (например, договора купли-продажи) ...»¹.

Вместе с тем, несмотря на убедительность аргументов, достаточных оснований считать как саму передачу вещи, так и признавать совершение наряду с такой передачей распорядительной сделки не имеется по следующим причинам.

Сделка представляет собой не волевое действие, а направленное проявление воли, с которой связываются правовые последствия. Между тем, как следует из ст. 223 ГК РФ, переход права собственности на движимое имущество происходит при передаче вещи. Законодательство не ставит переход права собственности под условие наличия у традента воли на переход такого права, напротив, воля сторон при передаче иррелевантна наступлению правовых последствий. Таким образом, закон по общему правилу связывает правовые последствия с передачей вещи как фактом, а не с волей традента. В этой связи К.И. Скловский верно подчеркивает, что для приобретения права собственности необходим факт передачи вещи или иной факт, указанный в договоре или законе [5, с. 18].

При этом в контексте вопроса следует отличать волю на совершение действия – передачу вещи от воли на переход права собственности. Большинство совершаемых субъектами действий являются волевыми, что, однако, не означает, что все такие действия представляют собой сделки, хотя бы их совершение влекло правовые последствия. В этой связи передача вещи сама по себе еще не означает, что передающий вещь имеет волю на переход права собственности. Традент может передавать (и в большинстве случаев передает) вещь своей волей, но не иметь при этом воли на переход

права собственности, как, например, при передаче вещи с одним только намерением избежать мер юридической ответственности за неисполнение обязательства, но желая оставаться собственником. Несмотря на отсутствие воли на переход права собственности, такое право, тем не менее, перейдет к приобретателю. В свою очередь, попытка найти волю на переход права собственности в каждом случае фактической передачи вещи означала бы объективное вменение траденту соответствующей воли исходя лишь из правового последствия, которое вызывает передача вещи.

Для квалификации передачи вещи в качестве сделки либо признания наличия особой распорядительной сделки, совершаемой сторонами при передаче вещи, необходимо, чтобы объективное право определяло волю лица на соответствующий переход субъективного права в качестве необходимой для такого перехода, в то время как ст. 223 ГК РФ связывает переход права собственности с самим фактом передачи вещи.

Кроме того, признание совершения распорядительной сделки наряду с актом передачи вещи приводит к неразрешимым противоречиям, поскольку следствием признания совершения распорядительной сделки, с которой связывается переход права собственности, становится безразличие факта передачи вещи для перехода права. В этой связи оказывалось бы, что передача вещи при отсутствии воли на переход права собственности в действительности не приводит к переходу права, что расходится с нормой ст. 223 ГК РФ.

При разрешении вопроса о природе передачи вещи следует учитывать, что наступление правовых последствий вследствие правомерного волевого действия не свидетельствует о сделочной природе действия, ведь, как верно отмечал И.Б. Новицкий, не всякие действия лиц можно признать сделкой [6, с. 16]. Равным образом В.А. Рясенцев указывал

¹ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.10.2020 № 13АП-19174/2020 по делу № А56-127006/2018/сд.1 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 09.09.2025).

на необходимость отграничения сделок от других правомерных действий, которые влекут юридические последствия [7, с. 477]. В свою очередь М.М. Агарков подчеркивал, что «наличие других, кроме сделки, правомерных действий не возбуждает сомнений» [8, с. 350]. В этой связи тот факт, что передача вещи влечет правовые последствия, не дает оснований для вывода о том, что таковая является сделкой либо наряду с такой передачей сторонами совершается распорядительная сделка.

В юридической науке среди юридических фактов выделяются юридические поступки, которые внешне похожи на сделки, поскольку также представляют собой правомерные действия субъектов, но отличаются от сделок по волевому критерию – присутствующая в сделках воля направлена на достижение правового результата и именно с волей связываются правовые последствия, в то время как в юридических поступках воля направлена на совершение самого действия, которые, в свою очередь, влекут правовые последствия, а направленность воли на достижение правового результата в юридических поступках не имеет значения [9, с. 81]. С учетом того, что передача вещи – действие, очевидно, волевое, с которым при этом ст. 223 ГК РФ связывает известное правовое последствие, то следует признать, что передача вещи в системе юридических фактов относится к юридическим поступкам. В этой связи верными являются слова Е.А. Останиной о том, что «в отечественной доктрине понятие вещной сделки как разновидности распорядительной сделки не является общепризнанным, а передача вещи во исполнение обязательства считается скорее юридическим поступком, чем сделкой» [10, с. 94].

Против сделочной природы передачи вещи свидетельствует также то, что сделка, хотя и совершается в большинстве случаев путем действий, тем не менее может быть совершена путем бездей-

ствия [11, с. 65], поскольку даже в бездействии воля лица способна находить свое воплощение, в то время как вручить вещь бездействием не получится, что подчеркивает принципиальное отличие сделки как проявления частной воли от материального акта передачи вещи.

Более того, квалификация передачи вещи в качестве распорядительной сделки приводит, как подчеркивает К.И. Скловский, к феномену удвоения воли [12, с. 359], поскольку передача вещи, будучи в таком случае самостоятельной сделкой, олицетворяла бы формирование у сторон новой по отношению к воле сторон при совершении обязательственной сделки воли. Между тем при совершении сделки об отчуждении вещи, во исполнение которой традент передает вещь, у сторон уже, очевидно, сформирована и присутствует воля в отношении перехода права собственности на вещь, поскольку именно об этом договариваются стороны при заключении договора. В противном случае пришлось бы признать, что несмотря на заключение договора об отчуждении вещи в собственность приобретателя у сторон сделки нет воли относительно перехода права собственности на имущество.

Ряд исследователей основания сделочной природы исполнения договора видят в п. 3 ст. 159 ГК РФ, согласно которому сделки во исполнение договора, заключенного в письменной форме, могут по соглашению сторон совершаться устно, если это не противоречит закону, иным правовым актам и договору. Так, в частности, Е.Ф. Евсеев указывает, что к совершаемым в порядке п. 3 ст. 159 ГК РФ устным сделкам относятся: передача денег или иного имущества, выполнение работ и оказание услуг [13, с. 38].

Вместе с тем оснований считать п. 3 ст. 159 ГК РФ подтверждением сделочной природы передачи вещи не имеется, поскольку исполнение в некоторых случаях договора путем совершения сделки еще не означает, что всякое исполнение

договора является сделкой. При указанном подходе допускается поспешное обобщение на основании частного случая. В свою очередь, регулирование нормой п. 3 ст. 159 ГК РФ частного случая ясно следует из содержания нормы, которая указывает на возможность совершения сделок устных во исполнение сделок письменных. Одной только нормы п. 3 ст. 159 ГК РФ недостаточно для генерализации вывода о том, что исполнение договора — это гражданско-правовая сделка.

Кроме того, против признания акта передачи вещи распорядительной сделкой свидетельствует возможность сторон связать переход права собственности на вещь с иным, нежели передача вещи, моментом. При этом несмотря на то, что в ст. 223 ГК РФ указывается на право сторон выбрать иной «момент» перехода права, норма, тем не менее, отражает возможность связать переход права именно с фактом, а не со сроком («момент»), на что верно обращает внимание К.И. Скловский [5, с. 18]. В свою очередь, выбор сторонами иного, чем передача вещи, факта, с которым связывается переход права, в том числе с таким, где воля сторон принципиально отсутствует, подчеркивает, что релевантным для перехода права оказывается именно факт, а не проявление воли сторон.

При этом стоит отметить, что не всякая передача вещи переносит право собственности, но только та, которая совершается во исполнение договора об отчуждении вещи в собственность, что прямо следует из ст. 218 и 223 ГК РФ и свидетельствует о том, что воля сторон на переход права собственности формируется и проявляется именно при совершении таких договоров об отчуждении вещи, которые, в свою очередь, выступают *causa* для акта *traditio*. Изложенное подчеркивает, что переход права собственности на вещь в российском праве обусловлен наличием фактов юридического состава, к числу которых относятся

сделка об отчуждении вещи в собственность и передача вещи либо иной факт, установленный законом или договором, с которым связывается момент перехода права. Данный вывод в полной мере соответствует утверждению М.А. Церковникова о том, что действующая российская модель перехода права собственности походит на римско-голландскую систему, для которой характерно наличие соглашения и передачи вещи для перехода права собственности [14, с. 131].

В отличие от движимого имущества переход права собственности на недвижимость связывается с моментом государственной регистрации права. В этой связи закономерным становится вопрос о месте распорядительной сделки при отчуждении недвижимого имущества, которое является одним из видов вещей.

Рассматривая данный вопрос, Ю.В. Байгушева указывает, что при купле-продаже недвижимости имеют место два договора: собственно договор купли-продажи (обязательственная сделка) и договор о передаче недвижимости в собственность (распорядительная сделка), совершаемый в момент подачи заявления о государственной регистрации перехода права собственности [15, с. 102].

Однако такой подход содержит в себе противоречия, поскольку, как верно обращает внимание А.Д. Рудоквас, законодатель лишь сравнительно недавно предусмотрел обязанность участия в подаче заявления обеих сторон, в то время как прежнее законодательство допускало подачу такого заявления одним лицом, и, кроме того, в действующем законодательстве находятся случаи, когда заявление о государственной регистрации подается без участия сторон, в частности нотариусом [16, с. 287].

Обосновывая тем не менее наличие распорядительной сделки в случаях подачи заявления нотариусом, Ю.В. Байгушева отмечает, что при подаче заявления о государственной регистрации перехода права собственности нотариус заключает

соглашение о переходе права от имени обеих сторон такого соглашения, действуя в качестве представителя нескольких лиц [17, с. 301]. Однако убедительные основания для такого вывода отсутствуют, поскольку нотариус в указанном случае действует не в качестве гражданско-правового субъекта, что исключает правовой статус представителя сторон в гражданских правоотношениях, а исполняет публично-правовую обязанность, возложенную на него законом.

Равным образом воля на переход права собственности в отношении недвижимого имущества не может формироваться при подаче заявления о государственной регистрации перехода права, т. е. после совершения сделки, во исполнение которой подается такое заявление, поскольку, как и при отчуждении движимого имущества, стороны, вступая в договорные отношения по отчуждению имущества в собственность, очевидно имеют волю на переход права собственности от отчуждателя к приобретателю и именно поэтому подают заявление о государственной регистрации перехода к приобретателю права собственности на недвижимость.

Кроме того, представление о подаче заявления о государственной регистрации как о распорядительной сделке кажется спорным потому, что условием перехода права собственности на недвижимость является факт государственной регистрации перехода права собственности, а не заявления о такой регистрации. Переход права здесь не составляет результат проявления частной воли сторон (чем, в свою очередь, является сделка), а выступает следствием иного юридического факта – государственной регистрации, что ставит под сомнение существование распорядительной сделки при подаче заявления о государственной регистрации перехода права на недвижимость, поскольку с самой подачей заявления право

собственности на недвижимое имущество не переходит. Подача заявления выступает юридическим фактом, который влечет возникновение в рамках публичных правоотношений обязанности регистратора осуществить проверку поступивших документов и произвести соответствующую запись в реестре при наличии к тому оснований, в то время как для гражданских правоотношений остается имеющим значение только сам факт регистрации перехода права собственности. В свою очередь, государственная регистрация, очевидно, не может составлять соглашения сторон, поскольку происходит не в силу их соглашения, но ввиду обязанности государственного регистратора, предписанной ему объективным правом.

Представление о существовании обязательственной и распорядительной сделок при отчуждении имущества воспринято из иностранного, в первую очередь немецкого [18, с. 12], правопорядка и расходится с национальной правовой традицией. Как подчеркивает М.А. Церковников, в России никогда не был законодательно воплощен германский подход к переходу права собственности [14, с. 131]. В этой связи попытка приложения иностранных правовых институтов, не свойственных национальному праву, всегда будет встречать противоречия, поскольку таковые не свойственны российскому правопорядку.

Выводы

Таким образом, при отчуждении как движимого, так и недвижимого имущества для перехода права собственности ключевое значение имеет не воля сторон, которая бы формировалась после совершения обязательственной сделки об отчуждении, а факты – передача вещи, а равно иной факт, с которым стороны связали переход права, либо государственная регистрация перехода права на недвижимость. Передача вещи в россий-

ском праве представляет собой юридический поступок, с совершением которого связывается наступление правовых последствий. Направленность воли не имеет значения, что свидетельствует против

сделочной природы акта передачи вещи и об отсутствии оснований для выделения особой распорядительной сделки, которая совершается наряду с передачей вещи.

Список литературы

1. Кашуба Е.С. О восприятии распорядительных сделок в российской судебной практике // Право и экономика. 2023. № 7. С. 44-52.
2. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005. 476 с.
3. Шеломенцева Е.А. Отзыв согласия супруги на совершение сделки. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 7 июля 2022 года № 307-ЭС22-6562 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 11. С. 4-10. <https://doi.org/10.37239/2500-2643-2022-17-11-4-10>.
4. Бердников В.В. Распорядительная сделка как способ изменения имущественно-правового положения лица // Законодательство. 2002. № 2. С. 16-22.
5. Скловский К.И. 25 лет Кодексу: curriculum vitae // Вестник гражданского права. 2019. № 6. С. 7-21. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2019-19-6-7-21>.
6. Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М.: Госюриздат, 1954. 248 с.
7. Рясенцев В.А. Представительство и сделки в современном гражданском праве. М.: Статут, 2006. 601 с.
8. Агарков М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 333-360.
9. Щепин Д.С. Теория фактических договорных отношений: история становления и критика // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 59-98. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-6-59-98>.
10. Останина Е.А. Зависимость правовых последствий сделки от отлагательного и отменительного условий. М.: Юстицинформ, 2010. 248 с.
11. Богданов Е.В. Психологические аспекты гражданско-правовой сделки // Современное право. 2024. № 3. С. 64-72. <https://doi.org/10.25799/NI.2024.73.81.011>.
12. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 2010. 893 с.
13. Евсеев Е.Ф. Устная сделка // Законодательство и экономика. 2014. № 7. С. 32-40.
14. Церковников М.А. Приобретение права собственности на движимые вещи посредством соглашения: французский и российский опыт // Вестник гражданского права. 2009. № 3. С. 102-141.
15. Байгушева Ю.В. О фальсификации подписи залогодателя и представительстве без полномочия (комментарий к судебным постановлениям по делу № 49-КГ20-26-К6) // Закон. 2022. № 11. С. 99-105. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-11-99-105>.
16. Рудоквас А.Д. Opus magnum: монографии Д.О. Тузова о недействительности сделок в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2009. № 2. С. 273-321.
17. Байгушева Ю.В. Замечания на книгу А.Д. Рудокваса «Спорные вопросы учения о приобретательной давности» // Вестник гражданского права. 2012. № 3. С. 295-308.
18. Шестакова Е.С. Правовая природа распоряжения имуществом на случай смерти // Наследственное право. 2022. № 4. С. 10-15. <https://doi.org/10.18572/2072-4179-2022-4-10-15>.

References

1. Kashuba E.S. On the perception of administrative transactions in Russian judicial practice. *Pravo i ehkonomika = Law and economics*. 2023;(7):44-52. (In Russ.)
2. Kozlova N.V. Legal personality of a legal entity. Moscow: Statut; 2005. 476 p. (In Russ.)

3. Shelomentseva E.A. Revocation of the spouse's consent to the transaction. Commentary to the Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 7, 2022 No. 307-ES22-6562. *Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii* = *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2022;(11):4-10. (In Russ.)
4. Berdnikov V.V. Administrative transaction as a way to change the property and legal status of a person. *Zakonodatel'stvo* = *Legislation*. 2002;(2):16-22. (In Russ.)
5. Sklovskii K.I. 25 years of the Codex: curriculum vitae. *Vestnik grazhdanskogo prava* = *Bulletin of Civil Law*. 2019;(6):7-21. (In Russ.)
6. Novitskii I.B. Transactions. Statute of limitations. Moscow: Gosyurizdat; 1954. 248 p. (In Russ.)
7. Ryasentsev V.A. Representation and transactions in modern civil law. Moscow: Statut; 2006. 601 p. (In Russ.)
8. Agarkov M.M. The concept of a transaction in Soviet civil law. Selected works on civil law. Vol. 2. Moscow: Centr YurInfoR; 2002. P. 333-360. (In Russ.)
9. Shchepin D.S. Theory of actual contractual relations: history of formation and criticism. *Vestnik grazhdanskogo prava* = *Bulletin of Civil Law*. 2021;(6):59-98. (In Russ.)
10. Ostanina E.A. Dependence of the legal consequences of a transaction on suspensive and cancellative conditions: a scientific and practical guide. Moscow: Yustitsinform; 2010. 248 p. (In Russ.)
11. Bogdanov E.V. Psychological aspects of a civil law transaction. *Sovremennoe pravo* = *Modern law*. 2024;(3):64-72. (In Russ.)
12. Sklovskii K.I. Property in civil law. Moscow: Statut; 2010. 893 p. (In Russ.)
13. Evseev E.F. Oral transaction. *Zakonodatel'stvo i ehkonomika* = *Legislation and economics*. 2014;(7):2-40. (In Russ.)
14. Tserkovnikov M.A. Acquisition of ownership of movable property through an agreement: French and Russian experience. *Vestnik grazhdanskogo prava* = *Bulletin of Civil Law*. 2009;(3):102-141. (In Russ.)
15. Baigusheva Yu.V. On falsification of the pledgor's signature and representation without authority (commentary to Court rulings in case No. 49-KG20-26-K6). *Zakon* = *Law*. 2022;(11):99-105. (In Russ.)
16. Rudokvas A.D. Opus magnum: D.O. Tuzov's monographs on the invalidity of transactions in civil law. *Vestnik grazhdanskogo prava* = *Bulletin of Civil Law*. 2009;(2):273-321. (In Russ.)
17. Baigusheva Yu.V. Remarks on the book by A.D. Rudokvas "Controversial issues of the doctrine of the statute of limitations". *Vestnik grazhdanskogo prava* = *Bulletin of Civil Law*. 2012;(3):295-308. (In Russ.)
18. Shestakova E.S. The legal nature of the disposal of property in case of death. *Nasledstvennoe pravo* = *Inheritance law*. 2022;(4):10-15. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the Author

Мальбин Дмитрий Андреевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: malbin.rgup@gmail.com,
ORCID: 0000-0001-7764-2499

Dmitry A. Malbin, Candidate of Science (Juridical), Associate Professor of the Department of Business and Corporate Law, Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation,
e-mail: malbin.rgup@gmail.com,
ORCID: 0000-0001-7764-2499

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.9

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-89-98>

О правосубъектности суда в процессуальном правоотношении

П.М. Филиппов^{1✉}¹Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉e-mail: civillaw34@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Учение о правосубъектности участников судопроизводства до сих пор остаётся востребованным в цивилистике. В римском праве уже ставился вопрос о таком субъекте правоотношений, как судья. Автор считает необходимым проведение более глубокого и всестороннего исследования правового статуса такого субъекта, как суд (судья) с определением признаков правосубъектности как условия участия в процессуальных правоотношениях.

Цель состоит в формировании целостного научного представления о единстве публичного интереса и защите частного интереса в рамках публичного порядка судом при реализации его правосубъектности.

Задачи: определить противоречия доктрины о правосубъективности суда в цивилистическом процессе; выявить признаки правосубъектности суда как участника процессуальных правоотношений; установить обязанности суда (судьи) в рамках реализации его правосубъектности.

Методология. Исследование подготовлено с применением методов анализа, описания, обобщения, формально-юридического и системного.

Результаты. Представленные в настоящем исследовании результаты являются авторским видением проблемы правового статуса суда (судьи) в судебном процессе. Автор утверждает, что правосубъектность суда (судьи) вытекает из закона как органа государственной судебной власти, как субъекта общерегулятивных правоотношений. Право суда (судьи) разрешать юридический конфликт является одновременно и его обязанностью.

Вывод. В статье сделан акцент именно на устранении однобокости исследования правового положения суда (судьи), когда пишут только о его правах. Усиление внимания в научных исследованиях на его деятельность может повлиять на профессиональную подготовку судей как на обязанных субъектов – государственных служащих.

Ключевые слова: правосубъектность; правоспособность; дееспособность; общерегулятивные правоотношения; процессуальные правоотношения; единство прав.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Филиппов П.М. О правосубъектности суда в процессуальном правоотношении // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 89–98. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-89-98>.

Поступила в редакцию 07.10.2025

Принята к публикации 13.11.2025

Опубликована 25.12.2025

On the legal personality of a court in a procedural legal relationship

Pyotr M. Filippov¹✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: civillaw34@yandex.ru

Abstract

Relevance. The doctrine of legal personality of participants in legal proceedings is still in demand in civil law. In Roman law, the issue of a judge as a subject of legal relations was already raised. The author considers it necessary to conduct a more in-depth and comprehensive study of the legal status of such a subject as a court (judge) in order to determine the features of legal personality as a condition for participation in procedural legal relations.

Purpose. It consists in forming a holistic scientific understanding of the unity of public interest and the protection of private interest within the framework of public order by the court in the exercise of its legal personality.

Objectives: to determine the contradictions of the doctrine on the legal personality of the court in the civil process; to identify the signs of the legal personality of the court as a participant in procedural legal relations; to establish the duties of the court (judge) in the framework of the implementation of its legal personality.

Methodology. The study was prepared using methods of analysis, description, generalization, formal legal, and systemic.

Results. The results presented in this study are the author's vision of the legal status of the court (judge) in the judicial process. The author argues that the legal personality of the court (judge) stems from the law, as a body of state judicial authority, as a subject of general regulatory legal relations. The right of the court (judge) to resolve a legal conflict is also its duty.

Conclusion. The article focuses on eliminating the one-sidedness of the study of the legal status of the court (judge), when only its rights are discussed. By increasing the focus of scientific research on the obligatory aspects of its activities, it can influence the professional training of judges as obligated public servants.

Keywords: legal personality; legal capacity; legal competence; general regulatory legal relations; procedural legal relations; unity of rights.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Filippov P.M. On the legal personality of a court in a procedural legal relationship. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(6):89–98. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-89-98>.

Received 07.10.2025

Accepted 13.11.2025

Published 25.12.2025

Введение

Интерес к данной теме вызван тем, что количество апелляционных, кассационных и надзорных жалоб не снижается, т. е. на современном этапе развития судебной системы Российской Федерации имеет место неполная удовлетворённость населения качеством работы судов первой инстанции. Со стороны правоохранительных органов также растёт интерес к работе судов, в частности, Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин заявил о слож-

ности привлечения судей к ответственности¹. В чём причина такого положения?

В научной литературе, посвящённой судебному процессу (гражданскому, арбитражному, уголовному и административному), очень много публикаций о правосубъектности всех других участников судебного разбирательства: истцов, заявителей, третьих лицах, обвиняемых,

¹ Бастрыкин объяснил, почему судей сложно привлекать к ответственности // РИА-новости. 2022. 8 дек. URL: <https://ria.ru/20221208/sudi-1837121069.html> (дата обращения: 11.08.2025).

прокурора, потерпевших, экспертах, свидетелях и др.). Категория «правосубъектность» в последние годы привлекает интерес цивилистов с разнообразных позиций.

Во-первых, наблюдается рост числа научных работ о правосубъектности несовершеннолетних. Авторы поднимают широкий круг проблем в рамках данного направления исследований, например, о правосубъектности детей в различные периоды детства [1], определяют возможности ограничения правосубъектности несовершеннолетних [2], разрабатывают концептуальный подход к гражданской процессуальной правосубъектности лиц, не достигших совершеннолетия [3; 4]. Активная работа ученых в данном направлении объясняется в том числе повышенным вниманием государства к институту семьи в условиях защиты традиционных ценностей и преодоления существующего демографического кризиса.

Во-вторых, новым направлением в рамках учения о правосубъектности является разрешение вопросов о данной категории искусственного интеллекта, прочно вошедшего в гражданский оборот. А.И. Медведев спрогнозировал дальнейший рост проблемы определения возможности признания искусственного интеллекта субъектом права [5, с. 52]. Е.А. Кириллова и Т.Э. Зулфугарзаде определили, что искусственный интеллект в настоящее время лишь претендует на правосубъектность в электронной цифровой среде и ее суть заключается в «способности обучаться, заниматься творчеством и накапливать опыт» [6, с. 80]. П.Е. Борзенков придерживается схожей позиции о частичности обладания искусственным интеллектом правосубъектности [7, с. 310]. С.П. Москаленко и Д.Е. Рогозная считают, что процесс перехода систем искусственного интеллекта от объекта права к субъекту права будет постепенным и длительным [8, с. 252].

Безусловно, технологическое развитие и государственные интересы по защите семьи детерминируют появление

новых вопросов в учении о правосубъектности. Однако до сих пор в частноправовой науке не остался разрешенным вопрос о правосубъектности суда (судьи), имеющего определяющую роль в отправлении правосудия как конституционной задачи судебной власти.

Как известно, понятие правосубъектности тесно связано с понятием правоотношения. Без раскрытия сути, смысла понятия правоотношения, его значения в теории права, на наш взгляд, нельзя понять, зачем нужен субъект в праве. Ибо только в правоотношении существует взаимная связь субъективных прав и обязанностей сторон, именно эта взаимность и образует правоотношение [9, с. 246]. А права и обязанности из чего возникают? Только из правового положения субъектов и, как пишут правоведы, из правового статуса субъектов? Наличие правового регулирования поведения сторон в правоотношении обеспечивает гарантии исполнения прав и обязанностей сторон. Ещё в Римском праве римляне в построении закона различали три составные части: имя должностного лица (магистрата), от которого исходил законопроект (*praescriptio*), текст самого закона (*rogatio*) и последствия его нарушения (*sanktio*). И если законы не сопровождались санкциями, то они признавались несовершенновыми [10, с. 17]. Следовательно, в нормах закона должны быть установлены и санкции за нарушение и неисполнение прав и обязанностей. Процессуальные правоотношения проявляются в деятельности судов по рассмотрению и разрешению юридических дел.

Методология

Для достижения поставленной цели и задач исследования был использован всеобщий диалектический метод. Выявление признаков категории «правосубъектность» в отношении суда как участника процессуальных отношений потребовало обращения к общенаучным методам описания, обобщения, анализа и синтеза. Системный метод дал возможность авто-

ру представить правосубъектность суда (судьи) как сложное, имеющее специфику правовое явление, соотнести наработки юридической науки с действующим законодательством и дать рекомендации по его дальнейшему совершенствованию. Использование формально-юридического метода позволило дать комплексную характеристику процессуальной правосубъектности суда и сделать вывод о недостаточности теоретической разработки и правовой регламентации принципа добросовестности суда при осуществлении поставленных перед ним задач.

Результаты и их обсуждение

В процессуальных правоотношениях обязательным субъектом является суд как орган государственной власти. Можно ли говорить и утверждать, что процессуальные отношения возникают из конкретных связей между судом и всеми другими участниками по судебному делу? Правосубъектность суда и всех других участников определена заранее законом и не зависит от того, какими взаимными правами и обязанностями участники наделяют друг друга. Процессуальные отношения носят общерегулятивный характер. Права и обязанности суда возникают из положений Конституции Российской Федерации и в ней судебной власти посвящена седьмая глава «Судебная власть и прокуратура». В статье 118 указано, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Эта норма общерегулятивная. В ней определена обязанность суда как органа государственной власти по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, что вытекает из ст. 2 Конституции РФ.

Лица, участвующие в деле, в судебном процессе действуют своей волей в своём интересе, и их цель заключается в получении от суда (добиться от суда) судебного решения, благоприятного для себя, т.е. выгодного и удобного. А суд не может и не имеет права действовать своей волей и добиваться выгодного реше-

ния для себя – суда и цель, которую он должен достигать в процессе, обозначена в ст. 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ). Суд не может по смыслу Конституции РФ и процессуального кодекса получать выгоду. Его правовое положение, вытекает из его правового статуса. Его субъективные права и юридические обязанности созданы не для него как актора, а для того субъекта права, кто наделил его соответствующей компетенцией и от имени и в пользу которого он действует (бездействует). Актор функционер (выполняет правоохранительную функцию), и в силу своего правового состояния (правомочия, как субъекта органа судебной власти) он должен действовать в интересах лица, наделившего его соответствующей правовой компетенцией, т. е. в интересах государства, обозначенного, по Конституции РФ, как социальное (ст. 7). Поэтому интерес суда в процессе – это интерес государства, а судья – государственный служащий. В гражданском праве субъекты действуют «своей волей и в своём интересе», и в правоотношении они персонифицированы и оперируют (действуют), распоряжаются своими правами. Последствия совершаемых действий касаются личности этого лица.

Статусное состояние суда очень влияет на возможности физических лиц (да и юридических лиц) оперировать своими правами и обязанностями в своём интересе в сфере судебного процесса (судопроизводства). И недобросовестное поведение, действия судьи – это действия, не соответствующие правовым предписаниям, вызывают тяжкие правовые и социальные последствия: не только убытки, ущерб, умаление прав, но и недовольство судебной властью. В подтверждение такого положения можно сослаться на то, что количество жалоб апелляционных, кассационных и в порядке надзора растёт. При рассмотрении таких жалоб на судебные акты кто противостоит лицам, подавшим жалобы?

Судебная система государства. В этой связи можно поставить вопрос о том, надо ли в процессуальном кодексе вводить обязанность разъяснять права и обязанности суда или это надо считать презумпцией знания всеми прав и обязанностей суда. На наш взгляд, с этим обстоятельством тесно связано и право судьи на усмотрение – личную свободу в оценке доказательств.

Полагаем, что такая свобода возможна только в пределах норм права и принципов судопроизводства: гуманность, справедливость и в определённой мере защита слабой стороны. Без чёткого определения характера прав и обязанностей судьи (суда) его правосубъектность в процессе остаётся расплывчатой, что вызывает трудность в привлечении к ответственности, грубо говоря, нерадивых судей (за злоупотребление властью и ненадлежащее исполнение обязанностей). Читая научную литературу по процессуальным отраслям права, мы видим только описание права суда, его полномочия, а об обязанностях мы почти ничего не найдём. Вот получается такой однобокий подход к исследованию правосубъектности суда.

О введении в теорию гражданского процессуального права понятия правосубъектности настаивала Н.А. Чечина. Она писала, что понятие правоспособности к суду нельзя применять, это характерно только для материального гражданского права. Суды по закону обладают не правоспособностью, а правосубъектностью, которая содержит в себе одновременно и способность иметь и осуществлять процессуальные права и обязанности [11, с. 24–25]. В 1965 г. А.Ф. Козлов с мнением Н.А. Чечиной не согласился по мотивам того, что нельзя в одном понятии объединять два совершенно разных свойства субъекта процессуального права. Он пишет, что категория правосубъектности неприменима, она не может всегда объединять в себе возможность иметь права и обязанности со способностью совершать действия по их осу-

ществлению, т. к. можно иметь одно и не иметь другого [12, с. 100–106].

Полагаем, что А.Ф. Козлов не прав. И во времена СССР организации, юридические лица объединяли в себе правоспособность и дееспособность и обладали правосубъектностью и имели возможности обращения в органы арбитража и суда, совершали все необходимые процессуальные действия. Ныне действующий ГПК РФ в ст. 36 и 37 полностью подтверждает эти положения. Для физических лиц, у которых дееспособность была ограничена, она восполнялась представительством, и это никак не препятствовало применению такого понятия, как правосубъектность лица, участвующего в деле. А в отношении суда, который является не просто организацией, юридическим лицом, он в процессуальном праве представляет государство и наделён государственной судебной властью, которая включает в себя не только право судить, но и судить в соответствии с процессуальным правом и правом материальным.

«Без суда как главного субъекта процессуальной деятельности, без осуществления им властных полномочий невозможно само возникновение и развитие гражданских процессуальных правоотношений» [13, с. 5]. Такой субъект процессуального правоотношения в силу этого имеет определённое преимущество перед другими субъектами в судопроизводстве, поэтому проверять наличие правоспособности и дееспособности у суда нет никаких правовых оснований. Ещё в 1900 г. русский профессор Е.А. Нефедьев в своём учебнике писал, что на стороне органа власти в процессе возникает власть, а на стороне тяжущихся, свидетелей, экспертов и т. д. – подчинение. Властеотношение не есть сущность гражданского процесса: оно возникает для того, чтобы орган власти мог исполнить обязанности, возложенные на него законом [14, с. 12]. При этом Е.А. Нефедьев, указывая эту мысль в учебнике, сослался и на русского профессора Н.М. Коркунова, который также сформулировал подобную мысль.

В качестве субъектов процессуальной деятельности ГПК РФ называет истца и ответчика (тяжущиеся стороны), которые имеют противоположные частные интересы, а суд, как мы уже указывали, имеет государственный, публичный интерес, суть которого заключается в том, чтобы в процессе правильно и своевременно разрешить юридический конфликт с позиции действующего закона и той цели, которая закреплена в ст. 2 ГПК РФ. Кроме того, в этой статье прямо подчеркнут публичный характер гражданского судопроизводства, оно должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, а также подчеркнут и нравственный момент – формирование уважительного отношения к закону и суду, мирному урегулированию споров. Такая формулировка ст. 2 ГПК РФ введена только в 2019 г. Наличие публичного характера в судопроизводстве подтверждает присутствие правоохранительной функции в деятельности судебных органов. Именно способ правосудия обеспечивает правильную защиту интересов всех участников судебного разбирательства и укрепление публичного правопорядка. В этой связи можно сослаться на статью К. Вербера: «Норма публичного порядка может быть охарактеризована, с одной стороны, через свою цель: господства порядка; с другой – через своё действие: публичный порядок устанавливает границы частной свободы» [15, с. 277]. С этой позиции ст. 2 ГПК РФ является, по существу, идеальной.

В отношении лиц, участвующих в деле, ст. 35 ГПК РФ говорит об их правах, а об обязанностях указывает лишь на добросовестное пользование правами. В ГПК РФ, например, нигде нет упоминания о добросовестном пользовании правами для судей (суда) при осуществлении правосудия. Можно лишь сослаться на ст. 198 ГПК РФ, которая, на наш взгляд, устанавливает обязанность для суда при вынесении решения в мотивировочной части делать свои выводы и мотивы, на основании которых суд отверг те или

иные доказательства, принял или отклонил приведенные доводы возражения лиц, участвующих в деле, почему применил законы и иные нормативные правовые акты, которыми руководствовался суд при принятии решения, и мотивы, по которым суд не применил законы и иные нормативные правовые акты, на которые ссылались лица, участвующие в деле. Эта формулировка введена в ГПК РФ только в 2018 г. Суды, как правило, игнорируют это требование закона и свои выводы не мотивируют, а в ГПК нет нигде указаний на последствия невыполнения требования закона. Согласно ч. 3 ст. 330 ГПК РФ «Основания для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке»: «Нарушение или неправильное применение норм процессуального права является основанием для изменения или отмены решения суда первой инстанции, если это нарушение привело или могло привести к принятию неправильного решения».

В определённой степени можно сослаться на это положение при подаче апелляционных жалоб при отсутствии судебной мотивации о доказанности того или иного обстоятельства и того или иного закона, но большую сложность вызывает доказывание того, что это привело к принятию неправильного решения. На наш взгляд, отсутствие мотивации само по себе вызывает сомнение в объективности и справедливости решения. Смысл судебного акта – в его убедительности и справедливости и соответствии общественному порядку России. И если судебный акт вызывает сомнения в справедливости и объективности, то апелляционный суд, по нашему мнению, обязан воспользоваться своим правом в интересах законности проверить решение суда первой инстанции в полном объёме (ч. 2 ст. 327.1 ГПК РФ). Эта обязанность вытекает из его правосубъектности как органа власти. Судья не может себе сказать, что он не желает воспользоваться своим правом, т. к. такое мнение судьи будет противоречить ст. 2 ГПК РФ.

Наглядно публичный порядок в деятельности суда в гражданском процессе проявляется при оценке распоряжения своими правами истца и ответчика, закон прямо предписывает суду не принимать отказ истца от иска, признание иска ответчиком и не утверждает мировое соглашение сторон, если это противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц (ч. 2 ст. 39 ГПК РФ). Процессуальный закон регулирует деятельность суда и его отношения с участниками процесса таким образом, чтобы потребность граждан и юридических лиц по защите своих прав и интересов, а также интерес самого государства в охране установленного правопорядка удовлетворялись. При этом получается совпадение интересов, но здесь нет подчинения и нет поглощения интересов гражданина интересам государства [16, с. 65]. В этой связи полагаем, что надо признать обоснованной аргументацию Н.И. Матузова о существовании общерегулятивных правоотношений типа «государство – государство», «государство – гражданин», «федерация – субъект федерации», «президент – парламент», «депутат – парламент». Суд, как орган судебной власти, принимает свои решения именем государства – Российской Федерации.

Н.И. Матузов сформулировал ряд характерных признаков общих правовых отношений:

1) они возникают главным образом на основе норм Конституции и других правовых актов такого же уровня и значения;

2) носят общий, а не строго индивидуализированный и детализированный характер;

3) являются постоянными или продолжительными – их длительность равна длительности самого закона;

4) опосредуют наиболее важные, основополагающие, относительно стабильные отношения;

5) выражают общее правовое положение (статус) субъектов, их взаимные права и обязанности, свободу и ответ-

ственность друг перед другом и перед государством; в этом смысле их можно назвать статутными, и ряд других признаков [17, с. 137].

С мнением Н.И. Матузова полностью согласен и Н.Н. Вопленко, который добавил ещё одну особенность этих правоотношений: они выражают длящееся во времени правовое состояние связанности субъектов, и это не просто «узы социальной связи», но вполне предметное поле непрерывного правового взаимодействия [18, с. 592].

Именно все эти признаки общих правовых отношений присущи правосубъектности суда. В связи с этим полагаем, что те, кто не признаёт возможность существования общих или общерегулятивных правоотношений за их абстрактность и неопределенность конкретных связей между субъектами, не правы [19, с. 17; 20, с. 50]. Так как общие правоотношения возникают из закона, то они являются абсолютными и имеют право на существование. Таков же характер отношений собственника со всеми другими несовладельцами. Статья 67.1 Конституции РФ прямо указывает, что «государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берёт на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения». Эта норма явно устанавливает общее правовое положение (статус) субъектов, их взаимные права и обязанности, свободу и ответственность государства перед детьми, оставшимися без попечения.

В июле 1992 г. был принят Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации»¹, в нём не было предусмотрено никакой ответственности для судей, нельзя было наложить никаких взысканий на них. В последующие годы было внесено много изменений и дополнений в этот закон. Последнее изменение было внесе-

¹ О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26 июня 1992 г.: [посл. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (дата обращения: 25.08.2025).

но 27 ноября 2023 г.; которым введена статья 12.1 «Дисциплинарная ответственность судей». Взыскания налагаются квалификационными коллегиями судей. Члены таких коллегий назначаются так же, как судьи. Публичных обсуждений кандидатур в эти коллегии не проводится. С принятием последних изменений в Законе «О статусе судей», по нашему мнению, формирование правосубъектности суда (судей) получает своё завершение.

Выводы

Полагаем, что для полноты понятия правосубъектности суда (судей) в этот закон необходимо внести указание на добросовестность исполнения служебных обязанностей судьями. О добросовестности и других обязанностях судей упоми-

нается только в ст. 4 Кодекса судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012). Кроме того, следует подчеркнуть, что суд (судья) как субъект процессуальных правоотношений не требует его индивидуализации, его не надо персонифицировать, надо проверять или устанавливать его функциональные полномочия по осуществлению правосудия и совершать акты, имеющие значение юридических фактов, которые предписаны в Конституции РФ и других законах. Желательно, чтобы во всех процессуальных учебниках было конкретное указание на то, что порядок, процесс деятельности каждого суда должен обеспечивать законное, объективное и справедливое решение задач, поставленных перед судами.

Список литературы

1. Петрова А.И. К проблеме правосубъектности ребенка в различные периоды детства // Право и практика. 2023. № 4. С. 208-216.
2. Тарусина Н.Н., Конева Е.В., Симонова С.В. Правосубъектность ребенка: актуализация возможностей и их ограничения // Правоприменение. 2023. Т. 7, № 1. С. 155-164.
3. Хорошева Н.А. Гражданская процессуальная правосубъектность несовершеннолетних: теоретический и концептуальный подход // Аграрное и земельное право. 2023. № 3(219). С. 123-125.
4. Долинская В.В. Проблемы субъектов и правосубъектности в семейном праве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5(105). С. 58-67.
5. Медведев А.И. Концепция правосубъектности искусственного интеллекта в российской юридической науке: критический анализ // Научный компонент. 2022. № 1(13). С. 40-55.
6. Кириллова Е.А., Зульфугарзаде Т.Э. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 4 (271). С. 76-80.
7. Борзенков П.Е. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта в парадигме российского законодательства // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15, № 1-1. С. 305-311.
8. Москаленко С.П., Рогозная Д.Е. Гражданская правосубъектность искусственного интеллекта // Закон и право. 2022. № 8. С. 250-253.
9. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 293 с.
10. Иоффе О.С., Мусин В.А. Основы римского гражданского права / Ленингр. гос. ун-т. Л.: 1974. 155 с.
11. Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 68 с.
12. Козлов А.Ф. Субъекты советского гражданского процессуального права по Основам гражданского судопроизводства и новым ГПК союзных республик // Советское государство и право. 1965. № 6. С. 100-106.
13. Жилин Г.А. Суд первой инстанции в гражданском процессе. М.: Юрайт-М, 2001. 327 с.

14. Неведьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. Краснодар: Советская Кубань, 2006. 472 с.
15. Вербер К. Определение публичного порядка во внутреннем праве России через французское право // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2001. № 1. С. 277.
16. Филиппов П.М. Судебная защита и правосудие в СССР. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 180 с.
17. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. 510 с.
18. Вопленко Н.Н. Очерки общей теории права. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2009. 896 с.
19. Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. 83 с.
20. Венгеров А.Б. Прямое действие Конституции: правовые, социальные и психологические аспекты // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 48-55.

References

1. Petrova A.I. On the problem of a child's legal personality in different periods of childhood. *Pravo i praktika = Law and Practice*. 2023;(4):208-216. (In Russ.)
2. Tarusina N.N., Koneva E.V., Simonova S.V. Legal personality of a child: Actualization of opportunities and their implementation limitations. *Pravoprimerenie = Law Enforcement*. 2023;(1):155-164. (In Russ.)
3. Khorosheva N.A. Civil procedural legal capacity of minors: a theoretical and conceptual approach. *Agrarnoe i zemelnoe pravo = Agrarian and Land Law*. 2023;(3):123-125. (In Russ.)
4. Dolinskaya V.V. Problems of subjects and legal personality in family law. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2023;(5):58-67. (In Russ.)
5. Medvedev A.I. The concept of legal personality of artificial intelligence in Russian legal science: a critical analysis. *Nauchnyj component = Scientific component*. 2022;(1):40-55. (In Russ.)
6. Kirillova E.A., Zulfugarzade T.E. On the issue of legal personality of artificial intelligence. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii = Property Relations in the Russian Federation*. 2024;(4):76-80. (In Russ.)
7. Borzenkov P.E. On the issue of artificial intelligence's legal personality in the paradigm of Russian legislation. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava = Issues of Russian and International Law*. 2025;(1-1):305-311. (In Russ.)
8. Moskalenko S.P., Rogoznaya D.E. Civil legal personality of artificial intelligence. *Zakon i pravo = Law and Law*. 2022;(8):350-253. (In Russ.)
9. Matuzov N.I. Legal system and personality. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta; 1987. 293 p. (In Russ.)
10. Ioffe O.S., Musin V.A. Fundamentals of roman civil law. Leningrad: Leningr. gos. un-t; 1974. 155 p. (In Russ.)
11. Chechina N.A. Civil procedure relations. Leningrad: Izd-vo Lening. un-ta; 1962. 68 p. (In Russ.)
12. Kozlov A.F. Subjects of Soviet civil procedure law under the fundamentals of Civil Procedure and the new Civil Procedure Codes of the union republics. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*. 1965;(6):100-106. (In Russ.)
13. Zhilin G.A. The court of first instance in civil procedure. Moscow: Yurayt-M; 2001. 327 p. (In Russ.)
14. Nefediev E.A. Textbook of Russian civil procedure. Krasnodar: Sovetskaya Kuban; 2006. 472 p. (In Russ.)
15. Verber K. The Definition of the public order in Russian domestic law through french law. *Rossiiskij ezhegodnik grazhdanskogo i arbitrazhnogo processa = Russian Yearbook of Civil and Arbitration Procedure*. 1965;(1):277. (In Russ.)

16. Filippov P.M. Judicial protection and justice in the USSR. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta; 1987. 180 p. (In Russ.)
17. Matuzov N.I. Actual problems of the theory of law. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta; 2003. 510 p. (In Russ.)
18. Voplenko N.N. Essays on the general theory of law. Volgograd: Izd-vo Volgogr. un-ta; 2009. 896 p. (In Russ.)
19. Grevtsov Yu.I. Problems of the theory of legal relations. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta; 1981. 83 p. (In Russ.)
20. Vengerov A.B. Direct action of the Constitution: Legal, social, and psychological aspects. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Modernity*. 1995;(5):48-55. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Филиппов Петр Мартынович, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НОЦ «Цивилист» кафедры гражданского права, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: civillaw34@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-5439-8382

Pyotr M. Filippov, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Leading Researcher of the Scientific and Educational center "Civilist", Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: civillaw34@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-5439-8382

Оригинальная статья / Original article

УДК 334.028

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-99-111>**Женское предпринимательство: сложности реализации
и перспективы развития****Э.Ф. Байбекова¹✉, К.С. Григорова¹**

¹Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
ул. Татищева, д. 20А, г. Астрахань 414056, Российская Федерация

✉e-mail: karinbey@mail.ru

Резюме

Актуальность. Женское предпринимательство представляет собой динамично развивающийся сегмент российской экономики, занимающий значительное место в системе малого и среднего бизнеса. Современное законодательство провозглашает равенство прав и свобод независимо от пола, однако практическая реализация предпринимательской деятельности женщинами сопряжена с множественными юридическими барьерами и институциональными ограничениями. Актуальность темы обусловлена необходимостью правового анализа проблем, препятствующих полноценному развитию женского бизнеса, и формирования научно обоснованных предложений по совершенствованию нормативно-правовой базы.

Цель заключается в комплексном анализе правового статуса женщин-предпринимателей и разработке механизмов устранения дискриминационных практик в предпринимательской сфере.

Задачи включают: анализ конституционно-правовых основ предпринимательской деятельности женщин; выявление пробелов в законодательстве о поддержке женского бизнеса; изучение судебной практики по спорам с участием женщин-предпринимателей; оценку эффективности государственных программ и формирование рекомендаций по законодательному реформированию.

Методология. Для раскрытия темы применялась комбинация трёх взаимодополняющих методов: формально-юридический анализ, сравнительно-правовой метод, статистический метод.

Результаты вскрывают неочевидные механизмы неравенства. Скрытая дискриминация проявляется в практике кредитования – банки требуют согласие супруга, завышают процентные ставки, ссылаясь на мифические «риски». Отраслевые ограничения блокируют доступ к высокотехнологичным и капиталоемким сферам, загоняя женский бизнес в низкомаржинальные ниши торговли и услуг. Адресные меры поддержки либо отсутствуют, либо существуют лишь на региональном уровне в форме подзаконных актов без реальной обязательной силы.

Выводы. Правовой вакуум требует заполнения специальным федеральным законом о развитии женского предпринимательства с конкретными механизмами защиты от дискриминации, преференциями в государственных закупках, грантовыми программами. Трудовое законодательство нуждается в дополнении нормами о сохранении статуса предпринимателя при материнстве. Налоговый кодекс должен предусмотреть льготы на начальных этапах деятельности по аналогии с французской моделью.

Ключевые слова: женское предпринимательство; правовой статус; предприниматели; гендерное равенство; дискриминация; государственная поддержка; малый бизнес.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Байбекова Э.Ф., Григорова К.С. Женское предпринимательство: сложности реализации и перспективы развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 99–111. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-99-111>.

Поступила в редакцию 05.11.2025

Принята к публикации 01.12.2025

Опубликована 25.12.2025

Women's entrepreneurship: Challenges and prospects

Elmira F. Baybekova^{1✉}, Kristina S. Grigorova¹

¹Astrakhan Tatishchev State University

20A Tatishcheva Str., Astrakhan 414056, Russian Federation

✉e-mail: karinbey@mail.ru

Abstract

Relevance. Female entrepreneurship is a dynamically developing segment of the Russian economy, occupying a significant place in the system of small and medium-sized businesses. Current legislation proclaims equality of rights and freedoms regardless of gender; however, the practical implementation of entrepreneurial activities by women is associated with multiple legal barriers and institutional limitations. The relevance of the topic is driven by the need for a legal analysis of obstacles hindering the full development of female businesses and the formation of scientifically grounded proposals for improving the regulatory framework.

Purpose of the work is to conduct a comprehensive analysis of the legal status of women entrepreneurs and to develop mechanisms for eliminating discriminatory practices in the business sphere.

Objectives include: analyzing the constitutional and legal foundations of women's entrepreneurial activities, identifying gaps in legislation on supporting female businesses, studying judicial practice in disputes involving women entrepreneurs, assessing the effectiveness of state programs, and forming recommendations for legislative reform.

Methodology. To reveal the topic, a combination of three complementary methods was used: formal legal analysis, comparative legal method, and statistical method.

Results reveal subtle mechanisms of inequality. Hidden discrimination manifests itself in lending practices - banks require spousal consent and inflate interest rates, citing mythical "risks." Industry-specific restrictions block access to high-tech and capital-intensive sectors, forcing women's businesses into low-margin niches of trade and services. Targeted support measures are either absent or exist only at the regional level in the form of bylaws without any real binding force.

Conclusions. The legal vacuum requires filling with a special federal law on the development of women's entrepreneurship, with specific mechanisms for protection against discrimination, preferential treatment in public procurement, and grant programs. Labor legislation needs to be supplemented with provisions on maintaining entrepreneurial status during maternity leave. The Tax Code should provide for incentives at the initial stages of entrepreneurship, similar to the French model.

Keywords: female entrepreneurship; legal status; entrepreneurs; gender equality; discrimination; state support; small business.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Baybekova E.F., Grigorova K.S. Women's entrepreneurship: Challenges and prospects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(6):99–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-99-111>.

Received 05.11.2025

Accepted 01.12.2025

Published 25.12.2025

Введение

Женское предпринимательство представляет собой значительный резерв экономического роста страны. Расширение участия женщин в предпринимательской деятельности способно создать миллионы новых рабочих мест, увеличить налоговые поступления в бюджет, стимули-

ровать развитие инновационных отраслей экономики. Развитие женского бизнеса напрямую связано с решением острых социальных проблем: снижением уровня безработицы среди женщин, повышением их финансовой независимости, преодолением гендерного неравенства на рынке труда. Правовое регулирование женского предпринимательства в Российской Фе-

дерации остаётся фрагментарным и недостаточным. Отсутствие комплексной нормативной базы, адресной поддержки, специальных механизмов защиты интересов женщин-предпринимателей создаёт дополнительные барьеры для реализации их потенциала.

По мнению С.С. Нажимудиновой: «...во всем мире женское предпринимательство считается жизненно важным фактором экономического развития» [1, с. 96]. Особенно следует подчеркнуть значимость и потенциал международного женского предпринимательства, которое получило развитие в последние два десятилетия [2, с. 73].

Методология

Для раскрытия темы применялась комбинация трёх взаимодополняющих методов. Формально-юридический анализ позволил детально разобрать нормы Конституции РФ, Гражданского, Семейного и Трудового кодексов, выявить противоречия между декларируемым равноправием и реальным правовым статусом женщин-предпринимателей. Сравнительно-правовой метод открыл возможность сопоставить отечественную модель регулирования с зарубежными практиками: немецкими грантовыми программами, французским квотированием, американским резервированием госконтрактов, шведскими социальными гарантиями. Статистический метод помог осмыслить количественные показатели: 43% женщин среди российских предпринимателей, концентрацию в определённых отраслях, разницу в масштабах бизнеса.

Результаты и их обсуждение

Предпринимательство как форма экономической активности граждан составляет фундамент рыночной экономики любого современного государства. Конституция РФ гарантирует каждому право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности, устанавли-

вая при этом принцип равенства прав и свобод человека независимо от пола. Однако декларативное закрепление равноправия не всегда трансформируется в реальное равенство возможностей, особенно когда речь заходит о женском предпринимательстве.

А.Р. Юнусова справедливо отмечает, что «предпринимательство служит наглядной иллюстрацией стремления к лидерству и самовыражению. Предприниматель берет на себя финансовые и экономические риски, сосредоточив свои усилия на достижении устойчивого дохода. Независимо от пола, успешный предприниматель должен нести ответственность, принимать обдуманные решения, проявлять инициативность, рисковать и одновременно стремиться к повышению эффективности своих результатов» [3, с. 391].

Сегодня женщины составляют около 43% всех предпринимателей в России, создают миллионы рабочих мест и формируют значительную долю ВВП страны¹. Казалось бы, впечатляющие цифры свидетельствуют о благополучной ситуации. Но стоит копнуть глубже, и картина меняется кардинально. Женский бизнес концентрируется преимущественно в сферах торговли, образования, красоты и общественного питания [4, с. 86], тогда как высокотехнологичные и капиталоемкие отрасли остаются практически недоступными. Средний размер женских предприятий значительно уступает мужским, а доступ к кредитным ресурсам сопряжен с дополнительными сложностями.

«Женщины возглавляют около 30% организаций малого и среднего бизнеса. При этом наибольшее представительство женщин-предпринимателей характерно для сферы социальных и образовательных услуг» [5, с. 141].

¹ Доля женщин среди предпринимателей в России достигла 43% // ТАСС: сайт: URL: <https://tass.ru/ekonomika/25767421> (дата обращения: 01.11.2025).

«В Республике Беларусь женщины составляют 39,5% от общего числа предпринимателей в Беларуси, а их количество за последние пять лет увеличилось на 8%» [6, с. 618].

По мнению Е.В. Ершовой: «...женское предпринимательство относится к числу явлений, интерес к которым растет с каждым годом. И это объективно, поскольку в России, как и во всем мире, женщины все активнее входят в бизнес, наравне конкурируя с мужчинами. Объяснимо, что феномен “женский бизнес” все чаще становится предметом научных и прикладных изысканий» [7, с. 9].

Правовое положение женщин-предпринимателей формируется на стыке нескольких отраслей законодательства: конституционного, гражданского, предпринимательского, трудового, налогового и социального. Эта многоуровневая регуляция создает сложную систему норм, в которой легко обнаружить противоречия, пробелы и архаичные положения, унаследованные еще из советского периода [8]. Особенно ярко проблемы проявляются в ситуациях, когда женщина-предприниматель одновременно выполняет материнские функции: законодатель словно не может определиться, кто перед ним – полноправный субъект экономической деятельности или нуждающаяся в особой защите мать семейства.

Действующее российское законодательство не содержит специального правового регулирования женского предпринимательства как отдельного феномена. Существуют разрозненные нормы в различных нормативных актах, отдельные региональные программы поддержки, но отсутствует системный подход к решению проблем этой категории предпринимателей [9, с. 4]. Более того, ряд нормативных положений объективно создает дополнительные барьеры для женского бизнеса. Список профессий, запрещенных для женщин, ограничивает их предпринимательские возможности в целых отраслях экономики. Требования

кредитных организаций о предоставлении согласия супруга на получение займа фактически умаляют дееспособность замужних предпринимательниц. Отсутствие гибких механизмов совмещения предпринимательской деятельности с уходом за детьми заставляет многих женщин выбирать между бизнесом и материнством.

«В современном мире не существует четкого разделения на мужское и женское предпринимательство, задачи организации бизнеса одинаковы для всех, однако к женщинам предъявляется больше требований, поскольку значительную часть времени они уделяют семье и воспитанию детей и вынуждены совмещать работу и домашние обязанности» [10, с. 117].

Парадокс ситуации состоит в том, что при формальном юридическом равенстве предпринимателей независимо от пола существует фактическое неравенство возможностей, которое воспроизводится не столько через прямые законодательные запреты, сколько через механизмы косвенной дискриминации, стереотипы правоприменительной практики и пробелы в правовом регулировании [11, с. 63]. Банки чаще отказывают женщинам в кредитах, ссылаясь на «повышенные риски». Инвесторы предпочитают вкладывать средства в «мужские» проекты. Государственные программы поддержки предпринимательства разрабатываются без учета гендерной специфики. Контрольно-надзорные органы нередко более придирчивы к женским предприятиям.

Юридическая наука уделяет недостаточное внимание правовым аспектам женского предпринимательства. Большинство работ посвящены экономическим, социологическим или психологическим аспектам проблемы, тогда как правовой анализ остается на периферии научных интересов. Между тем именно право должно стать инструментом устранения дискриминационных практик и создания равных условий для реализации

предпринимательского потенциала вне зависимости от гендерной принадлежности.

Настоящая работа предпринимает попытку комплексного юридического анализа статуса женщин-предпринимателей в российской правовой системе. Особое внимание уделяется выявлению скрытых механизмов дискриминации, которые не лежат на поверхности, но существенно влияют на возможности женщин в бизнесе. Через призму конституционных принципов равноправия и свободы предпринимательства рассматриваются нормы различных отраслей законодательства, судебная практика, административные регламенты и программы государственной поддержки. Критический анализ существующего правового регулирования позволит сформулировать конкретные предложения по его совершенствованию, направленные на создание благоприятной правовой среды для развития женского предпринимательства в России.

В условиях интенсивного развития экономических отношений значимость деятельности женщин-предпринимательниц постоянно растет [12, с. 53].

Конституция Российской Федерации закрепляет фундаментальные принципы, создающие правовую базу для развития предпринимательской деятельности независимо от гендерной принадлежности. Статья 34 провозглашает право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности¹. Данная конституционная норма не содержит каких-либо гендерных ограничений, что создает формальное равенство возмож-

ностей для мужчин и женщин в сфере бизнеса.

В.А. Разумова справедливо отмечает, что «развитие женского предпринимательства в современной России – это один из наиболее эффективных инструментов достижения социально-экономического благополучия страны» [13, с. 90].

Принцип равноправия полов получил развернутое закрепление в ст. 19 Конституции РФ, согласно которой мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации [7, с.15]. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращался к толкованию данной нормы, указывая, что равноправие предполагает не только формальное закрепление одинаковых прав, но и создание реальных условий для их осуществления. Применительно к предпринимательской деятельности данный принцип означает недопустимость установления каких-либо преимуществ или ограничений по признаку пола при регистрации юридических лиц, получении лицензий, участии в государственных закупках, доступе к кредитным ресурсам.

Конституционные гарантии собственности, закрепленные в ст. 35, имеют особое значение для женского предпринимательства. Право иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им, как единолично, так и совместно с другими лицами, создает материальную основу для ведения бизнеса. Однако практика показывает, что женщины-предприниматели сталкиваются со специфическими проблемами при реализации имущественных прав, особенно в случаях развода или раздела совместно нажитого имущества супругов.

Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) устанавливает режим совместной собственности супругов на имущество, нажитое во время брака².

¹ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием: 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // КонсультантПлюс: сайт: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.11.2025).

² Семейный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ: [ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025]

Статья 34 СК РФ относит к совместной собственности доходы каждого из супругов от предпринимательской деятельности. Данная норма порождает сложности в ситуациях, когда женщина развивает собственный бизнес, вкладывая в него значительные усилия и время, но формально половина активов принадлежит супругу. Судебная практика демонстрирует многочисленные споры о разделе бизнеса при расторжении брака, где интересы женщин-предпринимателей не всегда защищены должным образом.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) развивает конституционные положения о свободе экономической деятельности. Статья 2 ГК РФ определяет предпринимательскую деятельность как самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли¹. Правоспособность гражданина возникает с момента рождения и включает возможность заниматься предпринимательской деятельностью. Статья 23 ГК РФ предусматривает регистрацию граждан в качестве индивидуальных предпринимателей без каких-либо гендерных различий в порядке и условиях регистрации.

Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» устанавливает единый порядок регистрации для всех категорий граждан². Однако фор-

мальное равенство процедур не учитывает фактических различий в положении мужчин и женщин, что создает скрытые барьеры для женского предпринимательства.

Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ) содержит специальные гарантии для работающих женщин, включая запрет дискриминации в сфере труда по признаку пола (ст. 3 ТК РФ)³. Статья 64 ТК РФ прямо запрещает отказывать в заключении трудового договора женщинам по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей. Данные нормы распространяются на женщин-работниц, но не решают проблем женщин-предпринимателей, которые сталкиваются с дискриминацией со стороны кредитных организаций, контрагентов, государственных органов.

Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» определяет меры государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства⁴. Закон не содержит специальных программ поддержки женского предпринимательства, что отличает российское законодательство от правовых систем многих зарубежных стран, где действуют целевые программы для женщин-предпринимателей.

Международные обязательства России в области защиты прав женщин также формируют правовую базу для развития женского предпринимательства. Кон-

// КонсультантПлюс: сайт: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 01.11.2025).

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : [ред. от 25.11.2025] // КонсультантПлюс: сайт: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 01.11.2025).

² О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федер. закон от 8 авг. 2001 г. № 129-ФЗ : [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт: URL: <https://www.consultant.ru/>

document/cons_doc_LAW_32881/ (дата обращения: 01.11.2025).

³ Трудовой кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ: [ред. от 29.09.2025] // КонсультантПлюс: сайт: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 01.11.2025).

⁴ О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федер. закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ: [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 01.11.2025).

венция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, ратифицированная СССР в 1981 г., обязывает государство обеспечить равные права мужчин и женщин в экономической сфере¹. Статья 13 Конвенции гарантирует женщинам право на получение семейных пособий, банковских ссуд, займов и других форм финансового кредита. Однако механизмы имплементации данных норм в российское законодательство остаются недостаточно разработанными.

Региональное законодательство демонстрирует более активный подход к поддержке женского предпринимательства. Отдельные субъекты Российской Федерации приняли программы развития женского предпринимательства, однако их правовой статус ограничивается уровнем подзаконных актов, что снижает их эффективность и обязательность исполнения [14, с. 295].

Анализ конституционно-правовых основ показывает наличие прочной нормативной базы для обеспечения равных прав мужчин и женщин в предпринимательской деятельности [15, с. 3060]. Конституция РФ и базовое законодательство создают формальное равенство возможностей. Вместе с тем отсутствие специальных правовых механизмов, учитывающих фактическое положение женщин в обществе, приводит к тому, что декларируемое равноправие не реализуется в полной мере на практике. Законодательство не содержит определения дискриминации в предпринимательской деятельности по признаку пола, не предусматривает механизмов её выявления и пресечения, что создает правовой вакуум в защите интересов женщин-предпринимателей.

По мнению Е.О. Кашиной: «...женское предпринимательство имеет свои

особенности, которые делают его уникальным и важным для экономики. С учетом растущего числа женщин в бизнесе, их социальных инициатив и поддержки со стороны государства и частного сектора, можно ожидать дальнейшего роста и развития этого направления» [14, с. 295].

Ю.О. Голякович отмечает, что «предпринимательство становится площадкой, где женщины могут проявлять свои лидерские качества, управляя командами, разрабатывая инновационные продукты и услуги, а также создавая рабочие места для других» [16, с. 87].

Проблематика правового регулирования экономической активности женщин входит в актуальную мировую повестку [17, с.12].

Анализ международной практики демонстрирует наличие разработанных механизмов поддержки женского предпринимательства, которые могут стать основой для совершенствования отечественного законодательства. Европейский союз реализует комплексную стратегию гендерного равенства через Директиву 2006/54/ЕС о применении принципа равных возможностей и равного обращения для мужчин и женщин в вопросах занятости². Данный нормативный акт устанавливает обязательства государств-членов по созданию условий для развития женского бизнеса, включая специализированные программы финансирования и консультационной поддержки.

По мнению Л.Ю. Новицкой: «...один из ключевых вопросов при оказании поддержки предпринимательству женщин заключается в том, должна ли она оказываться в рамках специальных программ

¹ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: [заключена 18.12.1979] // Ведомости Верховного Совета СССР. 1982. № 25, ст. 464.

² Директива № 2006/54/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об имплементации принципа равных возможностей и равного обращения для мужчин и женщин в вопросах занятости и доступа к работе» // КонсультантПлюс: сайт: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.11.2025).

специализированными учреждениями или же она может быть оказана в рамках основных программ, рассчитанных на субъектов малого и среднего предпринимательства в целом. Оба подхода используются в Европейском союзе, и этот подход обычно определяется социальным отношением к женщинам в обществе и на рынке труда» [18, с. 20].

Германский опыт представляет особый интерес в контексте правового обеспечения доступа к финансовым ресурсам. Закон о равноправии мужчин и женщин в частном секторе от 2015 г. предусматривает квотирование представительства женщин в органах управления компаниями. Параллельно функционирует государственная программа EXIST, направленная на поддержку стартапов, создаваемых женщинами, с выделением грантов до 150 тыс. евро на начальных этапах развития бизнеса. Семейные предприятия составляют основу экономики Германии. «В Германии действуют 3 435 478 предприятий, из них 90% (2,95 млн) относятся к семейным предприятиям; в том числе 591 000 предприятий, или 18% семейных предприятий, являют собой женское предпринимательство» [19, с. 40].

Французская модель базируется на законе Коппе – Циммерманн 2011 г., устанавливающем обязательную квоту в 40% для представительства женщин в советах директоров крупных компаний. Законодательство дополняется специальными налоговыми льготами для женщин-предпринимателей в первые три года деятельности, что закреплено в Налоговом кодексе Франции.

Американская система правового регулирования отличается акцентом на государственных закупках. Федеральный закон о развитии малого бизнеса (Small Business Act) содержит положения о резервировании 5% государственных контрактов для предприятий, принадлежащих женщинам. Администрация по делам малого бизнеса США (SBA) реализует программу Women's Business Centers,

предоставляющую бесплатные консультационные услуги по правовым вопросам ведения бизнеса [20, с. 160].

Скандинавские страны демонстрируют наиболее продвинутые механизмы поддержки через систему социальных гарантий. Шведский закон о родительском отпуске обеспечивает сохранение статуса индивидуального предпринимателя при уходе в декретный отпуск с выплатой компенсации в размере 80% от среднего дохода. Норвежское законодательство предусматривает освобождение от уплаты страховых взносов на период материнства для женщин-предпринимателей [12, с. 56].

Имплементация зарубежного опыта в российскую правовую систему требует учета национальных особенностей. Введение квотирования по германо-французскому образцу возможно через внесение изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах»¹, установив рекомендательные нормы представительства женщин в органах управления публичных компаний. Адаптация американской модели государственных закупок предполагает дополнение Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»² положениями о преференциях для женского бизнеса.

Шведский опыт социальной поддержки может быть реализован через модификацию Федерального закона «Об

¹ Об акционерных обществах: Федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ: [ред. от 31.07.2025; с изм. от 25.09.2025] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/ (дата обращения: 01.11.2025).

² О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ : [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 01.11.2025).

обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» с распространением его действия на женщин-предпринимателей с сохранением пособий при временном приостановлении деятельности¹. Создание сети специализированных консультационных центров по аналогии с американской моделью целесообразно закрепить в национальном проекте «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [17, с. 325].

По мнению А.В. Орловой: «...поддержка женского предпринимательства в зарубежных странах (особенно в инновационно-ориентированных) подчиняется неолиберальным целям, таким как создание рабочих мест и экономический рост. Многие страны рассматривают женское предпринимательство и как способ решения актуальных социальных проблем» [2, с. 85].

Выводы

Таким образом, женское предпринимательство в современной России представляет собой феномен, существующий в пространстве парадокса между формальным юридическим равноправием и фактическим неравенством возможностей. Конституция РФ и базовое законодательство создают прочную нормативную основу для реализации экономической активности независимо от пола. Статьи 19 и 34 Конституции, положения Гражданского кодекса о предпринима-

тельской деятельности не содержат гендерных ограничений. Международные обязательства России, вытекающие из Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, усиливают правовые гарантии равных возможностей в экономической сфере.

Однако декларативный характер конституционных норм при отсутствии специальных механизмов их реализации превращает равноправие в формальность. Женщины составляют 43% предпринимателей России, создают миллионы рабочих мест, формируют значительную долю ВВП, но концентрируются в низкомаржинальных сферах торговли, образования, красоты и общественного питания. Высокотехнологичные и капиталоемкие отрасли остаются практически недоступными. Средний размер женских предприятий существенно уступает мужским. Доступ к кредитным ресурсам сопряжен с дополнительными барьерами – требования банков о предоставлении согласия супруга фактически умаляют дееспособность замужних предпринимательниц.

Российское законодательство не содержит определения дискриминации в предпринимательской деятельности по признаку пола, не предусматривает механизмов её выявления и пресечения. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» не закрепляет специальных программ поддержки женского бизнеса, что отличает отечественную правовую систему от зарубежных аналогов. Список профессий, запрещенных для женщин, ограничивает предпринимательские возможности в целых отраслях экономики. Семейный кодекс, устанавливая режим совместной собственности супругов на доходы от предпринимательской деятельности, порождает сложности

¹ Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством: Федер. закон от 29 дек. 2006 г. № 255-ФЗ» : [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/ (дата обращения: 01.11.2025).

при разделе бизнеса в случае развода, где интересы женщин-предпринимателей не всегда защищены надлежащим образом.

Дискриминация воспроизводится не через прямые законодательные запреты, а посредством механизмов косвенного ограничения, стереотипов правоприменительной практики и пробелов в правовом регулировании. Банки чаще отказывают женщинам в кредитах, ссылаясь на «повышенные риски». Инвесторы предпочитают вкладывать средства в «мужские» проекты. Государственные программы поддержки разрабатываются без учета гендерной специфики. Отсутствие гибких механизмов совмещения предпринимательской деятельности с уходом за детьми заставляет выбирать между бизнесом и материнством.

Международный опыт демонстрирует эффективность специализированных правовых инструментов. Германия реализует программу EXIST с грантами до 150 тыс. евро для женских стартапов. Франция законодательно установила квоту в 40% для представительства женщин в советах директоров крупных компаний. США резервируют 5% государственных контрактов для предприятий, принадлежащих женщинам. Швеция обеспечивает сохранение статуса индивидуального предпринимателя при уходе в декретный отпуск с выплатой компенсации в размере 80% от среднего дохода. Европейский союз реализует комплексную стратегию

через Директиву 2006/54/ЕС о равных возможностях в вопросах занятости.

Адаптация зарубежных моделей требует системных изменений отечественного законодательства. Необходимо внесение изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» с установлением рекомендательных норм представительства женщин в органах управления публичных компаний. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок» целесообразно дополнить положениями о преференциях для женского бизнеса при участии в государственных закупках. Модификация Федерального закона «Об обязательном социальном страховании» должна распространить его действие на женщин-предпринимателей с сохранением пособий при временном приостановлении деятельности в связи с материнством.

Создание благоприятной правовой среды для женского предпринимательства требует не введения привилегий, а устранения существующих барьеров и обеспечения реального равенства возможностей. Женское предпринимательство представляет собой жизненно важный фактор экономического развития, эффективный инструмент достижения социально-экономического благополучия страны. Правовое обеспечение его развития должно стать приоритетным направлением совершенствования российского законодательства.

Список литературы

1. Нажимудинова С.С., Бейшенова А.М. Гендерный взгляд: изучение влияния женщин ученых на исследования женского предпринимательства // Вестник Академии. 2025. № 1. С. 96-105.
2. Орлова А.В. Концептуальные основы поддержки женского предпринимательства в Республике Беларусь // Экономическая серия Вестника Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. 2022. № 2. С. 73-83.
3. Юнусова А.Р. Женское предпринимательство: барьеры и возможности // Развитие финансового рынка и предпринимательских структур в современных условиях: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курск: Университетская книга, 2025. С. 391-400.

4. Зорина А.Е. Личностные ресурсы как фактор успеха женского предпринимательства // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 79-91.
5. Азарова Е.Г., Моцная О.В. Труд и социальное обеспечение женщин: актуальные проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. № 12. С. 141-160.
6. Русак Е.С. Развитие механизмов поддержки женского предпринимательства в Республике Беларусь // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования: сборник научных статей XIX Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора С.А. Пелиха. Минск: Акад. управления при Президенте Республики Беларусь, 2025. С. 616-620.
7. Ершова И.В. Женское предпринимательство: от эмпирики и доктрины к правовому регулированию // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 8(189). С. 9-22.
8. Орлова А.В. Глобальная экономика сквозь призму женского предпринимательства // Современные проблемы экономического развития предприятий, отраслей, комплексов, территорий: материалы Международной научно-практической конференции. Хабаровск: Тихоокеан. гос. ун-т, 2025. С. 215.
9. Ершова И.В. Женское предпринимательство в фокусе российских и зарубежных эмпирических исследований // Предпринимательское право. 2024. № 3. С. 2-10.
10. Янченко А.Ю., Непомнящих А.А. Особенности женского предпринимательства в малом бизнесе // Путеводитель предпринимателя. 2025. Т. 18, № 2. С. 116-120.
11. Пиньковецкая Ю.С. Женское предпринимательство в России и зарубежных странах. Ульяновск: Ульянов. гос. ун-т, 2020. 170 с.
12. Кванина В.В., Громова Е.А., Спиридонова А.В. Государственная поддержка женского предпринимательства // Женщина в российском обществе. 2020. № 4. С. 52-60.
13. Разумова В.А. Женское предпринимательство в современной России: основные тенденции развития // XXXVIII Международные Плехановские чтения: сборник статей аспирантов и молодых ученых. М.: Рос. экон. ун-т им. Г.В. Плеханова, 2025. С. 87-93.
14. Кашина Е.О. Женское предпринимательство: особенности и перспективы // Проблемы современного социума глазами молодых исследователей – XVII : сборник научных трудов по материалам XVII Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов, приуроченной к празднованию 80-летия Победы в Великой Отечественной войне. Курск: Университетская книга, 2025. С. 291-301.
15. Бессчетнова О.В., Крекова М.М., Арзамасова Е.Л. Женское предпринимательство в России: pro et contra? // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10, № 12. С. 3059-3074.
16. Голякович Ю.О. Женщины на рынке труда: анализ безработицы и потенциал для роста через предпринимательство // Экономика и банки. 2024. № 2. С. 85-90.
17. Ершова И.В. Феномен женского предпринимательства: от признания к правовому регулированию // Предпринимательское право. 2023. № 3. С. 11-18.
18. Новицкая Л.Ю. К вопросу об инклюзивном предпринимательстве в России // Безопасность бизнеса. 2023. № 3. С. 17-19.
19. Шишмарева Т.П., Енькова Е.Е. Феномен семейного предприятия в праве Германии // Предпринимательское право. 2024. № 3. С. 37-43.
20. Пиньковецкая Ю.С. Предприниматели в современных экономиках. Ульяновск: Ульянов. гос. ун-т, 2021. 170 с.
21. Абдулаева З.З. Возможности и условия расширения занятости женщин в сфере малого предпринимательства // Управленческий учет. 2021. № 9-2. С. 321-328.

References

1. Nazhimudinova S.S., Beishenova A.M. Gender view: Studying the influence of women scientists on research on women's entrepreneurship. *Vestnik Akademii = Bulletin of the Academy*. 2025;(1):96-105. (In Russ.)
2. Orlova A.V. Conceptual foundations for supporting women's entrepreneurship in the Republic of Belarus. *Ekonomicheskaya seriya Vestnika Evraziiskogo natsional'nogo universiteta im. L.N. Gumileva = Economic series of the Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University*. 2022;(2):73-83. (In Russ.)
3. Yunusova A.R. Women's Entrepreneurship: Barriers and opportunities. In: *Razvitie finansovogo rynka i predprinimatel'skikh struktur v sovremennykh usloviyakh: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Development of the financial market and entrepreneurial structures in modern conditions: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference*. Kursk: Universitetskaya Kniga; 2025. P. 391-400. (In Russ.)
4. Zorina A.E. Personal resources as a factor in the success of women's entrepreneurship. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian Society*. 2023;(1):79-91. (In Russ.)
5. Azarova E.G., Motsnaya O.V. Women's labor and social security: current issues of legal regulation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2023;(12):141-160. (In Russ.)
6. Rusak E.S. Development of mechanisms to support women's entrepreneurship in the Republic of Belarus. In: *Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomiki i povyshenie effektivnosti deyatel'nosti sub"ektov khozyaistvovaniya: sbornik nauchnykh statei XIX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora S.A. Pelikha = State regulation of the economy and improving the efficiency of business entities: collection of scientific articles of the XIX International scientific and practical conference dedicated to the memory of professor S.A. Pelikh*. Minsk: Akad. upravleniya pri Prezidente Respubliki Belarus'; 2025. P. 616-620. (In Russ.)
7. Ershova I. V. Women's entrepreneurship: From empirics and doctrine to legal regulation. *Lex Russica*. 2022;75(8):9-22. (In Russ.)
8. Orlova A.V. Global economy through the prism of women's entrepreneurship. In: *Sovremennye problemy ekonomicheskogo razvitiya predpriyatii, otraslei, kompleksov, territorii: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Modern problems of economic development of enterprises, industries, complexes, territories: proceedings of the International scientific and practical conference*. Khabarovsk: Tikhookean. gos. un-t; 2025. P. 215. (In Russ.)
9. Ershova I.V. Women's entrepreneurship in the focus of Russian and foreign empirical research. *Predprinimatel'skoe pravo = Business Law*. 2024;(3):2-10. (In Russ.)
10. Yanchenko A.Yu., Nepomnyashchikh A.A. Features of women's entrepreneurship in small business. *Putevoditel' predprinimatelya = Entrepreneur's Guide*. 2025;18(2):116-120. (In Russ.)
11. Pinkovetskaya Yu.S. Women's entrepreneurship in Russia and foreign countries. Ulyanovsk: Ulyanov. gos. un-t; 2020. 170 p. (In Russ.)
12. Kvanina V.V., Gromova E.A., Spiridonova A.V. State support for women's entrepreneurship. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian Society*. 2020;(4):52-60. (In Russ.)
13. Razumova V.A. Women's entrepreneurship in modern Russia: main development trends. In: *XXXVIII Mezhdunarodnye Plekhanovskie chteniya: sbornik statei aspirantov i molodykh uchenykh = XXXVIII International Plekhanov readings: collection of articles by postgraduate students and young scientists*. Moscow: Ros. ekon. un-t im. G.V. Plekhanova; 2025. P. 87-93. (In Russ.)
14. Kashina E.O. Women's entrepreneurship: Features and prospects. In: *Problemy sovremennogo sotsiuma glazami molodykh issledovatelei – XVII: sbornik nauchnykh trudov po materialam XVII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, magistrantov i aspirantov, priurochennoi k prazdnovaniyu 80-letiya Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine = Problems of modern society through the eyes of young researchers – XVII: collection of scientific papers based on the materials of the XVII All-Russian scientific and practical conference students, master's students and postgraduates, dedicated*

to the celebration of the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War. Kursk: Universitetskaya kniga; 2025. P. 291-301. (In Russ.)

15. Besschetnova O.V., Krekova M.M., Arzamasova E.L. Women's entrepreneurship in Russia: pro et contra? *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economy, Entrepreneurship and Law*. 2020;10(12): 3059-3074. (In Russ.)

16. Golyakovich Yu.O. Women in the labor market: Analysis of unemployment and potential for growth through entrepreneurship. *Ekonomika i banki = Economy and Banks*. 2024;(2):85-90. (In Russ.)

17. Ershova I.V. The phenomenon of women's entrepreneurship: from recognition to legal regulation. *Predprinimatel'skoe pravo = Business Law*. 2023;(3):11-18. (In Russ.)

18. Novitskaya L.Yu. On the issue of inclusive entrepreneurship in Russia. *Bezopasnost' biznesa = Business Security*. 2023;(3):17-19. (In Russ.)

19. Shishmareva T.P., Enkova E.E. The phenomenon of family business in German law. *Predprinimatel'skoe pravo = Entrepreneurial law*. 2024;(3):37-43. (In Russ.)

20. Pinkovetskaya Yu.S. Entrepreneurs in modern economies. Ulyanovsk: Ulyanov. gos. un-t; 2021. 170 p. (In Russ.)

21. Abdullayeva Z.Z. Opportunities and conditions for expanding women's employment in small business. *Upravlencheskii uchet = Management accounting*. 2021;(9-2):321-328. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Байбекова Эльмира Фаридовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и государственного регулирования инновационной деятельности, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, г. Астрахань, Российская Федерация, e-mail: karinbey@mail.ru, ORCID:0000-0003-4955-4293

Elmira F. Baybekova, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department of Civil Law and State Regulation of Innovation Activities, Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russian Federation, e-mail: karinbey@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4955-4293

Григорова Кристина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и государственного регулирования инновационной деятельности, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, г. Астрахань, Российская Федерация, e-mail: kreland@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9769-3760

Kristina S. Grigorova, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department of Civil Law and State Regulation of Innovation Activities, Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russian Federation, e-mail: kreland@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9769-3760

УДК 343.13

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-112-123>



Возвращение уголовного дела прокурору для составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера

Т.К. Рябина¹, Л.Г. Татьяна²

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

²Удмуртский государственный университет
ул. Университетская, д. 1, г. Ижевск 426034, Российская Федерация

 e-mail: tatyanakimovna-r@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Одной из проблем, связанных с определением процессуального статуса лица, имеющего психическое расстройство, совершившего преступление, является сложность установления и диагностики его психического расстройства, признание его обвиняемым и привлечение к уголовной ответственности либо принятие решения о применении к нему принудительных мер медицинского характера.

Целью исследования является определение оснований для рассмотрения на предварительном слушании вопроса о возвращении уголовного дела прокурору; решение вопроса с применением меры пресечения и определением процессуального статуса лица, в отношении которого уголовное дело направляется прокурору.

Задачи: установить основания для рассмотрения на предварительном слушании вопроса о возвращении уголовного дела прокурору для составления обвинительного заключения вместо постановления о применении принудительных мер медицинского характера; установить порядок принятия решения о применении меры пресечения в отношении указанного лица; определить состав лиц, принимающих участие на предварительном слушании при рассмотрении указанных вопросов.

Методология исследования представлена диалектическим методом, сравнительно-правовым методом, формально-логическим методом, методами анализа и синтеза.

Результаты. В ходе исследования был определен состав лиц, принимающих участие при рассмотрении на предварительном слушании вопроса о возвращении уголовного дела прокурору для составления обвинительного заключения. Предложены основания для рассмотрения указанного вопроса, определены материалы, подлежащие исследованию на предварительном слушании.

Вывод. При рассмотрении на предварительном слушании вопроса о возвращении уголовного дела прокурору для составления обвинительного заключения вместо постановления о применении принудительных мер медицинского характера обязательными участниками должны выступать лицо, в отношении которого решается указанный вопрос, его законный представитель, защитник, прокурор, председатель экспертной комиссии, проводившей судебно-психиатрическую экспертизу, и врач-психиатр, наблюдавший лицо после помещения его в психиатрическую клинику на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы.

Ключевые слова: предварительное слушание; подследственность; судебная экспертиза; принудительные меры медицинского характера.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Рябинина Т.К., Татьяна Л.Г. Возвращение уголовного дела прокурору для составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 112–123. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-112-123>.

Поступила в редакцию 05.11.2025

Принята к публикации 28.11.2025

Опубликована 25.12.2025

Return of the criminal case to the prosecutor for drawing up a indictment or a bill of indictment in a criminal case sent to court with a ruling on the application of a compulsory medical measure

Tatyana K. Ryabinina^{1✉}, Larisa G. Tatyana²

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

²Udmurt State University
1 Universitetskaya Str., Izhevsk 426034, Russian Federation

✉e-mail: tatyanakimovna-r@yandex.ru

Abstract

Relevance. One of the problems associated with determining the procedural status of a person with a mental disorder who has committed a crime is the difficulty of establishing and diagnosing the mental disorder, the level of its severity, and, as a result, the recognition of the person as an accused and their criminal liability, or the decision to apply compulsory medical measures to them.

The purpose of the study is to determine the grounds for considering the issue of returning the criminal case to the prosecutor at a preliminary hearing; to resolve the issue of applying a preventive measure and determining the procedural status of the person whose criminal case is being sent to the prosecutor.

Objectives: to establish the grounds for considering the issue of returning the criminal case to the prosecutor for drawing up a charge sheet instead of a ruling on the application of compulsory medical measures at the preliminary hearing; to establish the procedure for making a decision on the application of a preventive measure against the specified person; and to determine the composition of the persons participating in the preliminary hearing when considering these issues.

The research methodology includes the dialectical method, the comparative legal method, the formal logical method, and the methods of analysis and synthesis.

Results. During the study, the composition of the persons participating in the preliminary hearing on the return of the criminal case to the prosecutor for the preparation of an indictment was determined. The grounds for considering this issue were proposed, and the materials to be examined at the preliminary hearing were identified.

Conclusion. When the preliminary hearing considers the issue of returning the criminal case to the prosecutor for the purpose of drawing up a charge sheet instead of a ruling on the use of compulsory medical measures, the following participants must be present: the person in question, their legal representative, a defense attorney, the prosecutor, the chairman of the expert commission that conducted the forensic psychiatric examination, and the psychiatrist who observed the person after their admission to a psychiatric clinic based on the forensic psychiatric examination.

Keywords: preliminary hearing; jurisdiction; forensic examination; compulsory medical measures.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Ryabinina T.K., Tatyana L.G. Return of the criminal case to the prosecutor for drawing up a indictment or a bill of indictment in a criminal case sent to court with a ruling on the application of a compulsory medical measure. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(6):112–123. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-112-123>.

Введение

Одним из наиболее сложных производств в уголовном процессе является производство о применении принудительных мер медицинского характера, что связано со сложностью диагностики психического расстройства, разграничением собственно психического расстройства от его симуляции либо выявлением диссимуляции. Наличие различных психиатрических школ, по-разному определяющих симптомы психических расстройств, их характеристики, приводит к даче различных оценок психического состояния испытуемого, что вызывает сложности в процессе производства по уголовному делу и определению процессуального статуса испытуемого лица. Следует отметить тот факт, что вменяемость лица определяется представителями органов предварительного расследования и судом, которые не являются специалистами в области психиатрии и часто не имеют представления о психических расстройствах. Безусловно, что указанная ситуация влияет на принятие решения в отношении лица, симулирующего либо диссимулирующего психическое расстройство. Решения органами предварительного расследования принимаются на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы, в подавляющем большинстве амбулаторной, что в последующем приводит к необходимости пересмотра принятых в ходе досудебного производства решений.

Возвращение уголовного дела прокурору, принятое на предварительном слушании, о направлении уголовного дела в суд с обвинительным заключением вместо постановления о применении принудительных мер медицинского характера преследует цель исправления ошибок, допущенных органами предварительного расследования, при принятии решения об определении процессуального статуса лица, совершившего преступление, применении в отношении него процессуального решения. Для принятия

указанного решения необходимо исследовать комплекс материалов, которые могут быть положены в обоснование судебного решения. Законодатель, предоставив суду право принятия указанного решения, не указал основания для его принятия и порядок их установления и проверки, что исключает на практике возможность принятия указанного решения.

Полагаем, что суд должен исследовать на предварительном слушании все документы, которые представляют ему стороны и привлеченные представители экспертных учреждений и психиатрической клиники, в которую было помещено лицо на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы, чтобы исключить допущение принятия ошибочного решения. Суд должен четко обосновать свое решение, а также решить в нем вопрос о процессуальном статусе лица и применении меры пресечения. При принятии решения о возвращении уголовного дела прокурору по рассматриваемому основанию суд должен указать на необходимость направления уголовного дела органу предварительного следствия, поскольку допущение установленной ошибки изначально предполагает гарантии обеспечения права на защиту обвиняемого, имеющего психическое расстройство либо симулирующего его, но приведшего к допущению ошибок органами предварительного расследования, в связи с чем ему должно быть как минимум предъявлено обвинение с предоставлением права дать по нему показания, с последующим составлением обвинительного заключения.

Методология

Основой для написания данной работы послужили научные труды российских исследователей в сфере уголовного процесса, нормативно-правовые акты, регламентирующие производство о применении принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, со-

вершивших запрещенное уголовным законом деяние, материалы следственной и судебной практики.

Методологической основой исследования является диалектический метод как всеобщий метод познания.

Сравнительно-правовой метод позволил рассмотреть такие понятия, как симуляции и диссимуляции психического расстройства, на основе чего был сделан вывод о необходимости повторного экспертного исследования психического состояния лица для точного установления наличия / отсутствия у него психического расстройства.

Формально-логический метод использовался для характеристики лица, которое изначально рассматривалось как имеющее ограниченные возможности, не позволяющие ему надлежащим образом участвовать в уголовном судопроизводстве и использовать средства самостоятельной защиты, а в последующем было признано дееспособным, обладающим способностью самостоятельно представлять и защищать свои права и законные интересы.

Метод анализа позволил провести глубокое исследование оснований для проведения предварительного слушания в целях разрешения вопроса о возвращении уголовного дела прокурору для составления обвинительного заключения вместо постановления о применении принудительных мер медицинского характера; выявить проблемы, связанные с представлением и исследованием документов, необходимых для решения указанного вопроса; определить состав участников предварительного слушания при разрешении указанного вопроса. Данный анализ позволил сформулировать теоретические положения, направленные на совершенствование порядка производства предварительного слушания, связанного с разрешением указанного вопроса.

Метод синтеза сделал возможным объединение теоретических знаний и

практического опыта, что позволило выявить и сформулировать общие закономерности в регулировании порядка рассмотрения на предварительном слушании вопроса о возвращении уголовного дела прокурору; пробельность уголовно-процессуального закона в регулировании данного вопроса.

Использование указанных методов способствовало более качественному исследованию дискуссионных вопросов возвращения прокурору судом уголовного дела для составления обвинительного заключения вместо постановления о применении принудительных мер медицинского характера.

Результаты и их обсуждение

Основания проведения предварительного слушания по вопросу о возвращении уголовного дела прокурору для составления обвинительного заключения вместо постановления о применении принудительных мер медицинского характера

Принятие Уголовно-процессуального кодекса 18 декабря 2001 г. по-новому определило механизм производства по уголовным делам в отношении лиц, имеющих психические расстройства, совершившие общественно опасные деяния. Изначально обновленный процессуальный порядок был направлен на усиление процессуальной защиты указанных лиц, в то же время многие вопросы и положения, связанные с производством в отношении указанной категории лиц, не имели четкого содержания и носили оценочный характер.

Официальный отказ от института возвращения уголовного дела для дополнительного расследования привел к введению нового института возвращения уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ), который частично заменял возвращение уголовного дела на дополнительное расследование, но при этом породил неоднозначное к себе отношение со стороны российских ученых [1, с. 18]. Так,

отдельные авторы поддерживали законодателя в идее отказаться от дополнительного расследования [2, с. 27], другие стали критиковать новый институт в связи с тем, что он продемонстрировал умаление роли суда как независимого участника уголовного судопроизводства [3, с. 3–7]. Ряд авторов посчитали данную процедуру как восстановленное [4, с. 36–38], видоизмененное [5, с. 50] возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования. В последующем в науке стали высказывать предложения о необходимости вернуть институт возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования [6, с. 33–35]. Однако законодатель полагал, что наличие стадии подготовки к судебному заседанию с проведением предварительного слушания достаточно для устранения противоречий, возникающих при поступлении уголовного дела в суд, в связи с чем он неоднократно корректировал основания для назначения предварительного слушания [7, с. 514–521].

Одним из дискуссионных вопросов, который обходили в научных исследованиях, было положение, установленное в п. 3 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, согласно которому судья по ходатайству стороны или по собственной инициативе может возвратить уголовное дело прокурору, если «есть необходимость составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера». Исходя из его содержания следовало, что основанием для принятия указанного решения выступало ходатайство хотя бы одной из сторон либо усмотрение судьи, но логично возникал вопрос, каким образом ходатайство стороны может преодолеть заключение экспертов-профессионалов в области психиатрии, давших заключение о том, что лицо, представленное на экспертизу в силу имеющегося у него психического расстройства, представляет опасность и

нуждается в применении принудительных мер медицинского характера. Бесспорно, что сторона обвинения, которая потерпела от действий лица, которое предположительно является невменяемым, может считать, что оно симулирует психическое расстройство, в связи с чем и просит о пересмотре решения, которое было принято следователем по окончании производства предварительного следствия. Сторона обвинения может быть не согласна с мнением судебных экспертов, но для этого она должна представить четкое обоснование на основании имеющихся в материалах уголовного дела документов [8, с. 39–48], учитывая, что они могут иметь различное прочтение [9, с. 9–58]. Рассматривая возможную позицию стороны защиты, связанную с заявлением указанного ходатайства, она может быть обусловлена изменением квалификации содеянного деяния, которое относится к преступлениям средней тяжести, в связи с чем сокрытие от правосудия и симуляция психического расстройства теряет смысл, поэтому лицо заинтересовано в том, чтобы в отношении него не решался вопрос о применении принудительных мер медицинского характера. Однако ходатайства, заявленные сторонами, могут рассматриваться как основания для проведения предварительного слушания, но не могут рассматриваться в качестве оснований для принятия решения по его итогам.

Проведение предварительного слушания по инициативе суда, поставившего под сомнение решение органов предварительного расследования и прокуратуры о необходимости направить лицо для применения к нему принудительных мер медицинского характера, может быть обусловлено качественным изучением уголовного дела и материалов судебной экспертизы и иных имеющихся в деле медицинских документов. При знании судебной психиатрии, имеющемся опыте работы судья может установить определенные нестыковки и пробелы в матери-

алах уголовного дела и заключении экспертов, что может привести к сомнению в качестве проведения экспертизы, принятии решения о направлении уголовного дела для составления обвинительного заключения.

Следует обратить внимание еще на одно положение, которое теоретически может иметь место, но в уголовно-процессуальном законодательстве оно отсутствует. При принятии УПК РФ была введена ст. 435, регулирующая помещение в психиатрический стационар лица, у которого было установлено наличие психического заболевания, и в отношении него была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Порядок помещения лица, имеющего психическое расстройство, не содержащегося под стражей, устанавливался аналогично помещению лица для производства стационарной судебно-психиатрической экспертизы. При этом в самом законе не было установлено, что является основанием для установления у лица психического расстройства, хотя в комментарии к указанной статье отмечалось, что «помещать лицо в психиатрический стационар следует после окончания проведения судебно-психиатрической экспертизы», если эксперты дадут заключение о наличии у лица тяжелого психического расстройства, в связи с чем оно представляет общественную опасность и нуждается в применении принудительных мер медицинского характера [10, с. 541]. Только Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. РФ № 500-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» было установлено, что помещение в психиатрический стационар лица, совершившего преступление, может иметь место только после проведения судебно-психиатрической экспертизы, согласно которой лицо имеет тяжелое психическое расстройство, представляет опасность для себя и окружающих и нуждается в применении принудительных мер медицинского характера. Таким

образом, по ходатайству следователя лицо переводится в психиатрическую клинику до принятия судебного решения о применении принудительных мер медицинского характера либо прекращении уголовного дела.

Находясь в психиатрической клинике, лицо находится под постоянным контролем ее сотрудников и врачей, при этом полагаем, что принудительное лечение указанного лица не проводится, поскольку отсутствует судебное решение о его применении. Исключение может составлять купирование острых состояний, которые создают угрозу для самого лица. Врач, наблюдающий за состоянием лица, может выявить признаки симуляции им психического расстройства, поскольку лицо, находясь в клинике, может почувствовать себя относительно спокойно, полагая, что раз его признали психически больным, то ему не следует тревожиться о том, что его могут признать здоровым [11, с. 47–50]. Любой врач-психиатр знает особенности симуляции психического расстройства [12, с. 48–55], понимая ситуацию, связанную с помещенным лицом в психиатрический стационар, он может выявить признаки симуляции, о чем следует сообщить лицам, которые принимали решение и о диагностике заболевания, и о помещении в клинику. В связи с чем лечащий врач может направить заключение в суд о признаках симуляции психического расстройства. Наличие указанного заключения для судьбы может рассматриваться в качестве основания для проведения предварительного слушания по своей инициативе.

Участники судебного заседания предварительного слушания при рассмотрении вопроса о направлении уголовного дела прокурору для составления обвинительного заключения вместо постановления о применении принудительных мер медицинского характера

Одним из дискуссионных является вопрос о составе участников указанного судебного заседания на предварительном

слушании. Положения ст. 234 УПК РФ вызывают возражения, поскольку, исходя из ее содержания, обязательным участником, кроме судьи, является обвиняемый, и даже он при заявлении удовлетворенного судом ходатайства может отсутствовать в судебном заседании, в отношении остальных участников законодатель указал только об их обязательном уведомлении, уточнив, что их неявка в данном случае не является препятствием для проведения предварительного слушания. Указанный подход представляется неприемлемым при рассмотрении вопроса о направлении уголовного дела для составления обвинительного заключения вместо постановления о применении принудительных мер медицинского характера, поскольку в данном случае речь идет о лице, которое страдает психическими расстройствами, поэтому нуждается в реальном обеспечении и защите его прав [13, с. 30]. Полагаем, что независимо от основания рассмотрения указанного вопроса состав участников судебного заседания должен быть неизменным и включать участие прокурора, защитника, лица, в отношении которого предполагается принятие решения, потерпевшего и лечащего врача. Участие прокурора представляется обязательным, поскольку он осуществлял надзор за законностью принятия решения при окончании предварительного расследования. Соответственно соглашаясь с позицией следователя о направлении уголовного дела в суд с постановлением о применении принудительных мер медицинского характера, он, предполагается, изучил уголовное дело и у него не возникло сомнений в обоснованности принятого решения, а также каких-либо вопросов, связанных с качеством проведенной экспертизы и материалами уголовного дела, которые подтверждали сделанные выводы. Участие прокурора представляется необходимым в силу необходимости предоставления ему возможности оспорить позицию стороны, поставившей под сомнение невме-

няемость лица, либо подтвердить обратное, при этом он должен иметь возможность исследовать документы, которые положены в обоснование проведения предварительного слушания по указанному основанию.

Участие лица, в отношении которого решается вопрос о возвращении уголовного дела для производства предварительного следствия, необходимо в силу предоставления ему права отстаивать свои права и законные интересы самостоятельно, поскольку ставится под сомнение его невменяемость и неспособность самостоятельно представлять свои интересы [14, с. 40]. Поскольку оспаривается невменяемость, а не наличие психического расстройства, то участие защитника у обвиняемого является обязательным, поскольку не ставится под сомнение наличие психической патологии, которая влияет на психическое состояние лица, нуждающегося в оказании ему квалифицированной юридической помощи [15, с. 763–768]. При решении вопроса о возвращении прокурору уголовного дела для составления обвинительного заключения в уголовном деле появляется новый участник – обвиняемый [16, с. 48–51], которого должны обеспечить всеми правами.

Участие защитника обусловлено необходимостью оказания помощи подзащитному, в отношении которого оспаривается уровень поражения психики, от чего зависит его процессуальный статус и решение, которое будет принято по делу, в связи с чем отсутствовать на предварительном слушании защитник не может, учитывая, что его подзащитный будет присутствовать на заседании.

Участие потерпевшего, во-первых, обусловлено возможностью поддержания позиции о необходимости привлечения лица к уголовной ответственности, особенно если указанное ходатайство заявлено им; во-вторых, необходимостью дачи показаний по состоянию лица до, в момент и после совершения преступле-

ния, что позволит суду получить дополнительную необходимую информацию для принятия решения.

Лечащий врач-психиатр будет давать показания по вопросам психического состояния лица в период нахождения его в клинике, в том числе особенности его поведения, которые ставили под сомнение ранее выставленный диагноз и заключение экспертов, необходимость нахождения в клинике, либо будет обосновывать наличие психического расстройства, которое проявлялось и в период нахождения в клинике. Показания лечащего врача могут позволить принять решение на предварительном слушании.

При возникновении сомнений в показаниях лечащего врача и заключении судебно-психиатрической экспертизы суд вправе назначить повторную стационарную судебно-психиатрическую экспертизу. Проведение повторной амбулаторной экспертизы не снимет сомнений в оценке психического состояния лица. Несмотря на то, что проведение указанной экспертизы имеет длительный характер, но в указанной ситуации суд должен назначить экспертизу в целях принятия в последующем обоснованного решения, которое не будет у него вызывать сомнения. Возвращать уголовное дело для производства повторной экспертизы представляется необоснованным, поскольку может быть подтверждено первоначальное заключение экспертов. Назначать дело к слушанию, когда может возникнуть вопрос о необходимости привлечения лица, в отношении которого будет решаться вопрос о применении принудительных мер медицинского характера, к уголовной ответственности, нецелесообразно, поскольку это приведет к нарушению разумного срока. После получения заключения повторной экспертизы следует провести предварительное слушание [17, с. 53–62], в процессе которого разъяснить полученное заключение и с учетом сложившейся ситуации принять решение о дальнейшем движении по делу.

Решение вопроса о подследственности и применении меры пресечения при возвращении уголовного дела прокурору

Подследственность уголовных дел о применении принудительных мер медицинского характера не вызвала вопросов, в связи с тем что в положениях ч. 1 ст. 434 УПК РФ было указано на то, что по данной категории дел ведется предварительное следствие. Однако указанное положение отсутствует в ст. 151 УПК РФ, регламентирующей подследственность уголовных дел. Логично, что после возбуждения уголовного дела до установления необходимости направления на лечение подозреваемого / обвиняемого, могло проводиться как дознание, так и следствие, в последующем уголовное дело должно быть передано в соответствии с ч. 1 ст. 434 УПК РФ в органы следствия, которые принимают решение по окончании предварительного следствия по уголовному делу.

Статья 237 УПК РФ вызывает вопросы, связанные с определением подследственности, поскольку указывает на возвращение уголовного дела для составления вместо постановления о применении принудительных мер медицинского характера обвинительного акта или обвинительного заключения, т. е. при буквальном толковании закона следует, независимо от того, что по делу проводилось предварительное следствие, по результатам которого дело было направлено в суд с указанным постановлением, возвратить уголовное дело можно с учетом положений ст. 151 УПК РФ, как в орган следствия, так и в орган дознания. Следует отметить, что до назначения судебно-психиатрической экспертизы лицо, совершившее преступление, имело статус подозреваемого или обвиняемого. Если оно имело статус подозреваемого, то логично, что обвинение ему не предъявлялось. При возвращении уголовного дела органу дознания оно будет предъявляться путем составления обвинительного акта

без допроса лица в качестве обвиняемого. Возникает вопрос о защите прав лица, имеющего психическое расстройство. Если возвращение уголовного дела будет связано не с установленной симуляцией, а с улучшением состояния здоровья [18, с. 653–657] (временной ремиссией, т. е. состоянием, при котором симптомы болезни временно исчезают или значительно уменьшаются, которая может быть стойкой, частичной и нестойкой) [19, с. 27–32], то недопустимо направление уголовного дела для производства дознания, поскольку, учитывая психическое состояние лица со сложным течением психического заболевания, ему должна быть обеспечена реализация всех прав обвиняемого, в том числе связанных с предъявлением обвинения и допросом обвиняемого. Представляется, что уголовное дело при наличии указанного основания должно быть возвращено для дополнительного расследования только в органы предварительного следствия. Необходимость производства дополнительного расследования обусловлена не только предъявлением обвинения, но возможным проведением иных следственных действий, а также ознакомлением с результатами проведенных экспертиз и т. д.

Проблемным является и вопрос, связанный с применением меры пресечения, поскольку нахождение в медицинской (психиатрической) клинике в указанном случае является недопустимым. При первоначальном помещении в психиатрическую клинику суд учитывал необходимость помещения в конкретную клинику с учетом обеспечения режима содержания, указанного в заключении судебно-психиатрической экспертизы. На основании судебного решения, принятого по ходатайству следователя, лицо переводилось из изолятора в клинику либо помещалось в клинику, если мера пресечения не была связана с лишением свободы. В отношении лица, находившегося под стражей, должен быть решен вопрос о

его переводе в следственный изолятор на основании ходатайства прокурора, заявленного на предварительном слушании, с учетом заключения врача. Перевод из психоклиники должен быть осуществлен незамедлительно после принятия решения о возвращении уголовного дела прокурору. Сроки нахождения в психоклинике должны включаться в сроки заключения под стражу, если на момент перевода из психоклиники в следственный изолятор срок заключения под стражу истекает, то следователь должен обратиться перед судом с ходатайством о продлении срока заключения под стражу. В отношении лица, не содержащегося в изоляторе, с учетом медицинского заключения должен быть решен вопрос о его выписке из психиатрической клиники.

Выводы

Подводя итог всему вышеизложенному, стоит выделить следующие основные моменты:

1. Основанием проведения предварительного слушания по вопросу о возвращении уголовного дела прокурору для составления обвинительного заключения вместо постановления о применении принудительных мер медицинского характера выступает ходатайство одной из сторон либо решение суда на основании изученных материалов уголовного дела и / или представленного заключения лечащего врача испытуемого о признаках симуляции им психического расстройства.

2. Обязательными участниками судебного заседания предварительного слушания по рассматриваемому вопросу являются: суд, прокурор, лицо, находящееся в психиатрической клинике в связи с установленным у него психическим расстройством, защитник, потерпевший, лечащий врач.

3. При возникновении сомнений в психическом состоянии лица во время проведения предварительного слушания суд по своей инициативе вправе назна-

чить повторную стационарную судебно-психиатрическую экспертизу без возвращения уголовного дела прокурору и без назначения дела к слушанию.

4. Производство по уголовным делам о применении принудительных мер медицинского характера должно проводиться только в форме следствия. После возбуждения уголовного дела дознаватель по делам своей подследственности при наличии оснований назначает судебно-психиатрическую экспертизу, по ее результатам, если лицо нуждается в применении принудительных мер медицинского характера, он незамедлительно направляет уголовное дело прокурору для передачи его по подследственности в органы предварительного следствия. При возвращении данного уголовного дела

судом прокурору по любому основанию оно не может быть возвращено дознавателю.

5. При возвращении уголовного дела прокурору для составления обвинительного заключения вместо постановления о применении принудительных мер медицинского характера обвиняемый переводится из медицинского учреждения в следственный изолятор, если ранее в отношении него была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. При истечении срока заключения под стражу следователь должен обратиться с ходатайством о его продлении. При применении иной меры пресечения лицо выписывается из клиники. Нахождение в клинике учитывается при назначении наказания.

Список литературы

1. Зайцева Е.А., Трифонова К.А. Правовой институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование: проблемы теории и практики: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 224 с.
2. Петрухин И.Л. Доследствие: расхождения закона и практики // Уголовный процесс. 2007. № 8. С. 27-30.
3. Кашепов В.П. О преобразовании статуса суда в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2002. № 12. С. 3-7.
4. Морозов П. Трансформация института возвращения судом уголовного дела прокурору // Законность. 2005. № 8. С. 36-38.
5. Тришева А. Возвращение уголовного дела прокурору: судьба института // Законность. 2015. № 4. С. 50-55.
6. Зыкин В. Необходимо восстановить институт возвращения судом уголовных дел для дополнительного расследования // Законность. 2005. № 8. С. 33-35.
7. Рябинина Т.К. К вопросу об основаниях назначения предварительного слушания // Проблемы применения уголовно-процессуального законодательства: пути их решения: материалы Международной онлайн-конференции 31 мая 2018 г. / под ред. С.В. Власовой. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2019. С. 514-521.
8. Речь государственного обвинителя А.А. Дербенева 27 декабря 2002 г. // Независимый психиатрический журнал. 2003. № 1. URL: <http://test.npar.ru/journal/2003/1/report.htm> (дата обращения: 20.09.2025).
9. Китаев Н.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 388 с.
10. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. И.Л. Петрухина. М.: ТК Велби, 2002. 896 с.
11. Спасенников Б.А., Спасенникова М.Г. О признаках симуляции психических расстройств подследственными // Вестник Медицинского института «РЕАВИЗ». 2017. № 2. С. 47-50.
12. Сафуанов Ф.С. Симуляция психического расстройства: социально-психологический аспект // Российский психиатрический журнал. 2018. № 4. С. 48-55.
13. Татьяна Л.Г. Начало производства о применении принудительных мер медицинского характера в уголовном процессе // Судебная власть и уголовный процесс. 2022. № 1. С. 25-31.

14. Курбатова С.М. Лица с ограниченными возможностями как участники уголовного судопроизводства // Российский судья. 2023. № 4. С. 37-42.
15. Татьянин Д.В. Принцип обеспечения обвиняемому и подозреваемому права на защиту // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2020. Т. 30, № 5. С.763-768.
16. Рябинина Т.К. Некоторые проблемы правового регулирования производства о применении принудительных мер медицинского характера // Законность. 2008. № 8. С. 48–51.
17. Рябинина Т.К. Предварительное слушание как средство соблюдения разумности срока уголовного судопроизводства // Государство и право. 2013. № 2. С. 52-63.
18. Ремиссия при эндогенных заболеваниях: эпидемиология, психопатология, клинический и социальный прогноз / М.М. Салиев, М.Л. Аграновский, Р.К. Муминов, Г.А. Азимова // Экономика и социум. 2023. № 3 (106), ч. 2. С. 653-657.
19. Барденштейн Л.М., Алешкина Г.А., Муртазалиева Л.А. Аффективные нарушения в структуре острых преходящих психотических расстройств: клинко-динамические и прогностические аспекты // Российский психиатрический журнал. 2013. № 5. С. 27-32.

References

1. Zaitseva E.A., Trifonova K.A. The legal institute of returning a criminal case for additional investigation: Problems of theory and practice. Moscow: Yurlitinform; 2014. 224 p. (In Russ.)
2. Petrukhin I.L. Re-investigation: Divergences between law and practice. *Ugolovnyi protsess = Criminal Procedure*. 2007;(8):27-30. (In Russ.)
3. Kashenov V.P. On the transformation of the status of the court in criminal proceedings. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2002;(12):3-7. (In Russ.)
4. Morozov P. Transformation of the institution of returning a criminal case to the prosecutor by the court. *Zakonnost' = Legality*. 2005;(8):36-38. (In Russ.)
5. Trisheva A. Return of a criminal case to the prosecutor: The fate of the institution. *Zakonnost' = Legality*. 2015;(4):50-55. (In Russ.)
6. Zykin V. It is necessary to restore the institution of returning criminal cases to the prosecutor by the court for additional investigation. *Zakonnost' = Legality*. 2005;(8):33-35. (In Russ.)
7. Ryabinina T.K. On the grounds for appointing a preliminary hearing. In: Vlasova S.V. (ed.) *Problemy primeneniya ugovolno-protsessual'nogo zakonodatel'stva: puti ikh resheniya: materialy Mezhdunarodnoi onlain-konferentsii 31 maya 2018 g. = Problems of applying criminal procedure legislation: ways to solve them Proceedings of the International online conference on May 31, 2018*. Nizhny Novgorod: Nizhegorod. akad. MVD Rossii; 2019. P. 514-521. (In Russ.)
8. Speech by the State Prosecutor A.A. Derbenev on December 27, 2002. *Nezavisimyi psikhiatricheskii zhurnal = Independent Psychiatric Journal*. 2003;(1). (In Russ.) Available from: <http://test.npar.ru/journal/2003/1/report.htm> (accessed 20.09.2025).
9. Kitaev N.N. Unjust sentences to death. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press; 2004. 388 p. (In Russ.)
10. Petrukhin I.L. (ed.) Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Moscow: TK Velbi; 2002 896 p. (In Russ.)
11. Spasennikov B.A., Spasennikova M.G. On the signs of simulation of mental disorders by the under-investigation. *Vestnik Meditsinskogo instituta «REAVIZ» = Bulletin of the Medical Institute "REAVIZ"*. 2017;(2):47-50. (In Russ.)
12. Safuanov F.S. Simulation of mental disorder: socio-psychological aspect. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Psychiatric Journal*. 2018;(4):48-55. (In Russ.)
13. Tatyana L.G. The beginning of proceedings on the application of compulsory medical measures in criminal proceedings. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess = Judicial Power and Criminal Procedure*. 2022;(1):25-31. (In Russ.)
14. Kurbatova S.M. Persons with disabilities as participants in criminal proceedings. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*. 2023;(4):37-42. (In Russ.)

15. Tatyatin D.V. The principle of ensuring the right to defense for the accused and suspect. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo* = *Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law*. 2020;5(30):763-768. (In Russ.)
16. Ryabinina T.K. Some problems of legal regulation of the application of forced medical measures. *Zakonnost'* = *Legality*. 2008;(8):48-51. (In Russ.)
17. Ryabinina T.K. Preliminary hearing as a means of maintaining the reasonableness of the criminal procedure period. *Gosudarstvo i pravo* = *State and Law*. 2013;(2):52-63. (In Russ.)
18. Saliev M.M., Agranovsky M.L., Muminov R.K., Azimova G.A. Remission in endogenous diseases: epidemiology, psychopathology, clinical and social forecast. *Ekonomika i sotsium* = *Economics and Society*. 2023;(3-2):653-657. (In Russ.)
19. Bardenstein L.M., Aleshkina G.A., Murtazalieva L.A. Affective disorders in the structure of acute transient psychotic disorders: clinical, dynamic, and prognostic aspects. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal* = *Russian Psychiatric Journal*. 2013;(5):27-32. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: tatyanakimovna-r@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9899-0879

Tatyana K. Ryabinina, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: tatyanakimovna-r@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9899-0879

Татьянина Лариса Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Российская Федерация, e-mail: larisa-lisa@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6404-6786

Larisa G. Tatyana, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation, e-mail: larisa-lisa@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6404-6786

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.13

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-124-134>**К вопросу о необходимости восполнения доказательств, признанных недопустимыми****Е.В. Брянская¹**¹ Санкт-Петербургский университет МВД России

ул. Летчика Пилютова, д. 1, г. Санкт-Петербург 198206, Российская Федерация

✉ e-mail: veret.1976@mail.ru

Резюме

Актуальность. В уголовном судопроизводстве все доказательства должны отвечать свойству допустимости. Мы поднимаем вопрос: во всех ли случаях сведения, полученные с ошибками, должны утрачивать свою процессуальную силу и исключаться из общей совокупности при оценке доказательств.

Цель: в свете полученных результатов анализа уголовно-процессуальной литературы, судебной практики обосновать возможность восполнения отдельных доказательств, признанных недопустимыми.

Задачи: проанализировать основания признания доказательств недопустимыми; раскрыть признаки существенных и несущественных процессуальных нарушений закона; проанализировать средства восполнения доказательств.

Методология. Методологическую основу исследования составили средства изучения законодательных источников, судебной и следственной практики, монографической и периодической литературы. Так, применялись общенаучные и частные методы познания: анализа, синтеза, обобщения, которые позволили применить комплексный подход к проблематике формирования процессуальной силы доказательств, их допустимости.

Результаты позволяют полагать, что в настоящее время достаточно пристальное внимание уделяется тем процессуальным ошибкам, которые могут быть основой для признания доказательств недопустимыми. Нами приводятся способы и вариативные возможности восполнения доказательств в целях придания им процессуальной силы для оценки в общей совокупности доказательств и принятия законного, объективного и справедливого решения по делу.

Вывод. В настоящее время действующее законодательство не отвечает требованиям современного правоприменителя. В частности, в судебной практике имеют место факты признания доказательств недопустимыми, именно поэтому мы провели анализ и полагаем, что в тех ситуациях, когда следствием совершаются ошибки, не ограничивающие конституционные права участников по уголовному делу, но по такому факту было принято решение о признании полученных сведений недопустимыми, они могут быть исправлены и восполнены в своем доказательственном значении в судебном рассмотрении уголовного дела по существу.

Ключевые слова: процесс доказывания; недопустимые доказательства; свойства доказательств; допустимость доказательств; восполнение доказательств.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Брянская Е.В. К вопросу о необходимости восполнения доказательств признанных недопустимыми // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 124–134. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-124-134>.

Поступила в редакцию 02.10.2025

Принята к публикации 25.11.2025

Опубликована 25.12.2025

On the issue of the need to fill in evidence that has been declared inadmissible

Elena V. Bryanskaya¹ ✉

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
1 Letchika Pilyutova Str., St. Petersburg 198206, Russian Federation

✉ e-mail: veret.1976@mail.ru

Abstract

Relevance. In criminal proceedings, all evidence must be admissible. We raise the question: should information obtained with errors always lose its procedural validity and be excluded from the overall evidence assessment?

Purpose: in the light of the results of the analysis of the criminal procedure literature, judicial practice, to substantiate the possibility of filling in individual evidence, which is recognized as inadmissible.

Objectives: to analyze the grounds for the recognition of evidence as inadmissible; to reveal the signs of significant and insignificant procedural violations of the law, which are laid in the basis of the recognition of evidence as inadmissible; to analyze the means of filling in evidence previously recognized by the court as inadmissible.

Methodology. The methodological basis of the study was formed by means of studying legislative sources, judicial and investigative practice, monographic and periodical literature. Thus, general scientific and specific methods of cognition were applied, such as: analysis, synthesis, generalization, which made it possible to apply a comprehensive approach to the problem of forming the procedural force of evidence and its admissibility.

The results suggest that sufficient attention is currently being paid to those procedural errors that may serve as the basis for recognizing evidence as inadmissible. We present methods and variable possibilities for supplementing evidence in order to give it procedural force for evaluation in the overall body of evidence and the adoption of a legal, objective and fair decision on the case.

Conclusion: Current legislation does not meet the requirements of modern law enforcement. In particular, in judicial practice, there are facts of recognizing evidence as inadmissible, which is why we conducted an analysis and believe that in situations where the investigation makes mistakes that do not limit the constitutional rights of participants in a criminal case, but based on this fact, it was decided to recognize the information received as inadmissible, they can be corrected and filled in its evidentiary value in the judicial review of the criminal case on the merits.

Keywords: proof process; inadmissible evidence; properties of evidence; admissibility of evidence; completion of evidence.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bryanskaya E.V. On the issue of the need to fill in evidence that has been declared inadmissible. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(6):124–134. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-124-134>.

Received 02.10.2025

Accepted 25.11.2025

Published 25.12.2025

Введение

Верховный Суд РФ в своих обзорах неоднократно приводил и приводит аналитику примеров судебной практики о признании сведений, полученных посредством правил, не соответствующих закону, недопустимыми. Мы понимаем, что вопросы признания доказательств недопустимыми остаются в числе тех, на

которые до сих пор нет однозначного ответа. Непросто разработать однозначный алгоритм, какие нарушения могут послужить основанием для признания недопустимыми, а какие нет. Формирование процессуальных норм о признании доказательств недопустимыми происходило по мере модернизации защитительных начал уголовного процесса. В свете де-

мократизации и эволюции ценностей нашего государства все больший приоритет отдается субъективным правам личности. Постепенный переход уголовной юстиции от инквизиции к демократичной состязательности является свидетельством формирования все более конкретных гарантий соблюдения прав и свобод личности. Понимая ценность ст. 2 Конституции РФ, защитительные начала назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), его принципиальные положения, которыми освещается весь ход уголовного процесса, мы должны внести больше ясности в применение процессуальных норм о недопустимых доказательствах. Признание доказательств недопустимыми выступает основным ресурсом реализации состязательных начал стороны защиты. В уголовном процессе не исключены ошибки как в следственной практике, так и при рассмотрении уголовного дела в суде. Однако возникает вопрос: какие ошибки можно простить и восполнить содержание утраченного доказательства в сущности его процессуального значения, а какие ошибки исправить невозможно?

Методология

При написании настоящего исследования изучались нормативные источники, судебная практика, научная литература в области уголовного судопроизводства дореволюционного периода и современности, литература по оперативно-разыскной деятельности, философии, логике. При работе над настоящим научным исследованием нами были изучены монографические и диссертационные исследования, в которых отражены концептуальные подходы к процессу доказывания и признания доказательств недопустимыми, возможность их восполнения и придания процессуальной силы. Применялся комплекс следующих общенаучных и частных методов познания: анализ, синтез, обобщение и некоторые другие, которые позволили применить комплекс-

ный подход к проблематике формирования процессуальной силы доказательств, их допустимости. Посредством данной методологии нами был исследован, проанализирован материал, который позволил выявить проблематику и решение научных, практических проблем в свете синтеза теоретических воззрений и примеров из следственной, судебной практики. Изучив конкретные уголовные дела, ошибки, нарушения, допускаемые на стадии предварительного расследования при собирании доказательств, мы поняли, что вопросы признания доказательств недопустимыми не теряют своей актуальности и при рассмотрении дела в суде на них обращают внимание. Судьи удовлетворяют ходатайства о признании доказательств недопустимыми. Однако, познав труды современных авторов, мы понимаем, что не по всем уголовным делам и не во всех случаях доказательства, признанные недопустимыми, не могут приобрести снова процессуальное значение. В рамках анализа конкретных примеров мы смогли понять существенность и несущественность допускаемых процессуальных ошибок. Посредством обобщения мы выявили статистическую тенденцию типичных нарушений технического характера в аспекте несоблюдения процессуальной формы, но таких, которые не переступают конституционные права участников, значит, могут быть восполнены процессуальными средствами, предусмотренными УПК РФ. При формулировании выводов, нам помог диалектический метод, благодаря которому мы смогли наиболее корректно и тактично предложить вариации исправления ошибок при исследовании доказательств в рамках судебного следствия в центральной стадии уголовного процесса – при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции.

Результаты и их обсуждение

Результаты исследования привели нас к мысли о том, что ошибки, допуска-

емые в процессе реализации деятельности уголовного преследования, являются поводами для решения вопроса о признании доказательств недопустимыми. В то же время на законодательном уровне отсутствует проработанный алгоритм действий с конкретизацией перечня оснований для признания недопустимыми. Тем не менее судебная практика свидетельствует о том, что Верховным Судом РФ проводится серьезная аналитическая работа и издаются обзоры судебной практики, в которых приводятся примеры и обоснования признания доказательств недопустимыми. Однако нами поднимается вопрос о возможности восполнения доказательств, которые по формальным признакам утратили свое процессуальное значение, но при рассмотрении уголовного дела в суде смогут быть восстановлены и включены в общую совокупность доказательств в целях их последующей оценки.

В научной литературе долгое время обсуждались вопросы о признании доказательств недопустимыми. В частности, ученые предлагали классифицировать основания признания доказательств по принципу их «существенности» и «несущественности» [1, с. 240]. Существенные нарушения делят на: «нарушения прав участников уголовного процесса; иные нарушения: нарушение порядка получения доказательств; нарушение пределов компетенции органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство; нарушение последовательности движения и порядка перехода уголовного дела из одной стадии в другую; нарушение требований, предъявляемых УПК РФ к процессуальным документам»¹. К существенным нарушениям уголовно-процессуального закона также можно отнести нарушение принципов уголовного процесса и процессуальной

формы, не связанные с фиксацией хода и результатов, а относящиеся к содержанию процессуального действия; к несущественным нарушениям можно отнести незаконные отступления от установленного законом порядка, которые не затронули права и законные интересы участников уголовного процесса, чаще всего: отсутствие указания на технические средства в протоколах, технические ошибки и опiski» [2, с. 123]. Имеет место позиция о признании в качестве недопустимых только «обвинительных» доказательств. Выделяют недопустимые, нарушающие «конституционные права» [3, с. 74], придаются исследованию «критерии, которые ведут к признанию доказательств недопустимыми» [4, с. 82], «сведения, которые собраны и процессуально оформлены с нарушением УПК РФ» [5, с. 350], придается анализу «классификация нарушений законодательства, связанная с таким свойством доказательств, как их достоверность» [6, с. 43], изучаются недопустимые доказательства с «неисправимыми или невосполнимыми нарушениями закона» [7, с. 32], доказательства с «устраняемыми и неустраняемыми нарушениями закона» [6, с. 44]. В качестве критерия признания допустимости или недопустимости рассматривают «требования этической направленности, которые исходят из обязанности лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда не унижать честь и достоинство личности» [8, с. 32]. «Критерием оценки допустимости доказательства, наряду с положениями закона, должны быть и соображения более широкого порядка: полезность доказательства, соблюдение баланса интересов правосудия и обеспечения прав личности, разумность осуществленного властями вторжения в права личности и в конечном итоге – справедливость проведенного по делу процесса; требования к допустимости электронных доказательств должны строиться на международно-правовых

¹ Воскобитова Л.А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основания к отмене приговоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 11.

стандартах цепи законных владений»¹, «доказательство безусловно недопустимо, если при производстве следственного или судебного действия допускались нарушения преступного характера» [9, с. 55]. В зависимости от возможности использовать доказательство в процессе доказывания «допустимость бывает полной (абсолютной) и частичной: абсолютная допустимость характеризуется полным использованием доказательства при постановке приговора суда; частичная допустимость предполагает потерю юридической силы доказательства в его части при возможности использования доказательства в целом в процессе доказывания» [2, с. 126].

Данные позиции мы поддерживаем всецело, также для нас представилось достаточно объективным и правильным мнение А.Д. Назарова, который выделяет «фундаментальные ошибки», являющиеся основанием для признания доказательств недопустимыми. «Фундаментальные ошибки – это неправомерные действия или бездействие субъектов, ведущих предварительное расследование и судебное разбирательство по уголовному делу, повлекшие существенные нарушения законных прав и интересов человека, общества и государства в уголовном судопроизводстве: а) невыявление субъектами, ведущими предварительное расследование и судебное разбирательство по уголовному делу, применения со стороны должностных лиц органов уголовной юстиции в отношении «заподозренных» лиц, подозреваемых, обвиняемых незаконного насилия для получения от них показаний о преступлении; б) невыявление субъектами, ведущими предварительное расследование и судебное разбирательство по уголовному делу, применения со стороны должностных лиц органов уголовной юстиции в отношении

«заподозренных» лиц провокаций преступных проявлений; в) ошибки, допущенные субъектами, ведущими предварительное расследование и судебное разбирательство, в собирании, проверке и оценке доказательств по уголовному делу, в применении уголовного закона, в результате чего подозреваемый, обвиняемый незаконно заключен (не заключен) под стражу, незаконно содержится (не содержится) под стражей; подсудимый незаконно осужден, особенно к чрезмерно суровому наказанию, связанному с реальным лишением свободы, незаконно оправдан или осужден к чрезмерно мягкому наказанию»².

Следовательно, интерес представляет достаточно справедливое мнение представителей адвокатского сообщества о том, что ресурс признания доказательств недопустимыми является одним из основных средств обеспечения защитительных начал. В частности, авторы пишут следующее: «Следует признать, что вновь созданные кассационные суды общей юрисдикции вдохнули новую жизнь в практику признания недопустимыми доказательствами, по сути, реанимировали этот важный инструмент в защите прав и свобод граждан» [10, с. 10]. В этой связи авторы проводят аналитическую работу и даже издают своего рода хрестоматийный материал в помощь адвокатам в целях знания судебной практики о признании доказательств недопустимыми.

Безусловно, авторы, проанализировав примеры следственной и судебной практики, приходят к обоюдным выводам. В этой связи мы не можем не вспомнить слова И.Я. Фойницкого, который рассматривал признание доказательств в качестве недопустимых как меру «по очищению доказательств в допус-

¹ Пастухов П.С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015. С. 10.

² Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2017. С. 11.

каемых законодательством пределах и выделения из них материала ненадежного, который может ввести в заблуждение суд» [11, с. 180].

Однако по не совсем понятной причине авторы в большинстве своем рассматривают вопросы признания доказательств недопустимыми на судебных стадиях: при подготовке или при рассмотрении дела в суде первой инстанции. Тогда как надзорная деятельность прокурора также направлена на выявление ошибок органов уголовного преследования. В частности, в научной литературе представляется интересным следующее мнение о том, когда прокурор может выступить с инициативой о признании доказательства недопустимым: «может инициировать деятельность по исключению недопустимых доказательств в связи с рассмотрением материалов проверок сообщений о преступлениях, в ходе которых проводились разрешенные до возбуждения уголовного дела следственные действия (ч. 1 ст. 144 УПК РФ); проверкой законности и обоснованности возбуждения уголовного дела; проверкой законности и обоснованности задержания лица в порядке ст. 91 УПК РФ; рассмотрением жалоб участников уголовного судопроизводства в порядке ст. 124 УПК РФ; участием в судебном заседании по рассмотрению ходатайств следователей, дознавателей о проведении следственных действий, требующих судебного решения в соответствии с ч. 2 ст. 29 УПК РФ; проверкой законности и обоснованности прекращения уголовного дела (уголовного преследования), а также приостановления предварительного следствия; вынесением представлений об устранении нарушений уголовно-процессуального законодательства; рассмотрением поступившего от следователя уголовного дела в порядке ст. 221 УПК РФ; рассмотрением полученного от дознавателя уголовного дела с обвинительным актом в порядке ст. 226 УПК РФ и обвинительным поста-

новлением в порядке ст. 226.8 УПК РФ» [12, с. 28; 13, с. 56].

Значит, можно полагать, что процедура признания доказательств недопустимыми имеет место не только при рассмотрении уголовного дела в суде. Не исключены ситуации, когда и следователь может признать доказательство недопустимым, например, в случае незаконного исполнения отдельного поручения оперативным сотрудником. Именно поэтому мы полагаем, что процесс признания доказательств недопустимыми может иметь место в ходе предварительного расследования, при подготовке уголовного дела к судебному разбирательству, непосредственно при рассмотрении уголовного дела в суде по существу.

Для нас представился познавательным первый обзор Верховного Суда РФ за 2025 г., который еще раз констатировал: данные, полученные посредством полиграфа, не отвечают требованиям допустимости. Так, ранее определениями 5 КСОЮ от 02.03.2020 г. № 77-132/2020, 2 КСОЮ от 16.02.2021 г. № 77-375/2021, 1 КСОЮ от 13.01.2022 г. № 77- 234/2022 результаты полиграфического исследования были признаны в качестве недопустимых доказательств. В обзоре Верховного Суда РФ № 1 за 2025 г. приводится очередной раз позиция о том, что проверка объективности показаний с использованием полиграфа, уголовно-процессуальным законом не предусмотрена. Так, в обзоре представлено следующее: «...по приговору Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 26 апреля 2022 г. К. осуждена по п. “д” ч. 2 ст. 105 УК РФ. В кассационной жалобе К., оспаривая приговор, помимо прочего указала, что ее право на защиту было нарушено, поскольку ходатайство о применении полиграфа для проверки достоверности ее показаний следователем было отклонено. Отвечая на доводы кассационной жалобы, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в определении от 2 февраля 2023 г. указала следующее.

Отказ следователя в ходатайстве К. о назначении психофизиологического исследования ее показаний (с помощью полиграфа) является обоснованным, поскольку проверка объективности показаний с использованием полиграфа уголовно-процессуальным законом не предусмотрена; данное исследование проводится путем опроса с применением прибора – полиграфа, регистрирующего только психофизиологические реакции на какой-либо вопрос, и сведения, полученные в результате проведенного исследования, не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам ст. 74 УПК РФ. Оценка достоверности показаний допрашиваемого лица отнесена к исключительной компетенции суда, вынесшего приговор по делу»¹. Данные выводы суда бесспорны, и восполнить, придать процессуальную силу в качестве доказательств данными, полученными посредством полиграфа, каким-либо образом невозможно, несмотря на то, что в научной литературе приводятся вполне обоснованные доводы о допустимости сведений, полученных посредством полиграфа, в качестве доказательств.

Однако судебная практика приводит примеры, когда мы можем рассуждать о восполнении доказательств, ранее признанных судом не отвечающими требованиям допустимости для оценки в общей совокупности доказательств по делу. Недопустимость выступает антиподом такого важнейшего свойства доказательств, как их допустимость. «Допустимость – это пригодность доказательства для его использования в уголовно-процессуальном доказывании с точки зрения источника доказательства, средств и методов его обнаружения, получения и

закрепления, то есть его процессуальной формы» [1, с. 239].

Верховный Суд РФ представил позицию суда вышестоящей инстанции, когда вопреки требованиям ч. 3 ст. 240 УПК РФ суд в приговоре, по которому лицо осуждено за совершение преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ, сослался на заключения экспертов, которые не были исследованы в судебном заседании.

«Как усматривается из описательно-мотивировочной части приговора, суд в обоснование своих выводов о виновности Т. в совершении 2 и 28 апреля 2015 г. преступлений наряду с другими доказательствами привел заключения экспертов от 12 октября 2015 г. № 944 и 947, которыми в ходе проведенных судебно-химических экспертиз были установлены виды и размеры наркотических средств, т. е. обстоятельства, имеющие существенное значение для рассмотрения дела по существу и вынесения законного приговора. Вместе с тем из протокола судебного заседания следует, что названные выше доказательства в судебном заседании не исследовались. Таким образом, выводы суда о виновности Т. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, пп. “а”, “б” ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, основаны на не исследованных в ходе судебного разбирательства, в условиях состязательного процесса по правилам, установленным ст. 87, 88 УПК РФ, доказательствах, что противоречит фундаментальным основам уголовного судопроизводства, в связи с чем приговор не может быть признан законным. Суды апелляционной и кассационной инстанций указанное нарушение закона оставили без внимания и оценки. С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор и последующие судебные решения в отношении Т., уголовное дело направила на новое судебное рассмотре-

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2025): утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 25 апреля 2025 г. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://storage.consultant.ru/site20/202504/25/vs_250425-sudpr.pdf (дата обращения: 29.04.2025).

ние в тот же суд иным составом судей»¹. В данной ситуации мы видим, что неисследованное доказательство при рассмотрении в ходе судебного разбирательства было судом признано не отвечающим требованиям допустимости. Уголовное дело было передано на новое рассмотрение, в котором фактически данное заключение эксперта было исследовано, значит, видится в определенной степени восполнение доказательства посредством нового судебного разбирательства. Так, при новом судебном рассмотрении заключения экспертов были в соответствии со ст. 285 УПК РФ исследованы в судебном заседании и положены в основу приговора районного суда, по которому Т. осужден за преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 30, пп. «а», «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, п.п. «а», «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ. Таким образом, мы видим один из способов фактического восполнения исследования заключения эксперта.

Обратим внимание и на другие средства восполнения доказательств, которые не отвечали требованиям допустимости по другим основаниям, в частности, когда очевидны ошибки, нарушения закона при собирании доказательств. В этой связи достаточно справедливым видится следующее мнение: «Доказательства, признанные недопустимыми, не уничтожаются и не исключаются из материалов уголовного дела. Недопустимые доказательства хранятся в деле на тот случай, если возникает сомнение в правильности вывода об их недопустимости, так как в данном случае появляется необходимость проведения соответствующей проверки»².

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2025): утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 25 апр. 2025 г. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://storage.consultant.ru/site20/202504/25/vs_250425-sudpr.pdf (дата обращения: 29.04.2025).

² Гребенкин П.И. Допустимость доказательств в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Пятигорск, 2002. С. 86.

Мы поддерживаем мнение А.Д. Назарова о восполнении доказательств, признанных недопустимыми. Так, для восполнения сведений, признанных недопустимыми в суде, целесообразны следующие действия:

1) «подробный допрос подсудимого: все доводы и аргументы подсудимого должны быть проверены в ходе допроса потерпевших, свидетелей, экспертов, путем проведения в суде экспертиз, осмотров вещественных доказательств, местности, помещения, опознания, эксперимента, оглашения документов..., если подсудимый не признает себя виновным, отказывается от своих признательных показаний, данных им в ходе предварительного расследования, объясняя это применением к нему со стороны следствия и оперативных сотрудников недопустимых методов, так, активность обвинителя в большинстве случаев позволяет в суде дать оценку изменившейся позиции подсудимого: или она, действительно, истинная, или подсудимый вводит суд в заблуждение, желая уйти от ответственности;

2) необходимо провести наиболее подробные допросы потерпевших, свидетелей, возможно избличение лжесвидетельства в суде; восполняя пробелы предварительного расследования, обвинитель может ходатайствовать перед судом о вызове в суд новых свидетелей, которые не указаны в списке лиц, подлежащих вызову в судебное заседание;

3) вполне целесообразно проведение в суде по ходатайствам обвинителя экспертиз, допросов экспертов;

4) может возыметь значение приобщение к делу документов, проведение в суде иных следственных действий по ходатайствам обвинителя. Практика свидетельствует о стремлении использовать для восполнения пробелов расследования осмотры судом местности и помещений, вещественных доказательств, опознания, эксперименты, иные следственные и процессуальные действия [14, с. 67].

Поскольку адвокат должен «искать, обнаруживать сведения, оправдывающие его подзащитного или смягчающие его ответственность» [15, с. 211], для нас очевидно, что при рассмотрении уголовного дела в суде, в центральной стадии уголовного судопроизводства, ответственность за качество собранных доказательств на стадии предварительного расследования несет государственный обвинитель, поэтому инициатива в восполнении доказательств в первую очередь исходит от него. Понимая, что государственные обвинители имеют право на заявление ходатайств при рассмотрении уголовного дела, они имеют возможность реализовать ресурсы восполнения доказательств, исключенных из общей оценки с другими доказательствами по причине ошибки. Вопрос о том, каким образом можно смоделировать восполнение недопустимого доказательства, зависит от сущности ошибки и от источника, посредством которого было получено доказательство. В частности, если защитник-адвокат заявил ходатайство о признании доказательства, полученного посредством допроса свидетеля, недопустимым по причине того, что следователь забыл указать время окончания допроса, что, разумеется, является грубой процессуальной ошибкой, а судья удовлетворил такое ходатайство и признал доказательство недопустимым, то почему бы данного свидетеля не допросить в суде, посредством чего может иметь место восполнение доказательства. Думается, что действующий УПК РФ регламентирует нормы, которые дают возможность достаточно вариативно восполнять доказательства, признанные недопустимыми.

Выводы

Мы понимаем, что преступные действия и действия, связанные с нарушением конституционных прав личности, должны признаваться недопустимыми, и не может даже идти речи о придании сведениям, полученным таким путем, процессуальной силы доказательств. Безусловно, они не подлежат восполнению. Однако хотелось бы высказать мнение о том, что как для стороны защиты, так и для стороны обвинения УПК РФ регламентирована единая задача – защита законных прав и интересов (ст. 6 УПК РФ). Значит, органы уголовного преследования не должны злоупотреблять своими правами, а защитники-адвокаты не должны строить свою защитительную позицию на ошибках следствия и суда, тем более когда они носят технический характер. Очень хотелось бы, чтобы при решении вопросов о признании доказательств недопустимыми имела место честность и возможность не пошатнуть те сведения, которые собирают органы уголовного преследования не только в дневное, но и в ночное время, в условиях оперативности, неотложности, когда ошибки технического характера могут иметь место. Да, незнание закона недопустимо, но и предвзятость не всегда является допустимым средством состязательности, в связи с чем мы предлагаем более серьезное внимание уделять возможности восполнения доказательств, признанных недопустимыми, в которых пусть и имеет место ошибка, но они должны иметь шанс на придание им процессуальной силы в суде посредством исправления.

Список литературы

1. Сурцев А.В. Институт недопустимых доказательств в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. XIII, № 4. С. 239-241.
2. Брянская Е.В., Алтунина А.А. Основы процесса доказывания в свете судебной практики по уголовным делам / под ред. канд. юрид. наук Е.В. Брянской. М.: ИНФРА-М, 2020. 261 с.

3. Файрушина Р.Д. Способы признания доказательств недопустимыми // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2022. № 1. С. 70-74.
4. Тарасов И.С. Недопустимые доказательства в уголовном процессе: проблемы толкования ч. 1 ст. 75 УПК РФ // Приволжский научный вестник. 2014. № 3 (31). С. 80-84.
5. Фомин М.А. Сторона защиты в уголовном процессе (досудебное производство). М.: Юрлитинформ, 2004. 530 с.
6. Короленко И.И., Непранов Р.Г. Основания и последствия признания доказательств недопустимыми // Юрист-правовед. 2015. № 6 (73). С. 40-45.
7. Гридчин А.А. Вопросы допустимости доказательств на предварительном следствии. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2000. 158 с.
8. Сибилева Н.В. Допустимость доказательств в советском уголовном процессе. Киев: УМК ВО, 1990. 66 с.
9. Петрухин И.Л. Экспертиза как средство доказывания. М.: Юрид. лит., 1964. 266 с.
10. Гаспарян Н.С., Лямин А.А. Энциклопедия недопустимых доказательств. М.: Информ-Право, 2025. 304 с.
11. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. СПб.: Сенат. тип., 1910. 584 с.
12. Титовец И.В. Исключение недопустимых доказательств прокурором // Молодой ученый. 2016. № 25-1 (129). С. 28-29.
13. Корольков С.Ю. Проблемы реализации полномочий прокурора в ходе надзора за расследованием уголовных дел, связанных с фальсификацией доказательств // Российская юстиция. 2018. № 7. С. 56-58.
14. Назаров А.Д. Восполнение пробелов предварительного расследования государственным обвинителем в суде // Актуальные проблемы правоведения в современный период: сборник статей. Ч. 3 / под ред. В.Ф. Воловича. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1998. С. 67-68.
15. Макарова З.В. Профессиональная защита подозреваемых, обвиняемых. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 338 с.

References

1. Surtsev A.V. The institute of inadmissible evidence in criminal proceedings. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*. 2020;13(4):239-241. (In Russ.)
2. Bryanskaya E.V., Altunina A.A. Fundamentals of the proof process in the light of judicial practice in criminal cases. Moscow: INFRA-M; 2020. 261 p. (In Russ.)
3. Fayrushina R.D. Ways of recognizing evidence as inadmissible. *Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva = Society, law, statehood: a retrospective and perspective*. 2022;(1):70-74. (In Russ.)
4. Tarasov I.S. Inadmissible evidence in criminal proceedings: Problems of interpreting part 1 of article 75 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Privolzhskii nauchnyi vestnik = Privolzhsky Scientific Journal*. 2014;(3):80-84. (In Russ.)
5. Fomin M.A. The defense side in criminal proceedings (pre-trial proceedings). Moscow: Yurlitinform; 2004. 530 p. (In Russ.)
6. Korolenko I.I., Nepranov R.G. Grounds and consequences of recognizing evidence as inadmissible. *Yurist-pravoved = Lawyer-jurist*. 2015;(6):40-45. (In Russ.)
7. Gridchin A.A. Issues of the admissibility of evidence at the preliminary investigation. Stavropol: Stavropol'servisskola; 2000. 158 p. (In Russ.)
8. Sibileva N.V. The admissibility of evidence in the Soviet criminal process. Kiev: UMK VO; 1990. 66 p. (In Russ.)
9. Petrukhin I.L. Expertise as a means of proof. Moscow: Yurid. lit.; 1964. 266 p. (In Russ.)
10. Gasparyan N.S., Lyamin A.A. Encyclopedia of inadmissible evidence. Moscow: Inform-Pravo; 2025. 304 p. (In Russ.)

11. Foynitsky I.Ya. The course of criminal justice. Vol. 2. St. Petersburg: Senat. tip.; 1910. 584 p. (In Russ.)
12. Titovets I.V. Exclusion of inadmissible evidence by the prosecutor. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2016;(25-1):28-29. (In Russ.)
13. Korolkov S.Yu. Problems of the prosecutor's authority implementation in the course of supervision over the investigation of criminal cases related to the falsification of evidence. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2018;(7):56-58. (In Russ.)
14. Nazarov A.D., Volovich V.F. Filling in the gaps of the preliminary investigation by the public prosecutor in court. In: Volovich V.F. (ed.) *Aktual'nye problemy pravovedeniya v sovremennyi period: sbornik statei = Actual problems of jurisprudence in the modern period: collection of articles*. Part 3. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta; 1998. P. 67-68. (In Russ.)
15. Makarova Z.V. Professional protection of suspects and defendants. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2008. 338 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Брянская Елена Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: veret.1976@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8715-7099

Elena V. Bryanskaya, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: veret.1976@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8715-7099

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.01

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-135-147>**Формы реализации ответственности в уголовном праве
в условиях трансформации его функций****А.А. Кузнецов^{1✉}**

¹Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
ул. Дагомысская, д. 42, г. Сочи 354000, Российская Федерация

✉e-mail: omsklaw07@mail.ru

Резюме

Актуальность. Современная наука и практика уголовного права пронизаны догматизмом в части своего отношения к ответственности. Жесткость конструкции данной категории, базирующаяся на нескольких столетиях своего развития, не позволяет сегодня ее трансформировать в направлении расширения форм реализации. Ответственность уже давно превратилась в своего рода неприкосновенное явление, определения которого нет не только в тексте уголовного закона, но даже в теории уголовного права. Любые попытки анализа сложившейся ситуации в данном вопросе воспринимаются не иначе, как вторжение в запретную область, а лишь предполагаемый результат заведомо обречен на неудачу.

Цель: определить взаимосвязь функций уголовного права и форм реализации уголовной ответственности в условиях современной картины мира.

Задачи: проанализировать функции и подфункции уголовного права, а также показать их влияние на формы реализации уголовной ответственности.

Методология. Для достижения целей исследования применялись различные научные методы: материалистическая диалектика как универсальный метод познания, общенаучные методы познания (системно-структурный, анализ, синтез, индукция, дедукция), а также частнонаучные методы, такие как сравнительно-правовой, метод правового моделирования и экстраполяции.

Результаты. Формы реализации ответственности, особенно в условиях трансформации современных общественных отношений, на фоне сложившихся предубеждений не способны получать полноценное, последовательное и доктринальное обоснование. С учетом динамики трансформации всего мирового пространства, поправка большинства ранее устоявшихся правил и появления пока что не вполне понятных новых критериев развития свою турбулентность проходит и правовая сфера, где ответственность выступает одним из краеугольных камней всего правового регулирования общественных отношений.

Вывод. Подтверждение сказанному выше мы видим в тех изменениях уголовного законодательства, которые в нем произошли в последние несколько лет. Законодатель, хотя и рефлексивно, но очевидно идет впереди в части понимания того, как необходимо воздействовать на тех, кто совершил преступление в новых условиях.

Ключевые слова: ответственность; функции; трансформация; охрана; контроль; наказание; форма реализации.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кузнецов А.А. Формы реализации ответственности в уголовном праве в условиях трансформации его функций // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 135–147. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-135-147>.

Поступила в редакцию 09.10.2025

Принята к публикации 26.11.2025

Опубликована 25.12.2025

Forms of realization of liability in criminal law in the context of transformation of its functions

Alexey A. Kuznetsov¹ ✉

¹Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice
42 Dagomyskaya Str., Sochi 354000, Russian Federation

✉ e-mail: omsklaw07@mail.ru

Abstract

Relevance. Modern science and practice of criminal law is permeated with dogmatism in terms of its attitude to responsibility. The rigidity of the structure of this category, based on several centuries of its development, does not allow today to transform it in the direction of expanding the forms of implementation. Responsibility has long turned into a kind of inviolable phenomenon, the definition of which is not only in the text of the criminal law, but even in the theory of criminal law. Any attempts to analyze the current situation in this matter are perceived not otherwise as an invasion of the forbidden area, but only the intended result, is obviously doomed to failure.

Purpose: to determine the relationship between the functions of criminal law and the forms of implementation of criminal responsibility in the context of the modern picture of the world.

Objective: analyze the functions and subfunctions of criminal law, as well as show their impact on the forms of implementation of criminal liability.

Methodology. To achieve the goals of the study, various scientific methods were used: materialistic dialectics as a universal method of cognition, general scientific methods of cognition (system-structural, analysis, synthesis, induction, deduction), as well as private scientific methods, such as comparative legal, legal modeling and extrapolation.

Results. The forms of realization of responsibility, especially in the context of the transformation of modern social relations, against the background of prevailing prejudices, are not able to receive a full, consistent and doctrinal justification. Taking into account the dynamics of the transformation of the entire world space, the violation of most previously established rules and the emergence of not yet completely understandable new criteria for development, the legal sphere is also undergoing turbulence, where responsibility is one of the cornerstones of all legal regulation of public relations.

Conclusion. We see confirmation of the above in the changes in criminal law that have occurred in it in the past few years. The legislator, although reflexively, but obviously, is ahead in terms of understanding how to influence those who have committed a crime in the new conditions.

Keywords: responsibility; functions; transformation; protection; control; punishment; form of realization.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kuznetsov A.A. Forms of realization of liability in criminal law in the context of transformation of its functions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(6):135–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-135-147>.

Received 09.10.2025

Accepted 26.11.2025

Published 25.12.2025

Введение

Современные исследования функций уголовно-правовой сферы регулирования общественных отношений показывают, что степень их трансформации в современном обществе носит, по сути, беспрецедентный характер. В условиях такой беспрецедентности сложно вести речь о

традиционных формах реализации уголовной ответственности в их прежних проявлениях [1, с. 69]. Не менее сложно себе представить ситуацию, когда при изменении потребности государства в противодействии новым формам преступности, требующих кардинальную смену принципов такого противодействия, продолжается

использование исключительно средств и методов, внедренных в сферу уголовно-правовой охраны сто и более лет назад [2, с. 16-17].

Вместе с тем нельзя говорить об эффективности такой деятельности государства при уже фактическом выделении той же контролирующей функции или реализации не свойственного для данной отрасли права регулятивно-восстановительного начала. Впрочем, речь в данном случае идет не только о данных функциях, но и о тех, возникновение которых является потенциально возможным с учетом современных тенденций в развитии общественных отношений. Их построение на функциях и тех межотраслевых связях, которые возникают на их основе, способно сформировать системный, а не ситуативный и, тем более, рефлекторный подход законодателя к государственному принуждению в уголовно-правовой сфере охраны общественных отношений.

Полагаем, что сам факт выделения новых направлений развития отрасли с неизбежностью влечет за собой и появление новых форм реализации ответственности. Что характерно, их появление на уровне уголовного закона, а в последнее время нередко и в других федеральных законах Российской Федерации стало происходить без соответствующей доктринальной проработки, их теоретического обоснования. Законодателю приходится реагировать быстрее на происходящие события, в то время как обоснование, или в таком случае – объяснение появления того или иного явления в тексте уголовного закона происходит уже в последующем. Такова реальность, объясняемая ускорением времени и трансформацией пространства. Догмы нарушены даже в этой части, не говоря уже об отдельных средствах принуждения (особенно с учетом постоянного нарушения принципа системности). Как следствие такой оперативности законодателя, типичность (или, наоборот, нетипичность для данной

конкретной правовой сферы) конкретных мер уже перестает иметь какое-либо значение, когда все решения относительно того, чем должно «заниматься» уголовное право в современных условиях, уже определены на уровне государства. Выбор средств всегда вторичен, находясь в прямой зависимости от декларируемой идеи или цели [3, с. 21], традиционно следующих из объективных обстоятельств, беспрецедентность которых сегодня привела к подбору принципиально новых средств как общей, так и частной превенций в противодействии преступности.

Методология

Применение материалистической диалектики как универсального метода познания, предполагающего изменчивость и взаимосвязанность явлений мира, позволило показать, как трансформация самой категории «ответственность», ее сущности и содержания повлияла и на кардинальное изменение функций и подфункций уголовной ответственности, отразившись в соответствующих формах ее реализации. Аргументировать данный тезис помогли общенаучные методы познания. Так, системно-структурный метод позволил рассмотреть ответственность как систему взаимосвязанных элементов, имеющих разные взаимосвязанные функции, а анализ этих связей говорит о единстве и целостности изучаемого объекта. Индукция и дедукция, как неотъемлемые методы научного исследования, помогли в общей динамике трансформации форм реализации ответственности на современном этапе увидеть ее новые частные некарательные функции и формы реализации. Методы правового моделирования, в частности сравнительно-правовой метод и метод экстраполяции, способствовали выводам о необходимости унификации функций и форм реализации ответственности в уголовной и уголовно-исполнительной сферах правового регулирования, а также представлениям о дальнейшем направлении раз-

вития механизма реализации уголовно-правового воздействия.

Результаты и их обсуждение

При решении вопроса о выборе средств уголовно-правового воздействия опираться необходимо не в последнюю очередь на функции уголовного права, среди которых наиболее значимыми сегодня являются охрана и контроль [4, с. 170]. Собственно, именно это сейчас позволяет сформулировать следующий из этого вывод относительно их наполняемости конкретным ее содержанием, а в нашем случае – формами ее реализации, в соответствии с которыми можно будет определить виды и объем конкретных тягот и лишений, применяемых к лицу, признанному виновным в совершении преступления.

Безусловно, одним из объективных и неотъемлемых явлений уголовно-правовой отрасли, так или иначе, является репрессия (относящаяся к охранительной функции). При этом к идее контроля, несмотря на то, что внимание к данному явлению, как к самостоятельной функции, в отечественной доктрине было обращено не столь давно, а ее разработка в целом находится в начале пути, относятся средства, закрепленные в институтах, противоположных репрессии, в частности, условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания и условного осуждения и многих других (все основания освобождения от наказания, некоторые иные меры уголовно-правового характера и не только). Речь при этом идет о той части данных институтов, в рамках которой происходит оценка рисков, связанных с поведением освобождаемого или условно осуждаемого лица в случаях непосредственной реализации как условно-досрочного освобождения осужденного, так и условного осуждения лица, признанного виновным в совершении преступления. Впрочем, собственно контроль, при представлении о нем в широком смысле, можно рас-

сматривать в различных формах своего проявления, включая рецидив, амнистию, помилование, как и многие другие средства уголовно-правового регулирования общественных отношений типичных для государства во все исторические периоды его развития.

Собственно, именно такое видение функции контроля позволяет ставить вопрос относительно классификации форм реализации уголовной ответственности в целом. Так называемые базовые функции, основанные на охране и контроле, наряду с подфункциями, дают возможность рассуждать относительно структуры ответственности применительно к уголовному праву, учитывая при этом всю сложность той трансформации общественного устройства, которую мы наблюдаем сегодня. И в этом отношении нельзя не согласиться с А.В. Уссом, одним из немногих специалистов, рассуждающих относительно становления уголовно-карательного механизма, в том числе через уголовно-правовой контроль как над индивидом, так и над обществом в целом. Контроль, который, по мнению ученого, выходит далеко за пределы собственно конкретных мер принуждения, регламентируемых уголовным законом, также включает в себя преодоление социальных, психологических и прочих установок у общества, формирование у него того уровня сознания, который бы позволил реализовывать противодействие преступности на качественно ином уровне [5, с. 45, 67]. В этом смысле контроль, безусловно, представляет собой максимально широкую функцию, в рамках которой возможно существование значительного числа форм реализации ответственности, наполненных различным содержанием и, соответственно, дающим принципиально иной результат.

По большому счету сюда также входят моральные обязательства виновного претерпевать им тяготы и лишения, которые следуют за совершенное им преступление [6], как осознание своего долга пе-

ред обществом и государством¹, осознание характера и вида связей, в которых живет и действует человек [7, с. 79]. И это тоже контроль, с одной лишь оговоркой, это самоконтроль, который, тем не менее, необходим государству, причем в неменьшей мере, т. к. без него, одними лишь объективными средствами достичь результата практически невозможно. Отсюда и позиция А.В. Усса относительно наиболее широкого видения контроля, что в общем и целом соответствует не менее широкому представлению о том, как и в каких формах ответственность способна находить свое выражение непосредственно в тексте уголовного закона, и применительно к тому, кто признан виновным в совершении преступления.

Важно отметить, что форма реализации ответственности – категория, крайне зависимая как от происходящих процессов, так и от их непосредственного влияния на итоги постоянной трансформации. Именно в связи с этим исследование функций ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве должно носить практически постоянный характер, а гибкость решения вопроса не зависеть от предыдущих наработок, находя свои ориентиры в объективных показателях преступности, личности преступника и их трансформации в условиях времени.

Отсюда следует, что исходя из функций ответственности, особенно с учетом ее охранительной направленности, одной из ее основных форм реализа-

ции является наказание. При этом все, что с таковым не связано, так или иначе относится к контролю, наполняемость которого конкретными средствами уголовно-правового воздействия может сильно зависеть от тех или иных обстоятельств², а также динамики их изменения в современном обществе [8, с. 197–198]. Таким образом, *основа ответственности – это охрана и контроль*, формами реализации которых могут выступать практически любые средства государственного принуждения³, находящиеся в сфере уголовно-правовых отношений [9, с. 43–44]. При этом даже предупреждение вторично, выступая в роли подфункции, как охраны, так и контроля, в обоих случаях являясь скорее следствием, чем первоосновой. Хотя при этом именно предупредительная функция выделяется в качестве одной из основных в большинстве современных учебников по уголовному праву⁴.

Надо отметить, что данная позиция не всегда встречает поддержку в отече-

² Поэтому говорить о том, что подфункции должны относиться исключительно к охранительной функции, представляется не совсем правильно. Важно, что данный тезис имеет самое непосредственное отношение не собственно к функциям, а как раз к формам его реализации. Полагаем в связи с этим, сложно согласиться с позицией Н.А. Макаровой, отмечающей особый характер охранительной функции уголовного права и ее исключительном праве деления на подфункции.

³ В этом отношении большой интерес представляют средства противодействия миграционной преступности и другим нарушениям в данной сфере, которые все чаще стал использовать законодатель. Зачастую они носят откровенно беспрецедентный характер.

⁴ См., например: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. проф. В.В. Векленко. Изд. третье, перераб. и доп. Омск, 2016. С. 8; Уголовное право. Общая часть: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. проф. Е.В. Благова, доц. А.В. Иванчина. М., 2022. С. 8, 9; и др.

¹ Хотя следует отметить, что именно данная составляющая ответственности (с учетом признания таковой) в гораздо большей мере присуща уголовно-исполнительному блоку исследуемой нами сферы общественных отношений. Если, собственно, в уголовном праве о данном психологическом аспекте можно вести лишь с позиции его принятия осужденным лицом, то в следующей стадии, когда происходит реализация ответственности, речь идет уже не о простом принятии, а претерпевании, что, безусловно, предполагает и физическое наличие предусмотренных законом тягот и лишений.

ственной юридической науке. Такие известные ученые, как А.В. Малько и Д.А. Липинский, отмечают, что к числу способов воздействия на лицо, признанное виновным в совершении преступления, в рамках охранительной функции права «...помимо юридической ответственности, следует отнести институты: защиты, безопасности, мер обеспечения юридического процесса, самозащиты. Подобного рода правовые институты универсальны и есть практически в любой отрасли права, как в материальной, так и в процессуальной. Например, в уголовном праве к институту мер защиты относятся принудительные меры медицинского характера, которые применяются к психически больным» [10, с. 38]. Нельзя при этом не признать, что приведенной точки зрения придерживаются далеко не единственные авторы¹, имея немало своих приверженцев [8, с. 194–196]. Хотя здесь также нельзя не признавать и того факта, что подобная позиция не у всех ее сторонников влечет за собой одинаковый результат², в данном случае исключаящий подфункции у любой другой функции уголовного права [11, с. 53–54].

Между тем все они, так или иначе, направлены на ограничение прав и законных интересов человека, что в том числе типично для любой разновидности юридической ответственности, а в данном случае такое ограничение происходит в связи с совершенным лицом преступлением. Согласиться, наверное, можно с такой постановкой вопроса лишь применительно к принудительным

мерам медицинского характера, когда применяемое государством принуждение нередко неосознаваемо тем, кому оно адресовано. Впрочем, даже здесь к указанной точке зрения необходимо подходить аккуратно, что опять же объясняется отсутствием осознания лишь у некоторой категории лиц, страдающих психическим расстройством или имеющих болезненное состояние психики, не связанное с психическим заболеванием.

В свою очередь, в западном обществе, где функция ответственности определяется через категорию безопасности, данные аспекты нивелируются, а ее содержание и формы реализации имеют несколько иной, более жесткий характер, будучи подчинены идее целесообразности практически без каких-либо ограничений. Определяя наказание как «любую боль, страдание, кару, ограничение, налагаемое на лицо в соответствии с нормами права и по решению суда за преступление или уголовное правонарушение, совершенное им, или за невыполнение обязанности, предписываемой законом» [12, с. 257], специалисты невольно к данной категории относят и все иные правоограничения, связанные с фактом совершения преступления³, без которых невозможно достижение цели предупреждения или защиты общества от преступности [13, с. 779–780]. Между тем широта понимания именно контроля влечет за собой не просто гибкость подхода, а его демонстрацию через способность иметь собственное содержание в виде подфункций, также наделенных средствами государственного принуждения, наполненных при этом дополнительными сферами воздействия, выходящими за пределы так называемого «идеального контроля» или «контроля в чистом виде». Более того, его доминирование не исключает безопасность как таковую. Речь скорее

¹ См.: Лапшина О.С. Охранительная функция права в системе функций права и государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011. С. 6-8; и др.

² См. об этом, например: Новиков М.В. Ограничительная функция права и ее роль в российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004. С. 3-5; Берова Д.М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 3-6.

³ См.: Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: дис. ... докт. юрид. наук. Омск, 2013. С. 97.

необходимо вести о несколько иной позиции государства на саму модель уголовно-правового противодействия преступности, но никак не о ее принципиально ином характере в сравнении с Западом.

Подфункции в этом отношении как раз позволяют отобразить более широкий взгляд на проблематику ответственности непосредственно в уголовном праве, а в особенности на классификацию форм их реализации. Их выделение, в свою очередь, позволит построить единый механизм уголовно-правового воздействия, ядром которого будет выступать ответственность, как единая категория, используемая в уголовно-правовой сфере. Соответственно, с учетом того, что к подфункциям в уголовном праве следует относить: восстановительную (компенсирующую), стимулирующую (поощрительную), воспитательную (исправительную), а также иные подфункции, то и формы реализации выступают их прямым следствием, что в конечном итоге позволит сформировать цельную картину, а точнее структуру средств и методов противодействия преступности в рамках уголовно-правовой сферы регулирования общественных отношений.

Таким образом, к формам реализации ответственности, с учетом выделения подфункций уголовного права, необходимо относить, в рамках восстановительного (компенсирующего) начала: конфискацию¹, штраф, судебный штраф, явления, заложенные законодателем в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, например: ст. 198, 199, 199³, 199⁴, 201², 200¹, 200³ УК РФ и многие другие. К стимулирующей или поощрительной составляющей уголовно-правовой сферы относятся такие нормы уголовного закона, как: ч. 2 ст. 62, ст. 73, 75-78¹, 79, 80, 92, 93 УК РФ и др., примечания к статьям

особенной части УК РФ, например: ст. 126, 127, 200⁵, 204, 204², 205, 206, 222, 228, 291, 291¹ УК РФ и многие другие. К воспитательной или исправительной (что, безусловно, не одно и то же, но максимально близко по отношению друг к другу) следует относить (помимо наказания, где карательная составляющая доминирующая): принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые по отношению к несовершеннолетним, ст. 84, 85, 88, 89, а также многие другие нормы отечественного уголовного законодательства, которые, так или иначе, имеют в том числе и воспитательную направленность.

К иным подфункциям уголовного права могут относиться карательная, превентивная, контрольно-надзорная, мер обеспечения юридического процесса, пресекательная и др. [14, с. 33] При этом каждая из них либо находит соответствующее подтверждение в конкретных законодательных предписаниях, либо является дополнительным свойством любого средства уголовно-правового воздействия [15, с. 30]. В частности, все средства уголовно-правового характера, вне зависимости от их свойства (принудительного или, наоборот, освобождающего), направлены на предупреждение совершения лицом новых преступлений, а также на общую превенцию. При этом такие нормы уголовного закона, как ст. 57, 59, ч. 5 ст. 78, ч. 4 ст. 83 УК РФ, а также некоторые санкции в отдельных статьях Особенной части УК РФ: ч. 2 ст. 105, ст. 205, 206, 211, 317, 295, 357, 361 УК РФ (и некоторые другие положения уголовного закона), являются прямым выражением отдельно взятой подфункции – карательной. Соответственно, они выступают в качестве одной из форм реализации ответственности в рамках определенной подфункции уголовного права.

Следует отметить, что определение форм реализации ответственности в любой отрасли правового регулирования,

¹ При этом традиционно конфискация относится к одному из видов наказания, а следовательно, находится в рамках реализации охранительной функции.

во-первых, связано с теми ограничениями прав и свобод, которые обусловлены совершением конкретных преступлений, а во-вторых, способно быть эффективным лишь в рамках функциональной модели правового регулирования самой отрасли, когда функции определяют формы реализации ответственности, а не наоборот, в зависимости от конкретных обстоятельств внешнего характера [16, с. 64]. Именно при таком подходе можно вести речь о наличии системы уголовно-правового воздействия, где ответственность будет занимать центральное место, не завися от внешних проявлений объективной реальности. При этом подвижность форм ее реализации также будет иметь не рефлекторный, а именно функциональный характер, меняясь сообразно целям и задачам, стоящим перед уголовно-правовой сферой общественных отношений.

Применительно к уголовному процессу, а точнее к процедуре его цифровизации Л.А. Воскобитова отмечает, что «системный подход к регулированию уголовного судопроизводства предполагает на первом этапе корректировки функциональной модели необходимость четкого и согласованного определения не только социально-политического назначения уголовного судопроизводства, но и целей процессуальной деятельности, обусловленных ее правоприменительным характером и необходимостью обеспечить в каждом конкретном деле правильное применение норм уголовного права, а также необходимость внятного указания на задачи, решению которых подчинено функционирование процесса в целом и выполнение каждой процессуальной функции.

После этого можно будет обсуждать корректировку регулирования каждой процессуальной функции, определяя их задачи, а также обусловленное ими процессуальное содержание функций. В зависимости от этого и только после определения задач и содержания каждой из

функций могут быть предложены корректировки: системы процессуальных субъектов, необходимых для реализации каждой из функций; объема их прав и обязанностей, пределов властных полномочий и возможного соотношения убеждения и принуждения в регулировании процессуального поведения субъектов процесса. И только после решения этих вопросов, на последнем этапе корректировки функциональной модели судопроизводства можно будет обсуждать необходимость и систему отдельных процессуальных действий, требования для отдельных решений, а также возможность создания особых производств или особых процедур, не нарушающих концептуальное единство процесса и его конституционные основы» [17, с. 38–39].

Абсолютно то же самое происходит и в рамках уголовно-материальных (как, впрочем, и уголовно-исполнительных) отношений, где появление, исчезновение или изменение любой из форм реализации ответственности должно напрямую зависеть от трансформации функций, также меняющихся в зависимости от внешних обстоятельств.

На основании изложенного нельзя с уверенностью утверждать о наличии сколь-нибудь жесткой конструкции средств принуждения ни в истории, ни на современном этапе. Есть ее относительно устойчивые элементы. Есть те средства и те связи, которые существовали и продолжают существовать и сегодня. Однако и они меняются, не говоря уже о появлении принципиально новых не просто средств противодействия, а принципов реализации такой деятельности, самих подходов, способных при этом вторгнуться в сущность самой ответственности.

Глубина ее трансформации, которую мы наблюдаем сегодня, настолько масштабна, что перспективы развития ее форм превышают все возможные ожидания, если таковые вообще когда-либо были. Даже сам факт развития техниче-

ских средств уже сам по себе, с одной стороны, вынуждает законодателя действовать (именно в части разработки отдельных средств воздействия и форм реализации) более агрессивно, а с другой – заставляет его подстраиваться под новые виды преступных проявлений. Как это не парадоксально, но именно последний фактор выступает в качестве одного из «двигателей» «прогресса» ответственности, определяя ее средства и методы, уже давно посягнув на саму идею тягот и лишений, которые могут возлагаться на лицо, совершившее преступление¹. «Безапелляционность и безальтернативность каждого нового технологического императива, вторгающегося в жизнь всего человечества, феноменальна не сама по себе, а важна с позиции его возможности вносить серьезные, стойкие, принципиально новые изменения в правила поведения людей, способные успешно функционировать. Регулирование того или иного императива зачастую происходит позже, что называется “на ходу”, подстраиваясь под уже не просто существующее, а зачастую вполне успешно функционирующее» [18, с. 12].

Ответственность в этом отношении в лице ее форм реализации оказывается одной из наиболее чутких, впитывающих в себя малейшие изменения в регулировании общественных отношений. Иначе ни о какой эффективности противодействия преступности в ее новом и постоянно меняющемся формате говорить вряд ли возможно. В этом отношении именно функциональная модель развития рассматриваемой категории способна обес-

печить требуемую динамику трансформации форм реализации ответственности на современном этапе. Собственно, во многом именно данное обстоятельство сегодня позволяет нам вести речь о многократном повышении роли функции контроля и ее преобладании над многими другими направлениями развития и применения ответственности, которые были для нее типичны до недавнего времени. И здесь при сохранении средств и методов, оказывающих воспитательное, восстановительное, стимулирующее, поощрительное, регулирующее и прочее влияние на общественные отношения, контроль объективно вышел на первые роли, продолжая при этом занимать все более прочные позиции в сфере уголовно-правовой охраны общественных отношений. Более того, и сам контроль стал вбирать в себя все больше перечисленных выше составляющих, строясь зачастую на тех же стимулировании, поощрении или воспитании, итогом которых будет все равно контроль над человеком и его психикой. Изменился сам контроль и его проявления, сообразно им изменились и формы его реализации, как средства реализации ответственности в уголовном праве, и именно их выделение и анализ сегодня представляют наибольший интерес.

Современные потребности в противодействии преступности, как и необходимость в повышении ее эффективности, наряду с опережающей, но зачастую рефлексивной деятельностью законодателя, позволяет сделать вывод, согласно которому развитие содержания ответственности сегодня фактически происходит, и происходит оно в нескольких основных направлениях.

Во-первых, на фоне сохранения идеи максимальной репрессивности уголовного права это абсолютно целенаправленный уход от исключительности собственно карательного механизма, в рамках которого наказание традиционно выступало в качестве практически единствен-

¹ См.: Искусственный интеллект в преступности. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Искусственный_интеллект_в_преступности (дата обращения: 23.04.2025); Василюк А. ОПГ создали полноценную криптоинфраструктуру: главное из отчета ООН // Money Times: сайт. URL: <https://www.moneytimes.ru/news/opg-sozdali-kripto-infrastrukturu/47488/> (дата обращения: 23.04.2025); и др.

ной формы реализации уголовной ответственности. И здесь речь необходимо вести не только о законодательном подходе к решению данного вопроса, но и о перестройке сознания специалистов, как среди практиков, так и теоретиков, общества в целом, за счет чего потенциально возможной является дальнейшая трансформация подхода к средствам государственного принуждения к лицам, виновным в совершении преступлений, во всей сфере уголовно-правового регулирования.

Во-вторых, формирование и развитие относительно нового направления ответственности, его некарательного содержания. Разброс и хаотичность данной составляющей воздействия сегодня в российском уголовном законодательстве достаточно полноценно обсуждаются в современной уголовно-правовой литературе, что также вполне объяснимо историческим «перекосям» в сторону представления об ответственности, как о репрессии или как об обязательном претерпевании виновным тягот и лишений и т.д. Между тем данная часть трансформации должна быть максимально подвержена функциональному подходу, способному исключить ситуативность и рефлекторность в деятельности законодателя, в ходе реагирования на новые вызовы и угрозы. Определение того, что относится к функциям самой отрасли, наряду с установлением функций ответственности, выступает в качестве обязательного условия его структуризации, систематизации и последующего претворения в жизнь.

В-третьих, исходя из первого и второго (в особенности, второго) аспектов обращения, становится возможным выделение подфункций ответственности, а их дальнейший анализ представляется в качестве одного из перспективных направлений развития исследуемой категории. Во многом это обусловлено тем фактом, что в отличие от охранительной функции функция контроля является значительно более многослойной (много-

уровневой), чем кара и репрессия, нашедшие свое проявление в охранительной функции уголовного права. В свою очередь, уход в сторону подфункций позволит задаться вопросом, во-первых, о формировании подотраслей уголовного права [19] (на примере законодательства той же Германии), а во-вторых, создаст необходимую основу для систематизации того материала, который уже есть в отечественном законодательстве и не относится к категории репрессии. Речь в данном случае идет о регулятивных, восстановительных, компенсационных, стимулирующих, поощрительных и прочих началах. Их отнесение к функции контроля в целом соответствует самой идее и представлению о данном явлении в современном мире. Максимально широкое видение самого контроля позволяет говорить о нем как о системообразующей функции уголовного права, позволяющей создавать и развивать как прежние, так и новые формы реализации ответственности [20, с. 3–5].

В-четвертых, сформированное в настоящей работе представление о функциях и подфункциях уголовного права позволяет сделать вывод о конкретных формах реализации ответственности. К таковым следует относить, помимо наказания, принудительных мер медицинского характера и конфискации имущества, реализуемых в рамках охранительной функции: принудительные меры воспитательного воздействия, освобождение от уголовной ответственности и от наказания, судимость, амнистию, помилование, а также любые другие меры, не связанные с их карательным потенциалом, относящихся к функции контроля [21, с. 170–173]. Скорее, даже наоборот, как правило, речь идет о мерах антирепрессивного свойства, когда государство полностью или в какой-то части отказывается от воздействия подобного рода, но при этом желает сохранить контроль как над конкретным лицом, совершившим преступление, так и над преступностью. От-

сюда и к формам реализации ответственности, относящимся к контролирующей функции уголовного права, с уверенностью можно относить и многие правила назначения наказания, например, назначение наказания ниже установленного законом минимального предела, за неоконченное преступление.

Выводы

Выделение форм реализации ответственности в уголовном праве важно не само по себе, а представляет принципиальное значение с позиции их интеграции в общее правовое пространство, куда входит и уголовно-исполнительная сфера

правового регулирования общественных отношений. Отсюда и материал, представленный в настоящей работе, крайне важен для представления, что и почему следует относить к таким формам реализации с учетом общего понимания ответственности в уголовно-исполнительном праве. Единство такого представления способно обеспечить достижение цели в виде формирования механизма реализации уголовно-правового воздействия, центром которого выступает не что иное, как ответственность, охватывающая любые ограничения, содержащиеся в материальном и исполнительном праве.

Список литературы

1. Малько А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 1998. № 8(21). С. 66-77.
2. Бавсун М.В. Средства как элемент механизма уголовно-правового воздействия // Библиотека криминалиста. 2013. № 3(8). С. 14-21.
3. Бавсун М.В. Цели уголовно-правового воздействия и их влияние на средства его реализации // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 1(1). С. 17-23.
4. Кузнецов А.А. Философско-правовое представление о сущности и содержании категории «ответственность» и ее трансформация в условиях современной картины мира // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4(104). С. 161-173. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-161-173>.
5. Усс А.В. Социально-интегративная роль уголовного права: монография / отв. ред. А.Н. Тарбагаев. 2-е изд., испр. и доп. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 323 с.
6. Шаргородский М.Д. Детерминизм и ответственность // Правоведение. 1968. № 1. С. 40-48.
7. Смирнов В.Г. Уголовная ответственность и уголовное наказание // Правоведение. 1963. № 4. С. 78-89.
8. Макарова Н.А. К вопросу о подфункциях охранительной функции права // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 2(103). С. 194-199.
9. Урда М.Н. Уголовно-правовые инструменты миграционного контроля: теория и практика межотраслевых связей // Союз криминалистов и кримиологов. 2025. № 3. С. 43-50.
10. Малько А.В., Липинский Д.А. О подфункциях охранительной функции права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2(38). С. 34-39.
11. Чурилов С.Н. Классификации функций уголовного судопроизводства // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. № 1. С. 49-56. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2023.49.1.05>.
12. Rush G. The dictionary of criminal justice. The Dushkin Publishing Group, Inc. Com., 1991. 416 p.
13. Baumann O., Weber U., Mitsch W. Strafrecht. Allgemeiner Teil. Aufl. Bielefeld, 2003. 845 s.
14. Лапшина О.С. Основные подфункции охранительной функции права // Бизнес в законе. 2010. № 4. С. 30-33.
15. Сахаров А.Б. Методы уголовно-правового регулирования общественных отношений // Методологические проблемы уголовно-правового регулирования общественных отношений: сборник научных трудов. М.: ВНИИ МВД СССР, 1989. С. 29-37.

16. Воскобитова Л.А. Назначение, цели и задачи современного уголовного судопроизводства: проблемы понимания // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений: материалы межвузовской научно-практической конференции. Ч. 1. М.: Акад. управления МВД России, 2009. С. 56-66.

17. Воскобитова Л.А. Использование функционального подхода для цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10. С. 34-51. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.74.10.034-051>.

18. Бавсун М.В. Технологические императивы как альтернативное средство регулирования общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1(105). С. 10-16. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-10-16>.

19. Бабурин В.В. О проблеме формирования подотраслей российского уголовного права // Сибирское юридическое обозрение. 2011. № 14. С. 64-67.

20. Карпов К.Н. Теоретические основы социального контроля в уголовно-правовой сфере. Омск: Омск. акад. МВД России, 2025. 220 с.

21. Карпов К.Н. Контроль за поведением осужденных как иная мера уголовно-правового характера // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы Международной научно-практической конференции. СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2025. С. 170-173.

References

1. Malko A.V. Legal means: questions of theory and practice. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 1998;(8):66-77. (In Russ.)

2. Bavsun M.V. Means as an element of the criminal law impact mechanism. *Biblioteka kriminalista = Forensic Library*. 2013;(3):14-21. (In Russ.)

3. Bavsun M.V. Goals of criminal law impact and their impact on the means of its implementation. *Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii = Library of Criminal Law and Criminology*. 2013;(1):17-23. (In Russ.)

4. Kuznetsov A.A. Philosophical and legal idea of the essence and content of the category "responsibility" and its transformation in the context of the modern picture of the world. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;(4):161-173. (In Russ.) <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-161-173>.

5. Uss A.V. The socio-integrative role of criminal law. 2nd. Ed. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t; 2015. 323 p. (in Russ.)

6. Shargorodsky M.D. Determinism and responsibility. *Pravovedenie = Jurisprudence*. 1968;(1):40-48. (In Russ.)

7. Smirnov V.G. Criminal liability and criminal punishment. *Pravovedenie = Jurisprudence*. 1963;(4):78-89. (In Russ.)

8. Makarova N.A. On the subfunctions of the protective function of law. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Samara State University*. 2013;(2):194-199. (In Russ.)

9. Urda M.N. Criminal law instruments of migration control: theory and practice of intersectoral relations. *Soyuz kriminalistov i kriminologov = Union of Criminologists and Criminologists*. 2025;(3):43-50. (In Russ.)

10. Malko A.V., Lipinsky D.A. On the subfunctions of the protective function of law. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;(2):34-39. (In Russ.)

11. Churilov S.N. Classification of functions of criminal proceedings. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences = Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences*. 2023;(1):49-56. (In Russ.) <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2023.49.1.05>.

12. Rush G. The dictionary of criminal justice. The Dushkin Publishing Group, Inc. Com., 1991. 416 p. (In Russ.)

13. Baumann O., Weber U., Mitsch W. Criminal. General part. Dissolution. Bielefeld; 2003. 845 p. (In German.)

14. Lapshina O.S. The main subfunctions of the protective function of law. *Biznes v zakone = Business in law*. 2010;(4):30-33. (In Russ.)
15. Sakharov A.B. Methods of criminal law regulation of public relations. In: *Metodologicheskie problemy ugolovno-pravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnoshenii: sbornik nauchnykh trudov = Methodological problems of criminal law regulation of public relations: collection of scientific articles*. Moscow: VNII MVD SSSR; 1989. P. 29-37. (In Russ.)
16. Voskobitova L.A. Purpose, goals and objectives of modern criminal proceedings: problems of understanding. In: *Aktual'nye voprosy primeneniya ugolovno-protsessual'nogo i ugolovnogo zakonodatel'stva v protsesse rassledovaniya prestuplenii: materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Topical issues of the application of criminal procedure and criminal legislation in the process of investigating crimes: materials of inter-universities scientific-practical conferences*. Pt. 1. Moscow: Akad. upravleniya MVD Rossii; 2009. P. 56-66. (In Russ.)
17. Voskobitova L.A. Using a functional approach for the digitalization of criminal proceedings. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSLA)*. 2020;(10):34-51. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.74.10.034-051>
18. Bavsun M.V. Technological imperatives as an alternative means of regulating public relations. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025;(1):10-16. (In Russ.) <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-10-16>.
19. Baburin V.V. On the problem of the formation of sub-branches of Russian criminal law. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Legal Review*. 2011;(14):64-67. (In Russ.)
20. Karpov K.N. Theoretical foundations of social control in the criminal legal sphere. Omsk: Omsk. akad. MVD Rossii; 2025. 220 p. (In Russ.)
21. Karpov K.N. Control over the behavior of convicts as another measure of a criminal law nature. In: *Ugolovnoe zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Criminal law: yesterday, today, tomorrow: proceedings of the international scientific and practical conference*. St. Petersburg; 2025. P. 170-173. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Кузнецов Алексей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Сочи, Российская Федерация, e-mail: omsklaw07@mail.ru, ORCID: 0009-0008-7894-338X

Alexey A. Kuznetsov, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process, Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice, Sochi, Russian Federation, e-mail: omsklaw07@mail.ru, ORCID: 0009-0008-7894-338X,

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.211

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-148-159>

Преступления с административной преюдицией в аспекте реализации методов современной уголовной политики

Р.А. Комягин^{1✉}¹Саратовская государственная юридическая академия

ул. им. Чернышевского Н.Г., д. 104/1, г. Саратов 410056, Российская Федерация

✉e-mail: roman.komyagin@mail.ru

Резюме

Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях постоянного расширения количества преступлений с административной преюдицией в действующем уголовном законодательстве остается не установленным наличие или отсутствие у них признака общественной опасности, выступающего основанием реализации таких методов уголовной политики, как криминализация и дифференциация ответственности.

Цель исследования заключается в определении правовой природы преступлений с административной преюдицией сквозь «призму» методов уголовной политики.

Задачи: изучить понятие и структуру преступлений с административной преюдицией; исследовать способы законодательной регламентации преступлений с административной преюдицией; определить наличие или отсутствие признака общественной опасности у административных правонарушений, входящих в преступления с административной преюдицией; проанализировать основание криминализации преступлений с административной преюдицией; выявить проблемы межотраслевой дифференциации ответственности на примере преступлений с административной преюдицией.

Методология. В настоящей работе применялись общенаучные методы – диалектический метод познания, а также частнонаучные: анализ, обобщение, формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы.

Результаты. В ходе проведенного исследования было установлено, что отдельные административные правонарушения, входящие в структуру преступления с административной преюдицией, не обладают признаком общественной опасности. Повторность совершения административных правонарушений также не наделяет преступление с административной преюдицией признаком общественной опасности и находится за рамками основания уголовной ответственности. Как итог, основание криминализации и межотраслевой дифференциации оказываются не установленными применительно к рассматриваемому явлению.

Вывод. Закрепление преступлений с административной преюдицией в уголовном законе приводит к его избыточной криминализации, а также к нарушению критериев межотраслевой дифференциации юридической ответственности.

Ключевые слова: преступления; административная преюдиция; общественная опасность; основание уголовной ответственности; криминализация преступления; дифференциация ответственности.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Комягин Р.А. Преступления с административной преюдицией в аспекте реализации методов современной уголовной политики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 148–159. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-148-159>.

Поступила в редакцию 01.11.2025

Принята к публикации 26.11.2025

Опубликована 25.12.2025

Crimes with administrative prejudice in the aspect of implementing modern criminal policy methods

Roman A. Komyagin^{1✉}

¹Saratov State Law Academy
104/1 Chernyshevsky N.G. Str., Saratov 410056, Russian Federation

✉e-mail: roman.komyagin@mail.ru

Abstract

The relevance of the study is due to the fact that, in the context of the constant increase in the number of crimes with administrative prejudice in the current criminal legislation, it remains unclear whether they have the characteristic of public danger, which is the basis for implementing such methods of criminal policy as criminalization and differentiation of responsibility.

The purpose of this study is to determine the legal nature of crimes with administrative prejudice through the “prism” of criminal policy methods.

Objectives: to study the concept and structure of crimes with administrative prejudice; to investigate the methods of legislative regulation of crimes with administrative prejudice; to determine the presence or absence of a public danger sign in administrative offenses that are part of a crime with administrative prejudice; to analyze the basis for the criminalization of crimes with administrative prejudice; and to identify the problems of intersectoral differentiation of responsibility in the case of crimes with administrative prejudice.

Methodology. In this work, both general scientific methods, such as the dialectical method of cognition, and specific scientific methods, such as analysis, generalization, formal-legal, comparative-legal, and system-structural methods, were used.

Results. The study revealed that certain administrative offenses that are part of a crime with administrative prejudice do not possess the characteristic of public danger. The repetition of administrative offenses also does not make a crime with administrative prejudice a crime with public danger, and it falls outside the scope of criminal liability. As a result, the basis for criminalization and intersectoral differentiation is not established in relation to the phenomenon under consideration.

Conclusion. The consolidation of crimes with administrative prejudice in the criminal law leads to its excessive criminalization, as well as to a violation of the criteria for intersectoral differentiation of legal responsibility.

Keywords: crimes; administrative prejudice; public danger; basis for criminal liability; criminalization of a crime; differentiation of responsibility.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Komyagin R.A. Crimes with administrative prejudice in the aspect of implementing modern criminal policy methods. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(6):148–159. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-148-159>.

Received 01.11.2025

Accepted 26.11.2025

Published 25.12.2025

Введение

Преступления с административной преюдицией широко представлены в действующем уголовном законодательстве. Однако их правовая природа продолжает оставаться до конца не уясненной ввиду отсутствия в научном сообществе единства мнений о соответствии понятия рассматриваемого явления общему понятию

преступления, предусмотренному в ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)¹. Значение последнего состоит в

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: [ред. от 31.07.2025] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 15.09.2025).

законодательном закреплении исчерпывающего перечня признаков, установление которых не вызывает сомнений у субъектов уголовно-правовых отношений при отнесении конкретного деяния к числу преступлений [1, с. 28].

Методология

В основе проведенного исследования находится диалектический метод научного познания. Конкретные выводы и обладающие новизной теоретические и практические положения были получены в ходе анализа научных подходов к пониманию административной преюдиции, обобщения доктринальных представлений о понятии и структуре характера и степени общественной опасности.

В работе применялись формально-юридический и сравнительно-правовой методы, позволившие разработать новый подход к пониманию правовой природы преступлений с административной преюдицией, не допускающий ее использования в качестве основания уголовной ответственности. Также в ходе изучения основания криминализации и межотраслевой дифференциации значимая роль отводится системно-структурному методу, направленному на установление критериев разграничения преступлений и административных правонарушений.

Результаты и их обсуждение

В науке уголовного права предложены различные понятия преступления с административной преюдицией. Так, согласно мнению И.М. Пшеничнова, под ним следует понимать совершение деяния, подпадающего под признаки состава административного правонарушения, лицом, которое ранее было привлечено к ответственности за совершение аналогичного деяния в течение срока административной наказанности [2, с. 592–593]. Д.В. Мирошниченко рассматривает данное явление «в качестве материальной межотраслевой конструкции, выступающей средством описания общественно

опасного поведения, посредством указания в составе преступления на признак нахождения лица в состоянии административной наказанности за ранее совершенное им административное правонарушение» [3, с. 102]. В.В. Тарасенко полагает, что преступление с административной преюдицией есть не что иное, как средство юридической техники, суть которого состоит в криминализации факта повторного совершения административного правонарушения одним и тем же лицом за определенный период [4, с. 40–42].

На наш взгляд, суть административной преюдиции как таковой наиболее ясно раскрыта О.С. Одоевым. Под ней он понимает правовое состояние лица, обусловленное фактом назначения ему по постановлению по делу об административном правонарушении административного наказания и влекущее уголовно-правовые последствия в случае совершения этим лицом схожего по объективной стороне состава преступления [5, с. 155].

Рассматривая вопросы уголовной ответственности за незаконное предпринимательство, М.Н. Урда указывает на то, что административная преюдиция способна обеспечить более эффективное воздействие на субъектов противоправного поведения, предупреждение преступлений, экономию государственных ресурсов, необходимых для борьбы с более опасными видами преступлений, а также обеспечить соответствие уголовного законодательства принципу экономии мер репрессии¹.

Значение административной преюдиции в современном уголовном праве точно определено В.В. Тарасенко. Оно состоит в том, что «с одной стороны, она выступает условием привлечения лица к уголовной ответственности, а с другой – средством процессуальной экономии сил и средств суда при выяснении вопроса о

¹ См.: Урда М.Н. Проблемы применения нормы, устанавливающей ответственность за незаконное предпринимательство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 18.

неоднократности, убирая из предмета доказывания обстоятельства, уже установленные по делу об административном правонарушении. Таким образом, административная преюдиция является частным случаем уголовно-правовой презумпции истинности решения по административному делу» [4, с. 43]. При этом сама по себе административная преюдиция может быть средством как криминализации, так и частичной декриминализации преступлений. Последняя имеет место при внесении изменений в диспозицию той или иной статьи уголовного закона, в связи с которыми лицо может быть привлечено к ответственности по этой статье только после однократного (двух- или трехкратного) привлечения к административной ответственности за учинение «аналогичного» правонарушения» [5, с. 159].

Ввиду тождественности административных правонарушений, входящих в структуру преступления с административной преюдицией, правомерен вывод о том, что одно и то же деяние не может обладать двойственной уголовно-правовой природой, т. е. влечь ответственность в соответствии с нормами как административного, так и уголовного права.

Основание криминализации и дифференциации ответственности как методов уголовной политики

Поскольку в основе данной группы преступлений находятся административные правонарушения, наиболее острым вопросом является установление наличия или отсутствия у них признака общественной опасности. Представляется возможным выделить несколько причин того, почему его наличие обуславливает возможность или невозможность нахождения в уголовном законе преступлений с административной преюдицией.

Так, по мнению Н.А. Лопашенко, основанием криминализации признается существование общественно опасного поведения, требующего уголовно-правового запрета [6, с. 108]. Этот факт позво-

ляет определить круг деяний, совершение которых требует применения мер исключительно уголовно-правового воздействия. Социальная необходимость введения таковых уголовно-правовых запретов обусловлена политической, экономической и социальной обстановкой в конкретный временной период. В этой связи К.В. Ображиев и Д.Ю. Корсун указывают на то, что суду, как органу государственной власти, принадлежит безусловное право оценивать характер общественной опасности преступлений, закрепленных в уголовном законе. Применительно к преступлениям с административной преюдицией суд может поставить вопрос о конституционности соответствующего уголовно-правового запрета и обратиться с запросом в Конституционный Суд РФ либо самостоятельно применить ч. 2 ст. 14 УК [7, с. 53–54].

Кроме этого, многие исследователи рассматривают общественную опасность как критерий межотраслевой дифференциации преступлений¹ и административных правонарушений [8, с. 35]. Данный метод уголовной политики представляет собой «осуществляемое законодателем разделение последней, дозировку с учетом определенного рода обстоятельств, целью которой является создание для правоприменителя желаемого режима при определении меры (вида и размера) ответственности за совершенное правонарушение» [9, с. 62].

Так, Н.Ф. Кузнецова предлагала разграничивать преступления и иные правонарушения в зависимости от объекта посягательства, размера наступивших последствий, вида противоправности². Можно заметить, что названные обстоя-

¹ См.: Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 24.

² См.: Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002. С. 135.

тельства характеризуют причиненный деянием вред – категорию, лежащую в основе определения качественной и количественной характеристики общественной опасности, а вид противоправности является логичным следствием отражения вредоносной природы в рамках той или иной отрасли права.

Также к числу критериев дифференциации отнесены вид и форма вины, обстоятельства, характеризующие личность виновного¹. Однако именно характер вредоносности и величина причиненного ущерба названы большинством авторов как основные признаки², наличие которых позволяет отделить преступления от других вредоносных деяний [10, с. 31].

Следует согласиться с теми учеными, которые в основании дифференциации уголовной ответственности указывают как типовой характер, так и типовую степень общественной опасности преступления [11, с. 185].

Обобщая приведенные и иные представленные в науке уголовного права точки зрения, можно сделать вывод о том, что именно общественная опасность названа большинством исследователей в качестве основания криминализации, а также критерия дифференциации правонарушений разных отраслей права³.

Общественная опасность – это признак только преступлений или правонарушений всех отраслей права?

Понятие административного правонарушения, предусмотренное п. 1 ст. 2.1 Кодекса об административных правона-

рушениях РФ (далее – КоАП РФ), не содержит признака общественной опасности⁴. В ст. 2.2 «Формы вины» КоАП РФ законодатель использует термин «вредные последствия», в то время как в тексте УК РФ (например, ст. 25 и 26) закреплено прямое указание на их общественно опасный характер.

При этом среди представителей науки уголовного права сложилось два различных подхода относительно того, присущ ли признак общественной опасности правонарушениям всех отраслей права или только преступлениям.

Так, А.И. Коробеев указывает: «Ввиду признания того, что только преступления обладают общественной опасностью, пришлось бы допустить, что проступки безвредны и никакого реального ущерба обществу не причиняют. Между тем за качественным различием преступного и непроступного необходимо всегда видеть и учитывать и количественную сторону. Как ничто из ничего не возникает, так и многие преступления, являющиеся крайней формой отклоняющегося поведения, не становятся таковыми сразу, внезапно, вдруг... Следовательно, лишь определенная степень общественной опасности как объективное мерило может служить критерием отнесения деяния к тому или иному виду правонарушений» [12, с. 64].

Д.В. Мирошниченко отмечает, что «сохранение общественной опасности как материального свойства одновременно за проступками и преступлениями решает проблему не только качественной обособленности правонарушений данных видов (в зависимости от степени), но и дает возможность произвести учет предшествующего проступка при формулировании основания уголовной ответвен-

¹ См.: Сотсков Ф.Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 16-18.

² Кругликов Л.Л. Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном праве. Ярославль: ЯрГУ, 2016. С. 27.

³ См.: Комягин Р.А. Состав преступления: теоретическое моделирование понятия, структуры и соотношения с преступлением: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. С. 184.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : [ред. от 31.07.2025] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 15.09.2025).

ности за повторное аналогичное деяние, предусмотренное Уголовным кодексом РФ. В терминологии заключена прагматика правореализации и возможностей межотраслевого взаимодействия норм административно-деликтного и уголовного законодательств» [3, с. 43].

Критикуя представленные выше позиции, А.М. Смирнов пишет о том, что «несмотря на то, что непреступные правонарушения тоже вредоносны, характер и степень их вредоносности никогда не достигнут степени общественной опасности преступлений. Преступные деяния при прочих равных условиях всегда причиняют больший вред, их вина антисоциальнее, мотивация низменнее, способы совершения опаснее. Ведущим разграничительным элементом выступает, прежде всего, величина причиненного вреда или ущерба правоохраняемым интересам личности, общества и государства» [10, с. 31].

Иные аргументы на этот счет приводит А.М. Герасимов, который указывает, что «"сумма вреда" от административного правонарушения, формально затрудняя правовое регулирование социальных отношений, не создает опасности для материального порядка. Нематериальный характер административного правонарушения исключает потребность административно-деликтного права в юридических последствиях, аналогичных инструментам уголовного права (срок, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию)» [13, с. 104].

Точка зрения о том, что общественная опасность – это признак исключительно преступлений¹, получила свое освещение и в трудах дореволюционных исследователей [14, с. 135].

На наш взгляд, при анализе, с одной стороны, объектов уголовно-правовой

охраны, перечисленных в названии глав и разделов Особенной части УК РФ, ч. 1 ст. 2 УК РФ, и, с другой – объектов, обозначенных в ст. 1.2 КоАП РФ и в названии глав Особенной части КоАП РФ, можно увидеть их *отчасти* повторяющийся перечень. В обоих законодательных актах к ним отнесены: конституционные права и свободы человека и гражданина, здоровье личности, общественная нравственность, окружающая среда, государственная власть, общественный порядок и общественная безопасность и другие объекты.

Поскольку преступления причиняют гораздо больший, в количественном плане, вред правоохраняемым объектам, чем административные правонарушения, при совершении последних остаются не затронутыми жизнь человека, национальная безопасность, конституционный строй и другие наиболее значимые объекты. Из этого следует взаимообусловленность характера и степени общественной опасности как признака в целом: при увеличении размера последствий увеличивается и негативное воздействие на объект уголовно-правовой охраны, т. е. его подверженность вредоносному воздействию в результате совершения преступления. Можно сделать вывод о том, что признак общественной опасности обладает ярко выраженной целостной системой своего построения. Следует признать ошибочным суждение о том, что при отсутствии должной степени неизменным остается наличие характера данного признака, на что указывают сторонники единой вредоносной природы преступлений и административных правонарушений.

Приведенное суждение находит свое подтверждение в ходе анализа структуры общественной опасности. Так, Р.А. Сабитов полагает, что сущность общественной опасности выражается в том, что деяние причиняет вред установившимся общественным отношениям либо способно причинить им вред. При этом ха-

¹ См.: Сахаров А.Б. Уголовное право: Понятие уголовного права. Содержание и основания уголовной ответственности. Общая часть. Вып. 1. М.: Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1967. С. 27.

рактор общественной опасности деяния обусловлен прежде всего ценностью объекта, на который посягает виновный, а также формой его вины, в то время как степень определяется: размером вреда, в том числе тяжестью наступивших последствий, способом осуществления деяния, степенью осуществления преступного намерения, ролью лица при совершении преступления в соучастии, видом умысла или неосторожности и другими показателями [11, с. 185].

В этой связи следует признать верной позицию Н.Ф. Кузнецовой. Несмотря на то, что и преступления, и административные правонарушения посягают на совпадающие объекты охраны, именно преступления обладают наибольшей антисоциальной направленностью, которая получила свое отражение в таком признаке преступления, как общественная опасность. Правонарушения иных отраслей права правильнее определять как вредоносные деяния¹.

Как итог, ни первое, ни второе из совершенных административных правонарушений, входящих в структуру преступления с административной преюдицией, не обладают общественной опасностью.

Способы описания признаков преступлений с административной преюдицией по действующему уголовному законодательству

В ходе криминализации преступлений с административной преюдицией законодателем используются различные способы их регламентации в тексте УК РФ, которые указывают на неоднократное совершение одним лицом административных правонарушений. Анализ положений Особенной части УК РФ позволяет сделать вывод о том, что количество

административных правонарушений, входящих в структуру преступления с административной преюдицией, может быть различным.

Признание преступлением второго из совершенных административных правонарушений предусмотрено в большинстве статей УК РФ. Таковы, например, ст. 116.1, 151.1, ч. 1 и 2 ст. 157, ст. 158.1, 171.4, ч. 1 ст. 191, ч. 1 ст. 193, ч. 1 ст. 201.2, ст. 201.3 УК РФ. В других случаях повторное совершение одного и того же административного правонарушения влечет более строгую, но все еще административную ответственность, а преступлением является третье из совершенных административных правонарушений (например, ст. 171.5, чч. 1, 2 ст. 215.3, ч. 1 ст. 264.2, ч. 1 ст. 264.3 УК РФ).

Предлагая выработать единый подход к нормативному конструированию составов с преюдицией, О.С. Одоев указывал, что законодатель, предусматривая в том или ином составе преступления однократную, двукратную или трехкратную преюдицию, нередко руководствуется произвольными мотивами [5, с. 53].

Помимо количества административных правонарушений, отличается и срок совершения последнего из них для признания его преступлением. В ст. 212.1 УК РФ «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» он равен 180-ти дням. Во всех других статьях УК РФ он регламентирован ст. 4.6 КоАП РФ и равен одному году, в течение которого должно быть совершено административное правонарушение для признания его преступлением.

Также в диспозициях уголовно-правовых норм по-разному описывается признак, характеризующий субъект преступления с административной преюдицией. В одних статьях содержится указание на то, что лицо должно быть подвергнуто административному наказанию (ч. 1 ст. 116.1, ст. 151.1, ч. 1 ст. 157, ч. 2

¹ См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Городец, 2007. С. 205; Уголовное право России. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2005. С. 116.

ст. 157, 158.1, 171.4, 171.5, ч. 1 ст. 191, ч. 1 ст. 193 УК РФ и др.), в других – на то, что лицо ранее привлекалось к административной ответственности (например, ст. 212.1, ч. 1 ст. 280.1, ч. 2 ст. 280.1, ч. 1 ст. 280.3, ч. 1 ст. 282, ст. 284.2 УК РФ).

Сложившаяся ситуация, при которой преступным признается в одних случаях – второе, в других – третье административное правонарушение, отличается срок, в течение которого оно должно быть совершено, а также форма законодательного описания признака повторности административных правонарушений, служит подтверждением отсутствия единого подхода при установлении основания криминализации применительно к преступлениям с административной преюдицией. Как верно отмечает Л.В. Иногамова-Хегай, отсутствие единых способов законодательной регламентации преступлений с административной преюдицией – существенный недостаток их криминализации [15, с. 54].

Повторность совершения административных правонарушений и ее влияние на наличие или отсутствие признака общественной опасности деяния

Закономерно возникает вопрос: может ли повторность совершения административных правонарушений выступать признаком общественной опасности?

По мнению М.И. Ковалева, такой признак, как повторность, характеризует личность виновного, ее общественно опасное состояние. Ввиду того, что личность виновного является криминологической категорией, ее характеристики не могут быть включены в состав преступления и, как следствие, не могут служить основанием для перехода деяния из разряда правонарушений в преступления [16, с. 10–13]. Н.Г. Иванов полагает, что в преступлениях с административной преюдицией основанием криминализации выступает не деяние, а воля деятеля, что нарушает принципы реализации указанного метода уголовной политики [17, с. 20–23]. Отрицает наличие основания

криминализации применительно к преступлениям с административной преюдицией Н.А. Лопашенко, поскольку единственное, что объединяет административные правонарушения в рамках рассматриваемого явления, это личность виновного [18, с. 386].

В науке уголовного права есть и сторонники позиции законодателя. Так, З.Э. Эргашева относит повторность совершения административных правонарушений к признакам специального субъекта преступления, которым выступает лицо, находящееся в состоянии административной наказанности ввиду ранее совершенного правонарушения(ий), а также тождество деяний, предусмотренных в административном и уголовном законе¹.

По мнению Д.В. Мирошниченко, «субъект преступления объединяет проступки на основании преюдициальной связи между ними, в основе которой расположена личность и ее негативно характеризующиеся прошлое и настоящее поведение. Общественную опасность преступления с преюдицией следует связывать с устойчивым противоправным поведением, объективирующим личность и преюдирующим составом» [3, с. 102].

К.В. Ображиев и Д.Ю. Корсун занимают схожую позицию. Они считают, что «использование административной преюдиции характеризует не объективную сторону преступления, а специфический статус субъекта преступления – его административную наказанность. Иными словами, преступление с административной преюдицией не арифметическая сумма двух административных правонарушений, а одно правонарушение, совершенное специальным субъектом» [7, с. 83–84].

По этому поводу О.С. Одоев отмечает, что общественная опасность выступает в качестве критерия оценки личности,

¹ См.: Эргашева З.Э. Административная преюдиция в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 7-9.

а преюдиция, в свою очередь, выступает приемом ее описания в тексте уголовного закона [5, с. 32].

Об этом же пишет О.С. Капинус: «Законодатель, конструируя состав преступления с административной преюдицией, устанавливает уголовную ответственность не за два административных проступка, а за одно деяние, формально соответствующее составу административного правонарушения, которое совершено административно наказанным лицом. При использовании анализируемой юридической конструкции первое административное правонарушение характеризует не объективную сторону преступления, а специфический статус субъекта преступления – его административную наказанность» [19, с. 84].

Представляет интерес позиция М.Г. Жилкина о том, что «преступления с административной преюдицией не могут быть рассмотрены как малозначительные деяния, поскольку их общественная опасность связана с особенностями субъекта преступления и повторением не достигающих криминального уровня общественной опасности проступков, а не с незначительностью самого деяния» [20, с. 33].

На наш взгляд, следует признать ошибочным отнесение повторности административных правонарушений к признакам специального субъекта преступления, поскольку таковая выступает характеристикой личности виновного, которая находится за рамками состава преступления. Так, В.В. Хилюта полагает, что «именно поведение лица предопределяет качественный переход проступка в преступление, и при определении основания уголовной ответственности предлагается обращать внимание на источник причинения вреда, то есть личность виновного» [21, с. 50]. Признание подобного факта противоречит ныне действующей редакции ст. 8 УК РФ.

По этому поводу А.Г. Кибальник и З.З. Мамхягов указывают следующее: «В

контексте понимания социально-юридических характеристик административной преюдиции в уголовном праве необходимо прийти к выводу о том, что она не соответствует основаниям криминализации деяния в уголовном праве. Прежде всего это выражено в отсутствии фундаментального признака общественной опасности первичного и всех последующих административных правонарушений» [22, с. 73]. А Р.А. Сабитов справедливо отмечает, что «совершение общественно опасного деяния является единственным и достаточным основанием уголовной ответственности. Обстоятельства, лежащие за рамками состава преступления, хотя и подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу, в том числе обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, не могут служить дополнительными основаниями уголовной ответственности» [11, с. 117].

Несмотря на то, что при совершении преступления с административной преюдицией лицо последовательно привлекается к ответственности в соответствии с нормами разных отраслей права – административного и уголовного, можно констатировать нарушение принципа презумпции невиновности, предусмотренного ч. 1 ст. 50 Конституции РФ: «Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление». Так, первое из совершенных правонарушений влечет наказуемость в соответствии с нормами административного права и учитывается при привлечении лица к уголовной ответственности в случае его повторного совершения. Между тем, поскольку лицо уже понесло наказание за совершенное административное правонарушение, при повторном его совершении основание административной ответственности возникает заново. Б.В. Волженкин указывал на то, что в преступлениях с административной преюдицией лицо оказывается повторно привлеченным к ответственно-

сти за первое из совершенных административных правонарушений [23, с. 438].

Выводы

Поскольку административные правонарушения, входящие в состав преступления с административной преюдицией, не обладают признаком общественной опасности, рассматриваемое явление нельзя признать соответствующим критерию межотраслевой дифференциации юридической ответственности, который находится в основе перехода деяний из разряда административно наказуемых в уголовно наказуемые.

Основанием наделения преступления с административной преюдицией

признаком общественной опасности является характеристика личности виновного, неоднократно совершившего административное правонарушение. Данное положение не соответствует требованию ст. 8 УК РФ, т. к. повторность совершения административных правонарушений – это признак личности виновного, который не входит в структуру состава преступления.

Закрепление преступлений с административной преюдицией в уголовном законе приводит к его избыточной криминализации, поскольку реализация данного метода уголовной политики осуществляется при отсутствии на то основания.

Список литературы

1. Уголовное право России: в 6 т. Т. 2 / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов: Саратов. гос. Акад. права, 2008. 648 с.
2. Пшеничнов И.М. Административная преюдиция: необоснованный риск для уголовного законодательства // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 592-594.
3. Мирошниченко Д.В. Преюдиция в уголовном праве России: теоретико-прикладное исследование. М.: Юрлитинформ, 2022. 205 с.
4. Тарасенко В.В. Презумпция и фикции в современном уголовном праве России: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. 230 с.
5. Одоев О.С. Административная преюдиция в уголовном праве России и государств СНГ: монография. М.: ИД Юриспруденция, 2018. 190 с.
6. Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Уголовная политика. Авторский курс: монография. М.: Юрлитинформ, 2025. 352 с.
7. Ображиев К.В., Корсун Д.Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: монография. М.: Проспект, 2024. 232 с.
8. Павлухин А.Н., Нестеров П.Н., Эриашвили Н.Д. Общественно опасное поведение и его уголовная противоправность / под ред. А.Н. Павлухина. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2007. 111 с.
9. Кругликов Л.Л., Василевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 298 с.
10. Смирнов А.М. Учение об общественно опасных формах преступного деяния: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 202 с.
11. Сабитов Р.А. Уголовная ответственность и уголовно-правовое поощрение: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. 447 с.
12. Коробеев А.И. Общественная опасность деяния как одно из юридико-криминологических оснований установления уголовно-правового запрета // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы XIV Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2024 г. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 62-66.
13. Герасимов А.М. Теория уголовного правонарушения: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. 317 с.
14. Дурманов Н.Д. Понятие преступления / отв. ред. М.Д. Шаргородский. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. 311 с.

15. Иногамова-Хегай Л.В. Современные тенденции криминализации и декриминализации в российском уголовном праве // Уголовное право. 2017. № 4. С. 53-58.
16. Ковалев М.И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями: межвузовский сборник научных трудов. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1982. С. 10-15.
17. Иванов Н.Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации: монография. М.: Проспект, 2016. 80 с.
18. Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 437 с.
19. Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 78-85.
20. Жилкин М.Г. Криминализация деяний с административной преюдицией: роль общественной опасности и критерии уголовной ответственности // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы XIV Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2024 г. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 29-33.
21. Хилjuta В.В. Административная преюдиция в уголовном праве (теоретико-прикладное исследование): монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 160 с.
22. Кибальник А.Г., Мамхягов З.З. Административная преюдиция в уголовном праве: вопросы de lege lata и de lege ferenda: монография. М.: Юрлитинформ, 2023. 158 с.
23. Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 969 с.

References

1. Razgildiev B.T. (ed.) Criminal law of Russia. Vol. 2. Saratov: Saratov. gos. akad. prava; 2008. 648 p. (In Russ.)
2. Pshenichnov I.M. Administrative prejudice: An unjustified risk for criminal legislation. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*. 2019;(13):592-594. (In Russ.)
3. Miroshnichenko D.V. Prejudice in the criminal law of Russia: A theoretical and applied study. Moscow: Yurlitinform; 2022. 205 p. (In Russ.)
4. Tarasenko V.V. Presumption and fictions in the modern criminal law of Russia. Moscow: Yurlitinform; 2022. 230 p. (In Russ.)
5. Odov O.S. Administrative prejudice in the criminal law of Russia and the CIS states. Moscow: ID Yurisprudentsiya; 2018. 190 p. (In Russ.)
6. Lopashenko N.A. Reflections on criminal law. Criminal policy. Author's Course. Moscow: Yurlitinform; 2025. 352 p. (In Russ.)
7. Obrazhiev K.V., Korsun D.Yu. Minor acts in criminal law. Moscow: Prospekt; 2024. 232 p. (In Russ.)
8. Pavlukhin A.N., Nesterov P.N., Eriashvili N.D. Socially dangerous behavior and its criminal illegality. Moscow: Uniti-dana, Zakon i pravo; 2007. 111 p. (In Russ.)
9. Kruglikov L.L., Vasilevsky A.V. Differentiation of responsibility in criminal law. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2003. 298 p. (In Russ.)
10. Smirnov A.M. The doctrine of publicly dangerous forms of criminal acts. Moscow: Yurlitinform; 2016. 202 p. (In Russ.)
11. Sabitov R.A. Criminal liability and criminal law encouragement. Moscow: Yurlitinform; 2022. 447 p. (In Russ.)
12. Korobeyev A.I. Public danger of an act as one of the legal and criminological foundations for establishing a criminal law prohibition. In: *Obshchestvennaya opasnost' v уголовном, уголовно-исполнител'nom prave i kriminologii: materialy XIV Rossiiskogo kongressa уголовного prava, sostoyavshegosya 30-31 maya 2024 g. = Public danger in criminal, penal, and criminological law: proceedings of the 14th Russian congress of criminal law, held on May 30-31, 2024*. Moscow: Yurlitinform; 2024. P. 62-66. (In Russ.)

13. Gerasimov, A.M. Theory of criminal offense. Moscow: Yurlitinform; 2022. 317 p. (In Russ.)
14. Durmanov N.D. The concept of a crime. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR; 1948. 311 p. (In Russ.)
15. Inogamova-Khegay L.V. Modern trends in criminalization and decriminalization in Russian criminal law. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*. 2017;(4):53-58. (In Russ.)
16. Kovalev M.I. Crime and misconduct. In: *Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva po ukrepleniyu pravoporyadka i usileniyu bor'by s pravonarusheniyami: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov = Problems of improving legislation to strengthen law and order and strengthen the fight against offenses: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Sverdlovsk: Sverdl. yurid. in-t; 1982. P. 10-15. (In Russ.)
17. Ivanov N.G. Public danger of an act as an ontological basis of criminalization. Moscow: Prospekt; 2016. 80 p. (In Russ.)
18. Lopashenko N.A. Reflections on criminal law. Principles of criminal legislation. Criminal law. Crime, misdemeanor, and elements of a crime. Author's Course. Moscow: Yurlitinform; 2020. 437 p. (In Russ.)
19. Kapinus O.S. Administrative prejudice in criminal law: Problems of theory and practice. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2019;(6):78-85. (In Russ.)
20. Zhilkin M.G. Criminalization of acts with administrative prejudice: the role of public danger and the criteria for criminal liability. In: *Obshchestvennaya opasnost' v ugolovnom, ugolovno-ispolnitel'nom prave i kriminologii: materialy XIV Rossiiskogo kongressa ugolovnogo prava, sostoyavshegosya 30-31 maya 2024 g. = Public danger in criminal, penal, and criminological law: proceedings of the 14th Russian congress of criminal law, held on May 30-31, 2024*. Moscow: Yurlitinform; 2024. P. 29-33. (In Russ.)
21. Khilyuta V.V. Administrative prejudice in criminal law (theoretical and applied research). Moscow: Yurlitinform; 2024. 160 p. (In Russ.)
22. Kibalnik A.G., Mamkhiagov Z.Z. Administrative prejudice in criminal law: Issues of de lege lata and de lege ferenda. Moscow: Yurlitinform; 2023. 158 p. (In Russ.)
23. Volzhenkin B.V. Selected works on criminal law and criminology. St. Petersburg; 2008. 969 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Комягин Роман Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация, e-mail: roman.komyagin@mail.ru

Roman A. Komyagin, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Law, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, e-mail: roman.komyagin@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 341

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-160-171>

Генезис законодательства о противодействии нелегальному обороту табачной и никотинсодержащей продукции: регулятивная нормативно-правовая база. Часть 1

Д.А. Шеметов¹✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉e-mail: ssn46@rambler.ru

Резюме

Актуальность. Изменения в области законодательного регулирования оборота табачной и никотинсодержащей продукции, начавшиеся с принятия в 2013 году «антитабачного закона», демонстрируют существенное расширение ограничений и запретов. Введение лицензирования на оборот данной продукции с 2023 года актуально и своевременно. Уголовное законодательство также системно «пополняется» антитабачными нормами. В этой связи необходимо установление соразмерности установленных правил на табачном рынке и ответственности за их нарушение.

Цель: проследить эволюцию регулятивного законодательства в сфере противодействия нелегальному обороту табачной и никотинсодержащей продукции.

Задачи: определить социально-экономические предпосылки установления запретов на табачном рынке; выявить последовательность вносимых поправок в «табачный закон»; дать оценку результативности установленных запретов через призму статистических данных об изменении уровня нелегального оборота табачной и никотинсодержащей продукции.

Методология. В статье использованы методы анализа, обобщения, описания, статистического исследования.

Результаты. Изначально в профильном «антитабачном законе» 2013 года декларировалась задача охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции, что отразилось в наименовании закона. Перманентное увеличение запретов и ограничений, связанных с оборотом рассматриваемой продукции, логически привело к установлению лицензирования в сфере табачного рынка в 2023 году и введению жесткого государственного учета. Очевидно, что наиболее опасные формы нарушений «антитабачного закона» и закона о регулировании оборота табачной продукции должны находить отражение в уголовно-правовых запретах, оценка которым будет дана во второй части исследования.

Вывод. Россия пошла по пути существенных ограничений и тотального государственного контроля в сфере оборота табачной и никотинсодержащей продукции, к которой приравнены товары, не содержащие табак или никотин, но предназначенные для курения. Под полным запретом продажи находятся смеси для сосания (снюс, насвайс), никотин в чистом виде.

Ключевые слова: антитабачный закон; табачная продукция; никотинсодержащая продукция; табачный рынок; ответственность.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Шеметов Д.А. Генезис законодательства о противодействии нелегальному обороту табачной и никотинсодержащей продукции: регулятивная нормативно-правовая база. Часть 1 // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 160–171. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-160-171>.

Поступила в редакцию 30.10.2025

Принята к публикации 28.11.2025

Опубликована 25.12.2025

© Шеметов Д.А., 2025

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2025;15(6):160-171

The genesis of legislation on combating illicit trafficking in tobacco and nicotine-containing products: regulatory framework. Part 1

Dmitry A. Shemetov¹ 

¹Southwest State University
50 let Oktyabrya Str., 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉e-mail: ssn46@rambler.ru

Abstract

Relevance. Systemic changes in the legislative regulation of tobacco and nicotine-containing products, which began with the adoption of the "anti-smoking law" in 2013, demonstrate a significant expansion of restrictions and prohibitions. The introduction of licensing for the turnover of these products from 2023 on the basis of the law on the regulation of tobacco turnover is relevant and timely. Criminal legislation is also systematically "updated" with anti-smoking regulations. In this regard, it is necessary to establish the proportionality of the established rules in the tobacco market and responsibility for their violation.

Purpose: to trace the evolution of regulatory legislation in the field of combating illegal trafficking in tobacco and nicotine-containing products

Objectives: to determine the socio-economic prerequisites for the establishment of bans in the tobacco market; to deduce the sequence of amendments to the "tobacco law"; to assess the effectiveness of the bans through the prism of statistical data on changes in the level of illegal trafficking in tobacco and nicotine-containing products.

Methodology. The article uses methods of analysis, generalization, description, and statistical research.

Results. The study showed that initially, the relevant "anti-smoking law" of 2013 declared the task of protecting citizens' health from exposure to ambient tobacco smoke, the effects of tobacco consumption or consumption of nicotine-containing products, which was reflected in the name of the law. The permanent increase in prohibitions and restrictions related to the turnover and consumption of tobacco and nicotine-containing products logically led to the establishment of licensing in the tobacco market in 2023 and the introduction of strict state accounting of the turnover of these products. It is obvious that the most dangerous forms of violations of the "anti-smoking law" and the law on regulating tobacco turnover should be reflected in criminal law prohibitions, which will be assessed in the second part of the study.

Conclusion. Russia has embarked on a path of significant restrictions and total state control in the sphere of tobacco and nicotine-containing products. Tobacco and nicotine-containing products include products that do not contain tobacco or nicotine, but are intended for smoking. Mixtures for sucking (snus, naswise) and pure nicotine are completely banned from sale.

Keywords: anti-smoking law; tobacco products; nicotine-containing products; tobacco market; responsibility.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Shemetov D.A. The genesis of legislation on combating illicit trafficking in tobacco and nicotine-containing products: regulatory framework. Part 1. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(6):160–171. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-160-171>.

Received 30.10.2025

Accepted 28.11.2025

Published 25.12.2025

Введение

Нелегальный оборот любой продукции наносит ущерб экономическим интересам государства, препятствует развитию рыночной конкуренции, т. к. добросовестные участники рынка оказываются в невыгодном положении относительно теневых и, как следствие, не желают ин-

вестировать финансы в развитие экономики и соблюдение стандартов. Помимо указанных обстоятельств, незаконный оборот табачной и никотинсодержащей продукции создает угрозу здоровью людей. Проблема противодействия нелегальному обороту табачной и никотинсодержащей продукции оценивается не только через призму развития законода-

тельства [1, с. 33] и дальнейших перспектив [2, с. 208], но и с экономических позиций в контексте рынка табака как части продовольственного рынка [3, с. 53]; влияния санкций на оборот табака [4, с. 366]; стратегий позиционирования транснациональных корпораций на российском табачном рынке [5, с. 157]; оптимизации бюджетного планирования на табачном рынке [6, с. 188]; социальных [7, с. 162] и политических – в части планирования экономической безопасности табачного рынка [8, с. 11] и угроз безопасности государства [9, с. 767]. Опасность табака и никотина не только для здоровья населения, но и как опасность для государственных интересов – современный тренд научной мысли в части проблем роста контрабанды табачной продукции на рынке Российской Федерации [10, с. 10] и существенной эволюции теневого сектора [11, с. 30]. Ранее табачный рынок изучался в большей степени через призму экономической привлекательности, ассоциируя с развитием рекламы на рынке табачной продукции [12, с. 383], особенностей организации спонсоринга [13, с. 383], развитием потребительского рынка табака [14, с. 196], маркетинговых инструментов для анализа табачного рынка [15, с. 64].

По данным Research and Markets, в 2024 г. оборот сигарет на мировом рынке составил 1,14 трлн долл., к 2033 г. прогнозируется рост до 1,38 трлн долл.¹ Для сравнения в 2020 г. он был 933,11 млн долл.¹ Таким образом, наблюдается стабильный рост потребления рассматриваемой продукции, несмотря на предпринимаемые превентивные меры: фиксированная минимальная цена, требования о размещении на пачках информации о содержании смол и никотина, указание на вредность данного продукта, социальная реклама и т. д. В противовес табачные компании диверсифицируют свою про-

дукцию, предлагая более «легкие» варианты. В частности, доля электронных сигарет и ароматизированных устройств, таких как вейпы, сегодня составляет уже более 80%, тогда как в 2020 г. доля сигарет составляла 75%. Стоит отметить, что несмотря на запрет рекламы рассматриваемой продукции, маркетинговые стратегии табачных компаний довольно успешны: это ATL-реклама (ведение аккаунтов соответствующей тематики, сконцентрированной на внутренних новостях, проведении опросов, размещении напоминаний, ссылок на новые товары и т. д.) [16, с. 14], BTL-маркетинг (дегустации, кальянные мероприятия и т. п.) [17, с. 32]. К 2022 г. импорт электронных устройств для курения вырос на 92,3% и составил более 25 млн шт. относительно 2021 г. Такие данные приводятся в исследовании, подготовленном аналитиками NeoAnalytics².

В России рынок табачной и никотинсодержащей продукции увеличился с 2018 по 2023 г. на 411% и составил 3,7 млн долл. США³, поэтому иностранные компании продолжают считать табачный рынок России привлекательным ввиду большой доли курящих, несмотря на санкции и существенные ограничения по их участию в производстве табачной и никотинсодержащей продукции в нашей стране [11, с. 29].

По данным Счетной палаты РФ, потери бюджета с 2016 по 2021 г. из-за нелегального оборота табачной продукции составили 295,6 млрд руб., где 246,3 млрд руб. приходилось на недополучение по табачному акцизу, 49,3 млрд руб. на по-

¹ Сигареты (мировой рынок) // Zdrav.Expert: сайт. 2025. 15 мая. URL: [https://zdrav.expert/index.php/Статья:Сигареты_\(мировой_рынок\)](https://zdrav.expert/index.php/Статья:Сигареты_(мировой_рынок)) (дата обращения: 04.10.2025).

² Курение и рынок сигарет в России // Tadviser: сайт. 2025. 22 апр. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Курение_и_рынок_сигарет_в_России# (дата обращения: 04.10.2025).

³ World Market for Tobacco // Euromonitor international: site. URL: <https://www.euromonitor.com/world-market-for-tobacco/report> (дата обращения: 04.10.2025).

тери НДС¹. Учитывая, что с 1 января 2021 г. ставка акциза на табачную продукцию выросла на 20% относительно 2020 г., к 2023 г. бюджет потерял порядка 130 млрд руб. из-за оборота нелегальных сигарет¹.

Масштабное исследование в 2021 г. провело АНО «Национальный научный центр компетенций в сфере противодействия незаконному обороту промышленной продукции» (далее – ННЦК) в 85 субъектах России на предмет определения доли незаконного оборота табачной продукции, куда были включены безакцизные сигареты, сигареты с акцизами других стран и поддельные сигареты. Исследование проводилось методом сбора пустых пачек, выброшенных на улицах городов и сел, всего в 842 населенных пунктах с общей численностью населения более 86 млн человек. ННЦК продолжил работу и подобные исследования стали проводиться ежегодно. По данным ННЦК, доля незаконного оборота никотинсодержащей продукции в 2024 г. составила 65,8%, а в сегменте никотинсодержащей жидкости – 86,2%, что на 17% меньше предшествующего года. По результатам интернет-исследования ННЦК, доля незаконного оборота в сети Интернет по совокупности критериев, включающих соответствие установленной минимальной цене, составляет 37,5% (в 2023 году было 59,4%)². Минпромторг РФ указывает более скромные объемы нелегального табачного рынка: в 2022 г. 954 млн контрафактных пачек сигарет, в 2023 г. – 1,1 млрд пачек, что достигает до 100 млрд руб. валового дохода ежегод-

но³. В пояснительной записке к проекту федерального закона, устанавливающего уголовную ответственность за безлицензионное производство и оборот табачной продукции, указано, что «доля нелегальной табачной продукции на российском рынке возросла с 1,5% в 2016 г. до 10,7% в 2021 г.»⁴.

Методология

Работа основана на диалектическом методе научного познания. Получение достоверных результатов основано на общенаучных и частнонаучных методах. В частности, метод описания дал возможность осуществить сбор первичных материалов из различных отраслей (права, экономики, политики, социологии); метод анализа позволил разложить на составляющие элементы «анти табачное законодательство» для выявления логических и функциональных изменений. Индуктивный метод обобщения использован для соотнесения разных, в ряде случаев противоречащих, эмпирических данных. На основе сводки и группировки статистического наблюдения были определены общие закономерности развития теневого сектора табачного рынка в России.

Результаты и их обсуждение

Эксперты считают, что снижение теневого табачного рынка связано с установлением уголовной ответственности за продажу табачной и никотинсодержащей продукции детям, введении лицензирования производителей табака [18, с. 403], установлении недействительности кодов

¹ Акцизы на табак // Бюллетень Счетной палаты Рос. Федерации. 2021. № 11 (288). URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/ace/at47q1ecn88cqc90gmb0m73ai52p7a0j.pdf> (дата обращения: 04.10.2025).

² Доля незаконного оборота никотинсодержащей продукции в РФ снизилась на 17% // ННЦК: сайт. 2025. 30 янв. URL: <https://nnck.gov.ru/events/dolya-nezakonnogo-oborota-nikotinsoderzhashchey-produktsii-v-rf-snizilas-na-17/> (дата обращения: 04.10.2025).

³ Минпромторг оценил в 81,5 млрд руб. потери бюджета в 2022 году от нелегального оборота табака // Интерфакс: сайт. 2023. 28 апр. URL: <https://www.interfax.ru/russia/898255> (дата обращения: 04.10.2025).

⁴ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 310855-8 «О внесении изменений в статью 171.3 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/76855421/?ysclid=miwv63dkjy110985194> (дата обращения: 04.10.2025).

маркировки на части остатков никотинсодержащей продукции, которые ранее использовались в «серых» схемах оборота данной продукции¹. В качестве причин устойчивости нелегального рынка называются: серьезная разница в размере ставок акцизов в странах ЕАЭС, открытость границ, уменьшение количества контрольно-надзорных мероприятий в связи с введением моратория на проведение проверок¹, расширение перечня продуктовых инноваций на рынке табачной продукции [19, с. 34].

Всего в 2024 г. было выявлено 5 нелегальных производств, изъято свыше 670 тыс. единиц готовой табачной продукции на сумму более 500 млн руб. В 2023 г. было конфисковано 676 млн сигарет – это на треть (на 32%) меньше по сравнению с 2022 г., когда было изъято более 1 млрд шт.² Статистические данные применения ч. 5, 6 ст. 171¹ УК РФ выглядят следующим образом³: осуждено за совершение преступлений, предусмотренных ч. 5, 6 ст. 171¹ УК РФ: в 2020 г. – 673 чел., в 2021 – 844 чел., в 2022 г. – 1057 чел., в 2023 г. – 1033 чел., в 2024 г. – 1318 чел.

Существенная разница между данными, приводимыми ННЦК и уголовной статистикой, объясняются тем, что уго-

ловное законодательство не предусматривает разделения на табачную и алкогольную продукцию, поэтому большая часть осужденных привлечены к ответственности за незаконный оборот алкогольной продукции.

Учитывая, что в 2024 г. легальный табачный рынок составил 10,3 млрд пачек, а выручка производителей достигла 375,4 млрд руб., работу правоохранителей по противодействию нелегальному обороту табачной и никотинсодержащей продукции сложно признать удовлетворительной.

Стоит отметить довольно противоречивые данные различных ведомств по оценке курящего населения России. Доля курящих россиян сократилась с 24,2% в 2019 г. до 18,7% в 2023 г. Такие данные предоставили Миндрав России и Росстат¹. По оценке ВЦИОМ, доля курильщиков к 2023 г. составила 30% и не снижается с 2016 г.³ Разницу в цифрах можно объяснить подходами в оценке лиц, употребляющих табачную и никотиносодержащую продукцию. В частности, взрослое население предпочитает курить сигареты, тогда как молодежь в большей мере употребляет безникотиновые вейпы, которые до недавнего времени к табачной и никотинсодержащей продукции не относились⁴.

¹ Курение и рынок сигарет в России // Tadviser: сайт. 2025. 22 апр. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Курение_и_рынок_сигарет_в_России# (дата обращения: 04.10.2025).

² Доля незаконного оборота никотинсодержащей продукции в РФ снизилась на 17% // ННЦК: сайт. 2025. 30 янв. URL: <https://nnck.gov.ru/events/dolya-nezakonnogo-oborota-nikotinsoderzhashchey-produktsii-v-rf-snizilas-na-17/> (дата обращения: 04.10.2025).

³ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам № 10-а // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (дата обращения: 12.10.2025).

⁴ Лишь в 2023 г. «антитабачный закон» был дополнен понятием безникотиновая жидкость, в 2025 г. – термином «бестабачная смесь для нагревания». См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 28 апр. 2023 г. № 178-ФЗ: [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_446121/; О внесении изменений в статью 2 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции»: Федер. закон от 28 дек. 2024 г. № 542-ФЗ: [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494830/ (дата обращения: 12.10.2025).

Каких-либо концептуальных документов по реализации государственной антитабачной политики в России не принималось, в отличие от антиалкогольной политики¹. Следует выделить Информационно-коммуникационную стратегию по формированию здорового образа жизни, борьбе с потреблением алкоголя и табака, предупреждению и борьбе с немедицинским потреблением наркотических средств и психотропных веществ на период до 2020 года², принятую в 2013 г., где в качестве одной из задач было снижение потребления алкоголя и табака среди населения. Для решения данной задачи в рассматриваемом документе предусматривалось «обучение медицинских работников методике оказания медицинской помощи по отказу от курения; проведение информационных кампаний и массовых акций в целях мотивирования населения к отказу от курения; проведе-

ние информационных кампаний и массовых акций в целях мотивирования населения к отказу от потребления алкоголя»². К сожалению, данный документ имел исключительно декларативный характер, соответствующие мероприятия для решения указанной задачи не осуществлялись.

«Антитабачный закон»

Базой нормативного регулирования оборота табака и никотиносодержащей продукции стал Федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» (далее – «антитабачный закон»), принятый в 2013 г., в который перманентно вносятся изменения. Анализ данного нормативного акта в сравнении с алкогольным законодательством показывает идентичный подход по ограничению потребления табака и алкоголя. В частности, в «антитабачном законе» установлен запрет на отдельные места потребления табака и никотинсодержащей продукции; определены ценовые и налоговые меры (минимальные розничные цены и увеличение акцизов); запрещена реклама и иные стимулирующие мероприятия (лотереи, конкурсы и т. п., где призом является табачная продукция) вплоть до запрета выкладки табачной продукции в открытом доступе в магазинах; табачные компании не могут выступать спонсорами на спортивных, образовательных, культурных мероприятиях; введен абсолютный запрет продажи табака и никотина несовершеннолетним и вовлечение в потребление; введены существенные ограничения по местам продажи данной продукции.

В 2014 г. внесенные поправки в данный закон упорядочили понятийный аппарат, уточнили полномочия контрольных и надзорных полномочий, разграничили полномочия органов по составлению протоколов об административных правонарушениях; введена отдельная норма в уголовное законодательство о

¹ См.: О Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 30 дек. 2009 г. № 2128-р // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96236/; Об утверждении Концепции сокращения потребления алкоголя в Российской Федерации на период до 2030 года и дальнейшую перспективу: распоряжение Правительства РФ от 11 дек. 2023 г. № 3547-р // Гарант: сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408113961/?ysclid=miwwi5q6mn23792399> (дата обращения: 12.10.2025).

² Об утверждении Информационно-коммуникационной стратегии по формированию здорового образа жизни, борьбе с потреблением алкоголя и табака, предупреждению и борьбе с немедицинским потреблением наркотических средств и психотропных веществ на период до 2020 года: приказ Министерства здравоохранения РФ от 30 сент. 2013 г. № 677 // Гарант: сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70372908/?ysclid=miwwkyxrf1577228981> (дата обращения: 12.10.2025).

контрабанде алкогольной и (или) табачной продукции, ужесточена санкция за незаконный оборот товаров без маркировки, предусмотрены положения о проверке подлинности федеральных специальных марок и акцизных марок на табачной продукции, которые должны осуществлять оптовые и розничные продавцы с использованием соответствующих приборов, а также через доступ к го-синформресурсам¹.

В 2015 г. вводится запрет на продажу сосательного табака (снюса)².

В 2016 г. устанавливается ограничение на количество сигарет в пачке (не более 20 шт.) для воспрепятствования увеличению привлекательности для покупа-

телей и сокращения акцизов в бюджет³, введен учет производства табака и перемещения через границу, введено отслеживание оборота оборудования для производства табачной продукции⁴.

В 2018 г. для табачных изделий вводится новый термин – «средства идентификации», которые должны использоваться производителями в собственных системах учета⁵.

В 2019 г. законодатель несколько ослабил ограничения по потреблению табака: разрешено курение в специальных помещениях в аэропортах⁶.

В 2020 г. поправки коснулись никотиносодержащей продукции, ранее не упоминавшейся в антитабачном законе,

¹ См.: О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с уточнением полномочий государственных органов и муниципальных органов в части осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федер. закон от 14 окт. 2014 г. № 307-ФЗ: [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_169745/; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий: Федер. закон от 31 дек. 2014 г. № 530-ФЗ: [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173188/ (дата обращения: 12.10.2025).

² См.: О внесении изменений в статью 19 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» и статью 14.53 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30 дек. 2015 г. № 456-ФЗ: [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191513/ (дата обращения: 12.10.2025).

³ См.: О внесении изменения в статью 19 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака»: Федер. закон от 26 апр. 2016 г. № 115-ФЗ: [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197212/ (дата обращения: 12.10.2025).

⁴ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федер. закон от 28 дек. 2016 г. № 471-ФЗ: [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209781/ (дата обращения: 12.10.2025).

⁵ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного управления в сфере официального статистического учета: Федер. закон от 29 июля 2018 г. № 272-ФЗ: [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303514/ (дата обращения: 12.10.2025).

⁶ См.: О внесении изменения в статью 12 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака»: Федер. закон от 27 дек. 2019 г. № 512-ФЗ: [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341755/ (дата обращения: 12.10.2025).

изменилось и наименование закона, существенно расширен категориальный аппарат, введены дополнительные ограничения по курению кальянов¹, установлена единая минимальная цена, рассчитанная с учетом минимальной ставки табачного акциза².

Изменения закона, произошедшие в 2023 г., существенно ограничили продажу вейпов: появились такие понятия, как «безникотиновая жидкость», фактически «уравненная» с никотинсодержащей; вейпы определены как «устройства для потребления никотиновой продукции», существенно ограничена любая рекламная деятельность и розничная торговля³, предусмотрены ограничения на перемещение немаркированной никотинсодержащей продукции⁴.

¹ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу охраны здоровья граждан от последствий потребления никотинсодержащей продукции: Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 303-ФЗ: [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358791/ (дата обращения: 12.10.2025).

² См.: О внесении изменений в статью 13 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции»: Федер. закон от 30 дек. 2020 г. № 504-ФЗ : [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372664/ (дата обращения: 12.10.2025).

³ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 28 апр. 2023 г. № 178-ФЗ: [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_446121/ (дата обращения: 12.10.2025).

⁴ См.: О внесении изменения в статью 18 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции»: Федер. закон от 24 июля 2023 г. № 380-ФЗ : [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/>

В 2024 г. введен запрет на производство насвая и снюса (сосательного табака), урегулированы вопросы производства, оборота и оценки соответствия некурильных табачных изделий, установлен перечень веществ, которые запрещено использовать в качестве ингредиентов в табачных изделиях, определен верхний предел доли никотина в готовых изделиях⁵, в качестве предмета регулирования введена бестабачная смесь для нагревания как никотинсодержащее или безникотиновое изделие⁶.

Закон о регулировании оборота табачной продукции

Важнейшим нормативным актом по регулированию оборота табака и никотинсодержащей продукции стал Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота табачных изделий, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства», принятый в 2023 г.⁷ (далее – Закон о регулировании оборота та-

document/cons_doc_LAW_303514/ (дата обращения: 12.10.2025).

⁵ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 8 авг. 2024 г. № 325-ФЗ : [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482582/ (дата обращения: 12.10.2025).

⁶ См.: О внесении изменений в статью 2 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции»: Федер. закон от 28 дек. 2024 г. № 542-ФЗ: [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494830/ (дата обращения: 12.10.2025).

⁷ См.: О государственном регулировании производства и оборота табачных изделий, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства: Федер. закон от 13 июня 2023 г. № 203-ФЗ : [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449350/ (дата обращения: 12.10.2025).

бачной продукции), где установлены требования к основному технологическому оборудованию и его государственной регистрации, виды деятельности в сфере табачного рынка, подлежащие лицензированию. Введение закона было обусловлено ростом доли теневого рынка табачной и никотинсодержащей продукции.

Несмотря на короткий период действия данного закона в него уже три раза вносились изменения.

Так, в 2024 г. ввиду введенного запрета на производство насвая и снюса внесены соответствующие корректировки, а также Росалкогольтабакконтролю разрешено принимать решение о запрете оборота табачной, никотинсодержащей продукции, сырья для их производства в случае, если при проведении контрольно-надзорных мероприятий будет выявлено нарушение законодательства, или в случае составления акта о невозможности проведения проверочного мероприятия. Такие меры направлены в первую очередь на вывод из оборота контрафактной продукции¹.

Проблема заключается в том, что коды маркировки для табачной и никотинсодержащей продукции вводились поэтапно, поэтому остатки продукции, приобретенной предпринимателями до 1 декабря 2023 г., могли находиться в легальном обороте без соответствующих средств идентификации. При этом выдача участникам оборота количества кодов маркировки остатков продукции осуществлялась без документального подтверждения легальности происхождения товара и проверки его фактического

наличия. Иными словами, недобросовестные участники табачного рынка могли запросить количество кодов, не соответствующих реальным остаткам. В результате, по информации ООО «Оператор-ЦРПТ», количество кодов маркировки остатков продукции, преобразованных в средства идентификации, и нанесенных на продукцию, введенную в оборот, составляет: «...для сигарет и папирос – 73,5 млн кодов (1627 участников оборота продукции), из которых до настоящего времени не выведены из оборота 56,8 млн кодов (32 660 участников оборота продукции); для альтернативной табачной продукции (табака для кальяна, сигар, сигарилл и др.) – 51,7 млн кодов (791 участник оборота продукции), из которых до настоящего времени не выведены из оборота 45,4 млн кодов (17 511 участников оборота продукции); для табака (табачных изделий), предназначенного для потребления путем нагревания, и бестабачных смесей для нагревания – 7,8 млн кодов (162 участника оборота продукции), из которых до настоящего времени не выведены из оборота 3,4 млн кодов (1565 участников оборота продукции); для жидкостей для электронных систем доставки никотина (в том числе безникотиновых) – 520,8 млн кодов (4367 участников оборота продукции), из которых до настоящего времени не выведены из оборота 498,6 млн кодов (29 985 участников оборота продукции)»².

Такое количество выданных кодов маркировки остатков продукции превосходит годовой объем оборота табачного рынка в России. В этой связи Росалкогольтабакконтролю предоставлено право внесудебным порядком приостанавливать деятельность предпринимателей, у

¹ См.: О внесении изменений в статьи 5 и 6 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота табачных изделий, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства»: Федер. закон от 28 дек. 2024 г. № 537-ФЗ: [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494825/ (дата обращения: 12.10.2025).

² См.: Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 679632-8 «Об ограничении оборота табачной и никотинсодержащей продукции» // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/76864067/?ysclid=miwxu1ieze726698355> (дата обращения: 12.10.2025).

которых будет выявлена продукция, маркированная средствами идентификации до соответствующей пресекающей даты (она зависит от вида продукции). Подобный подход дает основание полагать о существенном снижении количества лиц, привлеченных к уголовной (или административной) ответственности за незаконный оборот табачной и (или) никотинсодержащей продукции, т. к. введенные меры «работают» на предупреждение введения в оборот контрафактной продукции.

Выводы

Анализ регулятивного законодательства указывает на перманентное увеличение запретов и ограничений, связанных с оборотом и потреблением табачной и никотинсодержащей продукции. Очевидно, что наиболее опасные формы нарушений табачного закона должны находить отражение в уголовно-правовых запретах, анализ которых будет осуществлен в части второй настоящего исследования, где и будут сделаны итоговые выводы.

Список литературы

1. Павленко О.В., Черкашина Н.Е. Современное состояние рынка и особенности идентификации табака и табачных изделий в таможенных целях // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2022. № 2(47). С. 33-38.
2. Прокопенко Р.В. Современное состояние и перспективы развития российского рынка табачной продукции // Экономика данных: повышение эффективности экономики, торговли и производства России: сборник научных трудов преподавателей VIII Международной межвузовской научно-практической конференции. Краснодар: Рос. эконом. ун-т им. Г.В. Плеханова, 2024. С. 208-214.
3. Зелимханов Ш.А. Рынок продовольствия и материально-технических средств. Российский рынок табака и табачных изделий // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2003. № 9. С. 52-54.
4. Рюткинен В., Козлов В.А. Влияние санкций на рынок сигарет и табачного сырья в России // Корпоративное управление и инноватика в условиях трансформационных процессов : сборник научных статей Всероссийской (национальной) научно-практической конференции «Инновации в управлении социально-экономическими системами» (RCIMSS-2023). Т. 15. М.: Рос. эконом. ун-т им. Г.В. Плеханова, 2023. С. 366-370.
5. Саломатин В.А. Стратегии позиционирования транснациональных корпораций на российском табачном рынке // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. № 3. С. 157-162.
6. Федорова А.А., Свиридов Б.А. Оптимизация бюджетного планирования в контексте регулирования рынка алкогольной и табачной продукции: опыт Росалкогольтабакконтроля // Актуальные проблемы социального управления: сборник трудов V Всероссийской научно-практической конференции. М.: Ритм, 2024. С. 188-191.
7. Распутин А.В. Реальные и потенциальные угрозы экономической безопасности регионального рынка табачной продукции // Аудиторские ведомости. 2022. № 3. С. 169-172. https://doi.org/10.56539/17278058_2022_3_169.
8. Распутин А.В. Организационно-экономические особенности формирования региональной системы обеспечения экономической безопасности рынка табачной продукции // Экономические науки. 2023. № 228. С. 11-15. <https://doi.org/10.14451/1.228.11>.
9. Чудина С.А., Агапкин А.М. Табак и табачные изделия: классификация по ТН ВЭД ТС, особенности оценки качества, современное состояние российского рынка // Товаровед продовольственных товаров. 2022. № 12. С. 767-774. <https://doi.org/10.33920/igt-01-2212-02>.
10. Бабакина Е.К., Размышляева М. О. Проблема роста контрабанды табачной продукции на рынке Российской Федерации и пути её решения // XXXIV Международные Плехановские чтения : сборник статей студентов: в 4 т. Т. 3. М.: Рос. эконом. ун-т им. Г.В. Плеханова, 2021. С. 9-12.

11. Горобец Э.А. Табачный рынок Российской Федерации: теневой рынок сокращается, но не сдается // Молодежный вектор таможни. 2024. № 1(8). С. 29-32.
12. Алихаджиев А.А., Позднякова У.А. История формирования визуальных образов в рекламе на рынке табачной продукции // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2015. Т. 3, № 3(14). С. 383-387. <https://doi.org/10.12737/13010>.
13. Алихаджиев А.А. Особенности организации спонсоринга на рынке табачной продукции // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2010. № 11. С. 48а-51.
14. Романова Н.К. Развитие потребительского рынка табачной продукции в России в условиях глобализации рыночных отношений: сборник научных трудов / КРИА ДПО ФГБОУ ВПО Кубанский ГАУ. Вып. 22. Краснодар: Издательский Дом - Юг, 2013. С. 196-200.
15. Чайка Е. Маркетинговый аудит как инструмент анализа табачного рынка // Человек и труд. 2009. № 9. С. 64-68.
16. Романова Н.К., Саломатин В.А. Анализ трендов рынка табачных изделий в Российской Федерации // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 8(158). URL: <https://research-journal.org/archive/8-158-2025-august/10.60797/IRJ.2025.158.19?ysclid=miwxz21127863435228>. <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.158.19>.
17. Авакян Г.А. Анализ правовых механизмов в формировании экономической среды табачного рынка Российской Федерации // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16, № S3. С. 32.
18. Зубкова М.Н. Новые правила государственного регулирования на рынке табачной и никотинсодержащей продукции // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2025. № 1-2. С. 403-406.
19. Васильев Д.В. Анализ продуктовых инноваций на рынке табачной продукции // Инновации. 2021. № 11(277). С. 34-38. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2021.277.11.005>.

References

1. Pavlenko O.V., Cherkashina N.E. The current state of the market and features of identification of tobacco and tobacco products for customs purposes *Akademicheskij vestnik Rostovskogo filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii* = *Academic Bulletin of the Rostov branch of the Russian Customs Academy*. 2022;(2):33-38. (In Russ.)
2. Prokopenko R.V. The current state and prospects of development of the Russian tobacco market. In: *Ekonomika dannikh: povyshenie effektivnosti ekonomiki, trgovli i proizvodstva Rossii: sbornik nauchnykh trudov prepodavatelej VIII Mezhdunarodnoj mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* = *Data Economics: improving the efficiency of Russia's economy, trade and production : collection of scientific papers by teachers of the VIII International interuniversity scientific and practical conference*. Krasnodar: Ros. ekonom. un-t im. G.V. Plekhanova; 2024. P. 208-214. (In Russ.)
3. Zelimkhanov S.A. The market of food and material and technical means of the Russian market of tobacco and tobacco products. *Ekonomika sel'skokhozyajstvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatij* = *Economics of agricultural and processing enterprises*. 2003;(9):52-54. (In Russ.)
4. Ryutkin V., Kozlov V.A. The impact of sanctions on the market of cigarettes and tobacco raw materials in Russia. In: *Korporativnoe upravlenie i innovatika v usloviyakh transformatsionnykh protsessov : sbornik nauchnykh statej Vserossijskoj (natsionalnoj) nauchno-prakticheskoy konferentsii "Innovacii v upravlenii sotsialno-ekonomicheskimi sistemami (RCIMSS-2023)"* = *Corporate governance and innovation in the context of transformational processes : collection of scientific articles of the All-Russian (national) scientific and practical conference "Innovations in the management of socio-economic systems" (RCIMSS-2023)*. Moscow: Ros. ekonom. un-t im. G.V. Plekhanova; 2023. P. 366-370. (In Russ.)
5. Salomatin V.A. Strategies of positioning multinational corporations in the Russian tobacco market. *Ekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Economic Bulletin of Rostov State University*. 2006;(3):157-162. (In Russ.)
6. Fedorova A.A., Sviridov B.A. Optimization of budget planning in the context of regulation of the alcohol and tobacco products market: the experience of Rosalokoltabakkontrol. In: *Aktualnye problemy socialnogo upravleniya: sbornik trudov V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii* = *Actual*

problems of social management : proceedings of the V All-Russian scientific and practical conference. Moscow: Ritm; 2024. P. 188-191 (In Russ.)

7. Rasputin A.V. Real and potential threats to the economic security of the regional tobacco market. *Auditorskie vedomosti = Audit reports.* 2022;(3):169-172. (In Russ.) https://doi.org/10.56539/17278058_2022_3_169.

8. Rasputin A.V. Organizational and economic features of the formation of a regional system for ensuring the economic security of the tobacco market. *Ekonomicheskie nauki = Economic sciences.* 2023;(228):11-15. (In Russ.) <https://doi.org/10.14451/1.228.11>.

9. Chudina S.A., Agapkin A.M. Tobacco and tobacco products: classification according to HS, features of quality assessment, the current state of the Russian market. *Tovaroved prodovolstvennykh tovarov = Commodity specialist of food products.* 2022;(12):767-774. (In Russ.) <https://doi.org/10.33920/igt-01-2212-02>.

10. Babakina E.K., Muslyayeva M.O. The problem of the growth of tobacco product smuggling in the Russian Federation market and ways to solve it. In: *XXXIV Mezhdunarodnye Plekhanovskie chteniya : sbornik statej studentov = XXXIV International Plekhanov readings : collection of student articles.* Vol. 3. Moscow: Ros. ekonom. un-t im. G.V. Plekhanova; 2021. P. 9-12. (In Russ.)

11. Gorobets E.A. The tobacco market of the Russian Federation: the shadow market is shrinking, but not giving up. *Molodezhnyj vektor tamozhni = Youth vector of Customs.* 2024;(1):29-32. (In Russ.)

12. Alikhadzhiev A.A., Pozdnyakova U.A. The history of the formation of visual images in advertising on the tobacco market. *Aktualnye napravleniya nauchnykh issledovaniy XXI veka: teoriya i praktika = Current directions of scientific research of the XXI century: theory and practice.* 2015;3(3):383-387. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/13010>.

13. Alikhadzhiev A.A. Features of the organization of sponsorship in the tobacco market. *FES: Finansy. Ekonomika. Strategiya = FES: Finance. Economy. Strategy.* 2010;(11):48a-51. (In Russ.)

14. Romanova N.K. Development of the consumer market of tobacco products in Russia in the context of globalization of market relations: collection of scientific paper. Is. 22. Krasnodar: Izdatel'skii Dom – Yug; 2013. P. 196-200. (In Russ.)

15. Chaika E. Marketing audit as a tool for analyzing the tobacco market. *Chelovek i trud = Man and labor.* 2009;(9):64-68. (In Russ.)

16. Romanova N.K., Salomatin V.A. Analysis of trends in the tobacco products market in the Russian Federation. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International Scientific Research Journal.* 2025;(8). (In Russ.). Available from: <https://research-journal.org/archive/8-158-2025-august/10.60797/IRJ.2025.158.19?ysclid=miwxz2l127863435228>. <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.158.19>.

17. Avakian G.A. Analysis of legal mechanisms in the formation of the economic environment of the tobacco market of the Russian Federation. *Vestnik evrazijskoj nauki = Bulletin of Eurasian Science.* 2024;16(S3):32. (In Russ.)

18. Zubkova M.N. New rules of state regulation in the market of tobacco and nicotine-containing products. *Nauka XXI veka: aktualnye napravleniya razvitiya = Science of the XXI century: current directions of development.* 2025;(1-2):403-406 (In Russ.)

19. Vasiliev D.V. Analysis of product innovations in the tobacco market. *Innovacii = Innovations.* 2021;(11):34-38. (In Russ.) <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2021.277.11.005>.

Информация об авторе / Information about the Author

Шеметов Дмитрий Андреевич, соискатель кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: ssn46@rambler.ru,
ORCID: 00009-0003-4518-6910

Dmitry A. Shemetov, Appicante of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ssn46@rambler.ru,
ORCID: 0009-0003-4518-6910

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.10

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-172-181>

Понятие и значение тезауруса уголовно-процессуального доказывания в условиях развития цифровых технологий

Я.П. Ряполова¹✉¹Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉e-mail: yaroslavaryapolova@mail.ru

Резюме

Актуальность. В условиях высокой зрелости IT-технологий краеугольным камнем процессов цифровой трансформации уголовного судопроизводства следует признать вопросы разработки единого и непротиворечивого понятийного аппарата в сфере уголовно-процессуального доказывания. Обоснование терминологии – первый шаг на пути к решению вопроса о правовой регламентации требований, необходимых для эффективного использования электронной информации в доказательственной деятельности.

Цель – исследовать содержание и функциональную роль тезаурусного подхода к выработке единой терминологии в сфере уголовно-процессуального доказывания в условиях развития цифровых технологий.

Задачи: исследование проблем, обусловленных терминологической разобщенностью существующих в научной среде понятий, относящихся к сфере «электронного» уголовно-процессуального доказывания; определение содержания, функционального значения и структуры тезауруса уголовно-процессуального доказывания в цифровую эпоху через определение его основных компонентов, семантический анализ понятия «электронное доказательство», определение предпочтительного вектора развития отечественного законодательства в сфере закрепления основных терминов, отражающих трансформацию правового режима уголовно-процессуального доказывания в условиях развития цифровых технологий.

Методология. В работе были применены диалектический, формально-логический, юридико-догматический и системный методы.

Результаты исследования содержат теоретические положения, актуализирующие проблемы понятийного аппарата «электронного» доказывания по уголовным делам, в работе обоснована методологическая ценность тезаурусного подхода к формализации ключевых понятий уголовно-процессуального доказывания в цифровую эпоху.

Вывод. Современный этап развития электронного доказывания характеризуется глубокой терминологической разобщенностью. Тезаурус данной предметной области позволит организовать имеющиеся знания в иерархические и ассоциативные связи, унифицировать используемую терминологию, предложить законодателю легальные формулировки ключевых терминов. В ходе анализа и дифференциации терминов «электронное» и «цифровое» доказательство сделан вывод о том, что термин «электронное доказательство» является более широким и предпочтительным для легального закрепления.

Ключевые слова: тезаурус; электронное доказательство; электронная информация; уголовно-процессуальное доказывание.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №25-28-01341, <https://rscf.ru/project/25-28-01341>.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Ряполова Я.П. Понятие и значение тезауруса уголовно-процессуального доказывания в условиях развития цифровых технологий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 172–181. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-172-181>.

Поступила в редакцию 02.11.2025

Принята к публикации 28.11.2025

Опубликована 25.12.2025

© Ряполова Я.П., 2025

The concept and significance of the thesaurus of criminal procedure evidence in the context of the development of digital technologies

Yaroslava P. Ryapolova¹ 

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉e-mail: yaroslavaryapolova@mail.ru

Abstract

Relevance. Given the advanced maturity of IT technologies, the development of a unified and consistent conceptual framework for criminal procedural evidence should be recognized as a cornerstone of the digital transformation of criminal proceedings. Substantiating terminology is the first step toward resolving the issue of legally regulating the requirements necessary for the effective use of electronic information in evidentiary work.

The purpose of this study is to examine the content and functional role of the thesaurus approach to developing a unified terminology for criminal procedural evidence in the context of developing digital technologies.

Objectives: to examine the problems caused by the terminological disunity of existing scientific concepts related to the field of "electronic" criminal procedural evidence; Defining the content, functional significance, and structure of a thesaurus of criminal procedural evidence in the digital age by identifying its main components, performing a semantic analysis of the concept of "electronic evidence," and determining the preferred vector for the development of domestic legislation in codifying key terms reflecting the transformation of the legal regime of criminal procedural evidence in the context of developing digital technologies.

Methodology. The study utilized dialectical, formal-logical, legal-dogmatic, and systemic methods.

The results of the study contain theoretical propositions that highlight the problems of the conceptual framework of "electronic" evidence in criminal cases. The study substantiates the methodological value of a thesaurus approach to formalizing key concepts of criminal procedural evidence in the digital age.

Conclusion. The current stage of development of electronic evidence is characterized by profound terminological disunity. A thesaurus for this subject area will organize existing knowledge into hierarchical and associative relationships, standardize the terminology used, and offer legislators legal definitions of key terms. An analysis and differentiation of the terms "electronic" and "digital" evidence led to the conclusion that the term «electronic evidence» is broader and preferable for legal codification.

Keywords: thesaurus; electronic evidence; electronic information; criminal procedural evidence.

Funding. This research was supported by grant No. 25-28-01341 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/25-28-01341/>

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Ryapolova Y.P. The concept and significance of the thesaurus of criminal procedure evidence in the context of the development of digital technologies. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(6):172–181. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-172-181>.

Received 02.11.2025

Accepted 28.11.2025

Published 25.12.2025

Введение

Электронное доказывание сейчас находится «в стадии осмысления и теоретического обоснования» [1, с. 39], в научных трудах наблюдается неоднородность используемой терминологии: ученые оперируют понятиями «электронная информация» и «цифровая информация»,

иногда, смешивая их, указывают «электронная (цифровая) информация». Другие используют понятие «компьютерная информация», а отдельные исследователи – «электронная доказательственная информация», «информация, представленная в электронном виде» [2, с. 66]. Уголовно-процессуальный закон, в свою

очередь, регулирует возможность использования «информации, содержащейся на электронных носителях информации» (ст. 164.1 УПК РФ).

Указанная проблема препятствует формированию единой терминологии и единообразному пониманию доказательств, имеющих в своей основе информацию в электронном виде, как следствие, в сферу уголовно-процессуального доказывания проникает множество противоречивых и несогласованных терминов для обозначения электронной информации (сведений, данных) и связанных с ней понятий. Отсутствие официальной дефиниции в действующем уголовно-процессуальном законодательстве как самого понятия электронных доказательств, так и смежных, связанных с ним понятий приводит в тому, что к ним применяются общие требования, предъявляемые к доказательствам традиционного вида, что зачастую не соответствует определению сущности, форме фиксации, способам передачи, хранения, обработки и воспроизведения электронной информации. Отмеченное обуславливает известное «противоречие между традиционной консервативной следственной моделью и более современными, а поэтому эффективными методами работы с доказательственной информацией» [3, с. 276].

Методология

Исследование проведено на базе общенаучных методов познания с применением частнонаучных юридических методов: диалектический метод, юридико-догматический, формально-логический, системный и иные методы. Диалектический метод позволил исследовать тезаурус как динамическую, развивающуюся категорию, выявить противоречия между традиционными институтами доказывания и вызовами цифровых технологий и найти пути их разрешения. Системный метод исследования позволил выявить системные свойства тезауруса: целост-

ность, структурность, иерархичность, обобщить подходы к формализации понятия электронного доказательства и его места в системе доказательств традиционного вида, а формально-логический метод – представить теоретическую аргументацию для выработки единой терминологии в сфере цифровой трансформации уголовно-процессуального доказывания, построения определений, классификации понятий внутри тезауруса, выявления логических связей между ними.

Результаты и их обсуждение

Необходимость исследования «электронного доказательства» и его правовое регулирование обусловлены реальными потребностями практики, которая все чаще использует в доказывании информацию о совершенном преступлении из электронных источников [4, с. 696]. Сведения в электронной форме могут стать универсальным инструментом для установления всех обстоятельств по делу. Источниками доказательственной информации могут служить разнообразные цифровые данные. В их число входят: переписка по электронной почте и в мессенджерах, данные об активности пользователя в социальных сетях, история посещения веб-сайтов, аудио- и видеозаписи, доказательственную ценность несут метаданные и автоматические журналы (транзакций, IP-адресов, GPS-треков, электронных замков в отелях и гостиницах и т. д.), а также различные файлы с электронных носителей. В отдельных случаях электронная информация является скрытой для обычных пользователей, т. е. ее содержание невозможно изучить в обычных условиях, без специального инструментария. Это могут быть скрытые файлы, удалённая информация или дополнительные данные, содержащиеся в видеофайлах или изображениях (метаданные, репликатные данные – резервные копии, веб-кэши и временные каталоги, данные, которые хранятся в оперативной

памяти устройства, т. е. энергозависимые данные и пр.).

Бесспорным является тезис о том, что в современном доказывании стала использоваться новая форма объективизации информации – в электронном (в том числе в цифровом) виде. При этом сфера уголовно-процессуального доказывания в условиях развития цифровых технологий характеризуется многообразием и неопределенностью категорийного аппарата и, как следствие, отсутствием закрепления данных понятий на законодательном уровне. Вектор дискуссии о природе электронных доказательств не изменился, а в научном сообществе по-прежнему не выработан единый концептуальный подход относительно того, что же признавать доказательством – информацию или же ее источник (цифровой носитель, накопитель) [5, с. 111], каковы форма и содержание такого доказательства, а также процесс его «формирования».

Понятие «тезаурус», заимствованное из греческого языка (θησαυρός), дословно интерпретируется как «клад», «сокровище» или «запас». Активное использование этого термина в научном дискурсе началось с области языкознания, под тезаурусом понимался словарь, в котором термины следовали друг за другом не в привычном алфавитном порядке, а располагались в так называемых тематических классах, основой для отнесения слов в тот или иной тематический класс являлись их смысловые связи и общие характеристики [6, с. 150].

Хотя понятие «тезаурус» применялось первоначально только в языкознании, и только затем в информатике, в настоящее время оно расширило значение и стало понятием общенаучным. Сегодня исследователи понимают под тезаурусом систематизированный набор понятий, выстроенных для представления и освещения концептуального видения научной проблемы и отражающих в достаточно полной мере основные положе-

ния теории, что способствует тому, чтобы профессионалы ориентировались в идеях целостной концепции [7, с. 34].

Тезаурус предназначен для описания конкретной предметной области, каждый термин которой обозначает или описывает какое-либо понятие из данной предметной области [8, с. 89]. Важность тезаурусного подхода к формированию понятийного аппарата «электронного» уголовно-процессуального доказывания заключается в том, что он выступает методологическим инструментом для систематизации и понимания новой терминологии, формирования структурированной семантической модели, которая не просто обобщает и раскрывает определения различных понятий и раскрывает их свойства, но и устанавливает ассоциативные связи между смежными понятиями, родовидовые отношения. В определенном смысле он выступает дорожной картой «терминологического поля», на которой видны все проблемы, требующие решения: какие понятия не имеют четких определений, какие дублируют друг друга, какие противоречат друг другу.

Тезаурусный подход позволит решить многие задачи: предложить законодателю легальные формулировки ключевых терминов, организовать накопленные знания в иерархические и ассоциативные связи, унифицировать используемую терминологию, зафиксировать отношения синонимии и выбрать один основной, предпочтительный термин для использования в законе и практике (например, «электронное доказательство»), а остальные отметить как допустимые, но нежелательные синонимы; разработать единые методические рекомендации для следователей при работе с электронной информацией. Например, когда эксперт в заключении указывает «проведена верификация целостности данных с помощью сравнения хеш-сумм», следователь и судья, пользуясь тезаурусом, однозначно понимают, что это означает «доказатель-

ство не было изменено после его изъятия».

В сегодняшних реалиях классический структурированный тезаурус уголовно-процессуального доказывания в условиях развития цифровых технологий – это еще основа для интеллектуальных систем поиска и анализа, формализованная система понятий и иерархических, синонимичных, родственных связей между ними повышает эффективность алгоритмов машинного обучения для поддержки следственной и судебной деятельности.

Основным компонентом классического тезауруса являются авторизованные термины (лексические единицы, или дескрипторы), их свойства, или атрибуты, и семантические связи между терминами.

Применительно к доказательственной деятельности в эпоху цифровой трансформации дескрипторами могут выступать: «электронное доказательство», «электронный документ», «электронный образ документа», «электронный носитель информации», «электронная подпись» и т. д. Свойства раскрывают и описывают характеристики понятий из тезаурусного словаря, например, атрибутами электронной переписки являются: адрес отправителя электронного письма, дата отправления, тема, текст письма, вложения и т. д. Семантические связи между терминами определяют, как понятия соотносятся друг с другом, это преимущественно иерархические и ассоциативные, в некоторых случаях отношения вариантности, синонимии, антонимии [9, с. 46]. Например, изымаемый в ходе следственных действий электронный носитель относится, согласно ст. 164.1 УПК РФ, к вещественным доказательствам, хеш-сумма служит для подтверждения целостности видеофайла и т. д.

Применив тезаурусный подход при формализации понятия «электронное доказательство», можно прийти к следующим выводам.

В доктрине уголовного процесса термин «электронное доказательство» принято считать условным и собирательным понятием, под которым подразумевается особая категория доказательств, содержащих в своей основе информацию в электронной форме. Как отмечает М.И. Воронин, это могут быть «сведения, содержащиеся в электронном документе и / или на электронном носителе информации, на основании которых субъекты доказывания устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [10, с. 76].

Стоит начать с того, что до сих пор сохраняется неопределённость в выборе правильного наименования доказательств подобного рода, наблюдается конкуренция терминов «электронное», «цифровое» доказательство, в некоторых работах используется в качестве синонимов сочетание «электронные (цифровые) доказательства», тем самым нивелируется смысловое различие между двумя определениями.

Одни называют цифровое доказательство более корректным и точным термином, который охватывает все возможные данные – аудио-, видеоматериалы и другие типы данных, которые хранятся или создаются в цифровой форме (в виде двоичного кода), а термин «электронный» не позволяет определить все многообразие информации, содержащейся и получаемой посредством различных технических устройств [11, с. 159]. В то же время термин «цифровые доказательства» не отражает возможность использования в качестве доказательств информации, зафиксированной аналоговым устройством, но представленной с помощью компьютера, например, видеозаписей, сделанных аналоговыми камерами видеонаблюдения [12, с. 35]. Н.В. Олиндер видит причину такой терминологической путаницы в том, что «процессуали-

сты, а порой и криминалисты в своих работах просто заимствуют термин «электронный», не задумываясь о его значении в информатике» [13, с. 108]. Действительно, использование «электронный» во многих встречающихся словосочетаниях давно вышло за пределы его классического научного понимания. Современный лексикон, описывающий государственное и общественное устройство нашей страны, уже прочно включил в себя такие термины, как «электронное правительство», «электронное правосудие», «электронное средство платежа», «электронная платформа», «электронный дневник», «электронная образовательная среда» и т. д. В тексте УПК РФ также содержатся словосочетания со словом «электронный» (не «цифровой»): «электронный документ», «электронный носитель информации», «в электронном виде».

В трудах зарубежных ученых строгих различий в понятийном аппарате также не обнаружено, высокоцитируемые публикации содержат в наименованиях своих работ как термин «электронное» доказательство (*electronic evidence*, *e-evidence*), так и «цифровое» (*digital evidence*). Констатируется, что не существует единого толкования терминов, определяющих эту область: как цифровые доказательства, так и электронные доказательства являются общепринятыми терминами в научном сообществе [14, с. 18], в то же время зарубежные авторы указывают на предпочтительность использования дефиниции электронных доказательств как любых данных, полученных на выходе аналогового устройства и / или цифрового устройства, имеющие потенциальную доказательную ценность, которые генерируются, обрабатываются, хранятся или передаются любым электронным устройством [15, с. 26]. Тем самым в категорию электронных доказательств должны быть включены как доказательства, которые «изначально являются цифровыми», так и не являющиеся таковыми, но которые могли стать таковыми

в течение своего жизненного цикла (после процесса оцифровки доказательство становится «электронным», даже если оно изначально было «неэлектронным» или аналоговым). В русле подобных умозаключений стоит допускать, что с семантической точки зрения электронные доказательства – это более широкий класс, включающий как записи, «изначально цифровые», так и те, которые не содержали цифровой информации в изначальном виде, но были впоследствии «оцифрованы». Как полагает И.В. Литвинова, использование термина «электронное доказательство» позволит объединить цифровую и аналоговую формы представления данных, получаемых и обрабатываемых с помощью электронных устройств, и, соответственно, закрепит возможность их использования в доказывании [12, с. 36].

С учетом изложенного, а также в силу укорененности в действующем процессуальном законодательстве термина «электронный» считаем обоснованным определить авторизованным термином рассматриваемого тезауруса именно «электронное доказательство», закрепив «цифровое» как подкатегорию или синоним для научного оборота.

В рамках настоящей статьи не представляется возможным раскрыть все возможные ассоциативные и иерархические связи рассматриваемого понятия (с электронным документом, электронным носителем информации, изучить форму и содержание и т. д.), при этом для установления иерархической связи искомого понятия остановимся на определении места электронных доказательств в традиционной системе доказательств, поскольку в данном вопросе нет единой консолидированной позиции ученых и практиков [16, с. 225].

Одна группа исследователей ратует за то, чтобы электронные доказательства были признаны самостоятельным видом доказательств [17, с. 67], относя к ним как электронные носители информации,

так и саму электронную информацию в форме электронных документов [10, с. 74].

Другой подход выражается в недопустимости пересмотра существующей системы доказательств (ст. 74 УПК РФ). Как пишет П.С. Пастухов, уголовно-процессуальный закон допускает использование электронной доказательственной информации через понятие доказательств, под которыми понимаются «любые сведения», способные установить обстоятельства, имеющие значение для дела (ст. 74 УПК) [4, с. 705].

На нормативном уровне признак «электронности» по умолчанию включен в существующие виды доказательств, а значит, как считает П.Г. Марцифин, нет необходимости формализации понятия «электронного доказательства» в нормах закона [18, с. 108], законодатель уже предусмотрел для них «правовую нишу». При этом в теоретическом плане автор обосновывает необходимость уточнения существующей научной классификации доказательств, где основанием для выделения особой подгруппы *suī generis* стала бы форма фиксации необходимых для дела сведений (в электронном виде).

«Цифровая новелла» в ст. 164.1 УПК РФ явно демонстрирует позицию отечественного законодателя, который признает специфику электронной информации в рамках существующей системы доказательств, которая, по его мнению, вероятно, показывает свою «работоспособность» и удивительную устойчивость к современным вызовам цифровой эпохи. Ввиду изложенного, полагаем, что с практической точки зрения маловероятно выделение отдельного вида доказательств и его «прописки» в тексте УПК РФ в ближайшей перспективе.

Общность взглядов ученых состоит в том, что в целях оптимизации правовой организации уголовно-процессуального доказывания в цифровую эпоху необходимо учитывать специфические свойства данной группы доказательств (третий

компонент тезаурусного словарного определения), и исходя из этого соответствующим образом скорректировать правила работы с электронными данными, с тем чтобы наделять их статусом полноценных доказательств законными способами.

Электронные доказательства не имеют какой-либо определённой материальной формы, не существуют как единый физический объект (как бумажный документ), но требуют материального носителя для их отображения и хранения (жёсткий диск, флеш-накопитель, облачное хранилище и т. п.), а содержание таких доказательств включает в себя не только явную информацию, но и скрытые метаданные и группу системных артефактов. При этом вопрос определения надлежащей процессуальной формы такого рода доказательств является наиболее чувствительным для практики «электронного» доказывания, как замечает Л.В. Головкин, «доказательство потому и является доказательством, что информационное содержание здесь облекается в специальную процессуальную форму, иначе никакого доказательства нет» [19, с. 22].

Ненадлежащее правовое регулирование уголовно-процессуальной формы доказательств, в основе которой лежит информация в электронном виде, обедняет уголовно-процессуальное доказывание и снижает эффективность расследования [20, с. 44], электронная информация опережает законные способы ее собирания, поскольку существует огромный пласт цифровых сведений, которые невозможно подтвердить доказательствами в уголовно-процессуальном смысле [21, с. 83]. Вследствие дальнейшего увеличения доли электронных доказательств потребуются разработка новых процессуальных способов введения цифровой информации в судопроизводство, в противном случае разрыв возможностей формы и содержания будет в дальнейшем увеличиваться, в текущей ситуации это приво-

дит к адаптации появившихся способов передачи данных под нормативно предъявляемые доказательственным правом требования [22, с. 115].

Электронная информация неосязема, подвержена изменениям и уничтожению, в отличие от традиционных вещественных доказательств, электронные данные могут быть легко уничтожены, видоизменены, например, в ходе компьютерно-технической экспертизы. Цифровые данные можно бесконечно копировать, изменять и распространять без потери качества, также их характерной особенностью является то обстоятельство, что для извлечения и анализа необходимы специальные знания, например, для расшифровки удалённых данных или изучения сетевых логов. В отличие от других доказательств установить под-

линность электронных доказательств намного сложнее, а при некоторых условиях даже невозможно.

Выводы

Разработка тезауруса уголовно-процессуального доказывания в условиях развития цифровых технологий является необходимым условием для дальнейшей цифровой трансформации уголовного судопроизводства. Тезаурусный подход выступает ценным и перспективным методологическим инструментом для решения проблемы терминологической разобщенности, ревизии процессуальных способов работы с электронной информацией, создания основы для внедрения интеллектуальных систем поддержки следственной и судебной деятельности.

Список литературы

1. Зуев С.В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 3 (26). С. 46-51.
2. Баранов А.М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в. // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 64-69.
3. Дмитриева А.А., Пастухов П.С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1(1). С. 270-295.
4. Пастухов П.С. «Электронные доказательства» в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 695-707.
5. Черепских А.В. Цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4(39). С. 110-117.
6. Вейдт В.П. Становление понятия «Тезаурус» в российской педагогической науке // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2015. № 5. С. 149-155.
7. Мухина В. С. Тезаурус научной концепции: его прочтение в сферах научного сообщества // Развитие личности. 2015. № 1. С. 30-51.
8. Использование тезауруса в научно-образовательной информационной системе / А.М. Федотов, И.А. Идрисова, М.А. Самбетбаева, О.А. Федотова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Информационные технологии. 2015. Т. 13, № 2. С. 86-102.
9. Быкова С.Е. Терминология как объект тезаурусного моделирования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 25. С. 45-49.
10. Воронин М. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex Russica. 2019. № 7 (152). С. 74-84.
11. Павлова М.С. Электронные доказательства: некоторые вопросы правовой природы и терминологии // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2024. № 2. С. 155-162.
12. Литвинова И.В. К вопросу об использовании понятия «электронные доказательства» в уголовном процессе // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 1 (51). С. 33-38.

13. Олиндер Н.В. К вопросу о доказательствах, содержащих цифровую информацию // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 3. С. 107-110.
14. Mason S., Seng D. Electronic evidence. Furth edition. London University of Press, 2017. 421 p. <https://doi.org/10.14296/517.9781911507079>.
15. Biasiotti M.A., Epifani M., Turchi F. The evidence project: Bridging the gap in the exchange of digital evidence across Europe // Proceedings of the 10th International conference on systematic approaches to digital forensic engineering. Malaga, Spain, 2015.
16. Рябикина Т.К., Чистилина Д.О., Ряполова Я.П. Цифровая трансформация уголовно-процессуального доказывания: преимущества и риски // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 223-236. <https://doi.org/10.17223/15617793/516/2517>.
17. Шелегов Ю.В., Шелегов В.Г. К вопросу о классификации электронных (цифровых) доказательств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (10). С. 63-68.
18. Марфицин П.Г. Некоторые подходы к формулированию понятия «электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 106-109.
19. Головкин Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15-25.
20. Зайцев О.А. Особенности использования электронной информации в качестве доказательств по уголовному делу: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4. С. 42-57. <https://doi.org/10.12737/jflcl.2019.4.4>.
21. Шарипова А.Р. Новые источники уголовно-процессуальных и иных судебных доказательств в цифровой реальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. № 14(1). С. 73-89. <https://doi.org/10.21638/SPBU14.2023.105/>.
22. Головачук О.С., Раменская В.С. Пути совершенствования института доказательственного права в уголовном процессе России в свете цифровизации // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 4. С. 113-119. <https://doi.org/10.33184/pravgos-2023.4.13>.

References

1. Zuev S.V. Electronic evidence in criminal proceedings: concept and significance. *Poryadok: istoriya, teoriya, praktika = Law and Order: History, Theory, Practice*. 2020;(3):46-51. (In Russ.)
2. Baranov A.M. Electronic evidence: the illusion of the criminal process of the XXI century. *Ugolovnaya yusticiya = Criminal Justice*. 2019;(13):64-69. (In Russ.)
3. Dmitrieva A.A., Pastukhov P.S. The concept of electronic evidence in criminal proceedings. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023;(1):270-295. (In Russ.)
4. Pastukhov P.S. "Electronic evidence" in the normative system of criminal procedural evidence. *Permskij yuridicheskij al'manah = Perm Legal Almanah*. 2019;(2):695-707. (In Russ.)
5. Cheretskikh A.V. Digital (electronic) evidence in criminal proceedings. *Poryadok: istoriya, teoriya, praktika = Law and Order: History, Theory, Practice*. 2023;(4):110-117. (In Russ.)
6. Veydt V.P. Formation of the concept "Thesaurus" in Russian pedagogical science. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psihologiya = Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*. 2015;(5):149-155. (In Russ.)
7. Muhina V.S. Thesaurus of a scientific concept: its reading in the spheres of the scientific community. *Razvitie lichnosti = Personality Development*. 2015;(1):30-51. (In Russ.)
8. Fedotov A. M., Idrisova I.A., Sambetbaeva M.A., Fedotova O.A. Use of thesaurus in scientific and educational information system. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Informatsionnye tekhnologii = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Information Technologies*. 2015;13(2):86-102. (In Russ.)
9. Bykova S.E. Terminology as an object of thesaurus modeling. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika = Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics*. 2012;(25):45-49. (In Russ.)

10. Voronin M. Electronic evidence in the Criminal Procedure Code: to be or not to be? *Lex Russica*. 2019;(7):74-84. (In Russ.)
11. Pavlova M. S. Electronic evidence: some issues of legal nature and terminology. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo = Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*. 2024;(2):155-162. (In Russ.)
12. Litvinova I.V. On the use of the concept "electronic evidence" in criminal proceedings. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(1):33-38. (In Russ.)
13. Olinder N.V. On the issue of evidence containing digital information. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta = Legal Bulletin of Samara University*. 2017;3(3):107-110. (In Russ.)
14. Mason S., Seng D. Electronic evidence. Furth edition. London University of Press; 2017. 421 p. <https://doi.org/10.14296/517.9781911507079>.
15. Biasiotti M.A., Epifani M., Turchi F. The evidence project: Bridging the gap in the exchange of digital evidence across Europe. *Proceedings of the 10th International Conference on Systematic Approaches to Digital Forensic Engineering*. Malaga, Spain; 2015.
16. Ryabinina T.K., Chistilina D.O., Ryapolova Ya.P. Digital transformation of criminal procedural evidence: advantages and risks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*. 2025;(516):223-236. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/516/25>.
17. Shelegov Yu.V., Shelegov V.G. On the classification of electronic (digital) evidence. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*. 2019;(2):63-68. (In Russ.)
18. Marficin P.G. Some approaches to the formulation of the concept of "electronic evidence" in criminal proceedings. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;(3):106-109. (In Russ.)
19. Golovko L.V. Digitalization in criminal proceedings: local optimization or global revolution? *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*. 2019;(1):15-25. (In Russ.)
20. Zajcev O.A. Features of the use of electronic information as evidence in a criminal case: comparative legal analysis of foreign legislation. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2019;(4):42-57. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/jfcl.2019.4.4>.
21. Sharipova A.R. New sources of criminal procedural and other judicial evidence in the digital reality. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2023;14(1):73-89. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.105>.
22. Golovachuk O.S. Ways to improve the institution of evidentiary law in the criminal process of Russia in the light of digitalization. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*. 2023;(4):113-119. (In Russ.) <https://doi.org/10.33184/pravgos-2023.4.13>.

Информация об авторе / Information about the Author

Ряполова Ярослава Петровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: yaroslavaryapolova@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7587-1183

Yaroslava P. Ryapolova, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: yaroslavaryapolova@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7587-1183

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.1

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-182-191>

Ходатайство воинской части как условие приостановления уголовного преследования лица, участвующего в специальной военной операции

С.В. Шевелева^{1✉}, О.Г. Михайлова²¹Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

² Барнаульский юридический институт МВД России

ул. Чкалова, д. 49, г. Барнаул 656038, Российская Федерация

✉e-mail: decan46@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Изменения, внесенные в законодательство, закрепляющие порядок приостановления производства по уголовному делу в связи с участием подозреваемого, обвиняемого в специальной военной операции, а также последующее прекращение уголовного преследования, должны быть обеспечены четким правовым механизмом. Для принятия указанных процессуальных решений обязательным условием является ходатайство воинской части (учреждения), направленное в органы предварительного расследования. В настоящее время затруднительно оценивать правоприменительную практику по таким делам, как единообразную, что порождает правовые споры и неоднозначность толкования закона.

Цель исследования заключается в определении процессуальной природы «ходатайства» воинской части для приостановления уголовного преследования лица, участвующего в специальной военной операции.

Задачи: выявить процессуальное содержание и особенности ходатайства воинской части; установить целесообразность его существования в указанной процессуальной форме; определить необходимость законодательного закрепления обязанностей командования воинской части (учреждения) по взаимодействию с органами расследования для недопущения злоупотребления правом подозреваемым, обвиняемым.

Методология основана на общенаучных методах, таких как анализ, синтез, а также на формально-юридическом и логическом методах.

Результаты. Предложено заменить процессуальную форму «ходатайства» на «представление» для облегчения принятия следователем, дознавателем решения о приостановлении уголовного дела. Обоснована необходимость законодательного определения обязанностей воинской части (учреждения) по взаимодействию с органами предварительного расследования, по информированию о статусе военнослужащего и его изменениях, связанных с участием в специальной военной операции: гибель, ранение, дезертирство, совершение нового преступления, пропажа без вести и т. п.

Выводы. Существование инициативы воинской части в виде представления создаст четкий правовой механизм реагирования на него со стороны следователя, дознавателя, устраняя дискретность в принятии процессуальных решений. Высказана идея об установлении обязанностей командования воинской части (учреждения) по информированию органа расследования об изменениях правового статуса военнослужащего, участвующего в специальной военной операции.

Ключевые слова: ходатайство; командование; воинская часть; контракт о воинской службе; мобилизация; специальная военная операция; уголовное дело.

Финансирование: Работа выполнена в рамках Государственного задания Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности (FENM-2025-0010). Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Шевелева С.В., Михайлова О.Г. Ходатайство воинской части как условие приостановления уголовного преследования лица, участвующего в специальной военной операции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 182–191. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-182-191>.

Поступила в редакцию 07.11.2025

Принята к публикации 28.11.2025

Опубликована 25.12.2025

© Шевелева С.В., Михайлова О.Г., 2025

The petition of a military unit as a condition for suspending criminal prosecution of a person participating in a special military operation

Svetlana V. Sheveleva¹✉, Olga G. Mihailova²

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

²Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
49 Chkalova Str., Barnaul 656038, Russian Federation

✉e-mail: decan46@yandex.ru

Abstract

Relevance. The amendments made to the criminal and criminal procedure legislation, which establish the procedure for suspending criminal proceedings in connection with the participation of a suspect accused of a special military operation, as well as the subsequent termination of criminal prosecution, should be provided with a clear legal mechanism. For the adoption of these procedural decisions, a mandatory condition is a petition from a military unit (institution) sent to the preliminary investigation authorities. Currently, it is difficult to assess the law enforcement practice in such cases as uniform, which gives rise to legal disputes and ambiguity in the interpretation of the law.

The purpose of the study is to study the procedural nature of the "petition" as the basis for suspending criminal proceedings, options for its resolution by the investigator, the inquirer, determining the legal status of the command of a military unit (institution) in connection with the decision to suspend proceedings in the case.

Objective: to determine the procedural content and features of a military unit's petition as an official request for suspension of proceedings against a suspect, accused, mobilized or contracted for military service; to establish the expediency of its existence in the specified procedural form; to establish the need for legislative establishment of the duties of the command of a military unit (institution) to interact with investigative authorities in order to prevent abuse the right of the suspect, the accused.

The methodology is based on general scientific methods such as analysis, synthesis, as well as formal-logical and comparative-legal methods of interpretation.

Results. It is proposed to replace the procedural form of the "petition" with a "submission" to facilitate the decision of the investigator or inquirer to suspend the criminal case. The article substantiates the need for a legislative definition of the duties of a military unit (institution) to interact with the bodies of preliminary investigation, to inform about the status of a serviceman and his changes related to participation in a special military operation: death, injury, desertion, commission of a new crime, missing persons, etc.

Conclusions. The existence of a military unit's initiative in the form of a submission will create a clear legal mechanism for responding to it on the part of the investigator, inquirer, eliminating discreteness in making procedural decisions. The idea was expressed to establish the duties of the command of a military unit (institution) to inform the investigative body about changes in the legal status of a serviceman participating in a special military operation.

Keywords: petition; command; military unit; military service contract; mobilization; special military operation; criminal proceedings.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding: The work was carried out within the framework of the State Law on Legal Measures to Ensure Strategic Priorities for Countering Threats to National Security (FENM-2025-0010). Registration number 1024031900131-7-5.5.1

For citation: Sheveleva S.V., Mihailova O.G. The petition of a military unit as a condition for suspending criminal prosecution of a person participating in a special military operation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(6):182–191. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-182-191>.

Received 07.11.2025

Accepted 28.11.2025

Published 25.12.2025

Введение

Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ¹ в часть первую статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) внесено новое основание, закрепленное в п. 3.1, позволяющее приостановить производство по уголовному делу в связи с призывом подозреваемого или обвиняемого на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные силы Российской Федерации либо заключением ими в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы в Вооруженных силах Российской Федерации, а также прохождение ими военной службы в Вооруженных силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время².

Названное основание приостановления производства по уголовному делу по своей юридической сущности является разновидностью основания, предусмотренного п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ: «место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует»², поскольку следователь, дознаватель обладает достоверной информацией о нахождении подозреваемого, обвиняемого в рядах Вооруженных сил Российской Федерации. Вновь введенное основание приостановления производ-

ства по уголовному делу, в силу сложившейся пока неоднозначной практики его применения, требует уточнения и дальнейшего совершенствования.

Выполнению воинского долга лицом, находящимся в центре уголовной репрессии, в настоящее время законодателем отдается приоритет, как действию, направленному на обеспечение оборонных интересов, защиту территориальной целостности и обороноспособности Российской Федерации. Вместе с тем цели, стоящие перед уголовным судопроизводством, не теряют своей актуальности и значимости. Конституционное положение ст. 52 закрепляет защиту потерпевших от преступлений, обеспечение им доступа к правосудию, компенсацию причиненного ущерба³. Защита прав лиц, потерпевших от преступлений, провозглашена назначением уголовного судопроизводства в части первой ст. 6 УПК РФ.

Однако отсутствие четкого механизма правового регулирования приостановления и впоследствии прекращения производства по делу, а также отрицательная социальная реакция на принятые законодательные новеллы диктуют потребность его процессуальной детализации.

Методология

Посредством системного анализа действующих норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства возможно получение вывода о том, что стремление подозреваемого, обвиняемого к выполнению воинского долга в период мобилизации или военного положения косвенно свидетельствует в пользу его положительного посткриминального поведения.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ: [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472777/ (дата обращения: 30.10.2025).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: [ред. от 27.10.20250] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 30.10.2025).

³ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 30.10.2025).

Формально-юридический метод позволил установить динамичность реформирования нормативной базы, регламентирующей сферу уголовно-правовых отношений в связи с ведением специальной военной операции, что породило неоднозначное толкование правоприменителем отдельных правовых норм. Логический метод дал возможность определить границы юридической фиксации процедуры приостановления производства по уголовному делу не только в рамках норм Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РФ, но и специальных норм федеральных законов и иных подзаконных актов, что создает конкуренцию норм, затрудняющую принятие процессуальных решений.

Результаты и их обсуждение

Возможность максимально укрепить обороноспособность в разные исторические периоды развития нашего государства используется законодателем не впервые путем внесения в законодательство норм, регламентирующих исполнение воинского долга лицами, совершившими преступления. Исторический опыт позволяет судить о том, что подобные механизмы на конкретном этапе доказали свою эффективность. Так, например, С.М. Воробьев полагает, что «фактической формой возмещения (заглаживания) морального вреда в советское время было направление военнослужащих в процессе боевых действий в штрафные подразделения» [1, с. 60]. Анализируя военно-исторический опыт России, согласимся, что «прообразом штрафных подразделений времен Великой Отечественной войны могли выступать дисциплинарные батальоны, существовавшие в Российской империи в XIX в. на основании Военно-уголовного устава 1839 г. и Воинского устава о наказаниях 1868 г.» [1, с. 61].

В сложных и опасных для государства условиях, когда под угрозу ставится его территориальная целостность и безопасность, очевидно, что подобные ре-

шения являются вынужденным инструментом поиска дополнительного «человеческого ресурса». Подобную позицию высказывает и Л.В. Головкин, отмечая общность целей участия в военных действиях военнослужащих, призванных в штрафные батальоны во время Великой Отечественной войны, и подозреваемых, обвиняемых, заключивших контракт для участия в специальной военной операции, в отношении которых уголовное преследование впоследствии прекращается [2, с.14].

Вместе с тем, как справедливо отмечает В.Ю. Стельмах, законодатель отступает от общего правила, закрепленного в п. «в» ч. 3 ст. 23 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»¹, поскольку в современных реалиях «данное основание приостановления предварительного расследования введено в УПК РФ специально для применения ст. 78.1 УК РФ и ст. 28.2 УПК РФ, чтобы остановить процессуальную деятельность по делу на время участия обвиняемого (подозреваемого) в боевых действиях...» [3, с. 81].

Принимая во внимание процессуальные права следователя и его самостоятельность в принятии процессуального решения о приостановлении производства по уголовному делу в контексте рассматриваемого основания, отметим неоднозначность позиций ученых-процессуалистов по этому вопросу. Так, Л.В. Головкин указывает на дискуссионность вопросов, связанных с приостановлением и последующим прекращением уголовного преследования в отношении участников специальной военной операции, ввиду неурегулированности механизма принятия и реализации указанных процессуальных решений [4, с. 7]. И.Э. Звечаров

¹ О воинской обязанности и военной службе: Федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ : [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/ (дата обращения: 05.10.2025).

ский также отмечает несовершенство юридических конструкций норм ст. 78.1 УК РФ и 28.1 УПК РФ, «содержащих обязательное условие прекращения уголовного преследования – предыдущее приостановление предварительного расследования на основании ходатайства воинской части (учреждения), полагая, что лишь наличие факта награждения лица государственной наградой является безусловным основанием для освобождения от уголовной ответственности, а не призыв на военную службу, который порождает только приостановление уголовного преследования» [5, с. 49].

В связи с этим отметим, что иного процессуального механизма реагирования на ситуацию, когда обвиняемый (подозреваемый) убывает в расположение воинской части после заключения контракта, кроме приостановления производства по уголовному делу, не существует.

Л.В. Головкин справедливо отмечает невозможность прекращения уголовного преследования без предварительного прекращения, отмечая, что «п. 3.1 ч. 1 ст. 208 и ст. 28.1 УПК РФ ни при каких условиях не могут существовать в отрыве друг от друга, а прекращение уголовного преследования без предварительного приостановления исключено» [4, с. 8]. Подобной позиции придерживается А.В. Бриллиантов, отмечая формальность соблюдения условия о предварительном приостановлении уголовного преследования на основании ходатайства воинской части и лишь затем – возможность его прекращения [6, с. 21].

Интересна точка зрения К.Б. Калиновского, который отмечает, что приостановление производства по уголовному делу не требует обязательного условия в виде ходатайства воинской части (учреждения), а полагает возможным приостановление на основании ходатайства стороны защиты, поданного в общем порядке [7, с. 33].

В целях защиты интересов подозреваемого, обвиняемого возможна подача ходатайства о приостановлении производства по делу, например, близкими родственниками или родственниками обвиняемого, которым известно о его мобилизации или заключении им контракта о военной службе [8, с. 38]. Обстоятельствами, побуждающими иных участников обратиться с таким ходатайством, могут являться: отсутствие ходатайства воинской части, поданного своевременно, отсутствие у воинской части информации о том, что в отношении лица ведется уголовное преследование [9, с. 127]. Отметим, что намерение подозреваемого, обвиняемого участвовать в специальной военной операции с позиции общеправового подхода не обязывает его подавать соответствующее ходатайство следователю, дознавателю, оставаясь его правом. При этом поступление такого ходатайства обязывает следователя, дознавателя, подтвердить факт заключения контракта о военной службе обвиняемым или его призыва в период мобилизации. Названная информация должна найти аргументационное отражение в постановлении о приостановлении производства по делу, а также подтверждаться материалами дела. Очевидно, что ходатайство, направленное воинской частью (учреждением), обладая всеми признаками официального документа, достоверно подтверждает указанный факт и не требует длительной проверки, что облегчает работу следователя, дознавателя.

Одной из проблем, связанных с приостановлением производства по делу, представляется форма инициирования этого решения. Рассматриваемое основание, закрепленное в п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, является единственным, где решающая роль отведена ходатайству командования воинской части (учреждения). О неопределенности такой процессуальной формы применительно к указанному основанию нами уже говорилось

ранее при анализе вновь введенного основания приостановления [10, с. 214].

Постановление Пленума Верховного Суда № 39 от 17 декабря 2024 г. указывает на обязательность получения ходатайства командования воинской части для приостановления производства по п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, однако не разъясняет особенности процессуального порядка приостановления производства по уголовному делу, по сути дублируя действующую редакцию ч. 9 ст. 208 УПК РФ. Таким образом, исполнение процессуальной обязанности должностным лицом, ведущим уголовное преследование, ставится в зависимость от инициативы командования воинской части (учреждения), обратившегося с ходатайством. Коррелирующая норма части 1.1 ст. 119 УПК РФ определяет подачу ходатайства именно как право, а не обязанность командования воинской части. В связи с этим очевидно, что формулировка действующей нормы ч. 9 ст. 208 УПК РФ не дает однозначного понимания ни о процессуальном порядке получения такого ходатайства, ни об основаниях, по которым можно отказать в удовлетворении ходатайства командования воинской части.

Процессуальная форма «ходатайство», регламентированная гл. 15 УПК РФ, определена как обращение участника уголовного судопроизводства или иного лица с просьбой к соответствующему должностному лицу или суду. Кроме того, ходатайство, исходящее от командования воинской части – официальная просьба, позволяющая убедиться в достоверности факта заключения обвиняемым контракта о военной службе или мобилизации указанного лица для выполнения воинского долга.

По смыслу закона ходатайство предполагает возможные варианты его решения: удовлетворение, полный или частичный отказ в удовлетворении хода-

тайства с вынесением мотивированного постановления¹.

Однако в контексте основания приостановления производства по делу, предусмотренного п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, с учетом разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, ходатайство командования воинской части (учреждения) подлежит обязательному удовлетворению [11, с. 49–50]. Отсутствие такого ходатайства в материалах дела является процессуальным нарушением и основанием для возвращения дела прокурором, что подтверждается судебной практикой.

Так, Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ рассмотрено уголовное дело по кассационной жалобе Д. В материалах дела имеется судебное решение суда кассационной инстанции, который отказал в прекращении уголовного преследования Д. и применении норм ст. 78.1 УК РФ, ссылаясь на отсутствие решения о приостановлении уголовного дела по п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, ввиду отсутствия ходатайства об этом командования воинской части². В этом же судебном решении Судебная коллегия обратила внимание на важность проверки достоверности сведений о заключении контракта о прохождении службы в зоне специальной военной операции.

Представляется, что принятие обобщенного решения следователем, дознавателем возможно лишь при выполнении соответствующих обязанностей командо-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: [ред. от 31.07.2025 : с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 05.10.2025).

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.06.2025 № 56-УДП25-10-К9 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 05.10.2025).

ванием воинской части (учреждения). В действующем уголовно-процессуальном законодательстве эти обязанности не закреплены, а командование воинской части (учреждения) является участником уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом.

Существующий порядок взаимодействия между органами предварительного расследования и командованием воинских частей (учреждений) закреплен подзаконными правовыми актами и не создает четкого уголовно-процессуального механизма [12, с. 54].

Учитывая это обстоятельство, можно говорить об утрате следователем, дознавателем процессуальной самостоятельности в принятии решения, в определении дальнейшего движения уголовного дела, оценке целесообразности приостановления производства исходя из тяжести совершенного преступления, его общественной опасности, характеристики личности обвиняемого. Полагаем это одним из факторов, провоцирующих в перспективе социальную напряженность и перенос ответственности за принятое процессуальное решение на командование воинской части, не имеющее процессуальных полномочий, что по смыслу уголовно-процессуального закона недопустимо.

Вместе с тем в деятельности органов предварительного расследования существуют случаи отказа в удовлетворении ходатайства командования воинской части.

В подтверждение этой позиции приведем результаты исследования, проведенного И.Н. Нуриевым и М.А. Тропиной, основанные на изучении практики следственных органов Дальневосточного федерального округа, которые обнаруживают единообразие подхода региональных вышестоящих следственных и надзорных органов к ситуации, в которой по уголовному делу трижды принимались решения об отказе в удовлетворении ходатайства командования пункта отбора

на военную службу по контракту [13, с. 79]. Указанные решения принимались в отношении одного обвиняемого, которому было предъявлено обвинение в совершении более 15 особо тяжких преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств в различных регионах Российской Федерации, содержащегося под стражей. Несмотря на неоднократное обжалование решений следователя стороной защиты, решения следователя не были отменены ни вышестоящими, ни надзорными органами [13, с. 80].

В данном контексте заслуживает внимания позиция В.Ю. Стельмаха о том, что приостановление предварительного расследования по этому основанию, как и по любым другим основаниям, допускается по инициативе следователя (дознавателя), но с учетом специфики именно этого основания закон дополнительно предусматривает особого субъекта – командование воинской части, правомочного ставить перед следователем (дознавателем) вопрос о приостановлении предварительного расследования [14, с. 51].

Вместе с тем нельзя исключить возможность прекращения приостановленного уголовного дела по иным основаниям, связанным с личностью обвиняемого. К таковым можно, по нашему мнению, отнести смерть обвиняемого, наступившую в результате участия в военной операции, пропажу без вести, незаконное оставление расположения воинской части, ранение, заболевание и иные причины, влекущие впоследствии принятие решения о прекращении уголовного дела. Указанной информацией о лице, участвующем в специальной военной операции, достоверно владеет только командование воинской части (учреждения).

Отметим также, что нельзя исключить злоупотребления правом со стороны подозреваемых, обвиняемых, которые в ряде случаев используют заключение контракта о военной службе как способ затягивания сроков, полагая, что уголовное дело будет впоследствии прекраще-

но, поскольку командование воинской части не обязано сообщать следователю о том, участвует ли в действительности военнослужащий в боевых действиях [15, с. 311].

Представляется целесообразным возложить обязанность информирования следователя, дознавателя о возникновении таких обстоятельств на командование воинской части (учреждения), расширив и конкретизировав уже существующее предписание ч. 2 ст. 78.2 УК РФ. Согласимся с предложением, высказанным И.Н. Нуриевым и М.А. Тропиной [13, с. 79], о необходимости разработки и внесения в уголовно-процессуальное законодательство дополнений, закрепляющих права и обязанности командования воинской части (учреждения) и процессуальный порядок их взаимодействия со следственными органами в связи с заключением подозреваемым, обвиняемым контракта о военной службе или мобилизованным для ее прохождения в соответствующий период времени.

Полагаем целесообразным придать волеизъявлению командования воинской части процессуальную форму – представление, которое отражало бы объективную юридически значимую информацию о лице, призванном на военную службу в порядке мобилизации, заключившем контракт о прохождении военной службы: наличие приказа воинского подразделения по личному составу, дата его издания, подтверждение факта прохождения службы в период мобилизации, военного положения или военного времени, а также отражало бы необходимость рассмотреть вопрос о приостановлении предварительного расследования в

связи с указанными обстоятельствами в отношении конкретного лица.

Выводы

Приостановление производства по уголовному делу – важнейшее решение, определяющее движение уголовного дела. В случаях приостановления производства по уголовному делу в связи с заключением подозреваемым, обвиняемым контракта о военной службе или мобилизации названное решение закладывает вектор для принятия решения о прекращении уголовного дела и уголовного преследования. В связи с этим на основе анализа приведенных правовых положений и результатов научных исследований полагаем целесообразным внести следующие изменения в уголовно-процессуальное законодательство:

– инициативу воинской части о приостановлении уголовного преследования изменить с «ходатайства командования воинской части (учреждения)» на «представление командования воинской части (учреждения)»;

– установить срок подачи представления воинской части – не позднее 3 суток со дня признания подозреваемого или обвиняемого годным к воинской службе;

– установить обязанности воинской части (учреждения), связанные с информированием следователя, дознавателя об исполнении, прекращении, изменении, продлении подозреваемым, обвиняемым контракта о военной службе или воинских обязанностях в период мобилизации или в военное время, либо изменения его статуса, обусловленного участием в специальной военной операции, с направлением подтверждающих материалов в орган предварительного расследования.

Список литературы

1. Воробьев С.М. Предпосылки заглаживания морального вреда потерпевшим посредством направления в штрафные подразделения // История государства и права. 2015. № 18. С. 60-63.
2. Нам нужно определиться с моделью уголовного процесса для его дальнейшего развития: [интервью с Л.В. Головкин] // Закон. 2024. № 4. С. 8-20.
3. Стельмах В.Ю. Прекращение уголовного преследования мобилизованного военнослужащего // Уголовное право. 2024. № 11. С. 75-83.

4. Головки Л.В. Дискуссионные вопросы приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении участников специальной военной операции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96). С. 5-10.
5. Звечаровский И.Э. Новый вид освобождения от уголовной ответственности: минусы и плюсы законодательной регламентации // Законность. 2024. № 10. С. 48-49.
6. Бриллиантов А.В. О новом основании освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. 2025. № 1. С. 19-25.
7. Калиновский К.Б. Что учесть при освобождении от ответственности участников СВО // Уголовный процесс. 2023. № 11. С. 32-33.
8. Рыжаков А.П., Заливин А.Н. Новые процессуальные институты прекращения уголовного дела в отношении участника СВО. Возможное применение // Уголовный процесс. 2023. № 11. С. 36-39.
9. Нуриев И.Н. Новые правила прекращения уголовного преследования в отношении подозреваемого (обвиняемого), участвующего в специальной военной операции: теоретические и практические аспекты // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 124-130.
10. Михайлова О.Г. Новое основание приостановления предварительного расследования требует уточнения // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2025. № 25. С. 213-215.
11. Ермолович Я.Н. Совершенствование уголовно-правовых средств реализации уголовной ответственности военнослужащих (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 23 марта 2024 г. N 64-ФЗ) // Право в Вооруженных Силах. 2024. № 6. С. 45-53.
12. Овчинников Ю.Г. Развитие уголовно-процессуального законодательства в связи с проведением СВО // Законность. 2025. № 5. С. 51-56.
13. Нуриев И.Н., Тропина М.А. Проблемы приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении подозреваемого (обвиняемого), привлекаемого для прохождения военной службы // Уголовное право. 2025. № 8. С. 74-80.
14. Стельмах В.Ю. Приостановление предварительного расследования в отношении обвиняемого (подозреваемого), участвующего в боевых действиях // Законность. 2024. № 10. С. 50-55.
15. Харунжа В.В., Насруллоев Ш.С. Приостановление и прекращение уголовного дела в связи с участием в СВО // Вопросы российской юстиции. 2025. № 38. С. 305-312.

Reference

1. Vorobyov S.M. Prerequisites for making amends for moral harm to victims by sending them to penal units. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the State and law*. 2015;(18):60-63. (In Russ.)
2. We need to determine the model of the criminal process for its further development [Interview with L.V. Golovko]. *Zakon = Law*. 2024;(4):8-20. (In Russ.)
3. Stelmakh V.Y. Termination of criminal prosecution of a mobilized serviceman. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*. 2024;(11):75-83. (In Russ.)
4. Golovko L.V. Controversial issues of suspension and termination of criminal prosecution against participants in a special military operation. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025;31(1):5-10. (In Russ.)
5. Zvecharovsky I.E. A new type of exemption from criminal liability: cons and advantages of legislative regulation. *Zakonnost' = Legality*. 2024;(10):48-49. (In Russ.)
6. Brilliantov A.V. On the new basis for exemption from criminal liability. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*. 2025;(1):19-25. (In Russ.)
7. Kalinovskiy K.B. What to consider when releasing participants from their responsibility. *Ugolovnoe pravo = Criminal process*. 2023;(11):32-33. (In Russ.)
8. Ryzhakov A.P., Zalivin A.N. New procedural institutions for the termination of criminal proceedings against a participant in the SVO. Possible application. *Ugolovnyi protsess = Criminal procedure*. 2023;(11):36-39. (In Russ.)

9. Nuriev I.N. New rules for the termination of criminal prosecution against a suspect (accused) participating in a special military operation: theoretical and practical aspects. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* = *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;(2):124-130. (In Russ.)
10. Mikhailova O.G. The new grounds for suspending the preliminary investigation require clarification. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami* = *Current problems of combating crimes and other offenses*. 2025;(25):213-215. (In Russ.)
11. Ermolovich Ya.N. Improving the criminal law means of implementing criminal liability of military personnel (scientific and practical commentary to the Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" dated March 23, 2024 No. 64-FZ). *Pravo v Vooruzhennykh Silakh* = *Law in the Armed Forces*. 2024;(6):45-53. (In Russ.)
12. Ovchinnikov Yu.G. The development of criminal procedure legislation in connection with the conduct of the SVO. *Zakonnost'* = *Legality*. 2025;(5):51-56. (In Russ.)
13. Nuriev I.N., Tropina M.A. Problems of suspension and termination of criminal prosecution against a suspect (accused) involved in military service. *Ugolovnoe pravo* = *Criminal Law*. 2025;(8):74-80. (In Russ.)
14. Stelmakh V.Y. Suspension of the preliminary investigation against the accused (suspect) participating in hostilities. *Zakonnost'* = *Legality*. 2024;(10):50-55. (In Russ.)
15. Kharunzha V.V., Nasrulloev S.S. Suspension and termination of a criminal case in connection with participation in the SVO. *Voprosy Rossiiskoi yustitsii* = *Issues of Russian Justice*. 2025;(38):305-312. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: decan46@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-8358-8924

Svetlana V. Sheveleva, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Dean of the Faculty of Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: decan46@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-8358-8924

Михайлова Ольга Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, Барнаульский юридический институт МВД России, г. Барнаул, Российская Федерация,
e-mail: olga-mikhailova@yande.ru,
ORCID: 0000-0003-1888-9488

Olga G. Mikhailova, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russian Federation,
e-mail: olga-michailova@yande.ru,
ORCID: 0000-0003-1888-9488

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.1

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-192-201>**Самостоятельность руководителя следственного органа: понятие и аспекты реализации****Ф.О. Бочковский^{1,2}**

¹ Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации
набережная реки Мойки, д. 96, г. Санкт-Петербург 190000, Российская Федерация

² Следственный отдел по Мотовилихинскому району г. Пермь Следственного управления Следственного комитета России по Пермскому краю
бульвар Гагарина, д. 55, г. Пермь 614070, Российская Федерация

✉ e-mail: felixmers@yahoo.com

Резюме

Актуальность. Эффективность предварительного следствия во многом обусловлена качественным руководством соответствующими органами. Гарантом этого выступают четко очерченные уголовно-процессуальные и управленческие полномочия руководителя следственного органа, зафиксированные в нормативно-правовых актах. В то же время профессиональный статус данного субъекта уголовно-процессуальных отношений неоднократно подвергался преобразованиям, часть из которых весьма существенно изменили его. На первый взгляд все трансформации привели к формированию самостоятельной фигуры среди участников уголовного судопроизводства, однако до сих пор в доктрине не сформулировано понятие и пределы самостоятельности руководителя следственного органа. Неоднозначность подходов к содержательному наполнению исследуемого термина стала основой для возникновения исследовательского интереса автора.

Цель исследования состоит в содержательном наполнении понятия «самостоятельность руководителя следственного органа» и определении его пределов.

Задачи. К числу исследовательских задач отнесены: изучение понятий «самостоятельность» и «процессуальная самостоятельность»; анализ научных взглядов на проявления самостоятельности лиц, ведущих предварительное расследование, и руководителя следственного органа; предложение авторского видения определения понятия «самостоятельность руководителя следственного органа».

Методология. В качестве методологической основы исследования был взят диалектический метод, позволивший обнаружить взаимосвязи исследуемого термина со смежными понятиями уголовно-процессуальной доктрины. Использование общенаучных методов анализа и синтеза, индукции и дедукции предоставило возможность сконструировать авторскую дефиницию искомого понятия и определить ее границы.

Результаты. Самостоятельность как свойство правового статуса руководителя следственного органа не следует рассматривать как тождественное аналогичной характеристике следователя.

Вывод. Самостоятельность руководителя следственного органа проявляется как в уголовно-процессуальном, так и в организационном аспектах. Первый из них предполагает право по своему усмотрению определять ход расследования и констатировать достижение пределов доказывания, второй проявляется через самостоятельное решение управленческих вопросов внутри подчиненного ему органа предварительного следствия.

Ключевые слова: предварительное следствие; процессуальная самостоятельность; процессуальный статус; руководитель следственного органа; самостоятельность следователя.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Бочковский Ф.О. Самостоятельность руководителя следственного органа: понятие и аспекты реализации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 192–201. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-192-201>.

Поступила в редакцию 07.11.2025

Принята к публикации 28.11.2025

Опубликована 25.12.2025

© Бочковский Ф.О., 2025

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2025;15(6):192-201

Autonomy of the head of the investigative body: concept and aspects of realization

Felix O. Bochkovsky^{1,2✉}

¹Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
96 Moika River Embankment, St. Petersburg 190000, Russian Federation

²Investigation Department for Motovilikhinsky District in Perm, Investigation Department of the Investigation Committee of Russia for the Perm Region
55 Gagarin Boulevard, Perm 614070, Russian Federation

✉e-mail: felixmers@yahoo.com

Abstract

Relevance. The effectiveness of the preliminary investigation is largely due to the quality management of the relevant bodies. This is guaranteed by clearly delineated criminal procedural and managerial powers of the head of the investigative body, fixed in normative legal acts. At the same time, the professional status of this subject of criminal procedural relations has been repeatedly subjected to transformations, some of which have changed it quite significantly. At first glance, all transformations have led to the formation of an independent figure among the participants of criminal proceedings, but so far the doctrine has not formulated the concept and limits of independence of the head of the investigative body. The ambiguity of approaches to the content of the term under study became the basis for the emergence of the author's research interest.

The purpose of the study is to provide the content of the concept of 'independence of the head of the investigative body' and to determine its limits.

Objectives. The research objectives include the study of the concepts of 'autonomy' and 'procedural autonomy', analysis of scientific views on the manifestations of autonomy of persons conducting preliminary investigation and the head of the investigative body, proposing the author's vision of the definition of the concept of 'autonomy of the head of the investigative body'.

Methodology. The dialectical method was taken as the methodological basis of the study, which allowed to discover the interrelationships of the term under study with related concepts of criminal procedure doctrine. The use of general scientific methods of analysis and synthesis, induction and deduction provided an opportunity to construct the author's definition of the sought concept and determine its boundaries.

Results. Independence as a property of the legal status of the head of the investigative body should not be considered as identical to the similar characteristic of the investigator.

Conclusion. The autonomy of the head of the investigative body is manifested in both criminal procedure and organisational aspects. The first of them implies the right to determine at his discretion the course of investigation and to state the achievement of the limits of proof, the second is manifested through the independent decision of management issues within the subordinate body of preliminary investigation.

Keywords: preliminary investigation; procedural autonomy; procedural status; head of the investigative body; investigator's autonomy.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bochkovsky F.O. Autonomy of the head of the investigative body: concept and aspects of realization. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(6):192–201. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-192-201>.

Received 07.11.2025

Accepted 28.11.2025

Published 25.12.2025

Введение

Традиционно в науке уголовного процесса термин «самостоятельность» используется в контексте описания дея-

тельности следователя. В данном аспекте он давно получил свою дефиницию, пусть даже и не всегда мнения ученых относительно его сущности сходятся. В

то же время представляется, что подобная характеристика может быть распространена и на руководителя следственного органа, который наравне со следователем выступает на стороне обвинения в досудебном производстве по уголовному делу. При этом обращает на себя внимание тот факт, что самостоятельность руководителя следственного органа как основополагающая характеристика его профессионального статуса в большинстве случаев остается за пределами научных интересов представителей уголовно-процессуальной науки, что определяет актуальность ее исследования. Кроме того, следует учитывать и то, что руководитель следственного органа в уголовном судопроизводстве выступает не только как участник соответствующих процессуальных отношений. Одновременно он является и должностным лицом, возглавляющим подчиненный ему орган предварительного расследования. Оба названных направления своей деятельности руководитель следственного органа осуществляет самостоятельно, однако комплексные исследования дуалистичности проявления данного признака в уголовно-процессуальной науке отсутствуют.

Методология

Необходимость рассмотрения понятия «самостоятельность» применительно к различным субъектам уголовно-процессуальных отношений обусловила обращение к всеобщему диалектическому методу познания. Исследование также основано на использовании широкого спектра общенаучных и частнонаучных методов, среди которых можно назвать анализ и синтез, индукцию и дедукцию, формально-юридический и функциональный методы.

Результаты и их обсуждение

Представляется, что анализ самостоятельности руководителя следственного органа и оценку ее влияния на деятельность подчиненных ему следователей це-

лесообразно начать с изучения соответствующей характеристики применительно к лицу, непосредственно ведущему предварительное следствие.

Стоит при этом учитывать, что самостоятельность не должна приравниваться к независимости, это разные по содержанию понятия. Говоря о независимости, нельзя не отметить, что данный термин в общесловарном смысле означает отсутствие какой-либо подчиненности¹, в то же время самостоятельность определяется как «способность к независимым действиям, суждениям, обладание инициативой»². Таким образом, независимость в большей степени относится к внешней стороне деятельности, тогда как самостоятельность – к внутренней, субъективной. С очевидностью можно заключить, что в рамках уголовно-процессуальной деятельности ни один ее субъект не может быть охарактеризован как абсолютно свободный от необходимости взаимодействия с кем-либо, но можно утверждать о возможности принимать некоторые решения по своей воле. Такой подход в полной мере применим и к лицам, ведущим предварительное следствие, будь то следователь или руководитель следственного органа.

Пункт 3 ч. 2 ст. 38 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) закрепляет за следователем право самостоятельного определения хода расследования уголовного дела³. На основании данного положения в уголовно-

¹ См. Толковый словарь С.И. Ожегова онлайн: сайт. URL: <https://slova-rozhegova.ru/word.php?wordid=16544> (дата обращения: 01.10.2025).

² Толковый словарь Д.И. Ушакова онлайн: сайт. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=67708> (дата обращения: 01.10.2025).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.10.2025)

процессуальной науке уже долгое время провозглашается тезис о процессуальной самостоятельности следователя. Ряд авторов базируют соответствующий вывод также и на положениях ч. 1 ст. 17 УПК РФ, согласно которой следователь вправе свободно оценивать доказательства, основываясь лишь на законе и совести [1, с. 143-144]. В то же время содержательное наполнение соответствующего понятия различается среди разных ученых.

Так, еще среди представителей советской науки уголовного процесса можно встретить мнение о том, что самостоятельность для следователя означает право соответствующего лица на свое усмотрение определять движение расследования и решать все имеющие значение для этого вопросы [2, с. 64]. Обращает на себя внимание тот факт, что в советское время процессуальная самостоятельность следователя во многом выходила на первый план при характеристике его правового положения. Такой вывод можно сделать, основываясь на высказывании М.С. Строговича о том, что данный субъект «наделен широкими полномочиями для успешного ведения следствия и для избрания совершивших преступление лиц» [3, с. 228]. Из числа современных исследователей схожей точки зрения придерживаются, например, А.Р. Вартанов [4, с. 1311], М.А. Кунашев¹, Н.А. Моругина и Ю.В. Горшков [5, с. 213], П.М. Стольников [6, с. 54]. Стоит при этом отметить, что в последнее время среди сторонников данного подхода часто встречается термин «усмотрение», в который закладывается как раз-таки свобода выбора следователем вариантов осуществления расследования [7, с. 121].

Вторая точка зрения на процессуальную самостоятельность следователя отождествляет искомую характеристику с обязанностью названного лица осуществлять полноту своих полномочий в

рамках расследования конкретного уголовного дела. В таком аспекте ее рассматривает, например, А.Н. Огородов². Более широко на самостоятельность смотрят К.А. Московцева, А.В. Скачко, А.В. Макеев, которые вполне справедливо утверждают, что ее нельзя сводить только к обязанности, а закладывать в нее в том числе и ответственность за принимаемые процессуальные решения и совершаемые процессуальные действия, и в целом рассматривать как совокупность полномочий³.

Наконец, стоит упомянуть исследователей, которые предлагают рассматривать процессуальную самостоятельность следователя в качестве принципа уголовного судопроизводства. Подобное мнение высказывается, в частности, А.М. Багметом и Т.О. Розовской [8], Н.В. Пьянковой [9].

Изучение сложившихся в уголовно-процессуальной доктрине мнений относительно процессуальной самостоятельности следователя приводит к выводу о неоднозначности ее понимания. В то же время она является важной составляющей профессионального статуса данного лица и, более того, характерна не только для названного субъекта. Представляется, что целесообразно рассматривать процессуальную самостоятельность следователя в качестве уголовно-процессуальной автономии воли соответствующего субъекта в ходе осуществления предварительного следствия, реализуемой посредством взаимосвязанной системы полномочий.

² Огородов А.Н. Процессуальная самостоятельность следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 9.

³ Московцева К.А., Скачко А.В., Макеев А.В. Организационные и процессуальные основы ведомственного контроля руководителя следственного органа в досудебном производстве по уголовным делам / под ред. Д.А. Иванова. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2024. С. 41-42.

¹ Кунашев М.А. Усмотрение следователя в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 5.

Столь пристальное внимание к процессуальной самостоятельности следователя в рамках настоящего исследования вполне оправданно. Осмысление доктринальных взглядов на нее применительно к лицу, непосредственно осуществляющему предварительное следствие, позволит определить ее содержание и границы в отношении руководителя следственного органа, поскольку в отношении данного участника уголовно-процессуальных отношений практически не проводилось соответствующих исследований.

Руководитель следственного органа, появление которого является новеллой УПК РФ в редакции 2007 г., отнесен к числу обязательных в силу закона субъектов уголовно-процессуальных отношений на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Опустив научную критику введения в число участников уголовного процесса данного субъекта, отметим, что его статус подвергся значительным изменениям по сравнению с начальником следственного отдела, о котором говорилось в предыдущей редакции УПК РФ и ранее действующих актах. К их числу можно отнести как организационные, так и уголовно-процессуальные трансформации. О необходимости проведения различий между «административными» и «процессуальными» полномочиями достаточно часто говорят представители уголовно-процессуальной науки, например, О.В. Колесников [10, с. 4], С.Б. Россинский¹.

В настоящее время руководитель следственного органа выступает в двояком статусе: как должностное лицо, осуществляющее организационно-управленческие полномочия в отношении подчиненных ему следователей, и как участник уголовно-процессуальных отношений, имеющий собственную компетенцию в уголовном судопроизводстве. Оба

названных направления своей деятельности руководитель следственного органа осуществляет самостоятельно².

Многогранность полномочий руководителя следственного органа признают многие ученые, однако вкладывают в данный признак различное содержательное наполнение. Стоит также отметить, что в большинстве научных публикаций исследованию подвергаются исключительно уголовно-процессуальные полномочия рассматриваемого нами лица. Так, В.А. Шабунин, анализируя функции соответствующего субъекта, подчеркивает их «бифункциональный» характер [11, с. 213]. Однако, по нашему мнению, несмотря на важность уголовно-процессуальной составляющей правового статуса руководителя следственного органа, ею он не ограничивается, что позволяет распространять самостоятельность и на управленческие полномочия данного участника уголовного судопроизводства.

Н.В. Пьянкова в своем диссертационном исследовании высказала весьма нетрадиционное для отечественной науки уголовного процесса предложение о возможности «слияния» самостоятельности следователя и руководителя следственного органа, опираясь на единство проявления самостоятельности в деятельности названных субъектов в противопоставлении их другим лицам, в частности прокурору³. Однако такому предложению можно возразить тем, что объем прояв-

² В ходе исследования полномочий руководителя следственного органа автором настоящей публикации было проведено анкетирование 1236 работников органов предварительного следствия различной ведомственной подчиненности. При этом все респонденты согласились с выделением двух названных аспектов правового положения руководителя следственного органа.

³ Пьянкова Н.В. Реализация принципа самостоятельности и независимости следователя, руководителя следственного органа во взаимоотношениях с прокурором и судом: дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2023. С. 29.

¹ Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 41

ления самостоятельности в деятельности данных участников уголовного судопроизводства реализуется не только во внешних отношениях с другими лицами, но и в их взаимодействиях между собой, и в этом аспекте он, безусловно, различен и проявляется по-разному. Как справедливо отмечает Н.В. Азаренок, размежевание функций должностных лиц, реализующих одну и ту же процессуальную функцию, является одной из потребностей современного уголовного процесса¹.

Признание самостоятельности руководителя следственного органа соответствует и намечающейся в последние годы в уголовно-процессуальной доктрине тенденции к признанию самостоятельности за следственным органом в целом. И.С. Дикарев, например, отмечая, что в большинстве случаев процессуальные решения, принимаемые в ходе предварительного следствия, требуют участия в них руководителя следственного органа, приходит к выводу о том, что и соответствующее свойство должно быть присуще не отдельным представителям органа следствия, а связке «следователь – руководитель следственного органа» [12, с. 66]. В подтверждение своей позиции ученый приводит сложившееся в науке мнение о необходимости контроля со стороны вышестоящего руководителя случаев производства предварительного следствия непосредственно руководителем следственного органа [13, с. 67].

Схожее мнение было высказано О.А. Гуниной в рамках анализа соотношения действий следователя и его руководителя при окончании предварительного следствия [14, с. 62]. Поддерживают идею «коллективной» самостоятельности и У.В. Садиокова [15, с. 276], Е.В. Кузнецова [16, с. 93].

Следует обратить внимание на тот факт, что понятие «самостоятельность» в

отношении руководителя следственного органа не должно обязательно сопровождаться указанием на то, что она является процессуальной. Процессуальная автономия воли, безусловно, характерна для данного лица, однако его самостоятельность этим не исчерпывается. В этом заключается первое отличие уголовно-процессуального статуса руководителя следственного органа и находящихся в его подчинении следователей. Последние в силу структурной организации органа предварительного расследования могут проявлять свое усмотрение исключительно в формате выбора направления расследования уголовного дела, при этом руководитель сохраняет управленческую свободу в принятии решений.

Представляется возможным определить самостоятельность руководителя следственного органа как предоставленную ему уголовно-процессуальным и ведомственным нормативным регулированием автономию воли в принятии решений, необходимых для реализации его полномочий в сфере осуществления предварительного следствия по уголовному делу и в сфере управления подчиненным ему следственным органом. Сказанное позволяет дифференцировать ее проявления в соответствующих направлениях.

Организационно-управленческая самостоятельность руководителя следственного органа обусловлена структурой любого органа предварительного следствия, вне зависимости от его ведомственной подчиненности. Реализуя ее, данный субъект по своему усмотрению осуществляет решение кадровых вопросов, исполняет организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции. В этом аспекте проявляется принадлежность руководителя следственного органа к должностным лицам, о чем прямо сказано в п. 38.1 ст. 5 УПК РФ.

Уголовно-процессуальная самостоятельность проявляется посредством

¹ Азаренок Н.В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2021. С. 24.

возможности по собственному усмотрению определять направление хода расследования уголовного дела. В данном случае осуществляются следующие виды полномочий: связанные с организацией данным субъектом предварительного следствия по уголовному делу и определению его направления, а также связанные с ведомственным контролем за процессуальной деятельностью следователя и одобрением проведения определенных процессуальных действий. Одним из важнейших показателей существования процессуальной автономии руководителя следственного органа является его право согласования обвинительного заключения по уголовному делу, посредством которого он решает вопрос о достижении пределов доказывания. Более того, если следствие ведется самим руководителем следственного органа, необходимость согласования обвинительного заключения кем-либо другим отсутствует.

Кроме того, в рассматриваемом аспекте данная характеристика руководителя следственного органа предоставляет ему ресурсы для обеспечения самостоятельности подчиненных ему следователей. Это особенно актуально в тех случаях, когда фактически сотрудник, осуществляющий предварительное следствие, не готов к полноценной реализации своих уголовно-процессуальных полномочий в силу нехватки практического опыта, неуверенности в своих силах и пр. С.Б. Россинский подчеркивает, что в подобных ситуациях относительная широта возможностей руководителя следственного органа является целесообразной и обоснованной [17, с. 72], с чем следует безоговорочно согласиться. Право вмешательства в расследование уголовного дела строго регламентировано законом и принадлежит весьма ограниченному кругу субъектов.

При этом не следует считать ограничением процессуальной самостоятельности необходимость взаимодействия со следователями, с вышестоящими руково-

дителями в рамках ведомственной структуры отдельного следственного органа, с органами прокуратуры и другими лицами. В ряде случаев такое взаимодействие прямо предусмотрено УПК РФ. Так, например, в ч. 6 ст. 37 УПК РФ устанавливается процедура преодоления несогласия прокурора с позицией следователя или руководителя следственного органа в части исполнения его требования об устранении нарушений федерального законодательства, в рамках которой прокурор вправе обратиться к руководителю вышестоящего следственного органа. В ряде случаев необходимость формирования единой согласованной позиции по уголовному делу обусловлена сложностью уголовного дела. Об этом, в частности, говорится в совместном Указании Генпрокуратуры России, СК России, МВД России, МЧС России, ФССП России, ФСБ России, ФСКН России, ФТС России от 03.06.2015, определяющем порядок выработки совместной межведомственной консолидированной позиции в случаях, требующих такой необходимости¹. В то же время стоит отметить, что такие мероприятия в большей степени направлены на облегчение процесса расследования, усиление надзорной функции на этапе досудебного производства по уголовному делу, нежели на ограничение самостоятельности руководителя следственного органа. Данный тезис еще раз подтверждает вывод о том, что признание за данным субъектом самостоятельности в принятии решений не означает его полную и безграничную автоно-

¹ Об организации прокурорского надзора и ведомственного контроля за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: указание Генпрокуратуры России № 275/36, СК России 1/206, МВД России № 2/5443, МЧС России № 195, ФССП России № 1-у, ФСБ России № 21, ФСКН России № 4, ФТС России № 1081 от 3 июня 2015 г. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_188219/ (дата обращения: 01.10.2025)

мию, т. е. независимость. В уголовном судопроизводстве такая ситуация невозможна хотя бы в силу множественности лиц, участвующих в соответствующей деятельности на стороне обвинения.

Как уже было отмечено ранее, самостоятельность рассматриваемого субъекта уголовно-процессуальных отношений в первую очередь характеризует свободу его внутреннего усмотрения при осуществлении принадлежащих ему полномочий, как уголовно-процессуальной, так и организационной составляющей. Потребность в этом является объективной. Отрицание факта самостоятельности руководителя следственного органа приведет к нивелированию значения его роли в предварительном следствии. Представляется, что современная система уголовно-процессуальных полномочий данного лица как раз направлена на максимальное обеспечение автономии принимаемых им решений.

Однако нельзя не признать, что законодателем выстроена определенная система «сдержек и противовесов», которая проявляется в двух аспектах. С одной стороны, установление механизма взаимодействия руководителя следственного органа с иными лицами выступает способом установления разумных вариантов поведения в случаях, когда назревает своего рода «конфликт». Примером такой ситуации можно назвать право, предоставленное ему п. 10 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, на согласование обжалования следователем отдельных решений прокурора. С другой стороны, создаются гарантии недопущения злоупотреблений данным субъектом своей самостоятельностью внутри отдельного органа предварительного следствия, в том числе посредством закрепления за следователем права на обжалование указаний своего непосредственного руководителя руководителю вышестоящего следственного органа (ч. 3 ст. 39 УПК РФ). Не стоит также забывать о прокурорском надзоре и судебном контроле за предварительным расследовани-

ем в целом и деятельностью руководителя следственного органа в частности.

Выводы

Таким образом, можно заключить, что самостоятельность можно считать основополагающей характеристикой профессионального статуса руководителя следственного органа. Ее стоит рассматривать как предоставленную ему уголовно-процессуальным и ведомственным нормативным регулированием автономии воли в принятии решений, необходимых для реализации его полномочий в сфере осуществления предварительного следствия по уголовному делу и в сфере управления подчиненным ему следственным органом. При этом в отношении рассматриваемого субъекта содержание данного признака отличается от аналогичного, используемого традиционно в отношении следователя. Самостоятельность следователя реализуется исключительно в рамках уголовно-процессуальной деятельности, в то время как для руководителя следственного органа она проявляется и в ходе реализации организационно-управленческих полномочий.

Границы самостоятельности руководителя следственного органа определяются как уголовно-процессуальными нормами, так и ведомственным нормативным регулированием, в том числе и посредством установления механизма взаимодействия с иными органами и должностными лицами.

Самостоятельность руководителя следственного органа является средством обеспечения самостоятельности подчиненных ему следователей и лежит в основе достижения назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ч. 1 ст. 6 УПК РФ. Тем не менее данная характеристика правового положения рассматриваемого лица достаточно редко привлекает внимание ученых и нуждается в своем дальнейшем осмыслении.

Список литературы

1. Кибардин Д.О. Проблемы реализации принципа независимости следователя // Вестник Удмуртского университета. 2020. № 1. С. 143-147.
2. Ясинский Г.М. О процессуальной самостоятельности следователя // Советское государство и право. 1964. № 9. С. 64-73.
3. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 468 с.
4. Вартанов А.Р. Процессуальная самостоятельность следователя: сущность и значение // Право и политика. 2011. № 8. С. 1311-1322.
5. Моругина Н.А., Горшков Ю.В. Процессуальная самостоятельность следователя в условиях современного российского уголовного процесса // Вестник Воронежского института ФСИИ России. 2022. № 1. С. 212-219.
6. Стольников П.М. Соотношение процессуальной самостоятельности следователя и полномочий руководителя следственного органа // Научный портал МВД России. 2020. № 2 (50). С. 54-58.
7. Косенко А.М. Процессуальный статус следователя // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 1(69). С. 118-123.
8. Багмет А.М., Розовская Т.И. Следователь или следственный судья: необходимо ли возрождение института следственных судей? // Российская юстиция. 2015. № 9. С. 55-59.
9. Пьянкова Н.В. Организационные и эвристические основания принципа самостоятельности и независимости следователя // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 4 (52). С. 145-149.
10. Колесников О.В. Руководитель следственного органа в системе МВД России как участник уголовного судопроизводства: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 159 с.
11. Шабунин В.А. О сущности полномочий руководителя следственного органа // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 2(78). С. 212-214.
12. Дикарев И.С. Орган предварительного следствия в современном российском уголовном процессе // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 63-69.
13. Дикарев И.С. Коллегиальность предварительного следствия // Законность. 2021. № 9. С. 65-67.
14. Гунина О.А. Актуальные проблемы на этапе окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2. С. 60-65.
15. Садиокова У.В. О современном процессуальном статусе руководителя следственного органа // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 2. С. 275-279.
16. Кузнецова Е.В. О значении ведомственного процессуального контроля на завершающем этапе предварительного расследования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16, № 1 (59). С. 88-95.
17. Россинский С.Б. Реквием по процессуальной самостоятельности следователя // Философия права. 2022. № 3. С. 70-76.

References

1. Kibardin D.O. Problems of realisation of the principle of independence of the investigator. *Vestnik Udmurtskogo universiteta = Herald of Udmurt University*. 2020;(1):143-147. (In Russ.)
2. Yasinskij G.M. On the procedural autonomy of the investigator. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*. 1964;(9):64-73. (In Russ.)
3. Strogovich M.S. The course of soviet criminal procedure. Book 1. Moscow: Nauka; 1968. 468 p. (In Russ.)
4. Vartanov A.R. Procedural autonomy of the investigator: essence and significance. *Pravo i politika = Law and Politics*. 2011;(8):1311-1322. (In Russ.)

5. Morugina N.A., Gorshkov Yu.V. Procedural autonomy of the investigator in the conditions of modern Russian criminal proceedings. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii = Vestnik of Voronezh Institute of the Russian Federal Penitentiary Service*. 2022;(1):212-219. (In Russ.)
6. Stol'nikov P.M. Relationship between the procedural autonomy of the investigator and the powers of the head of the investigative body. *Nauchnyj portal MVD Rossii = Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(2):54-58. (In Russ.)
7. Kosenko A.M. The procedural status of an investigator. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2019;(1):118-123. (In Russ.)
8. Bagmet A.M., Rozovskaya T.I. Investigator or investigative judge: is the revival of the institution of investigative judges necessary? *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*. 2015;(9):55-59. (In Russ.)
9. P'yankova N.V. Organisational and heuristic foundations of the principle of autonomy and independence of the investigator. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(4):145-149. (In Russ.)
10. Kolesnikov O.V. Head of the investigative body in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a participant of criminal proceedings. Moscow: YuNITI-DANA; 2023. 159 p. (In Russ.)
11. Shabunin V.A. On the essence of the powers of the head of the investigative body. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava = Herald of the Saratov State Academy of Law*. 2011;(2):212-214. (In Russ.)
12. Dikarev I.S. The body of preliminary investigation in the modern Russian criminal process. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*. 2021;(2):63-69. (In Russ.)
13. Dikarev I.S. Collegiality of the preliminary investigation. *Zakonnost' = The legitimacy*. 2021;(9):65-67. (In Russ.)
14. Gunina O.A. Actual problems at the stage of completion of the preliminary investigation with the drawing up of an indictment. *Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Scientific digest of East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2019;(2):60-65. (In Russ.)
15. Sadiokova U.V. On the current procedural status of the head of the investigative body. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Voronezh institute of the Ministry of the interior of Russia*. 2023;(2):275-279. (In Russ.)
16. Kuznecova E.V. The importance of departmental procedural control at the final stage of the preliminary investigation. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*. 2025;16(1):88-95. (In Russ.)
17. Rossinskij S.B. Requiem for the procedural autonomy of the investigator. *Filosofiya prava = The Philosophy of Law*. 2022;(3):70-76. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Бочковский Феликс Олегович, аспирант кафедры уголовного процесса, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; подполковник юстиции, руководитель, Следственный отдел по Мотовилихинскому району г. Пермь Следственного управления Следственного комитета России по Пермскому краю, г. Пермь, Российская Федерация,
e-mail: felixmers@yahoo.com,
ORCID: 0009-0005-2856-1701

Felix O. Bochkovsky, Postgraduate Student of the Department of Criminal Procedure, Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation; lieutenant colonel of justice, Head, Investigation Department for Mотовилихинский District in Perm, Investigation Department of the Investigative Committee of Russia for the Perm Region, Perm, Russian Federation,
e-mail: felixmers@yahoo.com,
ORCID: 0009-0005-2856-1701

Национальный состав городского населения Челябинской области по материалам Всесоюзной переписи 1959 года

В.А. Журавлева^{1✉}, М.И. Мирошниченко², Н.П. Палецких²

¹ Филиал Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) в г. Златоусте
ул. Тургенева, д. 16, г. Златоуст 456209, Российская Федерация

² Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)
пр-т Ленина, д. 76, г. Челябинск 454080, Российская Федерация

³ Южно-Уральский государственный аграрный университет
пр-т Ленина, д. 75, Челябинск 454080, Российская Федерация

✉ e-mail: zhuravlvera@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В 1940–1950-е годы на национальный состав страны и ее регионов оказали влияние важные социально-политические, экономические, демографические, миграционные процессы: Великая Отечественная война, послевоенное восстановление и развитие советской экономики, репрессии и депортации народов. Произошедшие изменения отразила новая перепись, проведенная 15 января 1959 года. Изучение ее материалов особенно важно для углубленного понимания специфики этнического развития регионов как в прошлом, так и в настоящем, для проведения в России научно обоснованной национальной политики.

Цель – определить этнодемографический состав городского населения Челябинской области, крупного промышленного региона Урала, по материалам переписи 1959 года.

Задачи: выявить изменения в национальном составе городского населения Челябинской области и численности конкретных этносов, в их распределении между городскими и сельскими местностями, в процессе ассимиляции горожан; установить факторы, повлиявшие на эти трансформации.

Методология. Методологической основой исследования стала теория модернизации, которая понимается как многосторонний процесс и включает в себя трансформации в пропорциональном соотношении основных этнических групп, изменения в распределении населения по национально-лингвистической принадлежности. Поставленная в статье проблема изучалась с помощью исторических, статистических, демографических методов на материалах переписей 1939 и 1959 годов.

Результаты. Перепись 1959 года показала, что города Челябинской области сохранили свою полиэтничность. Русские по-прежнему преобладали среди горожан, но сократилась их доля в пользу других национальностей. Большинство представителей этносов (за исключением башкир и казахов) стало городскими жителями, что привело к ускорению процесса их ассимиляции. Рост численности национальностей осуществлялся в основном за счет миграций. Началось формирование новых диаспор из выходцев с Кавказа и Средней Азии.

Вывод. Материалы переписи 1959 года показали существенные сдвиги в соотношении отдельных этносов, но эти сдвиги не были кардинальными и не могли дестабилизировать межэтнические отношения среди горожан Челябинской области.

Ключевые слова: городское население; национальный состав; перепись населения; Урал; Челябинская область; этнодемография; этнос.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Журавлева В.А., Мирошниченко М.И., Палецких Н.П. Национальный состав городского населения Челябинской области по материалам Всесоюзной переписи 1959 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 202–215. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-202-215>.

Поступила в редакцию 02.11.2025

Принята к публикации 28.11.2025

Опубликована 25.12.2025

Ethnic composition of the urban population of the Chelyabinsk region based on the 1959 All-Union Census

Vera A. Zhuravleva^{1✉}, Maria I. Miroshnichenko², Nadezhda P. Paletskikh²

¹The branch of South Ural State University
16 Turgenev Str., Zlatoust 456209, Russian Federation

²South Ural State University
76 Lenin Ave., Chelyabinsk 454080, Russian Federation

³South Ural State Agrarian University
75 Lenin Ave., Chelyabinsk 454080, Russian Federation

✉ e-mail: zhuravlvera@yandex.ru

Abstract

Relevance. In the 1940s and 1950s, the national composition of the country and its regions was influenced by important socio-political, economic, demographic, and migration processes: the Great Patriotic War, the post-war restoration and development of the Soviet economy, and the repression and deportation of peoples. The changes that had taken place were reflected in a new census conducted on January 15, 1959. The study of its materials is especially important for a deeper understanding of the specifics of the ethnic development of regions both in the past and in the present, for the implementation of a scientifically based national policy in Russia.

The purpose – to determine the ethnodemographic composition of the urban population of the Chelyabinsk region, a large industrial region of the Urals, based on the 1959 census.

Objectives: To identify changes in the national composition of the urban population of the Chelyabinsk region and the number of specific ethnic groups, in their distribution between urban and rural areas, in the process of assimilation of city residents; to establish the factors that influenced these transformations.

Methodology. The methodological basis of the study was the theory of modernization, which is understood as a multifaceted process and includes transformations in the proportional relationship of the main ethnic groups, changes in the distribution of the population by national and linguistic affiliation. The problem posed in the article was studied using historical, statistical, and demographic methods based on the materials of the 1939 and 1959 censuses.

Results. The 1959 census showed that the cities of the Chelyabinsk region retained their multi-ethnicity. Russians still predominated among the city's residents, but their share had decreased in favor of other nationalities. Most representatives of ethnic groups (with the exception of Bashkirs and Kazakhs) became urban residents, which led to an acceleration of the process of their assimilation. The growth of nationalities was driven primarily by migration. New diasporas began to form, consisting of people from the Caucasus and Central Asia.

Conclusion. The 1959 census data showed significant shifts in the ratio of individual ethnic groups, but these shifts were not dramatic and could not destabilize interethnic relations among the citizens of the Chelyabinsk region.

Keywords: urban population; ethnic composition; population census; Urals; Chelyabinsk region; ethnodemography; ethnos.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Zhuravleva V.A., Miroshnichenko M.I., Paletskikh N.P. Ethnic composition of the urban population of the Chelyabinsk region based on the 1959 All-Union Census. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(6):202–215. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-202-215>.

Received 02.11.2025

Accepted 28.11.2025

Published 25.12.2025

Введение

Всесоюзные переписи населения 1939 и 1959 гг. разделяло двадцать лет, вобравших в себя важные социально-политические, экономические, демографические, миграционные процессы: Великая Отечественная война, послевоенное восстановление и развитие советской экономики, репрессии и депортации народов 1940–1950-х гг. Все это повлияло на национальный состав страны и ее регионов. Произошедшие изменения должна была отразить новая перепись, проведенная 15 января 1959 г. Изучение ее материалов особенно важно для углубленного понимания специфики этнического развития регионов как в прошлом, так и в настоящем для проведения в России научно обоснованной национальной политики.

Сразу после Всесоюзной переписи населения 1959 г. появились работы статистиков-демографов П.Г. Подъячих [1] и А.А. Исупова [2] по ее итогам, в которых анализировался и национальный состав СССР. Постепенно в изучение проблемы включились и историки. В начале 2000-х гг. вышло академическое издание «Население России в XX в.: исторические очерки» с разделом о национальном составе страны в конце 1950-х гг. [3, с. 363–365] В настоящее время усилилось внимание историков к проблеме этнодемографического развития отдельных регионов России на основе результатов переписи 1959 г., к примеру, Кубани и Ставрополя [4, с. 233–256], Сибири [5, с. 186–188], Удмуртской АССР [6], Адыгеи [7]. На Урале данная тема разрабатывается М.В. Сумачевой [8, с. 180–185], Л.Н. Мазур [9, с. 140–141] и другими исследователями. Ученые Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Е.Ю. Алферова, С.В. Голикова, Г.Е. Корнилов и др.) подготовили и опубликовали обобщающий труд, посвященный этнодемографическому развитию Урала в XIX–XX вв. [10] Однако в этих коллективных и индивидуальных публикациях по уральскому региону национальный состав городского

населения Челябинской области не получил должного самостоятельного изучения.

Цель статьи – определить этнодемографический состав городского населения Челябинской области, крупного промышленного региона Урала, по материалам переписи 1959 г. Для достижения поставленной цели необходимо выявить изменения в национальном составе городского населения Челябинской области и численности конкретных этносов, в их распределении между городскими и сельскими местностями в процессе ассимиляции горожан; установить факторы, повлиявшие на эти трансформации.

Методология

Методологической основой исследования стала теория модернизации. Модернизация – это многосторонний процесс, он включает в себя и трансформации в пропорциональном соотношении основных этнических групп, изменения в распределении населения по национально-лингвистической принадлежности. Поставленная в статье проблема изучалась с помощью исторических, статистических, демографических методов, что позволило определить этнодемографический состав городского населения Челябинской области и изменения, произошедшие в нем с момента переписи 1939 г. Исследование построено на официальной государственной статистике – опубликованных и неопубликованных материалах переписей 1939 и 1959 гг. При сопоставлении статистических данных возникли сложности из-за изменения административно-территориальных границ Челябинской области в годы Великой Отечественной войны: Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июня 1942 г. город Каменск-Уральский, ранее входивший в состав Челябинской области, отошел к Свердловской области¹;

¹ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июня 1942 г. «О выделении города Каменск-Уральского и районов Каменского и Покровского из состава Челябинской

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1943 г. из состава Челябинской области была выделена Курганская область, в которую включили города Курган и Шадринск¹.

Результаты и их обсуждение

Программы переписей населения 1939 и 1959 гг. содержали вопросы о национальной принадлежности и родном языке респондентов. По инструкции переписи 1939 г. в ответе на вопрос о национальности и родном языке записывалась национальность, к которой причислял себя опрашиваемый, и название языка, который сам опрашиваемый считал своим родным языком. Только детей моложе 16 лет, при отсутствии у них записи национальности в переписном листе, разрешалось относить к национальности родителей, если у отца и матери была запись одной и той же национальности. При отсутствии в переписном листе ответа на вопрос о родном языке разрешалось указать язык национальности, которую называло данное лицо [11, с. 29]. В переписном листе 1959 г. национально-лингвистическая принадлежность респондента по-прежнему записывалась с его слов, а национальность детей стала указываться родителями. Управление по проведению Всесоюзной переписи населения 1959 г. Центрального статистического управления при Совете Министров СССР подготовило пособие «Словари национальностей и языков» для распределения населения по национально-лингвистической принадлежности при разработке материалов переписи². В 1959 г.

было учтено 115 национальностей и народностей [1, с. 104], а двадцать лет назад – 100 [11, с. 29]. Однако в конечные результаты переписи 1959 г. по городскому населению Челябинской области вошли данные по 32 наиболее крупным народам³, проживавшим в регионе; а в опубликованных итогах были представлены сведения всего по 9 наиболее крупным этносам (русские, татары, украинцы, башкиры, белорусы, мордва, казахи, евреи, чуваша) [12, с. 354]. В Объединенном государственном архиве Челябинской области есть данные Всесоюзной переписи населения 1959 г. по формам 3 и 4 «Итоги распределения населения по национальности и родному языку» по конкретным городам и городским поселениям региона, но они касаются всего 6 этносов (русские, украинцы, казахи, башкиры, мордва, татары) [13].

К началу 1960-х гг. Челябинская область, как показывают данные таблицы 1, оставалась полиэтничной. В ее городских населенных пунктах проживали представители славянских (русские, украинцы, белорусы), тюркских (татары, башкиры, чуваша), финно-угорских (марийцы, удмурты) и других народов.

Обращает на себя внимание немногочисленность городских жителей, не определившихся со своей национальностью, в 1959 г.³, по данным таблицы 1, таковых было всего 13 чел., в то время как в 1939 г. – 164 чел.⁴

области и включении их в состав Свердловской области» // Красная звезда. 1942. 16 июня.

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1943 г. «Об образовании Курганской области в составе РСФСР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1943 г. № 8.

² Словари национальностей и языков для шифровки ответов на 7 и 8 вопросы переписного листа (о национальности и родном языке). М.: Госстатиздат, 1959. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/znagi/alfavit/nacionaln_1959_ (дата обращения: 07.09.2025).

³ Челябинская область // Всесоюзная перепись населения 1959 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_gs.php?reg=68 (дата обращения: 07.09.2025).

⁴ Челябинская область. Городское население // Всесоюзная перепись населения 1939 г. Распределение городского и сельского населения регионов РСФСР по национальности и полу. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_gs.php?reg=58&gor=1&Submit=OK (дата обращения: 10.09.2025).

Таблица 1. Национальный состав городского населения Челябинской области, по данным Всесоюзных переписей населения 1939 и 1959 гг.

Table 1. National composition of the urban population of the Chelyabinsk region, according to the All-Union population censuses of 1939 and 1959

Национальность	1939 г.		1959 г.			
	Городское население*		Все население	В том числе городское		Доля горожан в этносе, %
	чел.	%		чел.	%	
Все национальности	1182231	100	2976625	2275372	100	
В том числе:						
русские	1039290	87,9	2372164	1870914	82,2	78,9
татары	52114	4,4	190227	130288	5,7	68,5
украинцы	43014	3,6	134335	105977	4,7	78,9
немцы	2192	0,2	48675	38972	1,7	80,1
башкиры	10179	0,9	88480	28156	1,2	31,8
мордва	11064	0,9	30540	21874	1,0	71,6
белорусы	5226	0,4	31276	21319	0,9	68,2
евреи	4786	0,4	18948	18611	0,8	98,2
чуваши	2341	0,2	10865	9645	0,4	88,8
казахи	4829	0,4	22813	4832	0,2	21,2
болгары	812	0,1	2848	2645	0,1	92,9
марийцы	514	0,04	2696	2411	0,1	89,4
поляки	1137	0,1	2591	2245	0,1	86,6
удмурты	574	0,05	2379	2080	0,1	87,4
молдаване	71	0,01	2076	1812	0,08	87,3
узбеки	140	0,01	1807	1721	0,07	95,2
армяне	240	0,02	1737	1663	0,07	95,7
грузины	183	0,02	1290	1212	0,05	94,0
азербайджанцы	47	0,003	1181	1130	0,05	95,7
цыгане	304	0,03	1072	805	0,04	75,1
латыши	478	0,04	889	766	0,03	86,2
эстонцы	476	0,04	1390	722	0,03	51,9
финны	142	0,01	599	541	0,02	90,3
литовцы	139	0,01	614	492	0,02	80,1
коми и коми-пермяки	301	0,03	474	413	0,02	87,1
корейцы	79	0,01	449	411	0,02	91,5
греки	113	0,01	402	379	0,02	94,3
гагаузы	н. св.	н. св.	373	354	0,01	94,9
осетины	85	0,01	356	318	0,01	89,3
карелы	122	0,01	323	288	0,01	89,2
киргизы	113	0,01	231	163	0,01	70,6
калмыки	47	0,003	197	141	0,01	71,6
прочие национальности	915	0,1	2288	2059	0,1	90,0
национальность не указана	164	0,01	30	13	0	43,3

* Городское население представлено в административно-территориальных границах Челябинской области на 17 января 1939 г.

Русские традиционно составляли наиболее многочисленную группу горожан Челябинской области – свыше 1,8 млн чел. За двадцать межпереписных лет их абсолютная численность увеличилась в 1,8 раз, при этом сократилась доля русских в городском населении региона с 87,9% в 1939 г. до 82,2% в 1959 г., хотя она и превышала аналогичный показатель по области в целом (79,7%). Удельный вес русских среди городского населения Челябинской области был ниже, чем в Курганской (94%), Свердловской (87,7%) и Пермской (84,7%) областях¹.

Второй по численности этнос в городах Челябинской области по-прежнему представляли татары. За 1939–1959 гг. не только увеличилась в 2,5 раза их абсолютная численность, но и удельный вес среди горожан – с 4,4 до 5,7%, хотя это было ниже областного уровня – 6,4%. В городских населенных пунктах Челябинской области представителей данного этноса проживало больше, чем в городах соседних Пермской, Свердловской и Курганской областей, в которых доля татар среди горожан была соответственно 5,6; 3,8 и 1,2%¹.

Третью позицию среди городских национальностей Челябинской области занимали украинцы. За двадцать межпереписных лет их число выросло в 2,5 раза, а доля среди горожан – с 3,6 до 4,7%. Удельный вес данного этноса среди городского населения региона превышал аналогичные показатели по Пермской, Свердловской и Курганской областям (соответственно 3; 2,6 и 2%)¹ и по Челябинской области в целом (4,5%).

Относительно большая доля татар и украинцев в городском населении Челябинской области объясняется тем, что эти

этносы наряду с русскими были втянуты в активные общероссийские миграционные процессы, которые в рассматриваемый период осуществлялись с запада на восток, а также репрессивной политикой государства в 1930–1950-е гг. (среди спецпереселенцев и узников ГУЛАГа было много украинцев) [13, с. 102–103]. Мигранты и спецконтингенты были задействованы на промышленных и строительных объектах региона.

По данным таблицы 1 накануне Великой Отечественной войны по численности за украинцами шли мордва и башкиры с удельным весом в городском населении Челябинской области в 0,9%, белорусы, казахи и евреи (примерно 0,4%), чуваш и немцы (0,2%), поляки (0,1%). Остальные национальности насчитывали менее 1000 чел. Перепись 1959 г. выявила изменения в этническом составе горожан региона. На четвертую позицию после украинцев вышли немцы, их доля среди жителей городов и городских поселений края составила 1,7%. За ними шли башкиры (1,2%), мордва (1%), белорусы (0,9%), евреи (0,8%), чуваш (0,4%), казахи (0,2%). Удельный вес болгар, марийцев, поляков и удмуртов колебался в районе 0,1%, а остальных национальностей был ниже этого уровня. Результаты переписи 1959 г. показали, что казахи были единственным этносом в городских населенных пунктах Челябинской области, который за двадцать лет не изменил своей численности (в 1939 г. представители этой национальности насчитывали 4829 чел., в 1959 г. – 4832 чел.), но снизил свой удельный вес среди горожан региона в два раза – с 0,4 до 0,2%.

Данные таблицы 1 показывают, что за межпереписной период все национальности увеличили свою численность. Особенно значительно выросло число молда-

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1963. С. 352.

ван (в 25,5 раз), азербайджанцев (в 24 раза), немцев (в 17,8 раз) и узбеков (в 12,3 раза). При этом этнодемографические пропорции городского населения региона почти не изменились, они оказались достаточно устойчивыми.

В 1940–1950-х гг. особую роль в увеличении численности представителей разных этносов среди горожан области сыграли вынужденные (насильственные) переселения: репрессии, массовые депортации народов, эвакуация населения, поток военнопленных. В годы Великой Отечественной войны в Челябинскую область было перевезено население из западных районов страны. К примеру, сюда было эвакуировано свыше 5 тыс. эстонцев [14, с. 311]. Для работы на предприятиях и стройках в регион направлялись трудмобилизованные Средне-Азиатского военного округа. К концу сентября 1943 г. их насчитывалось 19 679 чел. Это были узбеки, таджики, казахи, киргизы, туркмены и прочие национальности. Они трудились в Челябинске, Златоусте, Магнитогорске, Карабаше, Коркино, Кыштыме, Катав-Ивановске, Сатке [15, с. 41, 48]. С начала войны были депортированы немцы, молдаване, греки, болгары, народы Северного Кавказа, после окончания войны – литовцы, латыши, западные украинцы, эстонцы, немцы [16, с. 168]. В 1945 г. в Челябинской области было 33 учреждения лагерного типа. Почти в каждом промышленном или рудном населенном пункте существовал лагерь, лагерное отделение или исправительно-трудовая колония. Рядом с ними создавались трудпоселки для вспомогательных работ. По подсчетам И.В. Евсеева, на начало 1946 г. в регионе насчитывалось 40 трудпоселков, в которых размещалось 57 337 спецпоселенцев [17, с. 34].

За годы Великой Отечественной войны увеличилась численность немцев в

Челябинской области. До войны в регионе проживало 6019 представителей этого этноса, в том числе 2192 чел. – в городской местности¹. В соответствии с Указом от 28 августа 1941 г. была проведена насильственная депортация немцев Поволжья, Украины, Крыма, Кавказа и других западных территорий СССР в восточные регионы страны, в том числе и на Урал². К январю 1949 г. на спецпоселении в Челябинской области находилось 38 440 немцев [18, с. 11]. Только в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 декабря 1955 г. депортированные российские немцы были сняты с учета населения, ликвидировались ограничения их в правовом положении, но им не разрешалось вернуться в места своего прежнего проживания³. По переписи 1959 г. в Челябинской области насчитывалось 48 675 немцев, в том числе в городских населенных пунктах – 38 972 чел. (см. табл. 1). Численность немецкой городской диаспоры в крае уступала аналогичному показателю по Свердловской области (47 273 чел.), но превышала данные по Пермской области (29 137 чел.), вместе с тем доля немцев среди горожан Челябинской области (1,7%) была выше, чем в Свердловской (1,5%)³ и Пермской (1,6%)⁴ областях.

¹ Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сборник материалов / сост. В.П. Мотрович. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. С. 238.

² Немцы и Челябинская область: энцикл. справ. / авт.-сост. А.Я. Нахтигаль. Челябинск: [Б.и.], 2015. С. 4.

³ Свердловская область // Всесоюзная перепись населения 1959 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_gs.php?reg=59 (дата обращения: 10.09.2025).

⁴ Пермская область // Всесоюзная перепись населения 1959 года. Городское и сель-

Основным источником роста городского населения Челябинской области оставалась добровольная миграция. Городские жители по-прежнему пополнялись выходцами из сельской местности Южного Урала, прилегающих к нему районов Урала и Поволжья. Заметно вырос приток населения из южных и западных союзных республик, что увеличило за двадцать межпереписных лет долю нетипичных для Челябинской области городских сообществ молдаван с 0,01 до 0,08%, узбеков с 0,01 до 0,07%, армян – с 0,02 до 0,07%, грузин – с 0,02 до 0,05%, азербайджанцев – с 0,003 до 0,05% (см. табл. 1). В результате за период, прошедший между переписями 1939 и 1959 гг., под воздействием промышленной модернизации и ускоренного роста городов, как свидетельствуют данные таблицы 1, в Челябинской области произошли кардинальные изменения в распределении этносов между городскими и сельскими территориями. Подавляющее большинство представителей всех национальностей стало проживать в городах. Исключение составляли только башкиры и казахи, доля городских жителей среди которых равнялась соответственно 31,8 и 21,2%. Однако и у них произошли важные изменения: в 1939 г. удельный вес горожан составлял среди башкир всего 14,5%, казахов – 16,8%¹. Эти народы традиционно занимались сельским хозяйством. В ряде случаев их миграцию в го-

род по-прежнему сдерживал религиозный фактор [19, с. 110]. К концу 1950-х гг. эстонцы достаточно равномерно распределялись между городом и селом: 51,9% их были городскими жителями, а 48,1% – сельскими.

В Челябинской области, по данным переписи 1959 г., самыми урбанизированными этносами оказались евреи, армяне, азербайджанцы, грузины, узбеки, гагаузы, болгары, греки, корейцы, финны, свыше 90% представителей которых проживали в городской местности (см. табл. 1). Таким образом, перепись 1959 г. показала, что мигранты из других республик и территорий страны оседали прежде всего в городах.

Этот вывод подтверждается данными таблицы 2. Для работы на промышленных объектах и стройках прибывали в основном мужчины, что отразилось на гендерных характеристиках городских населенных пунктов Челябинской области. За исключением русских, татар, мордвы, евреев, поляков, цыган, латышей, карелов, во всех других национальностях преобладали мужчины.

В Челябинской области самыми русскими по этническому составу населения, как показали результаты переписи 1959 г., оказались города Касли, Кыштым, Усть-Катав, в которых проживало свыше 90% русских. К ним примыкал Верхний Уфалей с долей указанного этноса в 89,9% (табл. 3). Наиболее значительные группы украинцев перепись зафиксировала в Еманжелинске, Магнитогорске, Коркино и Троицке (от 7,4 до 9%), татар – Пласте, Сатке и Троицке (от 9,1 до 10,1%), башкир – в Карабаше и Усть-Катаве (2,9 и 3,5%), мордвы – в Миассе, Карабаше, Златоусте и Сатке (от 1 до 2,8%), казахов – в Пласте (1,5%).

ское население областей и краев РСФСР по полу и национальности. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_gs.php?reg=52; (дата обращения: 10.09.2025).

¹ Челябинская область. Городское население // Всесоюзная перепись населения 1939 г. Распределение городского и сельского населения регионов РСФСР по национальности и полу. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_gs.php?reg=58&gor=1&Submit=OK (дата обращения: 10.09.2025).

Таблица 2. Распределение городского населения Челябинской области по национальности и полу, по данным Всесоюзной переписи 1959 гг.¹, чел.

Table 2. Distribution of the urban population of the Chelyabinsk region by nationality and gender, according to the All-Union Census of 1959, people

Национальность	Мужчины	Женщины	На 100 мужчин приходится женщин
Все национальности	1051388	1223984	116
В том числе:			
русские	843170	1027744	122
татары	61069	69219	113
украинцы	57517	48460	84
немцы	19796	19176	97
башкиры	14139	14017	99
мордва	9782	12092	124
белорусы	11933	9386	79
евреи	8972	9639	107
чуваши	5381	4264	79
казахи	3021	1811	60
болгары	1551	1094	70
марийцы	1441	970	67
поляки	1044	1201	115
удмурты	1235	845	68
молдаване	1166	646	55
узбеки	1657	64	39
армяне	1455	208	14
грузины	1126	86	76
азербайджанцы	1079	51	47
цыгане	378	427	113
латыши	369	397	107
эстонцы	361	361	100
финны	322	219	68
литовцы	329	163	49
коми и коми-пермяки	219	194	89
корейцы	276	135	49
греки	229	150	65
гагаузы	249	105	42
осетины	250	68	27
карелы	136	152	112
киргизы	135	28	21
калмыки	90	51	57

¹ Челябинская область // Всесоюзная перепись населения 1959 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_gs.php?reg=68 (дата обращения: 10.09.2025).

Таблица 3. Национальный состав городов Челябинской области, по данным Всесоюзной переписи 1959 г., % [12, л. 1, 4, 7, 10, 13, 25, 34, 46, 57, 64, 67, 70, 79, 88, 91, 94, 133, 142]**Table 3.** National composition of cities in the Chelyabinsk region (according to the All-Union Census of 1959), in % [12, л. 1, 4, 7, 10, 13, 25, 34, 46, 57, 64, 67, 70, 79, 88, 91, 94, 133, 142]

Город	Русские	Украинцы	Татары	Казахи	Башкиры	Мордва	Прочие национальности
Челябинск	82,2	4,4	5,4	0,1	0,8	1,6	5,5
Магнитогорск	78,4	7,4	7,2	0,2	1,0	0,9	4,9
Златоуст	85,1	2,5	5,7	0,1	1,1	1,4	4,1
Миасс	87,4	2,4	4,1	0,1	1,4	1,0	3,6
Троицк	77,8	7,9	10,1	0,8	0,3	0,5	2,6
Сатка	78,0	3,5	9,7	0,1	1,9	2,8	4,0
Кыштым	93,1	1,6	2,7	0,1	1,0	0,2	1,3
Карабаш	87,2	1,5	5,7	0,1	2,9	1,1	1,5
Коркино	75,8	7,8	4,5	0,2	0,5	0,7	10,5
Верхний Уфалей	89,9	1,5	4,4	0,1	1,4	0,3	2,4
Еманжелинск	77,6	9,0	4,2	0,2	0,7	0,6	7,7
Пласт	83,9	2,4	9,1	1,5	1,2	0,5	1,4
Усть-Катав	90,1	1,5	2,6	0,1	3,5	0,7	1,5
Касли	94,5	1,6	0,9	0,1	1,9	0,1	1,2

Материалы переписи 1959 г. показали, что урбанизация населения Челябинской области, как и раньше, сопровождалась постепенной ассимиляцией национальностей. Расхождение между русскими по этнической принадлежности и городскими жителями, считавшими русский своим родным языком, в конце 1950-х гг. достигло 144 439 чел., или 7,7%. В конце 1930-х гг. этот показатель составил 36 630 чел., или 3,5%¹. По данным переписи 1959 г., наибольшей ассимиляции подверглись евреи, белорусы и украинцы, у которых не назвали родным язык своей национальности соответственно 84,9; 62,2 и 54,7%. Достаточно активно русифицировались мордва и чуваша, от своего родного языка отказались соответственно 45,7 и 30,7% их. Сохранили приверженность своей культуре татары, башкиры и казахи. Среди них язык своей национальности выбрали соответственно 88,8; 88,5 и 84,6%², хотя в 1939 г. таких было на порядок больше (соответственно 95,9; 94,3 и 96,5%)¹.

В городских населенных пунктах ассимиляционные процессы среди ряда этносов шли активнее, чем в сельской местности. Среди жителей села не назвали родным язык своей национальности 54,6% белорусов, 52,2% украинцев, 34,6% мордовцев. При этом доля отказавшихся от родного языка среди евреев и чувашей в сельской местности была даже выше, чем в городской, – соответственно 86,1 и 35,2%. Зато остались верными своей культуре 94,1% татар, 95,1% казахов и 98% башкир³.

В городских населенных пунктах ассимиляционные процессы среди ряда этносов шли активнее, чем в сельской местности. Среди жителей села не назвали родным язык своей национальности 54,6% белорусов, 52,2% украинцев, 34,6% мордовцев. При этом доля отказавшихся от родного языка среди евреев и чувашей в сельской местности была даже выше, чем в городской, – соответственно 86,1 и 35,2%. Зато остались верными своей культуре 94,1% татар, 95,1% казахов и 98% башкир³.

¹ Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сборник материалов / сост. В.П. Мотревич. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. С. 238-239.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1963. С. 354.

³ Там же. С. 378.

Выводы

Анализ национального состава городского населения Челябинской области на основе материалов Всесоюзной переписи 1959 г. позволил выявить основные тенденции и особенности этнодемографического развития региона. За двадцать лет, прошедших между переписями 1939 и 1959 гг., край сохранил свою полиэтничность. Все национальности увеличили свою численность, при этом почти не изменились этнодемографические пропорции горожан, они показали свою устойчивость. К концу 1950-х гг. сохранилось исторически сложившееся преобладание русских, но четче проявилась тенденция к уменьшению их доли среди горожан региона в пользу других этнических групп. Сравнение итогов переписей 1939 и 1959 гг. позволило сделать вывод, что под воздействием промышленной модернизации и урбанизации региона большинство представителей различных национальностей (за исключением башкир и казахов) стало проживать в город-

ской местности. Материалы переписи 1959 г. показали, что урбанизация ускорила процесс ассимиляции этносов. Все больше представителей нерусских народов отказывалось от своего родного языка. Это касалось прежде всего евреев, украинцев и белорусов.

Увеличение численности национальностей в городских населенных пунктах Челябинской области осуществлялось прежде всего за счет миграций, носивших в 1940–1950-х гг. вынужденный (насильственный) и добровольный характер. Проявилась тенденция к формированию новых диаспор: азербайджанской, армянской, грузинской, узбекской и др. Миграции оказали влияние на гендерные характеристики городов: у ряда национальностей численность мужчин стала превышать численность женщин.

Материалы переписи 1959 г. показали существенные сдвиги в соотношении отдельных этносов, но эти сдвиги не были кардинальными и не могли дестабилизировать межэтнические отношения среди горожан Челябинской области.

Список литературы

1. Подъячих П.Г. Население СССР. М.: Госполитиздат, 1961. 192 с.
2. Исупов А.А. Национальный состав населения СССР (по итогам переписи 1959 г.). М.: Статистика, 1964. 60 с.
3. Население России в XX в.: исторические очерки: в 3 т. Т. 2 / отв. ред. В.Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 2001. 416 с.
4. Ракачев В.Н. Население Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2017. 350 с.
5. Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX вв.) / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2017. 238 с.
6. Чернышева Н.В., Ажигулова А.И., Уваров С.Н. Этнодемографические процессы у удмуртов во второй половине 1930-х – 1950-х годах // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 86-99. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21828>.
7. Шконда И.А. Историко-демографические процессы в Адыгейской автономной области в 1930–1950-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 255–270. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-255-270>.
8. Сумачева М.В. Особенности этнических процессов на Урале во второй половине XX века // Демографическая политика в регионе: проблемы и перспективы: материалы научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. II. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2010. С. 180-185.

9. Мазур Л.Н. Особенности демографического развития Екатеринбурга в конце XIX – начале ХХI в. // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 131-143. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3\(76\)-131-143](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3(76)-131-143).
10. Этнодемографическое развитие Урала в XIX – XX вв. (Историко-социологический подход) / отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Екатеринбург, 2000. 104 с.
11. Подъячих П.Г. Всесоюзная перепись населения 1939 г. М.: Госстатиздат, 1953. 148 с.
12. ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области). Ф. Р-485. Оп. 26. Д. 52.
13. Сурина М.В. Динамика населения наиболее крупных этносов Уральского региона во второй половине XX в. (по материалам Всесоюзных переписей населения) // Третьи Чупинские краеведческие чтения: материалы конференции. Екатеринбург: Свердл. обл. унив. науч. б-ка им. В.Г. Белинского, 2006. С. 101-108.
14. Дементьев Б.П. Национальный состав Урала в годы Великой Отечественной войны: изменение, культура, тенденции // Ноябрьские историко-архивные чтения в Пермском партархиве 1922: Международная научно-практическая конференция. Пермь: Медиа-холдинг «Уральский рабочий», 1923. С. 310-320.
15. Шмыров Б. Трудмобилизованные Средне-Азиатского военного округа на Южном Урале в 1942–1945 гг. Челябинск: Цицero, 2018. 206 с.
16. Кузьмин А.И., Оруджиева А.Г., Алферова Е.Ю. Этнодемографическая структура населения Урала в XX веке // Урал в прошлом и настоящем: материалы научной конференции: в 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург: НИСО УрО РАН, БКИ, 1998. С. 165-172.
17. Евсеев И.В. Развитие исправительно-трудовых учреждений Челябинской области в 1930–1950-е годы XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23 (161). С. 33-37.
18. Земсков В.Н. Спецпоселенцы // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3-17.
19. Мотревич В.П. Национальный состав сельского населения Урала накануне Великой Отечественной войны (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.) // Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период: история, историография: сборник научных трудов. Свердловск: УрГУ, 1990. С. 108-117.

References

1. Podyachikh P.G. Population of the USSR. Moscow: Gospolitizdat; 1961. 192 p. (In Russ.)
2. Isupov A.A. National composition of the population of the USSR (based on the 1959 census). Moscow: Statistika; 1964. 60 p. (In Russ.)
3. Zhyromskaya V.B. (ed.) Population of Russia in the 20th century: historical essays. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN; 2001. 416 p. (In Russ.)
4. Rakachev V.N. The population of the Kuban and Stavropol regions in the 1930–1950s: A historical and demographic study. Krasnodar: Kuban. gos. un-t; 2017. 350 p. (In Russ.)
5. Isupov V.A. (ed.) Demographic history of Western Siberia (late 19th – 20th centuries). Novosibirsk: Institut istorii SO RAN; 2017. 238 p. (In Russ.)
6. Chernysheva N.V., Azhigulova A.I., Uvarov S.N. Ethnodemographic processes among the ud-murts from the mid-1930s through the 1950s. *Demograficheskoye obozreniye = Demographic Review*. 2024.11(2):86-99. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21828>.
7. Shkonda I.A. Historical and demographic processes in the Adyghe autonomous region in the 1930–1950s. In: *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(4):255-270. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-255-270>.

8. Sumacheva M.V. Features of ethnic processes in the Urals in the second half of the 20th century. In: *Demograficheskaya politika v regione: problemy i perspektivy: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* = *Demographic policy in the region: problems and prospects: materials of the scientific and practical conference*. Part 2. Yekaterinburg: IE URO RAN; 2010. P. 180-185. (In Russ.)
9. Mazur L.N. Features of the demographic development of Yekaterinburg in the late 19th - early 21st century. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* = *Ural Historical Journal*. 2022;(3):131-143. (In Russ.) [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3\(76\)-131-143](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3(76)-131-143).
10. Alekseev V.V. Ethnodemographic development of the Urals in the 19th – 20th centuries (Historical and sociological approach). Ekaterinburg: Ekaterinburg; 2000. 104 p. (In Russ.)
11. Podyachikh P.G. All-Union Population Census of 1939. Moscow: Gosstatizdat; 1953. 148 p. (In Russ.)
12. OGACHO (United State Archives of the Chelyabinsk Region). F. R-485. Op. 26. D. 52. (In Russ.)
13. Surina M.V. Population dynamics of the largest ethnic groups in the Ural region in the second half of the 20th century (based on the All-Union population censuses). In: *Tret'i Chupinskiye krayevedcheskiye chteniya: materialy konferentsii* = *The Third Chupinsky local history readings: conference proceedings*. Yekaterinburg: Sverdlsk. obl. univ. nauch. b-ka im. V.G. Belinskogo; 2006. P. 101-108. (In Russ.)
14. Dementyev B.P. National composition of the Urals during the Great Patriotic War: change, culture, trends. In: *Noyabr'skiye istoriko-arkhivnyye chteniya v Permskom partarkhive 1922: mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* = *November Historical and Archival Readings at the Perm Party Archives, 1922: International scientific and practical conference*. Perm: Media Holding "Uralsky Rabochy"; 1923. P. 310–320. (In Russ.)
15. Shmyrov B. Labor mobilized personnel of the Central Asian military district in the Southern Urals in 1942–1945. Chelyabinsk: Tsitsero; 2018. 206 p. (In Russ.)
16. Kuzmin A.I., Orudzhieva A.G., Alferova Ye.Yu. Ethnodemographic structure of the Ural population in the 20th century. In: *Ural v proshlom i nastoyashchem: materialy nauchnoy konferentsii* = *The Urals in the past and present: materials of the scientific conference*. Ekaterinburg: NISO UrO RAN, BKI; 1998. P. 165-172. (In Russ.)
17. Evseyev I.V. Development of correctional labor institutions of the Chelyabinsk region in the 1930s–1950s. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009;(23);33-37. (In Russ.)
18. Zemskov V.N. Special settlers. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* = *Sociological studies*. 1990;(11):3-17. (In Russ.)
19. Motrevich V.P. National composition of the rural population of the Urals on the eve of the Great Patriotic War (based on the All-Union population census of 1939). In: *Ekonomika i sotsial'no-politicheskoye razvitiye Urala v perekhodnyy period: istoriya, istoriografiya: sbornik nauchnykh trudov* = *Economy and socio-political development of the Urals in the transition period: history, historiography: collection of scientific papers*. Sverdlovsk: Ural State University; 1990. P. 108-117. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Журавлева Вера Анатольевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-правовых и гуманитарных наук, Филиал Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), г. Златоуст, Российская Федерация,
e-mail: zhuravlvera@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-1915-913X

Vera A. Zhuravleva, Doctor of Science (Historical), Associate Professor, Professor of Department of Socio-Legal Sciences and Humanities, The branch of South Ural State University, Zlatoust, Russian Federation,
e-mail: zhuravlvera@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-1915-913X

Мирошниченко Мария Ильинична, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Российская Федерация,
e-mail: mmi74@ yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0545-2359

Палецких Надежда Петровна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин и русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный аграрный университет, г. Челябинск, Российская Федерация,
e-mail: palenad@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-5073-7914

Maria I. Miroshnichenko, Doctor of Science (Historical), Associate Professor, Professor of Department of Russian and Foreign History, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation,
e-mail: mmi74@ yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0545-2359

Nadezhda P. Paletskikh, Doctor of Sciences (Historical), Associate Professor, Professor of Department of Social Sciences, Humanities and Russian as a Foreign Language, South Ural State Agrarian University, Chelyabinsk, Russian Federation,
e-mail: mmi74@ yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-5073-7914

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94(394)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-216-226>**Трансформация земельных отношений в российской деревне в период «черного передела» (1917–1918 годы)****А.А. Колупаев¹**¹ Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kolupaev79@mail.ru

Резюме

Актуальность. Исследование «черного передела» сохраняет исключительную актуальность, поскольку данный феномен представляет собой ключевой момент в аграрной истории России, предопределивший траекторию развития советской деревни и заложивший основы для последующих социально-экономических катаклизмов, включая насильственную коллективизацию и голод. Анализ этого периода позволяет глубже понять природу революционного процесса и механизмы взаимодействия власти и крестьянства.

Целью настоящей работы является комплексный научный анализ процесса трансформации земельных отношений в российской деревне в период 1917–1918 годов, выявление его предпосылок, движущих сил, ключевых этапов, а также оценка его многоаспектных и противоречивых последствий для социально-экономической структуры аграрного сектора.

Задачами исследования являются: систематизация исторических предпосылок «черного передела», включая анализ общинных традиций и провала правительственных аграрных реформ; реконструкция хронологии и динамики аграрного движения в 1917 году; оценка роли «Декрета о земле» как инструмента легитимации стихийного процесса; анализ непосредственных и долгосрочных последствий перераспределения земли.

Методология. Статья базируется на принципах историзма и системного анализа. Применяется историко-генетический метод для прослеживания истоков аграрного вопроса, а также сравнительно-исторический метод для анализа региональных особенностей передела.

Результаты. В статье продемонстрировано, что «черный передел» являлся не только актом стихийного крестьянского движения, но и объектом целенаправленной политической манипуляции со стороны большевиков. Установлено, что легализация передела через «Декрет о земле» позволила новой власти заручиться временной поддержкой деревни, одновременно заложив основы для будущего этатизма в аграрной сфере.

Выводы. «Черный передел» стал кульминацией вековых крестьянских чаяний, но его реализация привела к парадоксальным результатам. Удовлетворив «земельный голод» в краткосрочной перспективе, он спровоцировал дробление хозяйств, упадок агрокультуры и сохранение социальной напряженности, создав тем самым предпосылки для дальнейшей трагедии российской деревни и утверждения тоталитарного контроля над сельским хозяйством.

Ключевые слова: черный передел; аграрный вопрос; революция; Декрет о земле; крестьянство; земельные отношения; продразверстка.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Колупаев А.А. Трансформация земельных отношений в российской деревне в период «черного передела» (1917–1918 годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 216–226. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-216-226>.

Поступила в редакцию 25.10.2025

Принята к публикации 17.11.2025

Опубликована 25.12.2025

Transformation of land relations in the Russian village during the "black redistribution" period (1917–1918)

Andrei A. Kolupaev¹✉

¹Southwest State University,
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉e-mail: kolupaev79@mail.ru

Abstract

Relevance. The study of the "black redistribution" remains exceptionally relevant, as this phenomenon represents a key moment in the agrarian history of Russia, predetermining the trajectory of development of the Soviet village and laying the foundations for subsequent socio-economic cataclysms, including forced collectivization and famine. An analysis of this period allows for a deeper understanding of the nature of the revolutionary process and the mechanisms of interaction between the government and the peasantry.

The purpose of this paper is to provide a comprehensive scientific analysis of the process of land relations transformation in the Russian village in 1917–1918, identify its prerequisites, driving forces, and key stages, and assess its multifaceted and contradictory consequences for the socio-economic structure of the agricultural sector.

Objectives of the study are: systematization of the historical preconditions for the "black redistribution," including an analysis of communal traditions and the failure of government agrarian reforms; reconstruction of the chronology and dynamics of the agrarian movement in 1917; An assessment of the role of the "Land Decree" as an instrument for legitimizing a spontaneous process; an analysis of the immediate and long-term consequences of land redistribution.

Methodology. The article is based on the principles of historicism and systems analysis. A historical-genetic method is used to trace the origins of the agrarian question, as well as a comparative historical method to analyze the regional characteristics of the redistribution.

Results. The article demonstrates that the "black redistribution" was not only an act of a spontaneous peasant movement but also an object of targeted political manipulation by the Bolsheviks. It is established that the legalization of the redistribution through the "Land Decree" allowed the new government to secure temporary support from the villages, while simultaneously laying the foundations for future statism in the agrarian sector.

Conclusions. The "black redistribution" was the culmination of centuries-old peasant aspirations, but its implementation led to paradoxical results. While satisfying the "land famine" in the short term, it provoked the fragmentation of farms, the decline of agriculture, and the continuation of social tensions, thereby creating the preconditions for the further tragedy of the Russian village and the establishment of totalitarian control over agriculture.

Keywords: black redistribution; agrarian question; revolution; Land Decree; peasantry; land relations; food appropriation.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kolupaev A.A. Transformation of land relations in the Russian village during the "black redistribution" period (1917–1918). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(6):216–226. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-216-226>.

Received 25.10.2025

Accepted 17.11.2025

Published 25.12.2025

Введение

Период, вошедший в историографию под метафорическим наименованием «черный передел», охватывающий 1917–1918 гг., представляет собой не просто один из эпизодов российской революции

1917 г., но ее системообразующий стержень, кульминационную точку многовекового антагонизма, определявшего социально-экономический ландшафт Российской империи. Это явление, характеризовавшееся тотальным и зачастую насильственным перераспределением зе-

мельного фонда, стало моментом истины для российской деревни, обнажив глубинные пласты крестьянского правосознания, архаичные представления о справедливости и вековые чаяния о земле. Анализ данного феномена требует выхода за рамки простого описания фактов экспроприации и раздела земель; он предполагает глубокое погружение в ментальную и социальную структуру русского крестьянства, а также в диалектику взаимодействия стихийного народного движения и политического волюнтаризма пришедших к власти партий. Именно в горниле «черного передела» были выкованы те социальные и экономические реалии, которые предопределили дальнейший вектор развития советского государства, его аграрную политику и в конечном счете трагическую судьбу самого крестьянства как класса. Понимание механизмов, запустивших этот маховик радикальных преобразований, и последствий, к которым он привел, является ключом к осмыслению всей советской эпохи.

Методология

Адекватное научное осмысление такого многогранного и исторически детерминированного феномена, как «черный передел», требует применения комплексной методологической парадигмы, способной интегрировать различные уровни анализа – от макроисторических процессов до микроуровня крестьянского правосознания. В основе настоящего исследования лежит принцип историзма, который предполагает рассмотрение «черного передела» не как изолированного события, а как закономерного результата длительной эволюции аграрных отношений и социальных антагонизмов в России. Центральным методом исследования выступает историко-генетический метод. Его применение позволяет проследить генезис «черного передела», уходящий корнями в пореформенную эпоху. Историко-генетический подход

дает возможность реконструировать процесс накопления социального недовольства и формирования в крестьянской среде устойчивых представлений о необходимости всеобщего уравнительного передела, что и составило идеологическую базу событий 1917–1918 гг. Не менее важным является применение системного анализа, который позволяет рассматривать «черный передел» как сложную динамичную систему, состоящую из взаимосвязанных элементов: экономического, социального, политического и культурно-психологического. В рамках исследования широко используется сравнительно-исторический метод. Он применяется, в частности, для сопоставления аграрного движения 1917 г. с крестьянскими выступлениями периода революции 1905–1907 гг. Особое место в методологическом инструментарии занимает анализ источников нормативного характера, прежде всего «Декрета о земле». Здесь применяется метод историко-юридического анализа. Наконец, в работе используются элементы количественного анализа (клиометрии) при работе со статистическими данными. Интеграция этих методов позволяет создать целостную, многоуровневую картину «черного передела», раскрыть его внутренние механизмы и оценить его историческое значение как поворотного пункта в судьбе российской деревни.

Результаты и их обсуждение

Истоки «черного передела» невозможно понять вне контекста уникальной аграрной цивилизации России, ядром которой выступала крестьянская община. Именно в недрах общинного землевладения сформировалась и укоренилась идея о том, что земля является «ничьей», «Божьей», а право на пользование ею дает исключительно труд. Этот фундаментальный постулат крестьянской этики находился в непримиримом противоречии с юридическими нормами частной собственности, насаждавшимися госу-

дарством [1, с. 5–10]. Традиция регулярных «равнений» или переделов общинной земли, направленных на уравнильное распределение участков между дворами в соответствии с количеством работников или едоков, сформировала у крестьян устойчивый психологический паттерн. Они экстраполировали этот механизм на всю совокупность земельных ресурсов страны, воспринимая помещичьи, государственные и церковные владения как временно и несправедливо отчужденную часть общего достояния, подлежащую возврату и справедливому разделу. Ожидание этого всеобщего, «черного» (в значении «общенародного», «по земле») передела стало неотъемлемой частью крестьянской эсхатологии, мессианским чаянием, передававшимся из поколения в поколение по крайней мере с момента отмены крепостного права в 1861 г. [2, с. 14–18] Реформа 1861 г., освободив крестьян юридически, не решила главной проблемы – земельной, оставив значительную часть лучших угодий в руках помещиков и обременив крестьян выкупными платежами. Это «половинчатое» освобождение лишь усилило убежденность крестьянства в грядущем втором, подлинном освобождении – освобождении с землей.

Ситуация драматически усугубилась на рубеже XIX–XX вв. Демографический взрыв, пришедшийся на царствование Николая II, привел к резкому росту сельского населения без адекватного расширения производственной базы или альтернативных каналов занятости. Это явление, известное как аграрное перенаселение, породило колоссальный избыток рабочей силы в деревне, обострив до предела проблему малоземелья [3, с. 13–16]. Крестьянские наделы дробились, превращаясь в карликовые участки, неспособные прокормить растущие семьи. На этом фоне латифундии помещиков, часто использовавшиеся неэффективно, выглядели вопиющей социальной несправедливостью, постоянным укором и

источником глухой ненависти. Социальное неравенство в деревне было не просто экономическим фактором, оно приобретало экзистенциальное, почти метафизическое измерение, разделяя мир на «тружеников» и «паразитов».

Попытки царского правительства найти выход из аграрного тупика, принятые в рамках Столыпинской аграрной реформы (1906–1917 гг.), оказались фатально запоздалыми и недостаточными по своему масштабу и концептуальной глубине. Реформа, делавшая ставку на разрушение общины и формирование класса фермеров-собственников по западному образцу, не учитывала ментальные установки большинства крестьян. Массовое переселение в Сибирь и на Дальний Восток, хотя и имело определенный эффект, не могло абсорбировать весь избыток населения европейской части России. Закрепление земли в частную собственность (выход на хутора и отруба) было воспринято многими общинниками как посягательство на коллективные устои и вызвало ожесточенное сопротивление. Столыпинская реформа, по сути, пыталась насадить капиталистические отношения в среде, чье мировоззрение оставалось глубоко антикапиталистическим. В результате, несмотря на определенные экономические успехи, реформа не только не сняла, но и в некоторых аспектах усугубила социальное напряжение, добавив к антагонизму «крестьяне-помещики» новый конфликт – «общинники-единоличники» [3, с. 17–18]. К 1917 г. провал этой последней попытки эволюционного решения аграрного вопроса стал очевиден. Подавляющее большинство крестьянских наказов, направлявшихся в различные инстанции, содержало одно главное, ультимативное требование: конфискация всех нетрудовых земель и их передача в ведение крестьянских общин для уравнительного распределения. Почва для революционного взрыва была готова [4, с. 97–100].

Февральская революция 1917 г. и падение монархии послужили тем детонатором, который привел в действие накопленный за столетия потенциал социального протеста. Для крестьянства крах самодержавия означал не столько смену политического режима, сколько исчезновение сакральной силы, сдерживавшей их от прямого действия. Временное правительство, составленное из либеральных и умеренно-социалистических деятелей, оказалось в ловушке собственных доктрин. Оно призывало крестьян ждать решения земельного вопроса до созыва Учредительного собрания, апеллируя к законности и правопорядку. Однако для крестьян, чье правосознание основывалось на «правде», а не на «законе», эти призывы были пустым звуком. Они начали действовать немедленно, воспроизводя и многократно усиливая сценарии революции 1905 г. Весна 1917 г. ознаменовалась началом лавинообразного аграрного движения, которое стремительно радикализировалось. Статистика, при всей ее неполноте, красноречиво свидетельствует о нарастании этой волны: если в апреле было зафиксировано 205 «аграрных беспорядков» в 42 губерниях Европейской России, то в мае их число выросло до 558, а в июне – до 1122 [5, с. 167–170]. К осени, на фоне паралича центральной власти и развала армии, движение приобрело характер всеобщего восстания. С 1 сентября по 20 октября 1917 г. было зафиксировано свыше 5 тыс. инцидентов, что означало фактическую ликвидацию помещичьего землевладения на большей части страны еще до прихода большевиков к власти [6, с. 31–35].

Действия крестьян носили стихийный, неорганизованный характер и зачастую выливались в формы, которые можно охарактеризовать как социальный вандализм. Погромы помещичьих имений сопровождалась не только разделом земли и запашкой полей, но и грабежами, поджогами усадеб, уничтожением племенного скота, вырубкой садов и парков, разгромом библиотек и культурных цен-

ностей. Этот иррациональный на первый взгляд элемент разрушения был проявлением глубокой социальной мести, стремлением уничтожить не только экономическую основу, но и сами символы чуждого, «господского» мира. В этом хаосе, однако, прослеживалась и определенная логика. Ключевую роль в придании стихийному движению некоего подобия организованности сыграли местные органы крестьянского самоуправления – Советы крестьянских депутатов и волостные земельные комитеты. Эти структуры, в которых доминировали представители партии социалистов-революционеров (эсеров), стали фактической властью на местах. Уже с мая 1917 г., не дожидаясь никаких указаний из центра, губернские и уездные съезды Советов начали принимать решения о передаче пахотных земель и угодий в распоряжение волостных комитетов для последующего распределения. Таким образом, «черный передел» развивался по двум параллельным трекам: снизу – через прямые насильственные действия крестьянских масс, и на среднем уровне – через квазизаконные решения эсеровских по составу комитетов, которые пытались ввести стихию в некое русло [7, с. 183–189].

Временное правительство оказалось бессильно перед этим цунами. Его попытки направить карательные отряды для усмирения деревни проваливались. Солдаты, в подавляющем большинстве вчерашние крестьяне, не только отказывались стрелять в своих односельчан, но и массово дезертировали с фронта, чтобы успеть к разделу земли. Они приносили с собой оружие и боевой опыт, что делало крестьянские выступления еще более решительными. Эсеры и меньшевики, входившие в состав правительства, оказались в двусмысленном положении: будучи формально представителями власти, они не решались применять силу против своей основной социальной базы – крестьянства, что окончательно парализовало любые попытки восстановить порядок. В этой ситуации вакуума власти и право-

вого хаоса единственной политической силой, которая не осудила, а полностью поддержала и возглавила крестьянское движение, оказались большевики. Их гениальный тактический ход состоял в том, чтобы легализовать уже свершившийся факт. Принятый на II Всероссийском съезде Советов 27 октября 1917 г. «Декрет о земле», написанный В.И. Лениным, стал не причиной, а следствием и юридическим оформлением «черного передела». Большевики, не имевшие собственной проработанной аграрной программы, без колебаний «перехватили» ключевой эсеровский лозунг «социализации земли». Они включили в текст декрета «Крестьянский наказ», составленный на основе 242 местных наказов и отражавший подлинные чаяния деревни. Этот шаг обеспечил им решающую поддержку со стороны крестьянских масс в ключевые месяцы становления советской власти. Декрет провозглашал немедленную и безвозмездную отмену помещичьей собственности, передачу всех земель в распоряжение местных Советов и запрет на порчу конфискуемого имущества. Он провозглашал принцип уравнительного землепользования, согласно которому земля предоставлялась всем, кто желает ее обрабатывать своим трудом. Это был акт высочайшего политического прагматизма, позволивший большевикам оседлать волну народного гнева и направить ее в русло укрепления своей диктатуры [8, с. 942–945]. Таким образом, «черный передел» из стихийного социального явления превратился в легитимированный государством процесс, последствия которого определили всю дальнейшую историю аграрных отношений в России.

Анализ «черного передела» и последующей аграрной политики большевиков вскрывает фундаментальное противоречие между утопическими доктринами, революционным волюнтаризмом и жестокой реальностью российской деревни. Процесс, начавшийся как стихийное осуществление вековой крестьянской мечты о земле, был стремительно инкор-

порирован в логику государственного строительства нового типа, где крестьянство из субъекта революции превратилось в объект тотального контроля и эксплуатации.

Большевистская аграрная доктрина, несмотря на тактический союз с крестьянством, заключенный через «Декрет о земле», в своей основе была глубоко антикрестьянской. Марксистская теория рассматривала крестьянство как мелкобуржуазный, реакционный класс, обреченный на исчезновение в ходе исторического процесса. Идеалом коммунистического сельского хозяйства виделись крупные, механизированные коллективные хозяйства, по сути, «фабрики зерна», работающие по единому государственному плану [9, с. 43–47]. «Декрет о земле», провозглашая уравнительное землепользование, содержал в себе семена будущей трагедии: он декларировал преимущество коллективных форм хозяйствования над единоличными. Этот пункт, поначалу незаметный для крестьян, опьяненных получением земли, являлся идеологической бомбой замедленного действия. «Социализация земли», заимствованная у эсеров, в большевистской интерпретации означала не передачу земли в самоуправляемое распоряжение общин, а ее фактическую национализацию. Земля переставала быть объектом частной собственности, но не становилась собственностью крестьян; она превращалась в собственность государства, которое лишь временно «делегирует» право пользования ею. Эта доктринальная установка создавала теоретическую базу для последующего отчуждения крестьян от земли и результатов их труда, что в полной мере проявилось в политике «военного коммунизма» и в конечном счете в насильственной коллективизации [10, с. 983–987].

Реальность, с которой столкнулись большевики, была далека от их теоретических схем. «Черный передел» привел не к укрупнению, а к массовому дроблению хозяйств. Этот процесс был обу-

словлен двумя факторами: во-первых, в деревню хлынули миллионы отходников из городов, где закрывались фабрики, и демобилизованных солдат, каждый из которых претендовал на свою долю земли; во-вторых, возможность получить отдельный надел для молодой семьи стимулировала распад больших патриархальных семейных хозяйств [11, с. 244–246]. В результате количество крестьянских дворов резко возросло, а средний размер надела уменьшился. Хозяйства стали более мелкими, натуральными и менее товарными. Этот процесс «осередничивания» деревни на первый взгляд соответствовал эгалитарным идеалам, но с точки зрения государственных интересов (прежде всего снабжения городов и армии) он был катастрофой. Большевики оказались перед дилеммой: либо признать реальность и строить политику на основе сотрудничества с крестьянином-собственником, либо силой сломать эту реальность и подогнать ее под свою доктрину. Они выбрали второй путь. Лозунг «социализации» был быстро отброшен в пользу прямого государственного вмешательства. «Черный передел» был объявлен лишь первым, «буржуазно-демократическим» этапом революции в деревне, за которым должен был последовать второй, «социалистический» этап – борьба с «кулачеством» и организация коллективных хозяйств [11, с. 247–248].

Переход к политике прямого принуждения требовал идеологического обоснования. Таким обоснованием стала теория обострения классовой борьбы в деревне по мере продвижения к социализму. Крестьянство было искусственно разделено на три враждующие группы: кулаков (сельскую буржуазию), середняков (колеблющийся элемент) и бедноту (пролетарские и полупролетарские элементы, опора советской власти). «Кулаком» мог быть объявлен любой крестьянин, имевший излишки хлеба и не желавший отдавать их государству по твердым ценам. Эта схема, имевшая мало общего с реальной социальной структу-

рой деревни, где границы между группами были размыты, служила универсальным инструментом для оправдания насилия [12, с. 122–126]. Отказ сдать хлеб по продразверстке трактовался не как экономический расчет, а как акт контрреволюционного саботажа. Таким образом, экономические проблемы снабжения переводились в плоскость политической борьбы, а против «врагов народа» можно было применять любые, самые жестокие меры. Эта логика превращала государство в карательный орган, а продразверстку – в инструмент классового террора.

Для реализации политики государственного насилия были созданы специальные инструменты. «Черный передел», проведенный под эгидой волостных земельных комитетов и Советов, создал на местах органы власти, которые большевики стремились взять под свой контроль. Однако эти органы часто отражали интересы всей крестьянской массы и саботировали продовольственную политику центра. Поэтому летом 1918 г. была сделана ставка на раскол деревни и создание чрезвычайных органов – комитетов бедноты (комбедов). Комбеды, формировавшиеся из беднейших слоев деревни, наделялись широчайшими полномочиями по изъятию «излишков» хлеба у зажиточных крестьян. Часть изъятых зерно оставалась в распоряжении самих комбедов, что стимулировало их активность и превращало в инструмент разжигания гражданской войны внутри каждой деревни. Комбеды стали главным орудием «красногвардейской атаки на капитал» в сельской местности, проводя перераспредел не только земли, но и инвентаря, скота и продовольствия [13, с. 47–50]. Их деятельность привела к полному разрушению традиционных общинных связей и установлению в деревне атмосферы страха, доноительства и всеобщей вражды [14, с. 105–109].

Введение продовольственной диктатуры весной-летом 1918 г. ознаменовало окончательный отказ от каких-либо ры-

ночных отношений с деревней. Свободная торговля хлебом была запрещена. Все «излишки» (объем которых произвольно определялся государством) подлежали обязательной сдаче по номинальным ценам. Для изъятия хлеба в деревню направлялись вооруженные продотряды, состоявшие из рабочих и солдат. Их действия часто сопровождалось насилием, реквизициями и расстрелами. Система проддиктатуры была не просто экономическим механизмом, а алгоритмом государственного террора, направленного на подчинение крестьянства и изъятие у него всех ресурсов для нужд государства [15, с. 143–145]. Эта политика была прямым следствием «черного передела»: получив землю, крестьяне не получили права свободно распоряжаться продуктами своего труда. Государство, объявив себя верховным собственником земли, считало себя вправе претендовать и на урожай, выращенный на этой земле.

Хотя комбеды преподносились как органы диктатуры деревенского пролетариата, на практике они были инструментом политической манипуляции. Их создание позволило большевикам нейтрализовать эсеровское влияние в местных Советах и провести их «большевизацию». После того как комбеды выполнили свою задачу по расколу деревни и изъятию первого урожая, они были слиты с Советами, обеспечив в них доминирование лояльных режиму элементов. Эта операция продемонстрировала цинизм и прагматизм большевистской политики: социальная демагогия и разжигание низменных инстинктов (зависти, жажды наживы) использовались для решения конкретных политических задач – установления тотального контроля над деревней. Однако в долгосрочной перспективе политика опоры на люмпенизированные слои привела к деградации сельского сообщества и подрыву производственных сил [13, с. 47–50].

Продразверстка, введенная в начале 1919 г., стала логическим развитием

проддиктатуры. Она представляла собой систему государственных обязательств по сдаче продовольствия, которые разверстывались по губерниям, уездам и волостям, вплоть до каждого крестьянского двора. В отличие от налога размер продразверстки не зависел от реального урожая и производственных возможностей хозяйства. Она исходила из потребностей государства, которые считались абсолютным приоритетом. Идеологически продразверстка прикрывалась риторикой о «союзническом долге» крестьян перед рабочим классом. На деле это была система безэквивалентного изъятия сельскохозяйственной продукции, подрывавшая всякие стимулы к расширению производства. Крестьяне отвечали на продразверстку сокращением посевных площадей до уровня собственного потребления, что лишь усугубляло продовольственный кризис и провоцировало новый виток государственного насилия [16, с. 220–224].

Логика «военного коммунизма» не ограничивалась изъятием продукции. Она распространялась и на сам процесс производства. Была введена всеобщая трудовая повинность, в рамках которой крестьян могли принудительно привлекать к различным работам (лесозаготовкам, гужевым перевозкам и т. д.). Предпринимались попытки милитаризации сельского хозяйства, создания «трудовых армий» для проведения полевых работ. Эти меры отражали стремление большевиков превратить все население страны, включая крестьянство, в послушных исполнителей государственных предписаний, винтиков огромной милитаризованной машины. Эта политика тотального принуждения была вершиной революционного волюнтаризма, попыткой построить новое общество на основе внеэкономического принуждения и полного отрицания личной инициативы и материальной заинтересованности [16, с. 225–227].

Несмотря на кажущуюся эффективность системы тотального принуждения,

ее результаты оказались катастрофическими. «Черный передел», уничтожив крупные высокотоварные помещичьи и кулацкие хозяйства и заменив их массой мелких потребительских хозяйств, сам по себе привел к снижению товарности сельского хозяйства. Переход крупных земельных наделов к мелким крестьянским хозяйствам с их примитивной агротехникой вызвал резкий упадок агрокультуры. Поля засорялись, урожайность падала. Широкое распространение получили фитопатологические инфекции. Как отмечается в источниках, именно эта деградация агротехники стала одной из глубинных причин катастрофических потерь урожая в 1932 г., которые спровоцировали массовый голод 1932–1933 гг. [17, с. 6–10] Политика «военного коммунизма» усугубила эти негативные тенденции до предела. Ответом на террор и грабеж стало массовое крестьянское сопротивление, которое к 1920–1921 гг. вылилось в настоящую крестьянскую войну против советской власти (восстания в Тамбовской губернии, Западной Сибири, Поволжье и т. д.). Крестьянство, которое в 1917 г. поддержало большевиков в надежде получить землю и волю, к 1921 г. стало их злейшим врагом. Крах сельского хозяйства и угроза потери власти заставили Ленина пойти на «стратегическое отступление» – переход к новой экономической политике (нэпу), который временно восстановил рыночные отношения и спас страну от полного коллапса. Однако сам факт «черного передела» и последующая национализация земли создали юридическую и политическую основу для нового наступления на крестьянство, которое было предпринято в конце 1920-х гг. и вошло в историю как сплошная коллективизация [17, с. 12–20].

Выводы

«Черный передел» 1917–1918 гг., ставший апогеем многовековой борьбы русского крестьянства за землю, является одним из наиболее сложных и трагически противоречивых явлений отечественной

истории. Его анализ позволяет сделать ряд фундаментальных выводов о природе российской революции, диалектике взаимоотношений власти и народа, а также о долгосрочных последствиях радикальных социальных трансформаций, осуществляемых без учета объективных экономических законов и культурно-исторических реалий.

Во-первых, «черный передел» неопровержимо доказал, что аграрный вопрос был центральным, стержневым вопросом российской революции. Во-вторых, события 1917–1918 гг. вскрыли глубочайший разрыв между юридическим и народным правосознанием. Крестьянство действовало в рамках своей собственной системы ценностей, где право на землю определялось трудом, а не формальными документами о собственности. В-третьих, «черный передел» имел катастрофические экономические последствия в долгосрочной перспективе. Основным результатом перераспределения земли стало не только временное ослабление «земельного голода», но и тотальное измельчание крестьянских хозяйств. В-четвертых, «черный передел», вопреки ожиданиям, не привел к умиротворению деревни, он лишь изменил характер социальных конфликтов. Наконец, «черный передел» и последующая политика социализации земли стали фундаментом для сталинской коллективизации.

Таким образом, «черный передел» предстает как великая историческая драма. Он стал актом высшей социальной справедливости в понимании крестьянских масс и одновременно прологом к величайшей трагедии российской деревни. Удовлетворив вековую жажду земли, он лишил крестьянина свободы и в конечном счете самой земли. Этот парадокс является ключевым для понимания всей советской истории и служит грозным предостережением о последствиях социальных революций, в которых утопические идеологии и политический волюнтаризм берут верх над здравым смыслом и органическим развитием.

Список литературы

1. Канищев В.В., Цинцадзе Н.С. Социоестественные аспекты российской революции 1917 г. // История и современность. 2017. № 2 (26). С. 5-21.
2. Боголюбов С.А. Аграрно-земельные преобразования 1917 года // Аграрное и земельное право. 2017. № 8 (152). С. 13-23.
3. Теряков Д.С., Володина Н.В. Реформы Столыпина: направление, итоги и значение // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2012. № 1 (2). С. 12-18.
4. Забоенкова А.С. Правовое положение надельной земли в период аграрной реформы П.А. Столыпина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 6. С. 96-103.
5. Кабытова Н.Н. Организационные формы аграрной революции 1917 года в Поволжье // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8 (109). С. 165-178.
6. Медведев А.В. Крестьянская революция в России (1917-1918) // Наука. Мысль. 2017. № 1-2. С. 31-35.
7. Птицына Г.М. Конфликты крестьян в марте-октябре 1917 г. (на материалах Владимирской губернии) // Симбирский научный вестник. 2020. № 1 (30). С. 183-189.
8. Новосёлова Д.И. Аграрные реформы в России и принятие Декрета о земле в 1917 году // Теория и практика современной науки. 2016. № 12 (18). С. 942-945.
9. Козлов А.П. Аграрная политика большевиков в 1917 г. и в первые годы советской власти // Символ науки. 2019. № 9. С. 43-47.
10. Рассказов Л.П., Верховляд Д.А. Ленинская идея национализации земли и ее реализация в процессе формирования законодательной базы, определявшей статус земельной собственности после Октябрьской революции 1917 г. // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 94. С. 982-993.
11. Новикова Е.В. Правовое оформление земельных отношений в 1917–1926 гг. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. №2. С. 244-248.
12. Николашин В.П. Политическая борьба и конфликтность в черноземной деревне (1917-1920 гг.) // История: факты и символы. 2020. № 2 (23). С. 121-127.
13. Борисов В.И. Комитеты бедноты юга России в системе продовольственной политики Советской власти в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.) // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2 (2). С. 47-50.
14. Елифанов А.Е. Из истории организации и деятельности комитетов бедноты (по материалам Нижнего Поволжья) // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 105-109.
15. Алешкин П.Ф. Крестьянство и власть: военный коммунизм в Советской России // Власть. 2012. № 5. С. 143-145.
16. Колесник Э.Г., Тарасов М.Г. К вопросу о причинах краха политики «военного коммунизма» (попытка экономического анализа) // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2017. № 1 (5). С. 220-227.
17. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в Российской Федерации (РСФСР) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 1. С. 6-20.

References

1. Kanishchev V.V., Tsintsadze N.S. Socio-natural aspects of the Russian Revolution of 1917. *Istoriya i sovremennost'*. = *History and modernity*. 2017;(2):5-21. (In Russ.)
2. Bogolyubov S.A. Agrarian and land transformations of 1917. *Agrarnoe i zemel'noe parvo* = *Agrarian and land law*. 2017;(8):13-23. (In Russ.)
3. Teryakov D.S., Volodina N.V. Stolypin's reforms: direction, results and significance. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve* = *Models, systems, and networks in economics, technology, nature, and society*. 2012;(1):12-18. (In Russ.)

4. Zaboenkova A.S. The legal status of allotment land during P.A. Stolypin's agrarian reform. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* = *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2013;(6):96-103. (In Russ.)
5. Kabytova N.N. Organizational forms of the agrarian revolution of 1917 in the Volga region. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Vestnik of Samara State University*. 2013;(8):165-178. (In Russ.)
6. Medvedev A.V. The Peasant Revolution in Russia (1917-1918). *Nauka. Mysl' = Science. Thought*. 2017;(1-2):31-35. (In Russ.)
7. Ptitsyna G.M. Peasant conflicts in March-October 1917 (based on the materials of the Vladimir province). *Simbirskii nauchnyi vestnik* = *Simbirsk Scientific Bulletin*. 2020;(1):183-189. (In Russ.)
8. Novoselova D.I. Agrarian reforms in Russia and the adoption of the Decree on Land in 1917. *Teoriya i praktika sovremennoi nauki* = *Theory and practice of modern science*. 2016;(12):942-945. (In Russ.)
9. Kozlov A.P. The agrarian policy of the Bolsheviks in 1917 and in the early years of Soviet power. *Simvol nauki* = *A symbol of science*. 2019;(9):43-47. (In Russ.)
10. Rasskazov L.P., Verkhoglyad D.A. Leninskaya ideya natsionalizatsii zemli i ee realizatsiya v protsesse formirovaniya zakonodatel'noi bazy, opredelyavshei status zemel'noi sobstvennosti posle Oktyabr'skoi revolyutsii 1917 g. *Nauchnyi zhurnal KubGAU* = *Scientific journal of KubSAU*. 2013;(94):982-993. (In Russ.)
11. Novikova E.V. Legal registration of land relations in 1917-1926. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* = *Proceedings of Tula State University. Humanities*. 2013;(2):244-248. (In Russ.)
12. Nikolashin V.P. Political struggle and conflict in the Chernozem countryside (1917-1920). *Istoriya: fakty i simvoly* = *History: facts and symbols*. 2020;(2):121-127. (In Russ.)
13. Borisov V.I. Komitety bednoty yuga Rossii v sisteme prodovol'stvennoi politiki Sovetskoi vlasti v gody Grazhdanskoi voyny (1918-1920 gg.). *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* = *The Bryansk State University Herald*. 2012;2(2):47-50. (In Russ.)
14. Epifanov A.E. From the history of the organization and activities of committees of the poor (based on materials from the Lower Volga region). *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* = *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(1):105-109. (In Russ.)
15. Aleshkin P.F. The Peasantry and Power: War Communism in Soviet Russia. *Vlast' = Power*. 2012;(5):143-145. (In Russ.)
16. Kolesnik E.G., Tarasov M.G. On the question of the causes of the collapse of the policy of "war communism" (an attempt at economic analysis). *Sotsial'no-ekonomicheskii i humanitarnyi zhurnal* = *The Social and economic and Humanitarian magazine*. 2017;(1):220-227. (In Russ.)
17. Kondrashin V.V. Famine of 1932-1933 in the Russian Federation (RSFSR). *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeskikh istoricheskikh issledovaniy* = *Journal of Russian and East European Historical Studies*. 2010;(1):6-20. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Колупаев Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kolupaev79@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9438-3430

Andrej A. Kolupaev, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kolupaev79@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9438-3430

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94:32.019.52:324.8

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-227-245>



Проекты реформы земской избирательной системы в период ревизии Положения о земских учреждениях 1864 года

А.А. Сорокин¹✉

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
ул. Ульянова, д. 2, г. Нижний Новгород 603002, Российская Федерация

✉e-mail: skaliger1989@yandex.ru

Резюме

Актуальность исследования заключается в необходимости научного осмысления дискуссий о возможных преобразованиях земской избирательной системы в период подготовки ревизии отдельных положений земской реформы 1864 года.

Целью данной статьи является выявление сущности, содержания и особенностей проектов реформы системы земских выборов, предложенных правоведами, чиновниками, публицистами и земскими деятелями различных общественно-политических взглядов.

Задачи исследования представляют собой определение содержания и особенностей рассматриваемых проектов по таким направлениям, как место органов земского самоуправления в системе государственных институтов местного управления; группировка избирателей; порядок избрания на руководящие должности и возможность разграничения полномочий в руководстве; возможность применения образовательного ценза; введение в состав земских собраний отдельных лиц без производства выборов; введение ограничений на избрание гласными должностных лиц крестьянского управления.

Методология исследования основана на применении историко-сравнительного, историко-правового и историко-типологического методов.

Результаты. Совокупность рассмотренных проектов и инициатив охватывает значительный объем проблем, которые предлагалось решить ввиду недостатков земской избирательной системы, которые отмечались всеми авторами проектов независимо от их общественно-политических взглядов. В частности, выдвигались предложения по сокращению выборного начала в земстве, созданию новой группировки избирателей (в том числе и на сословной основе) либо ее унификации для возможности одновременного использования на волостных и городских выборах, введению запрета на совмещение руководящих должностей во избежание конфликта интересов, предоставления права гласных без проведения выборов отдельным категориям избирателей для обеспечения защиты их прав в земстве, применения образовательного ценза как дополнительного условия для избрания при понижении имущественного ценза.

Вывод. Общественно-политическая борьба за изменение законодательства о выборах в земские собрания была обусловлена рядом факторов: имевшейся квалификацией земских гласных; стремлением обеспечить конкретный сословный либо классовый состав земских собраний; попытками провести централизацию либо децентрализацию местного самоуправления.

Ключевые слова: земские выборы; земская реформа; земское собрание; избирательное право; имущественный ценз; местное самоуправление; образовательный ценз.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Сорокин А.А. Проекты реформы земской избирательной системы в период ревизии Положения о земских учреждениях 1864 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 227–245. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-227-245>.

Поступила в редакцию 11.09.2025

Принята к публикации 27.10.2025

Опубликована 25.12.2025

Draft reforms of the zemstvo electoral system during the revision of the Law on zemstvo Institutions of 1864

Alexander A. Sorokin^{1✉}

¹Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod National Research University

2 Ulyanova Str., Nizhny Novgorod 603002, Russian Federation

✉e-mail: skaliger1989@yandex.ru

Abstract

The relevance of the study lies in the need for a scientific understanding of the discussions about possible transformations of the zemstvo electoral system during the preparation of the revision of certain provisions of the Zemstvo reform of 1864.

The purpose of this article is to identify the essence, content and features of the zemstvo electoral reform projects proposed by jurists, officials, publicists and zemstvo figures of various socio-political views.

The objectives of the study are to determine the content and specifics of the projects under consideration on the following issues: the place of zemstvo self-government bodies in the system of state institutions of local government; grouping of voters; the procedure for election to senior positions and the possibility of dividing powers in leadership; the possibility of applying educational qualifications; inclusion of individuals in zemstvo assemblies without elections; introduction of restrictions on election public officials of the peasant administration.

The methodology is based on the application of historical-comparative, historical-legal and historical-typological methods.

Results. The totality of the projects and initiatives considered covers a significant number of problems that were proposed to be solved due to the shortcomings of the Zemstvo electoral system, which were noted by all the authors of the projects, regardless of their socio-political views. In particular, proposals were put forward to reduce the electoral principle in the zemstvo; to create a new grouping of voters (including on a class basis) or to unify it so that it could be used simultaneously in volost and city elections.; the introduction of a ban on combining senior positions in order to avoid conflicts of interest; granting the right of deputies without holding elections to certain categories of voters to ensure the protection of their rights in the zemstvo; the application of an educational qualification as an additional condition for election when lowering the property qualification.

Conclusion. The socio-political struggle for changing the legislation on elections to zemstvo assemblies was determined by a number of factors: the qualifications of zemstvo deputies; the desire to ensure a specific class or class composition of zemstvo assemblies; attempts to centralize or decentralize local government.

Keywords: zemstvo elections; zemstvo reform; zemstvo assembly; electoral law; property qualification; local government; educational qualification.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Sorokin A.A. Draft reforms of the zemstvo electoral system during the revision of the Law on zemstvo Institutions of 1864. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(6):227–245. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-227-245>.

Received 11.09.2025

Accepted 27.10.2025

Published 25.12.2025

Введение

Учреждение земского самоуправления в 1864 г. стало знаковым событием в общественно-политической жизни Российской империи второй половины XIX в. Сама практика земских выборов в рамках первых избирательных кампаний, состав и деятельность земских учрежде-

ний вскоре стали предметом широкого обсуждения в среде общественности. Появление нового института местного самоуправления со своими особенными чертами ставило вопрос о дальнейших путях развития как местного управления в целом, так и об ориентирах в эволюции политико-правового строя империи. Эти

теоретические основания, а также практическая деятельность земств обусловили появление дискуссий о возможностях дальнейшей реформы земской избирательной системы.

Данный вопрос в хронологических рамках 1860–1880-х гг. не нашел должного отражения в историографии. В современных исследованиях были проанализированы взгляды современников на введение земства в 1864 г. [1], а также подходы к реформе местного самоуправления отдельных правоведов и мыслителей, в частности А.И. Кошелева [2], В.В. Ивановского [3], А.Д. Градовского [4], ряда консервативных деятелей [5; 6]. В ряде трудов были охарактеризованы общие тенденции борьбы за реформу земского представительства [7], а также дискуссии о проведении децентрализации земского самоуправления [7; 8]. Таким образом, настоящее исследование является первым опытом комплексного и структурного обобщения инициатив и проектов по реформе системы земских выборов в пореформенный период.

Методология

Применение историко-правового метода позволило выявить развитие представлений о подходах к дальнейшему развитию земской избирательной системы в общественно-политической мысли пореформенного периода. С помощью историко-типологического метода оказалось возможным выделить основных «смысловых ядер», вокруг которых выстраивались различные предложения и концепции реформы института земских выборов. За счет историко-сравнительного метода осуществлено выявление специфических черт и побудительных мотивов в тех проектах, которые отличались схожестью в своих предложениях.

Результаты и их обсуждение

В связи с критическим отношением к институту выборов в целом для многих консерваторов вставал вопрос, как мини-

мум, об ограничении выборного начала. Не настаивая на полном упразднении земства (как это произошло в Области Войска Донского), возглавлявший Горный Департамент К.А. Скальковский предлагал провести кардинальную его реформу: оставив земские собрания, упразднить земские управы, заменив их правительственными учреждениями, а постановления земских собраний подчинить прокурорской власти губернатора с правом их обжалования [9, с. 233].

В реакционном русле был и проект сенатора Н.П. Семенова. Он считал, что та степень свободы, которая была у земств, превращала самоуправление в «самоуправство», которое было необходимо ликвидировать, потому что существовавший механизм обжалования постановлений земства вызывал постоянную вражду его с правительством. Поэтому он считал необходимым сделать земские учреждения частью правительственных органов власти, введя председателей губернских и уездных земских управ в состав губернских и уездных правлений соответственно, а членов управ признать состоящими на государственной службе [10, с. 48–49].

Укажем, что сама идея объединения на тех или иных началах земских учреждений с губернской администрацией была довольно популярной. Однако в этом отношении различны были идейные и теоретические основания, на которых базировались подобные проекты. Если указанный выше сенатор Семенов руководствовался стремлением превратить земство в своеобразного местного агента губернской администрации, то совершенно иная логика была у сенатора И.Ф. Шамшина: настаивая на необходимости сохранения имевшегося статуса земских учреждений, он выступал за привлечение земства к участию в государственном уездном и губернском управлении. Для этого он предлагал ликвидировать многочисленные коллегиальные учреждения соответствующего уров-

ня и создать уездные и губернские правления, в состав которого вошли бы представители земских учреждений. Такая мера, по его оценкам, способствовала бы устранению разобщения как между различными инстанциями, так и между земством и губернской администрацией [11, л. 9–10].

Рыльский уездный предводитель дворянства И.В. Васьянов в «Русском вестнике» предлагал руководствоваться рядом мер. Первые из них должны были обеспечить улучшение состава земских собраний. К их числу относились: отказ в допуске к баллотировке на выборах по крестьянской курии лиц, забаллотированных на землевладельческих съездах; проведение выборов по крестьянским съездам ранее землевладельческих; устранение от выборов в гласные волостных старшин; зачисление в гласные без производства выборов лиц, уплачивающих земские налоги в размере свыше 500 руб. Вторая группа мер должна была поставить деятельность земств «в более правильные условия». Эти меры были следующими: запрет на избрание в председатели земских управ предводителей дворянства; назначение предельного размера содержания для каждой земской должности; ужесточение правил контроля за земскими расходами; пожизненное лишение права участия в земстве за ложные сведения о цензе или подсудности (причем до вынесения судебного решения, в случае установления фактов на этапе дознания) [12].

Сама возможность допущения в земство тех или иных лиц без выборов, под предлогом необходимости защиты интересов крупного землевладения, категорически отвергалась рязанским земским деятелем, славянофилом А.И. Кошелевым, который усматривал в этом действие «под влиянием или крайнего ослепления, или своекорыстных целей», поскольку считал подобные меры завуалированной попыткой придать дворянству статус господствующего сословия [13, паг. 1, с. 24].

Предложение вводить в земские собрания крупных налогоплательщиков без выборов было также резко раскритиковано в «Неделе». По мнению редакции, это стало бы «смертным приговором», поскольку изначально целью таких мер является не переустройство, а упразднение земского самоуправления: «Мера эта отдала бы все земство в руки небольшой кучки лиц, которые были бы бессменными гласными и могли бы делать в земствах все, что им угодно»¹.

С точки зрения «Недели», земская избирательная система нуждалась в реформе, но на других принципах. Во-первых, требовалось «изыскание более рациональных оснований земского представительства». Эти основания, как минимум, должны были получить выражение в понижении имущественного ценза для участия в выборах. Связано это было с двумя обстоятельствами. Первое заключалось в том, что целая группа лиц была устранена от участия в земских делах, несмотря на солидарность ее интересов с общеземскими и несмотря на куда большую ее интеллигентность. Второе заключалось в том, что размеры ценза не были согласованы с фискальной пользой, приносимой отдельными группами населения (речь шла о том, что сельские общества вносили сборов в земский бюджет значительно больше представителей городов и частных землевладельцев, однако имели куда меньшее по сравнению с ними представительство). Во-вторых, признавалась необходимость узаконения избирательной агитации, поскольку отсутствие таковой в легальном поле приводило к различным закулисным сговорам, а избиратели были вынуждены «довольствоваться надеждою, что избранное лицо само догадается о потребностях избирателей». В-третьих, требовалось введение контроля со стороны избирателей, поскольку земские выборы по Положе-

¹ Неделя. 1886. 11 апр.

нию 1864 г. не подразумевали никакой ответственности избранных: «Избиратели, пославшие гласного в собрание, принуждены спокойно созерцать все безобразия, какие этот гласный ни вздумает выкинуть в качестве представителя избирателей. Точно также земское собрание должно терпеть раз избранный наличный состав его исполнительного органа до конца его полномочий, как бы ни оказался неудовлетворителен этот состав»¹.

Для профессора Казанского университета В.В. Ивановского было важно соблюдение баланса интересов представителей крупнейших сословных групп в земстве (отметим, что этот важный момент выпал из поля зрения исследователя К.С. Бельского, который лишь в общих чертах охарактеризовал отношение Ивановского к земству [3, с. 118–119]). В связи с этим он предлагал установить четыре избирательные курии: дворянскую, крестьянскую, городскую и духовенства, находя, что в противном случае интересы одной из групп будут приноситься в жертву интересам других при раскладке всех земских повинностей и сборов на все население [14, с. 19–20].

Обер-прокурор Первого департамента Сената Г.А. Евреинов, напротив, предостерегал от придания сословного характера земским выборам. Обеспечение дворянству преобладания (численного и по влиянию) в земстве законодательным путем превратило бы дело местного управления в «фальшь», вместо которой проще было бы вовсе упразднить земство и отдать вновь управление уездами и губерниями всецело дворянской корпорации [15, с. 81]. К тому же дворяне, по его оценкам, и так имели фактическое преобладание в земстве, в связи с чем усиление их положения юридически могло привести к сословным раздорам: «Вызвав антагонизм сословных интересов, устройство

земских выборов по сословным корпорациям может содействовать и политической деморализации земледельческого населения империи» [15, с. 82]. Соответственно, не менее опасным он считал и запрет на избрание от крестьянской курии гласных не из числа крестьян, поскольку это привело бы к необходимости личного присутствия в земских собраниях значительного количества последних, значительная часть которых «по малому своему развитию, не в состоянии будет сознательно отнестись к своим обязанностям и пойдет на буксире тех или иных земских дельцов». Вместе с тем в целях обеспечения в земстве крупных земельных собственников он допускал предоставление владельцам имений определенного размера и ценности права быть гласными не по выборам, а по праву ценза (но при наличии также образовательного ценза) [15, с. 89, 123].

Однако в вопросах организации исполнительных институтов земства Евреинов предлагал подход, схожий с вышеуказанным проектом Скальковского. Он считал вредным разобщение местных учреждений, правительственных и земских, поскольку последние были лишены действительной власти, т. к. приведение их постановлений и распоряжений в действие напрямую зависело от губернской администрации, и в этих условиях земские управы имели значение «частных хозяйственных контор» [15, с. 97–98]. Поэтому он считал необходимым создать такое учреждение, в котором оказалось бы возможным взаимодействие представителей государственной власти в уезде и земских гласных. В качестве такого учреждения он видел уездную управу, возглавляемую назначаемым правительством уездным начальником, в состав которой также входили бы избираемые уездным земским собранием члены (уездный предводитель дворянства, как глава собрания, также получал гарантированное

¹ Неделя. 1886. 11 апр.

место в ней) и представители отдельных государственных ведомств при разрешении дел, отнесенных к их непосредственной компетенции [15, с. 105].

Редактор газеты «Новости» О.К. Нотович предлагал осуществить децентрализацию местного самоуправления, а выборы уездных гласных проводить по участкам, с обеспечением равноправного представительства всех групп населения. Согласно его проекту, от каждого участка, таким образом, избиралось бы по одному гласному от различных категорий: землевладельцев и земледельцев, фабрикантов, заводчиков и торговцев, духовенства, школьной и врачебной корпорации. В основе избирательного права лежало сочетание имущественного (достаточного для избрания в присяжные заседатели) и образовательного (курс городского или уездного училища) цензов для лиц, достигших 21 года. Также вводилось требование единогогласного избрания. Понижение возрастного ценза против действовавшего в законодательстве объяснялось тем, что нет смысла искусственно повышать возраст для получения избирательных прав лицам, достигшим совершеннолетия и уже имеющим образование [16, с. 198–199].

Порядок избрания губернских гласных Нотович предлагал сохранить прежним, уточнив лишь, что представительство от каждого уезда должно быть с учетом пропорциональности численности его населения, имущественному его значению и размерам расходов на нужды губернии. При этом принципиальные новшества заключались в свободе выборной агитации на земских выборах и в праве общественного контроля за избранниками, которое позволяло в случае нарушений ими своих полномочий большинством в 2/3 голосов заменить их ближайшими по итогам проведенных выборов кандидатами [16, с. 201–203].

Значительные изменения Нотович предлагал ввести в отношении руководящих институтов земства. Во-первых, он исходил из необходимости четкого разграничения должностей председателя собрания и председателя управы, не допуская их совмещения. Во-вторых, права председателя собрания понижались до уровня «первого между равными»: для каждого созыва собрания председатель избирался заново, при этом не допускалось его назначение правительством, а полномочия сводились лишь к руководству прениями и наблюдению за порядком в собрании. В-третьих, председатель уездной земской управы получал статус уездного земского головы, становясь начальником всего уезда (в свою очередь, председатель губернской управы становился губернским земским головой). В-четвертых, в целях лучшего контроля губернского земства за уездным предлагалось в состав каждой уездной земской управы ввести по несколько губернских гласных на правах ее членов [16, с. 209–211]. Тем самым каждая губерния с организацией земского самоуправления на таких началах становилась бы «естественным центром местного управления, где все население, как бы ни было оно разноплеменно и разношерстно по характеру и направлению партий, непременно сплотится единством направления и принципов в местной практической деятельности, солидарностью в равномерном удовлетворении местных польз и нужд, без различия сословий, классов и состояний» [16, с. 213].

Земский деятель А.В. Рутковский в 1880-е гг. предлагал проект организации выборов в городских и сельских обществах, предусматривавший деление избирателей на разряды по иерархичному принципу и являвшийся основой для избрания земских гласных. Признаки отнесения к каждому из разрядов в каждом обществе представлены в таблице 1.

Таблица 1. Группировка избирателей по проекту А.В. Рутковского [17, с. 10–12]**Table 1.** Grouping of voters according to the project of A.V. Rutkovsky [17, pp. 10-12]

Разряд и квалифицирующий признак	Права избирателей	
	в сельских обществах	в городских обществах
I. Лица, имеющие ученую степень; состоящие или состоявшие на службе в I–IV классах; владельцы незаложенной недвижимости стоимостью свыше 100 тыс. руб.; торгующие по 1-й гильдии	Избирают 10% положенного числа сотских, которые затем из своей среды избирают старост и волостных старшин (с кандидатами к ним)	Избирают 20% положенного числа городских гласных
II. Лица, окончившие высшие учебные заведения; состоящие или состоявшие на службе в V–VII классах; владельцы незаложенной недвижимости стоимостью от 30 тыс. руб.; торгующие по 2-й гильдии	Избирают 15% положенного числа сотских, которые затем из своей среды избирают старост и волостных старшин (с кандидатами к ним)	Избирают 30% положенного числа городских гласных
III. Лица, окончившие средние учебные заведения; состоящие или состоявшие на службе в VIII–X классах; владельцы незаложенной недвижимости стоимостью от 5 тыс. руб.; торгующие по свидетельствам на мелочный торг	Избирают 25% положенного числа сотских, которые затем из своей среды избирают старост и волостных старшин (с кандидатами к ним)	Избирают 30% положенного числа городских гласных
IV. Лица, не вошедшие в предыдущие разряды	Избирают 50% положенного числа сотских, которые затем из своей среды избирают старост и волостных старшин (с кандидатами к ним)	Избирают 20% положенного числа городских гласных

Помимо указанных признаков, общими для всех разрядов были требования русского подданства и совершеннолетия. Женщины приобретали активное избирательное право. Для получения избирательного права нужно было не просто удовлетворять соответствующему квалифицирующему признаку, но и быть причисленным к сельскому или городскому обществу в течение определенного срока с момента совершеннолетия: двух лет –

для первого разряда, трех – для второго, четырех – для третьего и шести – для четвертого [17, с. 10–11].

Согласно проекту, гласные в земские органы (получивших названия управ) должны были избираться каждые четыре года (на тот же срок полагалось производить выборы волостных старшин и городских гласных). Выборы были ступенчатыми. Сначала производились сельские и волостные, а также городские. В этом

случае число причитающихся на каждый разряд представителей для избрания не должно было превышать 1/4 избирательных голосов (в случае превышения свободные вакансии от разряда распределялись поровну между остальными разрядами). Устанавливалась ответственность перед избирателями. Для выдвижения своей кандидатуры на голосование избираемый должен был представить определенное количество предварительных голосов избирателей (не менее 50 для третьего разряда и 100 для четвертого) [17, с. 12–14].

Затем от каждого волостного правления полагалось назначение одного уполномоченного и одного кандидата в уездную земскую управу сроком на два года (данную должность нельзя было занимать более четырех лет подряд) [17, с. 28]. Аналогично (через городские думы) избирали своих представителей в земство и уездные города (губернские города избирали непосредственно в губернское). Представительство в губернской управе формировалось по формуле: один член и один кандидат от каждой уездной управы [17, с. 35]. Также в состав управ могли включаться представители правительственных ведомств, по одному от каждого (при этом оговаривалось, что представитель министерства государственных имуществ на заседаниях имеет два голоса). Председатели каждой из управ избирались из числа их членов и подлежали утверждению в должности губернатором [17, с. 37–38].

Бывший председатель Санкт-Петербургской губернской земской управы барон П.Л. Корф был автором целой программы преобразований. Во-первых, в целях избавления курии землевладельцев от «излишнего балласта» он предлагал исключить из числа избирателей тех торговцев и промышленников, которые имели избирательные права исключительно по факту владения промышленным или хозяйственным заведением, оцененным в 15 тыс. руб. или имеющим годовой обо-

рот от 6 тыс. руб., находя, что это не затронет крупных капиталистов (как правило, владеющих кроме заведений еще землей и зданиями), а коснется лишь лавочников, трактирщиков, кабатчиков и прочего торгового элемента, мало связанного с местностью и преследующего в земстве обычно личные торговые интересы или обслуживающего интересы различных партийных групп [18, с. 68–69].

Во-вторых, Корф выступал за укрепление позиций дворянства в земстве, но только не путем формирования особых сословных курий (он являлся противником сословной группировки избирателей), а за счет введения в состав земских собраний на правах гласных депутата от дворянства и кандидата на должность уездного предводителя дворянства, а также признания всех уездных предводителей дворянства по праву должности губернскими гласными (сверх определенного для избрания в губернские земские собрания комплекта). Еще одной мерой должно было стать включение в состав гласных без производства выборов потомственных дворян-землевладельцев, являющихся плательщиками поземельных сборов определенного размера (определяемого в процентном отношении к общей сумме, разложенной на всех личных землевладельцев). По его мнению, это было необходимо в условиях размывания доли дворянской собственности в общей массе частных владений и уменьшения размеров дворянских земельных участков [18, с. 70–71].

В-третьих, избрание гласных от городов должно было перейти от городских избирательных съездов непосредственно городским думам. При этом срок полномочий земских гласных увеличивался с трех до четырех лет. Последнее продиктовывалось двумя соображениями: как стремлением придать большую устойчивость земским органам, состав которых будет хорошо знаком с ведением дел, так и необходимостью в синхронизации со

сроком полномочий городских дум [18, с. 71, 76–77].

В-четвертых, для Корфа было важно обеспечить высокий уровень гласных, разбирающих сложные и разнообразные дела. Поэтому он предлагал установить образовательный ценз для губернских гласных, избираемых уездными земскими собраниями, в виде курса учебного заведения 3-го разряда (находя желательным введение такого ценза впоследствии и для уездных гласных, возможность чего к моменту разработки проекта отвергалась ввиду еще относительно слабого распространения образования). Тем самым в составе губернского земства не должно было оказаться статистов, не способных к сложной работе. По тем же основаниям предлагалось установить такой ценз для членов и председателей управ, в том числе и уездных (причем подчеркивалось, что работа таких лиц требует еще больших знаний и подготовки, чем у обычных гласных) [18, с. 71–74]. Отметим, что проблема образования (как синонима квалификации гласных) была довольно актуальна. Исходя из данных ревизии сенатора И.Ф. Шамшина за 1880 г., в Самарском губернном земском собрании, по нашим подсчетам, 32,3% гласных не имели никакого образования, 7,4% имели низшее образование, 33,8% – среднее и 26,5% – высшее [19, с. 123].

В-пятых, Корф находил состав целого ряда уездных земских собраний недостаточным: по его оценкам, при избрании по трех гласных в управу, ревизионную комиссию и на другие должности следовало иметь еще минимум 10 гласных, которые не занимали бы указанных должностей и могли участвовать в обсуждении различных вопросов без какой-либо пристрастности. В связи с этим он предлагал установить минимальное количество уездных гласных в 16 человек (не считая председателя и представителей ведомств). С учетом того, что в 26 из 369 уездов численность гласных варьировалась от 12 до 15, он считал необходи-

мым увеличить ее до указанной величины [18, с. 74–75].

В-шестых, во избежание конфликта интересов Корф выступал за четкое разграничение должностей главы распорядительного и исполнительного органов земства. В связи с этим он считал недопустимым возможность избрания председателем управы предводителя дворянства (равно как и избрание его на любые земские должности, особенно оплачиваемые) [18, с. 75–76].

Бывший чиновник, журналист А.А. Головачев был принципиальным противником внесения любых сословных начал в организацию выборов и считал единственно возможным деление избирателей по территориальному признаку: «Дворянство ввело бы в эти съезды порядок и правильность производства выборов; купечество не могло бы иметь того сильного влияния, какое оно имеет на мещан; крестьяне же уничтожили бы всякую возможность рассчитывать на кумовство и личные отношения, как это бывало на дворянских собраниях» [20, с. 203]. Отстаивая необходимость введения всесословных избирательных участков, он отмечал, что допускать различие между избирателями возможно лишь по размеру принадлежащего им облагаемого земским сбором имущества и по степени образования (однако это различие должно было быть лишь основанием для предоставления права участия в самом избирательном собрании или же на предварительном съезде для избрания уполномоченных). По всесословным принципам должны были проходить и выборы уполномоченных от мелких владельцев [20, с. 208]. При этом, чтобы устранить равнодушное отношение части общества к земским выборам, Головачев также считал необходимым устранить ст. 34 Положения, согласно которой в случае явки на съезд землевладельцев избирателей в числе меньшем, чем требовалось гласных для избрания, все явившиеся признавались гласными без производства выборов. Во

избежание кумовства и захвата власти небольшими партиями рекомендовалось увеличить общее число гласных в земских собраниях [20, с. 215].

Прослуживший в 1870-е гг. чиновником особых поручений при олонекском губернаторе С.А. Приклонский, комментируя ситуацию в Духовищенском уезде Смоленской губернии, в ходе которой уездный предводитель дворянства в рамках борьбы с купеческой партией, которая получила большинство в земстве, пошел на демарш и сказался больным, чтобы сорвать заседания земского собрания (к демаршу присоединились и другие гласные из числа его сторонников, которые могли исполнять обязанности председательствующего на земском собрании, также сказавшись больными), отмечал, что в интересах законности и порядка следовало предоставить земским собраниям право избирать самим председателей [21, с. 20]. Недоумение по поводу того, почему против изначального проекта была усилена власть председателя земского собрания как лица, земством не избираемого и зачастую даже не являющегося гласным, выражал и редактор «Тверского вестника», земский статистик В.И. Покровский в записке «Земское обозрение», составленной около 1881 г. [22, л. 11 об.]

Сторонником предоставления права земским собраниям избирать самим председателей (на время сессии из своей среды, без допуска к занятию этой должности членов и председателей управ как лиц, состоящих под контролем собраний) был и сенатор С.А. Мордвинов. Он мотивировал это тем, что предводители дворянства могли быть не способны руководить многочисленными собраниями, что фактически лишало последние председателей, а также тем, что бессменность руководства могла порождать соблазн к использованию власти в личных целях. В качестве примера им приводился случай с валуйским предводителем дворянства, «направлявшим в течение многих лет как

выбор гласных в сельских избирательных съездах, так и выборы в земских собраниях исключительно в пользу лиц своей партии» [23, л. 353].

Также в ряде инициатив вредной признавалась практика избрания предводителей дворянства председателями управ (первые стремились к этому ввиду того, что председательство в земском собрании являлось фактически почетной, но не оплачиваемой обязанностью), поскольку в этом случае предводитель дворянства руководил в земском собрании прениями, в том числе и касающимися возглавляемой им управы (т. е. возникал конфликт интересов). О запрете на такое соединение должностей ходатайствовали Саратовское губернское земское собрание (в 1874 г.) и Самарское дворянское собрание (в 1881 г.) [19, с. 129].

Иной подход в этом вопросе предлагал А.И. Кошелев. Он считал, что дворянство должно отказаться от своих привилегий и трансформироваться в сословие землевладельцев (тем дворянам, которые не были собственниками земли, следовало приписаться к горожанам), которое и получило бы дворянские права, в том числе и в земстве. В частности, предлагалось закрепить условием для занятия должности председателя земского собрания принадлежность к такому сословию землевладельцев (его уездный предводитель должен был возглавить уездное земское собрание, а председательство в губернском отводилось губернскому старшине, избираемому уездными предводителями из своей среды или из числа других почетных землевладельцев губернии) [13, паг. 1, 68–69].

Отдельные преобразования предлагались в отношении крестьянского представительства в земстве. Сенатор С.А. Мордвинов по итогам ревизии Воронежской губернии в 1880 г. писал, что основным недостатком земства – «равнодушие, с которым сельское сословие относится к своему праву участвовать в разрешении земских дел» [23, л. 331 об.]. Крестьяне,

по его оценкам, на звание гласного смотрели «как на весьма тягостную обязанность», что объяснялось «отсутствием сознания в общности интересов крестьянских и земских и вообще незнакомством с сущностью земской деятельности». Редко кто из крестьян избирался на второе трехлетие, в результате чего в земстве было мало опытных и интересующихся земским делом гласных из их числа. В результате многие местности фактически не имели своего крестьянского представительства. В связи с этим Мордвинов предлагал производить образование избирательных съездов в каждой волости (в крайнем случае, в двух смежных волостях), чтобы избиратели были хорошо знакомы друг с другом и более осознанно подходили к избранию.

Еще одно его предложение было связано с тем, что многими представителями земств указывалось на неудобство совмещения звания гласного с должностью волостного старшины или писаря ввиду чрезмерной зависимости таких лиц как от уездных исправников, так и других властей (предводителя дворянства, крестьянского присутствия и т. д.). Мордвинов считал, что, поскольку в силу ст. 83 Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, волостной старшина исполнял в том числе полицейские обязанности, то, исходя из «буквы» ст. 36 Положения о земских учреждениях о запрете на избрание в гласные чинов местной полиции, волостной старшина не мог быть как гласным того уезда, в котором расположена его волость, так и гласным губернского земского собрания [23, л. 332].

Председатель Ярославской губернской земской управы А.В. Скульский выступал за предоставление избирательных прав лицам с высшим образованием, которые имеют только оседлость в уезде, а также за введение бессменных гласных (сверх положенного расписанием количества подлежащих избранию). К последним он предложил отнести лиц, прослу-

живших не менее трех сроков по выбору в таких должностях, как предводитель дворянства, председатель и член земской управы, мировой судья и неперменный член присутствия по крестьянским делам. Данными мерами он полагал восполнить «недостаток интеллигентных сил» в среде земских гласных, а также обеспечить определенную независимость от «партий» хотя бы для их части. Еще одним инструментом для обеспечения независимости гласных он видел введение избрания председателя собрания самими гласными и запрет на совмещение должностей председателя собрания и председателя управы. В результате изменений в качественном отношении состава земств, по его мнению, можно было бы затем перейти и к более длительному сроку полномочий гласных, чтобы обеспечить относительно продолжительный период существования такого состава земских собраний, в котором гласные хорошо знакомы с нуждами и проблемами уезда, а также со всеми необходимыми процедурными моментами [24].

Нельзя не отметить сочувствие к идее образовательного ценза и в среде бюрократии. Уже упомянутый нами сенатор Мордвинов писал, что недостаточно качественный состав земств был обусловлен тем, что большинство образованных лиц не проживали в уездах, а находились в столицах на службе. Поэтому он выступал за предоставление прав лицам с высшим образованием участвовать в земских собраниях и занимать выборные должности при отсутствии имущественного ценза (или со значительным при этом его уменьшением). Такая позиция объяснялась тем, что высшее образование являлось высоким нравственным цензом, а его получение требовало существенных затрат (около 6 тыс. руб. за все годы обучения). Также в качестве дополнения предлагалось использовать опыт законодательного регулирования избрания мировых судей, а именно установить в дополнение к обра-

зовательному цензу требование единогласного избрания или избрания 3/4 или 4/5 голосов [23, л. 332 об.].

Вместе с тем иную систему предлагал служивший в гражданских ведомствах ряда губерний А.Л. Гурко. Он считал, что уездные земские собрания «должны быть точным воспроизведением в меньшем виде всего местного общества, притом не одного его большинства, а всех существующих в нем разнородных оттенков интересов соразмерно несомым каждою группою повинностям» [25, с. 9]. Тем самым представительство связывалось исключительно с долей избирателей в числе плательщиков земских сборов (по подобию трехчастного деления избирателей на городских выборах), причем Гурко подчеркивал, что все прямые налоги, как земские, так и казенные, следовало сосредоточить исключительно в земских руках с правом расходования только на местные потребности [25, с. 9].

Под обществом Гурко понимал отдельные избирательные разряды, объединенные общими интересами. К ним, прежде всего, он относил крестьян и горожан, считая, что все остальные жители уездов (крупные, средние и мелкие землевладельцы, арендаторы, безземельная интеллигенция, духовенство, евреи, старообрядцы, лютеране, магометане) могут составлять как одно, так и несколько обществ (в зависимости от местных условий). Избрание гласных предполагалось осуществлять на избирательных съездах (отдельных для одного или нескольких однородных обществ). Единственным цензовым ограничением должен был стать двух- или трехлетний ценз оседлости (в виде либо постоянного жительства, либо приписки к одному из местных обществ, либо по службе). Отказ от имущественного ценза объяснялся тем, что было бы несправедливо лишать голоса крестьян или давать преференции крупным землевладельцам (в виде нескольких голосов), являвшихся собственниками большей части земли в уезде, равно как и

отказывать в праве участия в выборах городским квартирантам, фактически несущим все повинности за домохозяев. Что касается образовательного ценза, то здесь выдвигался тезис об отсутствии прямой связи между наличием образования и «земской зрелостью», поскольку безграмотные крестьяне могли быть опытнее и рассудительнее грамотной молодежи. Для большего знакомства избирателей друг с другом считалось полезным делить общества на участки (в городах эта мера должна была стать обязательной), внутри которых уже производились бы выборы по трем разрядам плательщиков. При этом проект подразумевал избрание не простым большинством голосов, а на пропорциональной основе (для этого использовалось отношение числа избирателей к числу подлежащих избранию), чтобы соблюсти равномерность представительства: «Большинство общества должно быть представлено не всеми гласными собрания, а таким же большинством в его среде, какое оно само занимает в обществе» [25, с. 14–22]. Избранным гласным вверялось избрание губернских гласных и всех своих должностных лиц.

Однако консервативный публицист К.Ф. Головин, комментируя так называемую либеральную программу, которую он свел к требованиям увеличения крестьянского представительства, предоставления избирательных прав по образовательному цензу (а не только по имущественному) и введения выборной должности председателя земского собрания, писал, что ни местные жители (как помещики, так и крестьяне), ни земские деятели в большинстве своем не высказывают предложений подобного рода [26, с. 5]. Крестьянское представительство он считал вполне достаточным, особенно на фоне пропусков заседаний гласными других сословий, а в привлечении безземельной интеллигенции к выборам не усматривал рациональных доводов, поскольку, во-первых, большая часть ее

проживала в крупных городах, а, во-вторых, состояла она преимущественно из чиновников (многие из которых в принципе не имели права участвовать в выборах) и служащих по найму в земстве и иных учреждениях, которых Головин не видел смысла включать в число избирателей как лиц зависимых по своему положению [26, с. 82–83]. Защищал он и куриальную систему, выступая противником единого бессословного избирательного собрания: по его мнению, интересы каждого из классов, выделенных в курии, были различны, что влекло за собой недостаточное знакомство одних классов с особенностями нужд и интересов других. Именно поэтому следовало предоставить определенное количество мест в земстве каждому из них во избежание одностороннего характера работы органов самоуправления [26, с. 86].

Предлагаемые Головиным изменения заключались в следующем. Во-первых, он предлагал понизить возрастной ценз до 21 года, поскольку таковой существовал для избрания в предводители дворянства, являвшихся председателями земских собраний, к тому же это привлекло бы к участию в земстве активную молодежь. Во-вторых, он считал, что следовало существенно либерализовать порядок выдачи доверенностей, убрав из требований к уполномоченным наличие близкой родственной связи и имущественного ценза: это только увеличило бы число избирателей (не повлияв при этом на состав избираемых), а в случае с управляющими имениями он полагал возможным допускать для таких лиц и предоставление пассивного избирательного права (доверенность от крупного землевладельца в этом случае расценивалась как гарантия добропорядочности его представителя). Единственным ограничением при расширении права участия в выборах по доверенности должен был стать ценз оседлости (в качестве минимума Головин предлагал двухлетний срок). В-третьих, должны были расши-

ряться права крупных избирателей. Это было связано с намерением исправить нарушение пропорциональности, когда владелец земельного ценза имел такие же права, как и собственник нескольких тысяч десятин. Однако Головин не считал возможным предоставлять таким лицам право земских гласных без выборов, поскольку это могло повлиять на отношение к ним со стороны выборных гласных. В качестве привилегии предлагалось крупным землевладельцам дать на выборах два избирательных голоса за себя (с сохранением права иметь еще один по доверенности или уполномочию) [26, с. 96–98].

Но самое главное преобразование Головин предлагал провести в отношении характера земской деятельности: с целью «устранить искусственное отчуждение» от правительственной администрации [26, с. 99]. Он предлагал расширить компетенцию земств, одновременно упразднив уездные земские управы, заменив их правительственно-земским учреждением, в котором было бы сосредоточено заведывание всеми делами уезда. Председательство в реформируемой уездной управе вверялось уездному предводителю дворянства, а сама она должна была стать довольно многочисленной (мировые судьи, исправник и избираемый земским собранием непременный член), поскольку ей предстояло выполнять функции уездных присутствий, земских управ и полицейских управлений [26, с. 101–102, 107].

Идейная основа для подобного преобразования была предложена еще в 1874 г. московским губернским земским гласным, преподававшим политическую экономию членам царской семьи В.П. Безобразовым. Он считал, что различные учреждения уездного, крестьянского и земского управления должны были слиться воедино: «...нам предложит создать административные органы государственной власти на почве земской, где зародились до сих пор только государственно-обще-

ственные организмы, отыскивающие себе места в государстве и в его управлении» [26, с. 44]. Только таким образом, по его мнению, можно было освободить земские учреждения от «недоумений, их окружающих со всех сторон» [27, с. 50].

Губернские управы в проекте Головина предполагалось заменить губернскими советами, которые, в свою очередь, представляли бы собой модернизированные губернские правления эпохи Екатерины II с приданными им функциями присутствий по крестьянским, городским и земским делам, что должно было устранить параллелизм в решении различных вопросов [26, с. 125–127]. Председательство в совете вверялось губернатору, а в его отсутствие губернскому предводителю дворянства. Сам совет должен был состоять из восьми коронных членов (губернатор, прокурор окружного суда, председатель казенной палаты, управляющий государственными имуществами, директор училищ, губернский воинский начальник, управляющий контрольной палатой и вице-губернатор на правах неперменного члена как руководитель канцелярии) и членов по выбору (губернский предводитель дворянства, городской голова и пять избранных губернским земским собранием членов) [26, с. 133].

Укажем также, что уже упоминавшийся нами П.Л. Корф в качестве альтернативы также предлагал осуществить объединение правительственных органов местного управления и выборных институтов земского самоуправления. В этом отношении он исходил из следующего посыла: «Не лучше же ли устроить так, чтобы была только одна администрация, которая управляла бы без споров сама с собою, под подлежащим, в чем следует, контролю как высшего правительства, так и местного общественного представительства?» [18, с. 113]. Принцип объединения при этом предлагалось провести на основе усиления коронного элемента с увеличением территории управления (в

губернском управлении доля назначенных чиновников должна была быть выше, чем в уездном) [18, с. 115].

В общих чертах проект сводился к тому, что губернское правление подлежало расформированию и объединению с губернской земской управой под председательством вице-губернатора (назначаемого из числа местных губернских гласных или уездных предводителей дворянства). Должность уездного исправника соединялась с должностью члена уездной земской управы [18, с. 116–117]. Тем самым, по мнению Корфа, достигалась бы более эффективная деятельность местной администрации, которая получала бы непосредственное влияние на процесс принятия ключевых решений в земстве.

Вместе с тем социал-демократ Н.И. Иорданский, комментируя сложившиеся в земской среде в 1880-е гг. проекты, писал, что для одних они были слишком обширны, а для других, напротив, недостаточны, но в целом они «отдавали общественные учреждения во владение землевладельческого класса, разбавленного разночинной интеллигенцией». Требование понижения избирательного ценза, по его мнению, удовлетворяло лишь узкий круг лиц, а сами предлагаемые изменения лишь исправляли погрешности Положения о земских учреждениях 1864 г. и приводили отдельные его нормы в соответствие с произошедшими к началу 1880-х гг. изменениями в распределении земельной собственности [28, с. 28].

Что же касается отдельных предложений предоставить права гласных крупным землевладельцам без производства выборов, то близкий к социал-демократам историк Б.Б. Веселовский считал, что за номинальной заботой о необходимости обеспечения представительства такой группы населения ввиду ее значимого вклада в земский бюджет на деле крылось стремление ослабить земскую оппозицию, к которой принадлежали преимущественно средние землевладельцы [29, с. 48].

Выводы

Институт земских выборов накануне 1890 г. был предметом довольно широкой критики, связанной как с недостатком (по мнению части дискутантов) заинтересованных в удовлетворении местных нужд и решении проблем лиц в земстве, так и с расхождением законодательной базы с практикой выборов. По итогам нашего исследования можно выделить ряд ключевых предложений, инициированных общественностью.

Во-первых, это возможность встраивания земства в систему общегубернской администрации на различных началах, вплоть до утраты самостоятельности. Последнее в целом одобрялось в консервативных проектах К.Ф. Головина, К.А. Скальковского и Н.П. Семенова, в то время как И.Ф. Шамшин и Г.А. Евреинов стремились скорее создать правовой механизм участия руководителей земских органов в губернских учреждениях в целях как избежания конфликтов земства и администрации, так и создания более эффективной системы управления без многочисленных коллегиальных институтов. Фактически в этом отношении велся спор о том, каким должно быть местное управление: централизованным или децентрализованным.

Во-вторых, это попытки переосмыслить группировку избирателей и придать ей большую устойчивость. В этом отношении показателен проект А.В. Рутковского, деление в котором должно было стать универсальным для проведения волостных, городских и земских выборов. На другом (сословном) подходе был основан проект В.В. Ивановского, предусматривавший создание четырех курий. О.К. Нотович и А.А. Головачев, которые предлагали, в свою очередь, перейти к территориальной организации выборов, фактически во главу угла ставили представительство не отдельных групп населения в земстве (хотя и стремились к обеспечению максимально широкого их

представления в нем), а представительство всех частей уезда.

В-третьих, в связи с отсутствием консенсуса о сословном характере избирательных курий, а также ввиду различных взглядов на вопрос о независимости земских гласных, поднималась проблема включения в состав земства лиц определенных категорий без проведения выборов. Соответственно, И.В. Васьянов и Г.А. Евреинов, предлагая в число таких лиц включать крупных налогоплательщиков и землевладельцев соответственно, пытались обеспечить представительство интересов крупного землевладения независимо от настроения избирателей. Схожий идейно, но иной методологически был подход у К.Ф. Головина, предлагавшего возможным не включать таких лиц без выборов, но дать им преимущества за счет предоставления права двух голосов на выборах. П.Л. Корф пытался обеспечить сословное (дворянское) представительство. Предложения же А.В. Скульского о введении бессменных гласных были вызваны стремлением всегда иметь в земстве костяк лиц, хорошо знающих нужды местности и имеющих необходимый профессиональный опыт.

В-четвертых, тесно связан был с предыдущей проблемой вопрос об образовательном цензе. Если в проекте Г.А. Евреинова он служил дополнительным условием для получения права стать гласным по праву значительного имущественного ценза без выборов, то в других проектах его роль была различна. Так, для О.К. Нотовича и других авторов образовательный ценз служил дополнением к пониженному имущественному цензу (или полной его альтернативой), что должно было расширить круг избирателей и в целом повысить уровень квалификации гласных. Вместе с тем требование такого ценза для занятия руководящих должностей или избрания в губернские гласные служило фактически инструментом для допуска к такому избранию исключительно дворян.

В-пятых, значительное количество проектов было инициировано с целью разделения полномочий председателя земского собрания, уездного предводителя дворянства и председателя управы (в различных комбинациях). В основном это было направлено на необходимость устранения конфликта интересов при совмещении должностей, а в случае введения отдельной должности избираемого председателя земского собрания – на установление более тесной и органичной связи между гласными и избранным ими председателем. При этом отметим и особые подходы: славянофил А.И. Кошелев, сохраняя председательство предводителя дворянства, предлагал допускать к избранию на должность предводителя широкий круг землевладельцев (что превращало того в представителя не сословия, а класса), а консерватор К.Ф. Головин стремился к полному подчинению земства предводителям дворянства в целях установления более жесткого контроля.

В-шестых, в части предложенных инициатив был затронут вопрос о необходимости введения на запрет в гласные должностных лиц крестьянского управления. Эта мера, отстаиваемая в том чис-

ле и представителями высшей бюрократии из числа сенаторов, продиктовывалась необходимостью обеспечить независимость крестьянского представительства.

В целом недостатки избирательной системы понимались различными кругами по-своему (так, для консерваторов выборное начало было само по себе неприемлемо), чем и объясняется, в частности, ряд проектов консервативного характера, которые были предложены как способ либо частичного, либо полного ограничения выборного начала в земстве (формирование различных совещательных советов за счет слияния правительственных органов с земскими, введение крупных землевладельцев в состав земства по праву ценза без произведения выборов). С другой стороны, большинством либералов поднимался вопрос о необходимости придания большей устойчивости земским учреждениям за счет обязательного сохранения их бессословного характера, введения отдельной выборной должности председателя земского собрания и использования образовательного ценза как альтернативы имущественному для предоставления избирательного права.

Список литературы

1. Карнишина Н.Г. Реформа местного самоуправления в России во второй половине XIX в.: взгляд современников // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 4 (32). С. 25-34.
2. Пилюсова М.М. Отражение в периодической печати государственной земской политики (1860-е гг.) // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 114-119.
3. Бельский К.С. Концепция административного права профессора В.В. Ивановского // Государство и право. 2019. № 4. С. 112-122.
4. Ишимбаев Д.З. Местное самоуправление и пути его совершенствования в воззрениях А.Д. Градовского // Гражданское общество в России и за рубежом. 2020. № 1. С. 41-44.
5. Кочукова О.В. Консервативная критика земской реформы: М.Н. Катков и В.П. Мещерский // От земских учреждений к местному самоуправлению в России: традиции, опыт, перспективы (к 150-летию земской реформы): материалы Международной научно-практической конференции. Саратов: Поволжский ин-т управления им. П.А. Столыпина, 2014. С. 45-47.
6. Шутов А.Ю. Местное самоуправление в России в 1880-е гг.: трансформация земского представительства // Вестник российской нации. 2016. № 1 (46). С. 28-59.

7. Подлесных С.Н. Вопрос централизации и децентрализации власти в российской историографии 1860–1890-х годов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 246-261. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-246-261>.
8. Полеценко Д.А. Основные юридические концепции соотношения и взаимодействия государственной власти и местного самоуправления, разрабатываемые в Российской империи (1864–1917 гг.) // Политика и общество. 2010. № 6 (66). С. 79-92.
9. [Скальковский К.А.]. Современная Россия: очерки нашей государственной и общественной жизни. Изд. 3. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1891. Т. I. VI, 334 с.
10. Семенов Н. Наши реформы. М.: Унив. тип., 1884. 52 с.
11. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 564. Оп. 1. Д. 528.
12. Васьянов И. Земские эскизы (из провинциальной глуши) // Русский вестник. 1886. Т. 182. Март. С. 315-316.
13. Кошелев А.И. Голос из земства: сборник статей. Вып. 1. М.: Тип. В. Готье, 1869. [6], 170, 61 с.
14. Ивановский В. Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России: Уезды – Слободской Вятской губернии и Лаишевский Казанской губернии. 2-е изд. Казань: Унив. тип., 1882. VI, 314, II с.
15. Евреинов Г.А. Заметки о местной реформе. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1888. 130 с.
16. Нотович О.К. Основы реформ местного и центрального управления. СПб.: Тип. Газеты «Новости», 1882. [4], 236 с.
17. Рутковский А.В. Проект переустройства земского самоуправления на новых началах. СПб.: Тип. И.В. Леонтьева, 1905. 52 с.
18. Корф П.Л. Ближайшие нужды местного управления. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1888. [4], 124 с.
19. Шамшин И.Ф. Записка по вопросам особого наставления ревизующим сенаторам, относящимся к земским учреждениям. [Б. м.], 1881. 147 с.
20. Головачев А.А. Десять лет реформ. 1861–1871. СПб.: Вестник Европы, 1872. [4], 398, II с.
21. Приклонский С.А. Очерки самоуправления земского, городского и сельского. СПб.: Ф. Павленков, 1886. [2], 382 с.
22. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1024. Оп. 1. Д. 92.
23. РГИА. Ф. 1317. Оп. 1. Д. 11.
24. Скульский А. Организация земских учреждений // Земство. 1880. № 3. С. 4–6.
25. Гурко А.Л. Основные начала, необходимые нашему местному самоуправлению. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1881. 24 с.
26. Головин К. Наше местное управление и местное представительство. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1884. VII, 158 с.
27. Безобразов В.П. Земские учреждения и самоуправление. М.: Унив. тип., 1874. 52 с.
28. Иорданский Н.И. Земский либерализм. М.: «Колокол» Е.Д. Мягкова, 1905. 60 с.
29. Веселовский Б. К вопросу о классовых интересах в земстве. СПб.: Скл. изд.-кн. маг. т-ва «Общественная польза», 1905. Вып. 1. [4], 164 с.

References

1. Karnishina N.G. The reform of local self-government in Russia in the second half of the 19th century: the view of contemporaries. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki = University Proceedings. Volga region. Humanities*. 2014;4(32):25-34. (In Russ.).

2. Pilusova M.M. Reflection in the periodical press of the state zemstvo policy (1860s). *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Bryansk State University*. 2014;(2):114-119. (In Russ.)
3. Belsky K.S. The concept of administrative law by professor V.V. Ivanovsky. *Gosudarstvo i pravo* = *State and Law*. 2019;(4):112-122. (In Russ.)
4. Ishimbaev D.Z. Local self-government and ways of its improvement in the views of A.D. Gradvosky. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom* = *Civil society in Russia and abroad*. 2020;(1):41-44. (In Russ.)
5. Kochukova O.V. Conservative criticism of the zemstvo reform: M.N. Katkov and V.P. Meshchersky. In: *Ot zemskikh uchrezhdenii k mestnomu samoupravleniyu v Rossii: traditsii, opyt, perspektivy (k 150-letiyu zemskoi reformy): materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* = *From Zemstvo institutions to local Self-government in Russia: traditions, experience, prospects (on the 150th anniversary of the Zemstvo reform): materials of the International scientific and practical conference*. Saratov: Povolzhskii in-t upravleniya im. P.A. Stolypina; 2014. P. 45-47. (In Russ.)
6. Shutov A.Y. Local self-government in Russia in the 1880s: the transformation of the zemstvo representation. *Bulletin of the Russian Nation* = *Vestnik Rossijskoj natsii*. 2016;(1):28-59. (In Russ.)
7. Podlesnykh S.N. The issue of centralization and decentralization of power in the Russian historiography of the 1860s and 1890s. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023;13(6): 246-261. (In Russ.)
8. Poleshchenko D.A. Basic legal concepts of correlation and interaction of state power and local self-government, developed in the Russian Empire (1864-1917). *Politika i obshchestvo* = *Politics and Society*. 2010;(6):79-92. (In Russ.)
9. [Skalkovsky K.A.]. *Modern Russia. Essays on our state and public life*. Ed. 3. St. Petersburg: Tip. A.S. Suvorina; 1891. 334 p. (In Russ.)
10. Semenov N. *Our reforms*. Moscow: Univ. tip.; 1884. 52 p. (In Russ.)
11. GARF (State Archiv Russian Federation). F. 564. Op. 1. D. 528. (In Russ.)
12. Vas'yanov I. Zemstvo sketches (from the provincial wilderness). *Russkii vestnik* = *Russian Bulletin*. 1886;(182):315-316. (In Russ.)
13. Koshelev A.I. *A voice from the zemstvo: collection of articles*. Moscow: Typ. V. Gauthier; 1869. 170 p. (In Russ.)
14. Ivanovskiy V. *The experience of researching the activities of zemstvo self-government bodies in Russia. Counties – Sloboda, Vyatka province and Laishevsky, Kazan province*. Kazan: Univ. tip.; 1882. 314 p. (In Russ.)
15. Evreinov G.A. *Notes on local reform*. St. Petersburg: Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata; 1888. 130 p. (In Russ.)
16. Notovich O.K. *Fundamentals of local and central government reforms*. St. Petersburg: Tip. Gazety "Novosti"; 1882. 236 p. (In Russ.)
17. Rutkovsky A.V. *The project of restructuring zemstvo self-government on a new basis*. St. Petersburg: Tip I.V. Leont'eva; 1905. 52 p. (In Russ.)
18. Korf P.L. *The immediate needs of local government*. St. Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha; 1888. 124 p. (In Russ.)
19. Shamshin I.F. *A note on issues of special instruction to auditing senators related to zemstvo institutions*. [B. M.]; 1881. 147 p. (In Russ.)
20. Golovachev A.A. *Ten years of reforms. 1861-1871*. St. Petersburg: Vestnik Evropy; 1872. 398 p. (In Russ.)
21. Priklonsky S.A. *Essays on zemstvo, urban and rural self-government*. St. Petersburg: F. Pavlenkov; 1886. 382 p. (In Russ.)
22. RSHA (Russian State Historical Archive). F. 1024. Op. 1. D. 92. (In Russ.)
23. RSHA. F. 1317. Op. 1. D. 11. (In Russ.)

24. Skul'skii A. Organization of zemstvo institutions. *Zemstvo = Zemstvo*. 1880;(3):4-6. (In Russ.)
25. Gurko A.L. Basic principles necessary for our local government. Moscow: Pechatnya S.P. Yakovleva; 1881. 24 p. (In Russ.)
26. Golovin K. Our local government and local representation. St. Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha; 1884. 158 p. (In Russ.)
27. Bezobrazov V.P. Zemstvo institutions and self-government. Moscow: Univ. tip.; 1874. 52 p. (In Russ.)
28. Jordansky N.I. Zemsky Liberalism. Moscow: "Kolokol" E.D. Myagkova; 1905. 60 p. (In Russ.)
29. Veselovsky B. On the question of class interests in the Zemstvo. Iss. 1. St. Petersburg: Skl. izd. - kn. mag. t-va "Obshchestvennaya pol'za". 1905. 164 p. (In Russ.)

Информация об авторе/ Information about the Author

Сорокин Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: skaliger1989@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-1710-0801

Alexander A. Sorokin, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, National Research University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, e-mail: skaliger1989@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-1710-0801

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).084.8

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-246-258>

Традиции и модернизация: динамика сельского хозяйства Адыгеи в 1924-1950 годах

Д.А. Кирин^{1✉}¹Адыгейский государственный университет

ул. Первомайская, д. 208, г. Майкоп 385000, Российская Федерация

✉e-mail: xronosaturn@mail.ru

Резюме

Актуальность. Изучение истории сельского хозяйства Адыгейской автономной области в период с 1924 по 1950 год представляет научный и практический интерес. Данный период охватывает ключевые этапы советской аграрной политики региона в условиях нэпа, коллективизации, Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления. Адыгея, как национальная автономия, сочетавшая традиционные формы землепользования с советскими методами хозяйствования, представляет уникальный пример взаимодействия модернизации и этнокультурных особенностей. Анализ последствий коллективизации и усовершенствования сельского хозяйства помогает понять их долгосрочные экономические последствия для региона. Исследование динамики сельского хозяйства Адыгейской автономной области в 1924–1950 годах не только углубляет понимание специфики советской модернизации на Северном Кавказе, но и позволяет извлечь уроки для современных аграрных стратегий.

Цель – выделить на основе архивных материалов первичные данные о динамике сельского хозяйства в Адыгейской автономной области в указанный период и провести их анализ.

Задачи: на основе опубликованных источников выявить и проанализировать этапы развития сельского хозяйства в Адыгейской автономной области в указанный период и сравнить с показателями и тенденциями дореволюционного и послевоенного периодов для реконструкции тенденций развития отрасли в регионе.

Методология. При подготовке работы применялись такие основополагающие принципы, как историзм и объективность, а также конкретно-исторические и общенаучные методы: аналитический, сравнительно-исторический, историко-генетический, статистический.

Результаты. Изученные материалы позволяют сделать вывод о значимости исследовательских работ по данной тематике, которые включают как анализ механизмов функционирования хозяйственной жизни исследуемого периода, так и исторически документально подтвержденные факты.

Вывод. Приведенные материалы свидетельствуют, что процесс перехода от традиционного к механическому сельскому хозяйству актуализировался в контексте с управленческими проблемами, связанными с долгими преобразованиями в рамках построения новой экспериментальной модели экономики, в которой региональные органы управления находили оптимальные варианты решения поставленных задач.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; сельскохозяйственное развитие; Адыгейская автономная область; региональная история.

Благодарности: Научному руководителю доктору исторических наук, профессору Адыгейского государственного университета, заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации Елене Михайловне Малышевой.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кирин Д.А. Традиции и модернизация: динамика сельского хозяйства Адыгеи в 1924-1950 годах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 246–258. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-246-258>.

Поступила в редакцию 11.10.2025

Принята к публикации 24.11.2025

Опубликована 25.12.2025

© Кирин Д.А., 2025

Traditions and modernization: The dynamics of agriculture in Adygea in 1924-1950

Danil A. Kirin¹✉

¹Adygeya State University
208 Pervomaiskaya Str., Maykop 385000, Russian Federation

✉e-mail: xronosatum@mail.ru

Abstract

Relevance. The study of the agricultural history of the Adygea Autonomous Region in the period from 1924 to 1950 is of scientific and practical interest. This period covers the key stages of the Soviet agrarian policy in the region under the conditions of NEP, collectivization, the Great Patriotic War and post-war reconstruction. Adygea, as a national autonomy that combined traditional forms of land use with Soviet economic methods, is a unique example of the interaction of modernization and ethnocultural features. Analyzing the effects of collectivization and agricultural improvement helps to understand their long-term economic consequences for the region. The study of the dynamics of agriculture in the Adygea Autonomous Region in 1924-1950 not only deepens the understanding of the specifics of Soviet modernization in the North Caucasus, but also allows us to draw lessons for modern agricultural strategies.

Purpose. To identify, on the basis of archival materials, primary data on the dynamics of agriculture in the Adygea Autonomous Region during the specified period and to analyze them.

Objectives: based on published sources, identify and analyze the stages of agricultural development in the Adygea Autonomous Region during the specified period and compare them with the indicators and trends of the pre-revolutionary and post-war periods in order to reconstruct the trends in the development of the industry in the region.

Methodology. In preparing the work, such fundamental principles as historicism and objectivity were applied, as well as a number of specific historical and general scientific methods: analytical, comparative historical, historical-genetic, statistical, etc.

Results. The studied materials allow us to conclude the importance of research on this topic, which includes both an analysis of the mechanisms of functioning of the economic life of the period under study and historically documented facts.

Conclusion. The above materials indicate that the process of transition from traditional to mechanical agriculture was actualized in the context of management problems associated with long-term transformations within the framework of building a new experimental model of the economy, in which regional governments experimentally found optimal solutions to the tasks set.

Keywords: Great Patriotic War; agricultural development; Adygea Autonomous Region; regional history.

Acknowledgements: To the Scientific supervisor, Elena Mikhailovna Malysheva, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Adygeya State University, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kirin D.A. Traditions and modernization: The dynamics of agriculture in Adygea in 1924-1950. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(6):246–258. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-246-258>.

Received 11.10.2025

Accepted 24.11.2025

Published 25.12.2025

Введение

С установлением советской власти был взят курс на построение не апробированной ранее опытным путём социалистической модели экономики. От руководства СССР потребовалось коренным

образом изменить традиционный устоявшийся уклад во всех сферах функционирования общества, что относилось далеко не в последнюю очередь к созданию сельскохозяйственного сектора советской экономики. Уровень действенности реализованных в сельскохозяйственном про-

изводстве Советского Союза мер в исследуемый период можно оценить, исследуя региональные материалы, в том числе Адыгейской автономной области.

В настоящей статье автором представлены обобщённые ключевые сведения, анализируются количественные данные, полученные в процессе работы с региональными архивными документами. Важным направлением в исследовании является анализ причинно-следственных отношений, возникших в процессе преобразования в сельскохозяйственном производстве хозяйства в условиях предвоенного периода, годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и послевоенного восстановления экономики.

В историографию темы внесён солидный, основополагающий вклад такими известными исследователями социально-экономических и политических процессов в СССР военного периода, как академики Г.А. Куманёв, Ю.А. Поляков, А.О. Чубарьян, профессора Н.И. Кондакова, Е.С. Сеньявская, В.Н. Земсков, Н.Ф. Бугай, В.Н. Данилов, В.Н. Козлов и многие др.

Так в солидном научном исследовании Н.Н. Шушкина «Во имя Победы» глубоко раскрывается роль организационной работы ВКП (б) в деревне в годы Великой Отечественной войны [1]. Известный специалист истории крестьянства В.Т. Анисков в монографии «Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны» представил глубокий анализ самоотверженного труда сельских тружеников в годы Великой Отечественной войны.

Его работа «Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту» является одним из первых фундаментальных исследований, в котором детально рассматривается развитие сельского хозяйства в военные годы, показана специфика работы коллективных хозяйств в сибирской деревне [2]. В труде Г.А. Докучаева «Сибирский тыл в Великой Оте-

чественной войне» детально исследуется сельскохозяйственное производство на всех этапах войны. Особое внимание автором уделяется динамике производства в 1941–1943 г., даётся анализ материально-технической базы [3]. В работе В.П. Мотревича «Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны» рассматривается состояние материально-технической базы, показано состояние земледелия и животноводства, организации и оплаты труда [4]. В исследовании Л.С. Пановского «Колхозное производство Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны» анализируется специфика сельскохозяйственного производства в условиях военного времени [5]. В исследовании проблемы социальной истории периода Великой Отечественной войны, в том числе региона Северного Кавказа, значительный вклад вносят труды таких исследователей, как Е.М. Малышева [6]. В статье Н.Д. Судавцова «Возрождение сельского хозяйства Ставрополя после освобождения от оккупации в период Великой Отечественной войны» исследуется ущерб, который был нанесён сельскому хозяйству Ставрополя во время оккупации территории аграрного края. Оккупанты уничтожили колхозы, совхозы, машинотракторные станции, вывозили из края новейшую технику, оборудование, сельскохозяйственную продукцию. Автор показывает пути, формы и методы восстановления сельского хозяйства в крае тружениками села. Также приводятся примеры помощи, которую оказали Ставрополю в возрождении жизни государство, другие республики и области СССР, о шефстве над краем Азербайджанской ССР и Чкаловской области [7]. В монографии С.И. Линеца «Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.)» глубоко раскрыты все аспекты немецкого оккупационного режима, установленного в ходе битвы за Кавказ в 1942–1943 гг. [8] Науч-

ная новизна исследования заключается в выявлении особенностей установления и функционирования немецкого «нового порядка» на временно захваченной вермахтом территории Северного Кавказа. В работе использованы значительные объемы архивных документов, в том числе рассекреченных только к началу 2000-х гг., среди них – документы о партизанском и подпольном движении в регионе, трофейные немецкие документы, оккупационные газеты и другие ценные материалы [8]. В труде Е.Ф. Кринко «Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации 1942-1943 гг.» на основе архивных документов, материалов периодической печати, воспоминаний и других источников раскрываются различные вопросы оккупации Кубани во время Великой Отечественной войны [9]. Среди рассматриваемых проблем: организация управления, пропаганда и террор на захваченной территории, экономическая и социальная политика оккупантов, формирование образа врага и эволюция взаимных представлений населения и оккупантов, народное сопротивление и коллаборационизм. Исследователь Р.Р. Хисамутдинова в своей монографии «Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы» на значительном документальном материале, в большинстве своем не введенном ранее в научный оборот, анализирует состояние сельского хозяйства Урала в годы Великой Отечественной войны, его неизвестные страницы [10]. В центре внимания книги жертвенный подвиг сельских тружеников региона, их материальное положение, вклад уральской деревни в Победу над фашистской Германией. Исследование охватывает территорию Урала, который в годы войны включал пять областей: Курганскую, выделенную из состава Челябинской области в феврале 1943 г., Оренбургскую (в то время Чкаловскую), Пермскую (в то время Молотовскую), Свердловскую, Челябинскую и две автономные республики –

Башкирскую и Удмуртскую [10]. Т.В. Лохова в своей статье «Организационно-хозяйственные аспекты социалистических преобразований в сельском хозяйстве Краснодарского края и Адыгеи в 1930-1940-е гг.» проанализировала экономический и демографический потенциал советской деревни Краснодарского края и Адыгеи в 1930–1940-е гг. и выявила состояние и особенности развития сельскохозяйственной отрасли региона в указанный период [11].

В трёх авторских монографиях Е.М. Малышевой «Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [12], «В борьбе за победу» [13], «Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941-1945 гг.» [14] исследованы проблемы социальной истории северокавказских и других регионов СССР периода Второй мировой и Великой Отечественной войны, показана специфика влияния экстремальных условий 1930–1940-х гг. на регион Северного Кавказа и Адыгейской автономной области в частности. В исследованиях даётся анализ деятельности региональных и центральных органов власти по мобилизации сельских тружеников, рабочих совхозов и промышленных предприятий, интеллигенции на решение поставленных в предвоенный период, в разные периоды войны и восстановительный период задач.

Источниковой базой для настоящей статьи наряду с архивными фондами стал сборник документов «Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [15], в который включены многие важные архивные материалы, которые позволяют проанализировать состояние экономики региона в указанных хронологических параметрах.

Методология

При подготовке работы применялись такие основополагающие принципы, как историзм и объективность, а также конкретно-исторические и общенаучные ме-

тоды: аналитический, сравнительно-исторический, историко-генетический, статистический.

Результаты и их обсуждение

В Адыгейской автономной области в период с 1924 по 1950 г. происходил процесс смены уклада сельского хозяйства с традиционного на механический. Первый доминировал в предыдущие эпохи и существовал, например, в нашей стране до 1930 г. Его характерными чертами являются: ручной труд, использование значительных людских ресурсов, низкий производительный продукт. Особенности механического сельского хозяйства является активный процесс перехода на механическую силу и, как следствие, уменьшение затрат человеческих ресурсов. Это эволюционное изменение позволяет значительно повысить эффективность сельского хозяйства. В Адыгейской автономной области эта трансформация приняла повсеместный характер с создания машино-тракторных станций и применения тракторов и животного тягла с последующим его замещением.

В этот период приоритет в развитии был отдан промышленному производству, которое должно было послужить базой для производства всего необходимого для интенсификации сельского хозяйства и применения в нем передовых научных достижений. В СССР главным органом, определявшим объемы производства, был Госплан СССР, который на основе решений ЦК ВКП(б) устанавливал контрольные цифры по зерну, мясу, молоку, хлопку и другим культурам. Эти показатели спускались «вниз» по следующей иерархии: союзный уровень, республики, области / края, районы, колхозы / совхозы. На уровне областей план распределялся по общим требованиям центра, зачастую без учета возможностей колхозов и совхозов и конкретных агро-климатических условий.

Следствием этого становились неурожаи и невыполненные первоначальные

планы. Также план мог быть выполнен за счет сдачи установленной нормы в ущерб самому региону. Главной задачей сельского хозяйства в этот период было обеспечение доступным по ценовой политике продовольствием растущее городское население, армию и промышленных рабочих, а также экспорт зерна для финансирования индустриализации.

В Адыгейской автономной области с дореволюционного периода проживало значительное количество крестьян, земля между которыми была распределена неравномерно, что потребовало от советского руководства начать преобразования с процесса перераспределения земли. Так, за 1928–1929 гг. этим переустройством была охвачена территория площадью в 262 тыс. га. Постановлением центральных органов плановые нормы распределения земли были установлены в районе от 1,5 до 2 га на одного человека. В связи с этим на 1928–1929 гг. намечалось переселение около тысячи человек на новые места проживания [16, л. 13]. Распределение посевных площадей требовало перемещать и распределять трудовое население в противовес его естественному расселению, что вызывало негативное отношение переселяемых.

По данным исследований, проведенных в границах Адыгейской (Черкесской) автономной области государственной земельной комиссией, на 1924 г. было выявлено, что площадь удобных для сельскохозяйственных нужд земель составляет 243 552 га, из них 26 730 га требовали различного уровня и сложности мелиорационных работ. В итоге при выполнении планов по введению земель в сельскохозяйственный оборот показатели оказались следующими: 270 282 га, или 2 702,82 кв. км, что составляет 81,9% от приблизительных данных общей площади земель в 3300 кв. км, имеющейся на тот период в составе Адыгеи [17, л. 19].

Приведем контрольные цифры использования земли за период 1922–1932 гг. и для сравнения за 1950 г. [18,

л. 111] Данные о посевных площадях за период с 1922 по 1950 г. позволяют проследить ключевые тенденции развития сельского хозяйства Адыгейской автономной области в контексте экономических преобразований и исторических событий в СССР в целом. В качестве базового года взят 1922 г. со значением в 51 405 га, показатели последующих лет сопоставляются с ним в процентном отношении. Период восстановления после Гражданской войны с 1922 по 1926 г. характеризуется стремительным ростом посевных площадей. К 1925 г. их размер увеличился на 59,6% по сравнению с 1922 г., достигнув 82 063 га. Наибольший годовой прирост зафиксирован в 1926 г. плюс 30% к предыдущему году, когда общая площадь превысила 106 644 га. Этот рост связан с реализацией новой экономической политики, способствовавшей восстановлению аграрного сектора после разрухи Гражданской войны. Фаза стабилизации в 1927–1929 гг. показывает замедление темпов роста: ежегодное увеличение площадей составляло 5–10%. К 1929 г. посевные площади достигли 134 399 га, что составляет 261,5% от уровня 1922 г. [19, л. 6] Относительно умеренные показатели плана являются следствием истощения резервов экстенсивного роста и началом структурных изменений в сельском хозяйстве.

Период коллективизации, проходивший в 1930–1932 гг., отмечен значительным расширением обрабатываемых площадей. За три года их размер вырос с 157 609 до 185 033 га, при этом максимальный годовой прирост составил 17,3% и был зафиксирован в 1930 г. Эти изменения отражают политику форсированной коллективизации, сопровождавшуюся механизацией сельского хозяйства и укрупнением землепользования. Примечательно, что в 1931 г. темпы роста сократились до 3,2%, что, вероятно, связано с кризисными явлениями в аграрном секторе [19, л. 9].

Показатели сельского хозяйства 1950 г. демонстрируют восстановление сельского хозяйства: при площади 214 055 га показатель превышает уровень 1922 г. в 4,16 раза. Годовой прирост по сравнению с 1932 г. составил 15,7%. Преодолевая большие трудности при поддержке рабочего класса, колхозное крестьянство Северного Кавказа восстанавливало сельское хозяйство после Великой Отечественной войны.

В целом период коллективизации отмечен расширением обрабатываемых площадей. За три года их размер вырос с 157 609 до 185 033 га, при этом максимальный годовой прирост составлял 17,3%. Общий же рост посевных площадей вырос в 4,16 раза за 28 лет, что свидетельствует преимущественно о экстенсивном развитии сельского хозяйства. При этом наиболее интенсивный рост происходил в период кардинальных экономических реформ, таких как новая экономическая политика и коллективизация, а также непосредственно связан с расширением границ самой области [20, л. 111].

Из данных, представленных выше, следует отметить ещё раз общие итоги, что в целом суммарная площадь пахотных земель с 1922 по 1950 г. выросла более чем в 4 раза. Исходя из процентного соотношения площадей, также можно сделать вывод о том, что 1932 г. определяется как последний основной год введения новых, ранее непригодных для ведения сельского хозяйства площадей в оборот. Продолжая анализировать цифры, следует привести данные сева, средней урожайности и сбора озимой пшеницы в 1916 г. и 1927–1933 гг. [21, л. 4–15], а также в 1940 и 1950 гг. [16, л. 37–37 об.].

Данные о посевных площадях, урожайности и валовых сборах сельскохозяйственных культур за период с 1916 по 1950 г. отражают сложную динамику развития аграрного сектора в Адыгейской автономной области, подверженного влиянию политических и экономических факторов. Анализ представленных пока-

зателей позволяет выделить несколько характерных периодов. Первый период (1916–1929 гг.) характеризуется значительными колебаниями основных показателей. В 1916 г. посевные площади составляли 39 662 га при урожайности 8,7 ц с гектара при валовом сборе в 34 506 т. К 1927 г., несмотря на сокращение урожайности до 8,1 ц с гектара, валовые сборы выросли до 35 802 т, что в процентном выражении к 1916 г. составило 103,8%. Этого результата удалось достичь за счет расширения посевных площадей до 44 200 га. Особенно значительный рост наблюдался в 1929 г., когда при урожайности 10 ц с гектара и площади в 70 500 га валовой сбор достиг 70 500 т, рост составил 183,2% к предыдущему году [21, л. 24].

Второй период (1930–1932 гг.) отмечен устойчивым ростом всех показателей. Посевные площади увеличились с 75 300 га в 1930 г. до 83 300 га в 1932 г., при этом урожайность возросла с 10,3 до 14,1 ц с гектара. Это привело к значительному росту валовых сборов – с 77 559 т в 1930 г. до 117 453 т в 1932 г. Среднегодовой прирост составлял около 20% [15, л. 4–15].

Предвоенный и послевоенный периоды (1940–1950 гг.) демонстрируют резкие колебания. В 1940 г. наблюдалось снижение всех показателей: посевные площади сократились до 74 205 га, урожайность – до 8,4 ц с гектара, а валовой сбор упал до 62 332 т, что составило 53,1% от уровня 1932 г. Однако к 1950 г. ситуация кардинально изменилась: при росте посевных площадей до 77 927 га и рекордной урожайности 15,9 ц с гектара валовой сбор достиг 123 904 т, что составило 198,8% к уровню 1940 г. [21, л. 37–37 об.]

Отдельно следует выделить основные тенденции относительно выше представленных данных: наиболее значительный рост урожайности и валовых сборов наблюдался в период 1929–1932 гг., что связано с механизацией сельского хозяйства. Резкое падение показателей в 1940 г.

отражает последствия политических репрессий и организационных изменений в аграрном секторе (добавление технических культур и увеличение ставки на кукурузу). Послевоенное восстановление сопровождалось качественным скачком в урожайности, позволившим превысить довоенные показатели при меньших посевных площадях.

В 1942 г. на сельскохозяйственные работы в РСФСР привлекалось 4,5 млн рабочих, служащих; в 1944 г. – 4,7 млн школьников. Общие сведения по расширению посевных площадей под зерновые и технические культуры в целом по региону Северного Кавказа дают представление о вкладе колхозного крестьянства края в победу, о его патриотизме и самоотверженности [22, с. 119].

Так, посевные площади зерновых культур во всех категориях хозяйств Северного Кавказа были увеличены с 1942 по 1945 г. на 5142 тыс. га; по техническим культурам – на 886 тыс. га. В результате уже к 1943 г. валовой сбор зерновых в регионе достиг 4 642 тыс. т, т. е. увеличился по сравнению с 1942 г. на 3 790 тыс. т зерна, картофеля было собрано 715 тыс. т, т. е. в 4,9 раза больше, чем в 1942 г. [23, с. 237] Итак, по мере освобождения территории СССР от фашистских захватчиков перед советским народом вставала сложная и многотрудная работа по скорейшей ликвидации последствий вражеской оккупации. Решить эту задачу можно было только совместными усилиями всех трудящихся СССР.

Полученные данные свидетельствуют, что развитие сельского хозяйства в изучаемый период носило неравномерный характер, определяясь как объективными экономическими факторами, так и политическими решениями. Наибольшая эффективность сельского хозяйства достигалась при сочетании таких мер, как расширение площадей, рост урожайности за счет удобрений, развитие аграрного производства.

Также приведенные данные и анализ распределения посевных площадей указывают на непланомерное поддержание цифровых плановых показателей (к примеру, при малочисленном сборе зерна на следующий год план сева зерна увеличивался в ущерб какой-либо другой культуре). Руководство в регионе не придерживалось длительной плановой стратегии по интенсификации сельского хозяйства. Это видно по цифрам, которые держатся в одном диапазоне, что подтверждает факт перераспределения посевных площадей и ресурсов для их обслуживания в годичной плановой структуре. В реалиях СССР распределение происходило по распоряжению Госплана и отражало нестабильную структуру даже в довоенный период. Переход к коллективизации увеличил валовые показатели, но после завершения этого процесса рост выразился в незначительных величинах.

Одной из главных целей на каждом региональном партийном собрании было выполнение требований по повышению эффективности работ в области сельского хозяйства. Для подтверждения данных выводов необходимо провести сравнение в сфере механизации сельского хозяйства в исследуемом регионе. Так на 1930 г. в Адыгейской автономной области функционировало 9 совхозов с общей площадью 5 640 га. Колхозы области включали на тот же период 22 896 хозяйств, или 98,8% от всех хозяйств. Тракторов числилось 147 шт., что в переводе на всю посевную территорию имеет значение в 1 трактор на 1115 га [24, л. 14–15]. В 1950 г. в Адыгеи насчитывалось 1002 трактора, что в переводе на всю посевную территорию соответствует значению на 1 трактор приходилось 213,1 га [24, л. 3 об.].

Сравнение показывает повышение уровня механизации по количеству тракторов в 6,8 раз, а в общем расчете на всю площадь снижение нагрузки на 1 трактор в 5,2 раза, что является ещё одним доказательством общего падения эффектив-

ности сельского хозяйства. Увеличение механизации – один из ключевых факторов в повышении объема валового сбора урожая в сельском хозяйстве, а его рост, как следует из приведенных выше показателей, не соответствует таковому в сфере механизации.

Статистические данные о развитии животноводства в период с 1930 по 1950 г. отражают глубокие структурные изменения в аграрном секторе Адыгейской автономной области [18, л. 3 об. – 4]. За два десятилетия общее поголовье скота увеличилось на 34,5% – с 114 518 до 154 тыс. голов. Однако этот рост сопровождался кардинальным изменением видовой структуры стада, что свидетельствует о качественной трансформации всего животноводческого комплекса.

Наиболее значительные изменения произошли в поголовье лошадей, численность которых сократилась на 68,6% – с 36 629 до 11 500 голов. Этот процесс был напрямую связан с интенсивной механизацией сельского хозяйства, в результате которой потребность в тягловой силе существенно уменьшилась. Также множество лошадей пало от изменений в кормовой базе по причине сокращения заготовки кормов. Часть лошадей были переданы на службу в вооружённые силы и использовались в ходе Великой Отечественной войны. Все эти факторы привели к тому, что если в 1930 г. лошади составляли почти треть всего поголовья, или 32%, то к 1950 г. их доля снизилась до 7,5% [18, л. 7–8].

В то же время другие отрасли животноводства демонстрировали устойчивый рост. Поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 10,8%, что в абсолютных величинах составляло с 39 543 до 43 800 голов, хотя его доля в общей структуре несколько уменьшилась – с 34,5% до 28,4%. Более значительные темпы роста проявились в развитии мелкого рогатого скота, где поголовье выросло в 2,3 раза с 30 998 до 71 000 голов, а доля в общем стаде увеличилась с 27%

до 46,1%. Максимальные темпы увеличения в рассматриваемый период были достигнуты в свиноводстве: поголовье свиней возросло в 3,8 раза с 7,348 до 27,7 тыс. голов, а их доля выросла с 6,5% до 18% [20, л. 6–9].

Такая структурная трансформация животноводства была обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов. Во-первых, процессы коллективизации и индустриализации сельского хозяйства изменили экономические условия содержания скота. Во-вторых, послевоенное восстановление требовало быстрой отдачи, что способствовало развитию наиболее рентабельных отраслей животноводства. В-третьих, изменились потребительские предпочтения и структура спроса на животноводческую продукцию. Особого внимания заслуживает временная динамика этих процессов. Наибольшие изменения пришлось на 1930-е гг., когда проводилась политика массовой коллективизации. Послевоенный период характеризовался не только восстановлением поголовья, но и закреплением новых пропорций в животноводстве, сложившихся в предвоенное десятилетие.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что развитие животноводства в 1930–1950 гг. в области шло по пути манипуляции над планом (исходные планы предполагали дальнейшее увеличение крупного рогатого скота и лошадей), и перехода к узконаправленной специализации. Традиционные формы ведения хозяйства, характерные для населения области, ориентированные на использование животных как тягловой силы и способа перемещения, уступали место товарному производству мяса, молока и шерсти. Эти изменения отражали общие тенденции модернизации аграрного сектора советской экономики в условиях индустриализации и послевоенного восстановления.

Обобщённые сведения по развитию животноводства подтверждают предыдущие выводы: в целом отмечен рост

только на треть. Так, в наличии по области лошадей на 1950 г. имелось только 31,4% от поголовья 1930 г. [21, л. 11]

Повышение остальных показателей поголовья различных видов скота отмечается в связи с получением областей скота в период его эвакуации из западных областей СССР при наступлении гитлеровских войск и получением части поголовья для восстановления животноводства после освобождения временно захваченных территорий от нацистской оккупации. Как отмечалось выше, была сделана ставка на развитие тех видов животных, которые способны максимально быстро достичь зрелости и окупить вложенные на них средства.

Важными и завершающими показателями, свидетельствующими о невысокой эффективности сельского хозяйства в Адыгейской автономной области, являются следующие цифры. Средний показатель механической загруженности в 1940 г. в области насчитывал 1/123 трактор на гектар. Это означает, что на один 15-сильный трактор приходилось 123 га земли [24, л. 39]. Тот же показатель по РСФСР в 1940 г. составлял 1/242 трактор на гектар [25, л. 54,75]. По Ставропольскому краю, Краснодарскому краю, Курской области соответствовали следующие показатели: 1/388, 1/381, 1/433 трактор на гектар¹. Средняя расчётная урожайность в данных регионах колебалась в районе от 7 до 10 центнеров с 1 гектара, что говорит, как минимум, о неэффективном использовании механизации в Адыгейской автономной области. В партийных докладах данная проблема объясняется отсутствием запчастей к тракторам и несвоевременной доставкой топлива для техники.

Расположенная в предгорьях Северного Кавказа между реками Кубань и Лаба ААО в указанный выше период обла-

¹ РСФСР за 40 лет: статистический сборник. URL: https://istmat.org/files/uploads/17077/rsfsr_40_let_sh.pdf (дата обращения: 21.06.2025).

дала благоприятными, хотя и неоднородными агроклиматическими условиями, которые определяли её сельскохозяйственную специализацию [26]. Климат региона характеризовался как умеренно-континентальный с заметным влиянием Чёрного моря.

Среднегодовые температуры составляли плюсовой диапазон от 10 до 11°C, с жарким летом с максимумом в +24°C и относительно мягкой зимой в среднем – 2...–4°C в январе, хотя периодические похолодания до температур –20°C создавали риски для озимых культур. Осадков выпадало 600–800 мм в год, увеличиваясь до 1000 мм в предгорных районах [26, с. 44]. Максимум осадков приходился на конец весны и начало лета, что благоприятствовало яровым культурам. Однако неустойчивый снежный покров повышал риск вымерзания озимых, особенно в суровые зимы, как это случилось в 1941–1942 гг. [26, с. 46] Из опасных явлений отмечались фёны – сухие тёплые ветра с гор, а также град и ливни в мае – июне, которые повреждали посевы.

Почвенный покров Адыгеи отличался высоким плодородием. Чернозёмы различных типов занимали около 70% пахотных земель, обеспечивая высокие урожаи пшеницы, кукурузы и подсолнечника. В поймах рек преобладали лугово-чернозёмные и аллювиальные почвы, использовавшиеся под овощи, рис (с 1930-х гг.) и табак [26, с. 49].

Предгорные районы с серыми лесными почвами традиционно специализировались на садоводстве (яблони, груши) и виноградарстве. Однако земледелие сталкивалось с проблемами заболачивания в низовьях рек и эрозией на склонах, что потребовало проведения мелиоративных работ и создания лесополос [26, с. 50].

Сельскохозяйственная специализация ААО в общенародном плане формировалась с учётом её природных условий. Основной культурой была установлена озимая пшеница с урожайностью 10–

15 ц с гектара, что было выше реальной урожайности за отмеченный период. Вышеуказанные плановые значения превышали показатели соседних степных районов. С 1930-х гг. расширялись посевы кукурузы как кормовой базы для животноводства, которая должна была заменить луговые многолетние травы. Среди технических культур важное место занимали подсолнечник и табак, особенно ценившийся для экспорта. Выращивание табака требовало обученных кадров и немало человеческих ресурсов, что неоднократно отмечалось на партийных собраниях. Традиционное садоводство и виноградарство особенно пострадали во время Великой Отечественной войны, но начали восстанавливаться после 1945 г. [26, с. 53] В животноводстве преобладало мясомолочное скотоводство, а в горных районах – тонкорунное овцеводство [26, с. 60].

Выводы

Привлечённые к анализу материалы свидетельствуют, что процесс перехода от традиционного к механическому сельскому хозяйству оказался сложным. В процессе преобразований в экономике возник целый спектр проблем в системе управления, советские органы власти в лице региональных управленческих кадров искали и находили опытно-практическим путём оптимальные решения. Значительную роль в развитии экономики в экстремальных условиях сыграло формирование новой «советской» элиты, в 1920–1930 гг. выступившей ключевым руководящим звеном управления при создании нового советского типа экономического уклада жизни. Ключевым испытанием для региона стала Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Разрушения, которые она принесла стране, требовали мобилизации сил и ресурсов для создания мощной тыловой базы и разгрома врага, а также послевоенного восстановления мирной жизни страны.

Список литературы

1. Шушкин Н.Н. Во имя победы: (организаторская работа партии в годы Великой Отечественной Войны). Петрозаводск: Карелия, 1970. 333 с.
2. Анисков В.Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту. 1941-1945 гг.: Деятельность партийных организаций по руководству сельским хозяйством в период Великой Отечественной войны. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1966. 371 с.
3. Докучаев Г.А. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1968. 322 с.
4. Мотревич В.П. Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны: монография. Екатеринбург: Альфа Принт, 2021. 700 с.
5. Пановский Л. С. Колхозное производство Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири: сборник статей. Новосибирск: Сиб. отд-ние АН СССР, 1976. С. 251-264.
6. Вторая мировая война: история и современность: монография / ред. И.П. Горелов, Н.Д. Козлов, Е.М. Малышева, Н.И. Барышников, Н.Н. Барышников [и др.]; Акад. военно-исторических наук. СПб.: АВИН, 2000. 302 с.
7. Судацков Н.Д. Возрождение сельского хозяйства Ставрополя после освобождения от оккупации в период Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2. С. 98-107.
8. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д: Изд-во Сев.-Кавказ. науч. центра высш. шк., 2003. 563 с.
9. Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942-1943 гг.). Майкоп: [Б.и.], 2000. 242 с.
10. Хисамутдинова Р.Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны: малоизвестные страницы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2002. 300 с.
11. Лохова Т.В. Организационно-хозяйственные аспекты социалистических преобразований в сельском хозяйстве Краснодарского края и Адыгеи в 1930-1940-е гг. // Гуманитарные науки. История. 2015. № 3. С. 41-51.
12. Малышева Е.М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Майкоп: Адыгея, 2000. 432 с.
13. Малышева Е.М. «В борьбе за победу»: (Социальные отношения и экономическое сотрудничество рабочих и крестьян Северного Кавказа в годы войны 1941–1945 гг.). Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1992. 416 с.
14. Малышева Е.М. Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941–1945 гг. М.: ВЕЧЕ, 2011. 492 с.
15. Кубань в годы Великой Отечественной войны, 1941-1945: хроника событий: в 2 кн. Кн. 1: 1941–1942. 3-е изд. Краснодар: Диапазон-В, 2011. 811 с.
16. НАРА (Национальный архив Республики Адыгея). Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 242.
17. НАРА. Ф. Р. 7. Оп. 1. Д. 746.
18. НАРА. Ф. Р. 5. Оп. 1. Д. 1.
19. НАРА. Ф. Р. 5. Оп. 2. Д. 19.
20. НАРА. Ф. Р. 5. Оп. 1. Д. 108.
21. НАРА. Ф. Р. 5. Оп. 2. Д. 7.
22. Малышева Е.М. Деятельность партийных организаций Кубани и Ставрополя по мобилизации сельских тружеников на оказание помощи фронту // Аграрная политика партии и социальные сдвиги на селе: сборник научных трудов. Вып. 258. Краснодар: Кубанский ун-т, 1987. С. 116-128.
23. Малышева Е.М. Северный Кавказ накануне Великой Отечественной войны: социально-экономический аспект // Военная история России: проблемы, поиски, решения: сборник научных статей. Пушкин: Пушкинский филиал АВИН, 2001. 415 с.

24. НАРА. Ф. Р. 5. Оп. 2. Д. 6.
25. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 7486. Оп. 7. Д. 11.
26. 40-лет автономии Адыгеи: [сборник статей] / под общ. ред. А.Ц. Аутлева и Д.Г. Костанова. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1962. 170 с.

References

1. Shushkin N.N. In the name of victory: (organizational work of the party during the Great Patriotic War). Petrozavodsk: Kareliya; 1970. 333 p. (In Russ.)
2. Aniskov V.T. The collective farm peasantry of Siberia and the Far East to the front. 1941-1945: Activities of party organizations in the management of agriculture during the Great Patriotic War. Barnaul: Alt. kn. izd-vo; 1966. 371 p. (In Russ.)
3. Dokuchaev G.A. The Siberian rear in the Great Patriotic War. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie; 1968. 322 p. (In Russ.)
4. Motrevich V.P. Contribution to the Victory: agriculture of the Urals during the Great Patriotic War. Ekaterinburg: Al'fa Print; 2021. 700 p. (In Russ.)
5. Panovskii L. S. Collective farm production in Western Siberia during the Great Patriotic War (1941-1945). In: *Voprosy istorii sotsial'no-ekonomicheskoi i kul'turnoi zhizni Sibiri: sbornik statei = Questions of the history of socio-economic and cultural life of Siberia: collection of articles*. Novosibirsk: Sib. ot-nie AN SSSR; 1976. P. 251-264. (In Russ.)
6. Gorelov I.P., Kozlov N.D., Malysheva E.M., Baryshnikov N.I., Baryshnikov N.N. (eds.) World War II: History and modernity. St. Petersburg: AVIN; 2000. 302 p. (In Russ.)
7. Sudavtsov N.D. The revival of agriculture in Stavropol after liberation from occupation during the Great Patriotic War. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya = Humanitarian and legal studies*. 2019;(2):98-107. (In Russ.)
8. Linets S.I. The North Caucasus on the eve and during the Nazi occupation: the state and peculiarities of development (July 1942 – October 1943). Rostov-on-Don: Izd-vo Sev.-Kavkaz. nauch. tsentra vyssh. shk.; 2003. 563 p. (In Russ.)
9. Krinko E.F. Life behind the front line: Kuban under occupation (1942-1943). Maikop; 2000. 242 p. (In Russ.)
10. Khisamutdinova R.R. Agriculture of the Urals during the Great Patriotic War: little-known pages. Orenburg: Izd-vo OGPU; 2002. 300 p. (In Russ.)
11. Lokhova T.V. Organizational and economic aspects of socialist transformations in agriculture of the Krasnodar territory and Adygea in the 1930s and 1940s. *Gumanitarnye nauki. Istoriya = Humanities. History*. 2015;(3):41-51. (In Russ.)
12. Malysheva E.M. Test. Society and power: problems of interaction during the Great Patriotic War of 1941-1945. Maikop: Adygeya; 2000. 432 p. (In Russ.)
13. Malysheva E.M. "In the struggle for Victory" (Social relations and economic cooperation of workers and peasants of the North Caucasus during the war of 1941-1945). Maikop: Adyg. kn. izd-vo; 1992. 416 p. (In Russ.)
14. Malysheva E. M. In the name of the Fatherland. The patriotism of the people in 1941-1945. Moscow: VEChE; 2011. 492 p. (In Russ.)
15. Kuban during the Great Patriotic War, 1941-1945: chronicle of events. Book 1: 1941-1942. 3rd ed. Krasnodar: Diapazon-V; 2011. 811 p. (In Russ.)
16. NARA (National Archive of the Republic of Adygea). F. P. 1. Op. 1. D. 242. (In Russ.)
17. NARA. F. R. 7. Op. 1. D. 746. (In Russ.)
18. NARA. F. R. 5. Op. 1. D. 1. (In Russ.)
19. NARA. F. R. 5. Op. 2. D. 19. (In Russ.)
20. NARA. F. R. 5. Op. 1. D. 108. (In Russ.)
21. NARA. F. R. 5. Op. 2. D. 7. (In Russ.)
22. Malysheva E.M. The activities of party organizations in Kuban and Stavropol to mobilize rural workers to help the front. In: *Agrarnaya politika partii i sotsial'nye sdvigi na sele: sbornik nauchnykh*

trudov = Agrarian policy of the party and social shifts in rural areas: collection of scientific papers. Is. 258. Krasnodar: Kubanskii un-t; 1987. P. 116-128. (In Russ.)

23. Malysheva E.M. The North Caucasus on the eve of the Great Patriotic War: socio-economic aspect. In: *Voennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya: sbornik nauchnykh statei = Military history of Russia: problems, searches, solutions: collection of scientific articles.* Pushkin: Pushkinskii filial: AVIN; 2001. 415 p. (In Russ.)

24. NARA. F. R. 5. Op. 2. D. 6. (In Russ.)

25. RGAE (Russian State Archive of Economics). F. 7486. Op. 7. D. 11. (In Russ.)

26. Autleva A.Ts., Kostanova D.G. 40th anniversary of the autonomy of Adygea: collection of articles. Maikop: Adyg. kn. izd-vo; 1962. 170 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Кири́н Дани́л Алекса́ндрович, аспирант кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Российская Федерация,
e-mail: xronosatur@gmail.ru,
ORCID: 0009-0007-0464-6852

Danil A. Kirin, Postgraduate Student of the Department of National History, Historiography, Theory and Methodology of History, Adygea State University, Maykop, Russian Federation,
e-mail: xronosatur@gmail.ru,
ORCID: 0009-0007-0464-6852

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(571.53)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-259-271>



«Сибирский север далекий и таинственный»: О работе Б.И. Лебединского и Н.А. Андреева в изучении истории освоения Байкальской Сибири и Крайнего Севера на рубеже XIX–XX веков

В.В. Ткачев¹✉

¹Иркутский государственный университет
ул. К. Маркса, д. 1, г. Иркутск 664003, Российская Федерация

✉e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Резюме

Актуальность. В музеях Иркутска находятся живописные собрания, которые подтверждают интерес художников к неосвоенным территориям, к изучению Байкальской Сибири и Крайнего Севера. Б.И. Лебединский и Н.А. Андреев активно сотрудничали с научными коллективами и участвовали в экспедициях, где передавали образы северных земель, традиции коренных народов и природные достопримечательности. Произведения служили основой для проведения тематических выставок, где демонстрировались результаты деятельности творческих и научных организаций.

Цель – изучить работу Б.И. Лебединского и Н.А. Андреева о том, как происходил процесс изучения Байкальской Сибири и Крайнего Севера на рубеже XIX – XX веков.

Задачи: определить материалы, которые подтверждают исследовательскую деятельность иркутских художников, их составление описаний сибирских земель; представить сюжеты, которые рассказывают о работе мастеров по созданию живописных полотен и составлению художественных альбомов; восстановить процесс проведения художественных событий, где можно было увидеть картины художников.

Методология. В исследовании используется комплексный подход, который выстраивается на общенаучных принципах. Работа включает проблемно-хронологический и историко-генетический методы.

Результаты. Работа продемонстрировала то, как иркутские художники Б.И. Лебединский и Н.А. Андреев вместе с учёными участвовали в научных экспедициях на Крайний Север и Байкальскую Сибирь. В результате были определены документы, которые подробно описывают отношение мастеров к природным объектам и местности, которые они посещали. Изобразительные материалы выделяют моменты, которые подтверждают интерес художников к изменениям в природе, жизни народов.

Выводы. Б.И. Лебединский и Н.А. Андреев участвовали в научных экспедициях, которые выявили многие известные в настоящее время памятники природы. Они составляли живописные альбомы и вели записи о пребывании на крайнем Севере и на территории Байкальской Сибири, где сохраняли собственные впечатления о событиях в природе.

Ключевые слова: история Сибири; Иркутская губерния; городская культура; научная экспедиция; художественная интеллигенция; музеи.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Ткачев В.В. «Сибирский север далекий и таинственный»: О работе Б.И. Лебединского и Н.А. Андреева в изучении истории освоения Байкальской Сибири и Крайнего Севера на рубеже XIX–XX веков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 259–271. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-259-271>.

Поступила в редакцию 14.09.2025

Принята к публикации 24.10.2025

Опубликована 25.12.2025

“The Siberian North, Far and Mysterious”: About the work of B.I. Lebedinsky and N. A. Andreev in studying the history of the development of Baikal Siberia and the Far North at the turn of the 19th and 20th centuries

Vitaliy V. Tkachev¹✉

¹Irkutsk State University

1 K. Marx Str., Irkutsk 664003, Russian Federation

✉e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Abstract

Relevance. Irkutsk museums contain collections of paintings that confirm the artists' interest in undeveloped territories, in the study of Baikal Siberia and the Far North. B. I. Lebedinsky and N. A. Andreev actively collaborated with research teams and participated in expeditions, where they conveyed images of northern lands, traditions of indigenous peoples and natural attractions. Their works served as the basis for thematic exhibitions, where the results of the activities of creative and scientific organizations were demonstrated.

The purpose is to study the work of B. I. Lebedinsky and N. A. Andreev on how the process of studying Baikal Siberia and the Far North took place at the turn of the 19th and 20th centuries.

Objectives: to identify materials that confirm the research activities of Irkutsk artists, their compilation of descriptions of Siberian lands; to present stories that tell about the work of masters in creating paintings and compiling art albums; to restore the process of holding art events where one could see the artists' paintings.

Methodology. The study utilizes a comprehensive approach based on general scientific principles. It incorporates problem-based chronological and historical genetic methods.

Results. The work demonstrated how Irkutsk artists B. I. Lebedinsky and N. A. Andreev, together with scientists, participated in scientific expeditions to the Far North and Baikal Siberia. As a result, documents were identified that describe in detail the attitude of the masters to natural objects and the areas they visited. Visual materials highlight moments that confirm the artists' interest in changes in nature, the life of peoples.

Conclusions. B. I. Lebedinsky and N. A. Andreev participated in scientific expeditions that revealed many currently known natural monuments. They compiled pictorial albums and kept records of their stay in the Far North and in the territory of Baikal Siberia, where they preserved their own impressions of events in nature.

Keywords: History of Siberia; Irkutsk province; urban culture; scientific expedition; artistic intelligentsia; museums.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tkachev V.V. “The Siberian North, Far and Mysterious”: About the work of B.I. Lebedinsky and N.A. Andreev in studying the history of the development of Baikal Siberia and the Far North at the turn of the 19th and 20th centuries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(6):259–271. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-259-271>.

Received 14.09.2025

Accepted 24.10.2025

Published 25.12.2025

Введение

Художественная выставка в разные времена являлась местом не только для знакомства с произведениями искусства, но и становилась площадкой для выделения особых разделов в области изучения творчества мастеров настоящего времени. Экспертное, музейное сообщество счита-

ет, что в результате демонстрации выдающихся работ возможно познакомиться с разными направлениями, темами, которые поднимали художники в прошедшие периоды. В период, когда проводятся современные выставочные проекты, многие специалисты музейного дела продолжают обращаться к материалам, которые со-

хранились до настоящего времени. В каталогах к мероприятиям возможно увидеть многие картины, которые обращались к жизни настоящего дня, поэтому мастера изображали местных жителей, сюжеты из встреч гостей и праздников, природные достопримечательности. Каждое произведение занимало достойное место среди других работ. С основными принципами построения композиций, использованием материалов для создания образов можно было познакомиться в статьях к каждому мероприятию. Они размещались как в местных печатных изданиях, так и в отчётных журналах научных организаций [1].

На территории дореволюционной Сибири во многих городах можно было увидеть произведения искусства разных мастеров, как местных, так и иностранных, столичных. Выставки проводились в Иркутске, Томске, позднее в Нерчинске, Верхнеудинске и многих других городах, где сосредотачивались творческие коллективы. Исследователи искусства отмечают, что художники демонстрировали работы, которые выполнялись за текущий период. Также через выставочные проекты можно было увидеть изменчивость отношения к живописным полотнам и отдельным направлениям в искусстве. Видно было и то, что постепенно при музеях и частных домах появлялись художественные собрания, которые со временем становились центрами развития интересов в современном искусстве. Обращаясь к данным материалам, можно убедиться в том, что горожане часто интересовались пейзажами, видовыми сюжетами. На живописных полотнах можно было увидеть древние города, вошедшие в мировую историю. Также часто в собраниях можно было увидеть работы, отражающие особенности местного ландшафта [2].

Для того чтобы понимать интересы дореволюционного сибирского общества, стоит обращать внимание на документы, которые описывают выставочную и

научную деятельность данного периода. Коллекционеры, деятели искусства сибирских городов стремились сохранить в памяти результаты проведённой работы. Они писали о своей деятельности, выступали на заседаниях научного общества, выпускали статьи, составляли отчётные документы.

В настоящей работе было важно проследить не только то, как научным и творческим сообществом организовывались художественные мероприятия для местных жителей, но и на примере документальных свидетельств отразить основные принципы работы с произведениями искусства для представления истории изучения иркутскими художниками Крайнего Севера и Байкальской Сибири. Многие подходы построения пространств в дальнейшем использовались, когда проводились выставки на постоянной основе. Деятели учреждений культуры и образования стремились представить в полной степени исторические события и фрагменты из разных моментов творческой деятельности. Так можно было наблюдать широкий интерес авторов произведений к происходящим явлениям, результативности процесса развития, благоустройства городской среды и появления новых пространств для взаимодействия с художественными коллекциями.

Учёные разного времени обращались к исследовательской деятельности иркутских художников на рубеже XIX–XX вв. Главное их достижение состоит в том, что они показывают, как мастера своими художественными методами стремились показать действительность, изменения в природе и городской среде. Историки проявляли интерес к материалам, которые являются результатами их деятельности по сохранению видов и передаче сюжетов из повседневной жизни. В работах исследователей возможно встретить объяснения того, как мастера постепенно создавали живописные полотна, а в дальнейшем передавали их в музейные собрания при научных организациях и в част-

ные коллекции местных жителей. На протяжении долгого времени творчество таких выдающихся художников, как Б.И. Лебединский и Н.А. Андреев, находилось в центре внимания исследователей, искусствоведов и культурологов. Эти мастера, каждый из которых внес значительный вклад в развитие изобразительного искусства, стали объектом многочисленных исследований. Их работы не только отражают уникальные стилистические особенности, но и представляют собой важные историко-культурные артефакты. Б.И. Лебединский известен своими яркими и выразительными картинами, которые погружают зрителя в мир эмоциональных переживаний. Его произведения часто исследуют темы человеческой души, природы и времени. Исследователи отмечают, что Лебединский использует цвет и свет, чтобы создать атмосферу, способствующую глубокому осмыслению. Многие его работы демонстрируют мастерское владение цветом, которое вызывает у зрителя ощущение надежды и стремления к лучшему. Н.А. Андреев, в свою очередь, проявил себя как тонкий наблюдатель за окружающим миром. Он, как и его предшественники, сохранял виды и изображал детали, на которые обращают внимание только художники.

Исследователи пишут о том, как картины иркутского мастера были наполнены деталями, которые привлекают внимание к повседневным моментам жизни. Н.А. Андреев часто использовал элементы реализма, что позволяет ему передать истинные эмоции и состояния своих персонажей. Например, его работа «Семейный портрет» раскрывает динамику семейных отношений и интимную атмосферу, присущую каждому дому.

В дальнейшем отечественные исследователи обращались к событиям, где можно было увидеть художников, как они влияли на художественные события и интересы общества к искусству. Благодаря обращению к живописным собраниям,

многие учёные дополняли историю новыми данными о том, как иркутские художники изучали Байкальскую Сибирь и сибирский Север [3].

Документальные сведения о том, как мастера участвовали в экспедициях и создавали подробные описания территорий, можно встретить в отчётных статьях научных организаций [4]. В данных материалах демонстрируется исследователям то, что важно обращать внимание на труды иркутских художников, которые на протяжении долгого времени изучали сибирские земли.

Методология

В настоящей исследовательской работе применялись общенаучные методы, обеспечивающие углубленное исследование деятельности известных иркутских художников Б.И. Лебединского и Н.А. Андреева. Данные методы включают как качественные, так и количественные подходы, позволяющие всесторонне охватить художественные практики и творческие особенности данных мастеров.

Качественные методы, такие как анализ произведений искусства и контекстуальный анализ, помогают выявить уникальные черты стиля и тематики работ художников. Б.И. Лебединский известен своими пейзажами, которые отражают красоту Сибири и её природных ландшафтов, тогда как Н.А. Андреев акцентирует внимание на социально значимых сюжетах, что делает его творчество актуальным в контексте культурных и исторических реалий региона.

Количественные методы, включая статистический анализ выставок и публикаций, позволяют оценить влияние и признание этих художников в современном искусстве. Исследование архивов и каталогов выставок помогает собрать данные о числе выставок, участии в конкурсах и наградах, которые они получили.

Использование данных методов способствует более глубокому пониманию не только индивидуальных особенностей

творчества Лебединского и Андреева, но и их роли в развитии художественной культуры Иркутска в целом. Эти подходы создают основу для дальнейшего погружения в исторические события, судьбы мастеров, позволяя исследователям выявлять связи между искусством и социальными процессами, происходившими в регионе.

При исследовании художественной деятельности иркутских художников Бориса Ильича Лебединского и Николая Андреевича Андреева применялись различные методологические подходы, включая хронологический и ретроспективный методы. Хронологический метод позволяет установить последовательность событий и изменений в творчестве этих художников, что имеет важное значение для понимания их эволюции как мастеров искусства. Он помогает проследить, как жизненные обстоятельства, культурные и исторические контексты влияли на их творчество.

С другой стороны, ретроспективный метод дает возможность взглянуть на произведения и события в их исторической целостности. Он позволяет не только фиксировать факты, но и анализировать их значимость в рамках художественного процесса. Такой подход способствует более глубокому осмыслению наследия Б.И. Лебединского и Н.А. Андреева, а также создает возможность для сопоставления их работ с тенденциями, существовавшими в искусстве того времени.

Работа строится на принципах историзма и объективности. Принцип историзма подразумевает анализ произведений в контексте времени их создания, что позволяет выявить взаимосвязь между искусством и социальной реальностью. Объективность, в свою очередь, предполагает беспристрастный и непредвзятый подход к материалу, что особенно важно в изучении художественного наследия.

Использование данных методов дает возможность более полно и всесторонне

изучить не только творчество Б.И. Лебединского и Н.А. Андреева, но и их научную деятельность, что, в свою очередь, способствует развитию и углублению знаний о сибирской художественной культуре и ее влиянии на российское искусство в целом. Изучение их работ не только обогащает культурный контекст региона, но и открывает новые горизонты для дальнейших исследований.

В процессе изучения научной деятельности иркутских художников были рассмотрены следующие значимые исторические источники: живописные собрания, каталоги к выставкам, которые проводились и в настоящее время проводятся в художественном музее Иркутска. Были изучены документы архива художественного музея в Иркутске, где находятся материалы о творчестве Б.И. Лебединского и Н.А. Андреева. В собрании размещены не только сведения о важных моментах из жизни иркутских художников, но и материалы о научных экспедициях, записи о памятниках природы, истории и культуры, деревянном и каменном зодчестве в Сибири. Также с рукописными документами находятся фотографии с мест пребывания и газетные вырезки о художественных выставках, где можно было познакомиться с картинами и живописными альбомами.

Результаты и их обсуждение

Иркутские художники на протяжении долгого времени занимались изучением северной территории Азиатской России, где они находились, которые посещали. Б.И. Лебединский и Н.А. Андреев определили темы для создания произведений в результате многочисленных посещений сибирских территорий, севера Сибири, где возможно было увидеть особенности местной природы, жизнь коренных народов и их традиционные занятия [5; 6]. Мастера собирали образы, составляли композиции, которые были интересны для творческого общества. Эскизы и рисунки служили основанием для

написания художественных альбомов. Художники считали, что было важно показать природу в моменты разного состояния, чтобы передать каждую деталь: от гармоничного до стихийного состояния и противостояния.

Стоит отметить, что в музеях Иркутска находится художественное наследие, подтверждающее результативность этнографической и творческой деятельности сообщества деятелей искусства, где многие увлекались наблюдаемыми предметами и явлениями [7]. Они вели записи и делились собственными впечатлениями о том, как постепенно новые территории включались в повседневную и культурную жизнь сибирского общества [8]. К работам художники составляли отдельные каталоги и художественные альбомы, являющиеся сопроводительными и документальными источниками по истории изучения Байкальской Сибири и территории крайнего сибирского Севера.

В результате в Иркутске появлялись произведения, которые демонстрировали историю изучения разных сибирских земель, культурные связи и влияние художественных мероприятий на творчество местных мастеров [9]. Многие художники, в том числе Б.И. Лебединский и Н.А. Андреев, участвовали в художественных выставках в начале XX в., где знакомились с творчеством других живописцев из сибирских городов и центральной части Российской империи. На мероприятиях присутствовали коллекционеры, горожане, проявляющие интерес к искусству [10]. Посетители отмечали то, что со временем художники стали обращать внимание на объекты, которые находились в отдалённой местности, поэтому их не было видно в документах и книгах дореволюционного периода [11]. Только после экспедиционной работы и организации выставок как в Москве и Петербурге, так и в сибирских городах можно было познакомиться с северными ландшафтами.

Северные земли впечатляли исследователей, художников своими живописными видами, просторами, водными зонами, которые послужили настоящими источниками для связи с другими частями и населёнными пунктами [12]. Посещающая берега сибирских рек и Северного Ледовитого океана, мастера определяли места, которые в дальнейшем появлялись на живописных полотнах и подробных композициях. Они передавали события, которые наблюдали, поэтому было важно сохранить не только отдельные детали, но и отразить собственное представление о том, что переживали в момент посещения и изучения местности.

В изучении Русского Севера, сибирских земель принимали участие многие художники из Иркутска. Для развития художественной темы в своём творчестве мастера занимались поиском новых материалов, поэтому постепенно погружались в культурную жизнь, общались с жителями. Они видели разные явления, которые их вдохновляли на создание видов природы северных сибирских земель [13].

Стоит обратить внимание на деятельность Н.А. Андреева, который сохранился в памяти посетителей выставок как выдающийся пейзажист, мастер композиций. Через детали и изобразительные методы ему удавалось погружать присутствующих в состояние нахождения в северной местности. Документы описывают то, как Николай Андреевич Андреев участвовал в научных экспедициях на север Азиатской России [14]. В результате деятельности художник подготовил серию работ, которые были посвящены культурной жизни, природным памятникам и повседневности коренных народов. Известны такие живописные полотна, как «На крайнем Севере» (1922), «Пуговичник. Такмосит» («Жилище Такмосита») (1925), «Сосновый лес» (1926), «Собаки Севера» (1935), «Лесорубы» (1937), «Партизан» (1938) и многие другие [15]. В художественном музее Иркутска сохранились документы о работе Николая

Андреевича, подтверждающие его интерес к северным территориям Сибири. В собрании находятся записи о творчестве художника, сведения о его многочисленных передвижениях в разные регионы и сотрудничестве с другими деятелями искусства и коллекционерами, которые посещали выставки и знакомились с уникальными объектами природы и традициями северных народов. Вместе с рукописными материалами в музее находятся фотографии разных горных мест, сибирских рек и многие другие этнографические и географические снимки. К каждому материалу приложены записи о том, как художник собирал сведения для последующих работ. Среди документов присутствует подробная биография Н.А. Андреева, где можно познакомиться с воспоминаниями о экспедиционной деятельности, первом появлении живописных полотен на выставках в Иркутске, размещении картин в фондах художественного музея. Записи передают то, какой большой интерес Николай Андреевич проявлял к сибирскому Северу, к ландшафту. Ему удавалось через детали, краски, свет и тени передавать изменения и выход к водам рек, Северному Ледовитому океану. Художник считал, что важно сохранять данные комплексы при строительстве новых путей, населённых пунктов, т. к. многое может быть утрачено в результате разрушения северного ландшафта. Позднее Н.А. Андреев делился собственными впечатлениями с другими представителями творческого общества и учёными [16, л. 11].

Также стоит отметить, что материалы описывают то, как проводились выставки, посвященные научным экспедициям. Мероприятия, где демонстрировались достижения в области изучения северных территорий, продолжали обсуждаться. Руководители научных учреждений предлагали создавать выставочные проекты, где можно было познакомиться с произведениями отечественных художников: «Российская Академия наук в де-

кабре 1919 г. обратилась в Главное гидрографическое управление с предложением принять участие в созываемом ею Совещании по Северу и организуемой при нем выставке. Выразив на это согласие, Главное гидрографическое управление образовало у себя небольшую комиссию, которой и поручило разработать вопрос об участии в Совещании и выставке. Комиссия в своих заседаниях выяснила те темы, с которыми могло бы выступить Управление на Совещании, наметила докладчиков по ним и установила материалы, которые следовало доставить на выставку. Сообщенные темы были Академией наук приняты, поставлены на повестку и заслушаны на вечернем Собрании 17 мая. Намеченный для выставки материал в виде: коллекций морских карт; книг и руководств для плавания; диаграмм, иллюстрирующих гидрометеорологический режим полярных стран; карт, демонстрирующих ход гидрографических, астрономических, магнитных и пр. работ, а также нескольких образцов оригиналов древних описных журналов и т.п., был своевременно изготовлен, подобран и доставлен на выставку» [16, л. 13]

С другой стороны, документы сообщают то, что учёные продолжали изучать Северный Ледовитый океан и предлагали заниматься строительством новых путей. Настоящие дороги служили основой для того, чтобы в дальнейшем создавать населённые пункты, научные станции и разные учреждения, которые должны были заниматься сбором и анализом материалов. Так учёные подтверждали необходимость поддержания работы научных организаций: «Полагая, что с докладами, вкратце характеризующими роль и значение Главного гидрографического Управления в хозяйстве севера страны, желательно ознакомить более широкий круг лиц и притом ознакомить в возможно скорейшем времени, управление нашло необходимым собрать их и отпечатать в виде отдельной брошюры, сопроводив резолюцией, вынесенной после заслуша-

ния их Совещением. На заключительном собрании Совещения, вечером 24 мая, при обсуждении всех резолюций, по адресу, где находится Главное гидрографическое управление, было вынесено постановление о желательности и необходимости продолжения его важных гидрографических исследований Севера, и, кроме того, после решения образовать при Русском географическом обществе Северный комитет предложено Главному гидрографическому управлению войти в число учреждений, его образующих» [16, л. 29].

В дальнейшем исследователи Русского Севера выделили направления и темы, к которым необходимо обращаться. Так они писали следующее: «В заключение этого введения остается сказать, что в настоящее время в составе Главного гидрографического управления образована и проведена в штатном порядке постоянная Северная комиссия, которая и приступила уже к работе. Назначение её обработать и систематизировать все гидрографические обследования севера и на основании их разработать планомерную и научную программу дальнейших изысканий. Кроме того, Комиссия должна установить те конкретные задания, которые необходимо выполнить немедленно для улучшения обслуживания Северного морского пути. В составе Главного гидрографического управления организовывались гидрографические экспедиции в следующие места: 1) Северного Ледовитого океана; 2) Белого моря; 3) Обь-Енисейского залива. Учитывалось наличие должного судового и личного состава и необходимого оборудования, считая в том числе и сеть полярных радиостанций» [17, л. 18].

Исследователи обращались к истории изучения Северного морского пути, поэтому в настоящее время возможно познакомиться с их наблюдениями. Записи учёных передают то, что их интересовало. Они отвечают на вопросы о степени готовности общества к освоению новых

территорий и оценивают результаты деятельности. Так в одном фрагменте сообщалось о важном периоде изучения природных богатств северных сибирских земель: «В 1894 году Мамонтов подал министру финансов С.Ю. Витте докладную записку, в которой, описывая богатства Русского Севера, предлагал провести через непроходимые топи и леса железнодорожную магистраль от Вологды до Архангельска. Министр финансов, прежде чем дать ответ, решил воочию познакомиться с этим краем, предложив С.И. Мамонтову вместе с ним в составе специальной комиссии совершить поездку по Северу. Тем более что в задачу правительства входило отыскание на Мурманском побережье незамерзающей гавани для размещения там русского военного флота. Как и полагалось в подобных случаях, в состав экспедиции были приглашены рисовальщик – известный в будущем художник, а тогда ученик Академии художеств Александр Борисов – и писатель Евгений Львов (Е.Л. Кочетов), издавший в 1895 году книгу “По студеному морю. Поездка на Север”» [18, л. 14].

В настоящее время в музеях проводятся выставки, которые поднимают тему участия художников в изучении Русского Севера, Северного морского пути. В залах можно увидеть работы Н.А. Андреева и Б.И. Лебединского. В пространствах размещаются произведения, которые создавались в период проведения научных экспедиций. В рамках сбора материалов были изучены речные системы Енисея, Ангары и многих других рек, лесные просторы и уникальные горные системы, которые встречались учёным в результате обследования территорий. Для составления подробных отчётов использовались сведения, которые заносились в путеводные журналы, художественные альбомы. Изобразительные материалы, размещаемые в современных музейных пространствах, являются документальными свидетельствами о том, что происходило в прошлые годы.

В рамках изучения исторических событий возможно проследить работу мастеров по созданию художественных альбомов, которые являются источниками для восстановления основных стадий процесса описания природных богатств и достопримечательностей Байкальской Сибири и Русского Севера. Общедоступные архивные материалы, труды в области истории развития искусства дают возможность рассмотреть деятельность другого известного иркутского художника Б.И. Лебединского в области сохранения наследия сибирских земель в живописных видах.

В результате погружения в работы, которые были представлены на художественных выставках в Иркутске в течение прошлого и настоящего времени, зрители знакомились с картинами и художественными альбомами Бориса Ивановича. В залах можно было увидеть произведения искусства, где изображено озеро Байкал, сибирские реки, памятники древности и многие другие сюжеты и важные детали для жизни художника. Обращаясь к живописным полотнам, представляемым на выставках разного периода, стоит отметить, что зрители постоянно взаимодействуют с музейными собраниями, появляется возможность рассмотреть стадии понимания замыслов автора картин. Для восстановления событий необходимо использовать художественные альбомы Б.И. Лебединского, которые поднимали актуальные темы в области изучения территории севера Сибири в предшествующие поколения [19, л. 6].

В рамках своей деятельности творческие и научные объединения организовывали и продолжают организовывать тематические выставки, которые демонстрируют природу Русского Севера в особых состояниях, отражённых в воспоминаниях участников исследовательских экспедиций. Через предметы искусства, чертежи, макеты и строительные материалы можно познакомиться с технологиями строительства новых путей, населённых

пунктов [20, л. 19]. В залах музеев размещаются подробные сведения о том, как авторы проектов стремились передать образы, где также и рассказывали о известных историях: о противостоянии природы и человека, покорении стихий и реакции на многие наблюдаемые явления [21, л. 8].

Б.И. Лебединский как иркутский художник, исследователь сибирских земель и водоёмов, общественный деятель и специалист в области музейной работы понимал значимость изучения сибирской природы в разной местности [22; 23]. Мастер пейзажа поддерживал работу Комитета Севера, который занимался изучением Северного морского пути, Северного Ледовитого океана, островов и рек, отмеченных на многих картах научным сообществом [24]. Борис Иванович писал картины, где изображал узнаваемые виды священного озера Байкал и сибирской природы, но и подробно представлял виды севера Азиатской России, деревень, которые со временем исчезали [25]. Зрители на выставках могли увидеть понятные и узнаваемые для каждого виды северных сибирских земель [26]. Он стремился показать природу как настоящее достояние края, поэтому писал о важном деле в сохранении лесов и водной среды [27]. Создаваемые живописные полотна передают общие впечатления мастера к тому, что было значимо для каждого поколения, поэтому многие линии и образы детально прописывались и осмысливались [28].

Доступные материалы для сотрудников музеев, историков и исследователей искусства дореволюционного периода дают возможность убедиться в том, что иркутские художники отражали в своём творчестве особенности северных и сибирских земель [29]. Они отмечали их богатства и достоинства, изображая разные детали и моменты, которые постепенно входили в составные части композиций живописных произведений. Картины местных мастеров размещались в выста-

вочных залах по решению и согласию научных обществ и музеев.

Выводы

Иркутские художники, такие как Б.И. Лебединский и Н.А. Андреев, поддерживали научные исследования и по мере своих возможностей участвовали в разных экспедициях, которые были направлены на изучение территории Байкальской Сибири и сибирского Севера. Мастерам удавалось создавать большое количество изобразительных материалов, служивших не только сопроводительными документами о пребывании в данной местности, но и основанием для написания отдельных живописных полотен. Картины демонстрировались на выставках, а истории их создания публиковались в отчётных сборниках, статьях и других печатных изданиях.

Обращая внимание на природные достопримечательности сибирского Севера и Байкальской Сибири, художники свои впечатления переносили в записи, где делились собственным отношением к объектам и наблюдаемым явлениям. Иркутские художники Б.И. Лебединский и Н.А. Андреев на протяжении многих лет углубленно изучали природу Сибири, а также жизнь коренных народов, населяющих этот уникальный регион. Их творчество стало своеобразным мостом между искусством и этнографией, позволяя зрителям заглянуть в богатый мир сибирской культуры и ее природных ландшафтов.

Б.И. Лебединский, известный своими пейзажами, акцентировал внимание на величии сибирских просторов. Его работы часто изображают таежные леса, могучие реки и величественные горы. Художник стремился передать красоту и су-

ровость сибирской природы. Он использовал яркие цвета и динамичные линии, чтобы создать ощущение движения и жизни в своих картинах. Борис Иванович также уделял внимание деталям, что позволяло зрителям ощутить атмосферу места, которое он изображал.

Н.А. Андреев, в свою очередь, сосредоточился на жизни коренных народов Сибири. Его работы представляют собой ценный вклад в сохранение культурного наследия. Он изображал традиционные обряды, повседневную жизнь и занятия местных жителей, таких как охота, рыболовство и ремесленные навыки. Андреев использовал элементы народного искусства и символику, что помогло ему передать глубину и разнообразие культурных традиций.

Творчество Б.И. Лебединского и Н.А. Андреева представляет собой важное поле для изучения в контексте отечественного искусства. Их работы стимулируют различные интерпретации и анализы, что делает их актуальными для современных исследований. Исследователи продолжают открывать новые аспекты их творчества, рассматривая влияние социального и культурного контекста на художественные решения этих мастеров. Это позволяет глубже понять не только их индивидуальный стиль, но и более широкие тенденции в искусстве того времени.

В дальнейшем исследователям необходимо продолжить обращаться к документам, записям и изобразительным материалам, которые оставили иркутские художники. Источники дают возможность более подробно раскрыть события прошлого и разобрать сюжеты, которые описывают деятельность научных и творческих коллективов.

Список литературы

1. Пешина Э. В. Великая северная экспедиция (1733-1746): современный взгляд на историю // Омские социально-гуманитарные чтения – 2022: материалы XV Международной научно-практической конференции / отв. ред. Л.А. Кудринская. Омск: Омск. гос. техн. ун-т, 2022. С. 260-266.

2. Гагиева А.К., Гагиев Н.Н. Научные исследования европейской части Арктических территорий во второй половине XIX – начале XX в. как часть программы модернизации Европейского Севера России // Вестник Архивиста. 2020. № 3. С. 774-785.
3. Ткачев В.В. «Открыть мир искусства жителям и гостям города»: о художественной работе Н.И. Верхотурова в Иркутской губернии на рубеже XIX–XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 196-209.
4. Отчет Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии: за 1900-1901 год. Иркутск: Тип. газеты «Восточное обозрение», 1902. С. 1-7.
5. Комлева Е.В. Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение Северо-Восточной Евразии (конец XVIII – XIX век). Новосибирск: Параллель, 2018. С. 249-254.
6. Комлева Е.В. Освоение Северной Азии как сфера реализации социокультурных практик сибирского купечества // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27, № 2. С. 107-112.
7. Гончаренко Н.В. Сукачёвы. История одной семьи. Иркутск : Артиздат, 2019. С. 12-18.
8. Гончаренко Н.В. Жизнь в иркутской усадьбе Сукачева. Новые документы // Карабахские научные чтения. После юбилея: новые перспективы изучения Н.А. Некрасова и его эпохи: материалы научно-практической конференции. Ярославль: Академия 76, 2022. С. 49-53.
9. Озерова С.А. Сукачев Платон Петрович. Архивные материалы // Заметки ученого. 2022. № 7. С. 227-229.
10. Чирков В.Ф. Изобразительное искусство Сибири XVII – начала XXI вв.: словарь-указатель: в 2-х т. Т. 1. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2014. С. 81-82.
11. Завещано потомкам : художественная коллекция В.П. Сукачева в Иркутске : художественный альбом. Иркутск: Артиздат, 2009. С. 8-13.
12. Христюлова Т.П. Отражение художественной жизни Сибири в публикациях Г.Н. Потанина по вопросам искусства // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2023. № 1(54). С. 135-142.
13. Снытко Л.Н. Репинская школа в собрании ИОХ. К 175-летию со дня рождения И.Е. Репина (1844-1930) // Сукачёвские чтения. 2019. № 16. С. 119-126.
14. Зубрий Е.С. Усадебный комплекс В.П. Сукачёва как региональный вариант Всероссийских «культурных гнезд» (к постановке проблемы) // Сукачёвские чтения. 2019. № 16. С. 65–72.
15. Зубрий Е.С. К вопросу о комплектовании коллекции произведений российских академиков Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева (1983-2015 гг.) // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. 2022. № 4 (13). С. 90–97.
16. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 293. Оп. 1. Д. 229.
17. ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 5.
18. ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 7.
19. ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 60.
20. Архив Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева (ИОХМ). Дело по истории художественной жизни в Иркутской губернии.
21. Архив ИОХМ. Дело Н.А. Андреева.
22. Кошман Л.В. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. С. 348-349.
23. Кошман Л.В. Культурное пространство русского города XIX – начала XX вв. к вопросу о креативности исторической памяти // Человек и культура. 2013. № 2. С. 42-115.
24. Ситникова А.А. Северные экспедиции и образ Арктики в зарубежной живописи XIX века // Северные архивы и экспедиции. 2022. Т. 6, № 1. С. 240-249.
25. Иркутский край. Четыре века: история Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / гл. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск: ВостСибкнига, 2012. С. 60-78.
26. Фатьянов А.Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1995. С. 19-20.
27. Фатьянов А.Д. Судьба сокровищ. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. С. 12-13.
28. Фатьянов А.Д. Владимир Сукачев. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. С. 51-54.
29. Лыхин Ю.П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2002. С. 35-38.

References

1. Peshina E.V. The Great Northern expedition (1733-1746): A modern look at history. In: Kudrinskaya L.A. (ed.) *Omskiye sotsial'no-gumanitarnyye chteniya – 2022: materialy XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Omsk Social and Humanitarian Readings – 2022: proceedings of the XV International scientific and practical conference*. Omsk: Omsk. gos. tekhn. un-t; 2022. P. 260-266. (In Russ.)
2. Gagiyeva A.K., Gagiyeu N.N. Scientific research of the European part of the Arctic territories in the second half of the 19th – early 20th centuries as part of the modernization program of the European North of Russia. *Vestnik Arkhivista = Bulletin of the Archivist*. 2020;(3):774-785. (In Russ.)
3. Tkachev V.V. “To open the world of art to the residents and guests of the city”: About the artistic work of N.I. Verkhoturov in the Irkutsk province at the turn of the 19th – 20th centuries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(4):196-209. (In Russ.)
4. Report of the Society for the promotion of public education and popular entertainment in the Irkutsk province: for 1900-1901. Irkutsk: Tip. gazety “Vostochnoye obozreniye”; 1902. P. 1-7. (In Russ.)
5. Komleva Ye.V. Siberian merchants: contribution to the economic development and study of North-Eastern Eurasia (the end of the 18th – 19th centuries). Novosibirsk: Parallel'; 2018. P. 249-254. (In Russ.)
6. Komleva Ye.V. The development of North Asia as a sphere for the implementation of the socio-cultural practices of the Siberian merchants. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri = Humanitarian sciences in Siberia*. 2020;27(2):107-112. (In Russ.)
7. Goncharenko N.V. Sukachev. The history of one family. Irkutsk : Artizdat; 2019. P. 12-18. (In Russ.)
8. Goncharenko N.V. Life in the Irkutsk estate of Sukachev. New documents. In: *Karabikhskiy nauchnyy chteniya. Posle yubileya: novyye perspektivy izucheniya N.A. Nekrasova i yego epokhi: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii = Karabih scientific readings. After the anniversary: new perspectives on the study of N.A. Nekrasov and his era: materials of the scientific-practical conference*. Yaroslavl': Akademiya; 2022. P. 49-53. (In Russ.)
9. Ozerova S.A. Sukachev Platon Petrovich. Archival materials. *Zametki uchenogo = Notes of a scientist*. 2022;(7):227-229. (In Russ.)
10. Chirkov V.F. Fine arts of Siberia of the XVII – early XXI centuries. Tobol'sk: Obshchestvennyy blagotvoritel'nyy fond "Vozrozhdenie Tobol'ska"; 2014. P. 81-82. (In Russ.)
11. Bequeathed to descendants: art collection of V.P. Sukachev in Irkutsk. Irkutsk: Artizdat; 2009. P. 8-13. (In Russ.)
12. Khristolyubova T.P. Reflection of the artistic life of Siberia in the publications of G.N. Potanin on issues of art. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury = Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*. 2023;(1):135-142. (In Russ.)
13. Snytko L.N. Repinskaya school in the collection of the IOH. To the 175th anniversary of the birth of I.E. Repin (1844-1930). *Sukachovskiy chteniya = Sukachev readings*. 2019;(16):119-126. (In Russ.)
14. Zubriy Ye.S. Manor complex of V.P. Sukachev as a regional version of the All-Russian “cultural nests” (to the formulation of the problem). *Sukachovskiy chteniya = Sukachev readings*. 2019;(16):65-72. (In Russ.)
15. Zubriy Ye.S. On the issue of completing the collection of works by Russian academicians of the Irkutsk regional art museum named after V. P. Sukachev (1983-2015). *Izobrazitel'noye iskusstvo Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka = Fine Art of the Urals, Siberia and the Far East*. 2022;(4):90-97. (In Russ.)
16. GAIO (State Archives of the Irkutsk Region). F. 293. Op. 1. D. 229. (In Russ.)
17. GAIO. F. 197. Op. 1. D. 5. (In Russ.)
18. GAIO. F. 197. Op. 1. D. 7. (In Russ.)
19. GAIO. F. 480. Op. 1. D. 60. (In Russ.)
20. IOChM (Archive of the Irkutsk regional art museum V.P. Sukacheva). Case on the history of artistic life in the Irkutsk province. (In Russ.)
21. IOChM. The case of N.A. Andreev. (In Russ.)

22. Koshman L.V. City and urban life of the XIX century: social and cultural aspects. Moscow: ROSSPEN; 2008. P. 348-349. (In Russ.)

23. Koshman L.V. Cultural space of a Russian city in the 19th – early 20th centuries. to the question of the creativity of historical memory. *Chelovek i kul'tura = Man and Culture*. 2013;(2):42-115. (In Russ.)

24. Sitnikova A.A. Northern expeditions and the image of the Arctic in foreign painting of the 19th century. *Severnnyye arkhivy i ekspeditsii = Northern archives and expeditions*. 2022;6(1):240-249. (In Russ.)

25. Dameshek L.M. Irkutskiy kray. Irkutsk region. Four centuries: the history of the Irkutsk province (region) of the XVII-XXI centuries. Irkutsk: VostSibkniga; 2012. P. 50-53. (In Russ.)

26. Fat'yanov A.D. Artists, exhibitions, collectors of Irkutsk province. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo; 1995. P. 19-20. (In Russ.)

27. Fat'yanov A.D. The fate of treasures. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo; 1967. P. 12-13. (In Russ.)

28. Fat'yanov A.D. Vladimir Sukachev. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo; 1990. P. 51-54. (In Russ.)

29. Lykhin Yu.P. Artistic life of Irkutsk (the first quarter of the 20th century). Irkutsk: AEM “Tal'tsy”; 2002. P. 35-38. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Ткачев Виталий Викторович, преподаватель, педагог-организатор отдела краеведения и музейной работы, Центр развития дополнительного образования детей; руководитель, Научно-исследовательский центр «Иркутская историческая школа интеллигентоведения», г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1057-3270

Vitaliy V. Tkachev, Teacher-Organizer of the Department of Local History and Museum Work, State Autonomous Institution of Educational Institution “Center for the Development of Additional Education for Children”; Head, Research Center “Irkutsk Historical School of Intellectual Studies”, Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1057-3270

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94/323.21

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-272-284>

Реализация плана строительства и реконструкции города Курска в конце 1960 – начале 1970-х годов

Я.В. Масалев¹✉¹Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉e-mail: masalevyv@gmail.com

Резюме

Актуальность. В конце 1960-х годов был скорректирован план реконструкции и застройки Курска, положивший начало массовому строительству 9-12-этажных кирпичных и крупнопанельных домов при создании новых микрорайонов и точечной застройке центральной части города, с упразднением ветхого одноэтажного жилья. Процесс застройки и реконструкции города сопровождался многими трудностями, которые своевременно преодолевались и позволили в короткие сроки реализовать намеченные планы жилищного строительства. Исследование советского опыта застройки города может оказаться полезным и в современных условиях.

Цель – проанализировать процесс жилищного строительства в соответствии с планом застройки и реконструкции исторического центра в конце 1960-х – начале 1970-х годов.

Задачи: исследовать проблемы реализации плана застройки и реконструкции города, мероприятия по контролю за ходом строительства, выявлению и устранению недостатков в работе строительных организаций.

Методология. Авторская методология основана на принципе объективности, методах анализа, синтеза, идеографическом.

Результаты. Реализация плана застройки и реконструкции города Курска сопровождалась многочисленными трудностями. Они были связаны с частым перепроектированием объектов жилищного строительства, недостаточным качеством строительных и отделочных работ, приводящих к задержке сдачи объектов. Большое значение в оптимизации строительства и борьбе с недостатками имел контроль со стороны властных структур города. Постоянная строительная комиссия выявляла недочеты и предлагала пути решения возникших в процессе строительства проблем.

Вывод. В исследуемый период в Курске осуществлялось грандиозное жилищное строительство. Осуществляя генеральный план строительства и реконструкции г. Курска, велось его благоустройство. Проводилась активная реконструкция центра города, где строились девятиэтажные жилые дома. Строительство первых домов повышенной этажности улучшило архитектурную выразительность центра города. Но, как видно из материалов исследования, темпы реконструкции центра города оставались низкими, сроки строительных объектов постоянно срывались. Основными причинами можно считать малую механизацию, дефицит рабочих рук, недопоставки стройматериалов, несвоевременный снос ветхого жилья.

Ключевые слова: план застройки; план реконструкции; исторический центр; строительные работы; качество работ.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Масалев Я.В. Реализация плана строительства и реконструкции города Курска в конце 1960 – начале 1970-х годов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 272–284. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-272-284>.

Поступила в редакцию 24.09.2025

Принята к публикации 28.10.2025

Опубликована 25.12.2025

Implementation of the Kursk construction and reconstruction plan in the late 1960-s and early 1970-s

Iaroslav V. Masalev¹✉

¹Southwest State University

50 let Octobrya Str., 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉e-mail: masalevyv@gmail.com

Abstract

Relevance. In the late 1960-s, the plan of reconstruction and development of Kursk was adjusted, which initiated the mass construction of 9-12-storey brick and large-panel houses in the creation of new neighborhoods and point development of the central part of the city, with the abolition of dilapidated one-storey housing. The process of building up and reconstruction of the city was accompanied by many difficulties, which were overcome in time and allowed to realize the planned plans of housing construction in a short time. The study of the Soviet experience of urban development can be useful in modern conditions.

Purpose. To analyze the process of housing construction according to the plan of development and reconstruction of the historic center in the late 1960-s and early 1970-s.

Objectives: to study the problems of implementation of the plan of building and reconstruction of the city, measures to control the progress of construction, identification and elimination of shortcomings in the work of construction organizations.

Methodology. The author's methodology is based on the principle of objectivity, methods of analysis, synthesis, ideographic.

Results. The implementation of the plan for the construction and reconstruction of the city of Kursk was accompanied by numerous difficulties. They were related to frequent redesigning of housing construction objects, insufficient quality of construction and finishing works, resulting in delayed delivery of objects. Control by the city authorities was of great importance in optimizing construction and combating shortcomings. The Standing Construction Commission identified shortcomings and proposed ways to solve the problems that arose during the construction process.

Conclusion. During the period under study in Kursk, grandiose housing construction was carried out. Implementing the general plan of construction and reconstruction of Kursk, its improvement was carried out. Active reconstruction of the city center was carried out, where nine-storey residential buildings were built. The construction of the first houses with higher storeys improved the architectural expressiveness of the city center. But, as can be seen from the materials of the study, the pace of reconstruction of the city center remained low, the terms of construction projects were constantly disrupted. The main reasons can be considered as low mechanization, shortage of workers, under-delivery of construction materials, untimely demolition of dilapidated housing.

Keywords: development plan; historic center; reconstruction plan; construction works; quality of works.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Masalev I.V. Implementation of the Kursk construction and reconstruction plan in the late 1960-s and early 1970-s. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(6):272–284. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-272-284>.

Received 24.09.2025

Accepted 28.10.2025

Published 25.12.2025

Введение

В послевоенный период для всех городов Российской Федерации, пострадавших от немецко-фашистской оккупации, были разработаны новые генеральные планы. При составлении этих планов предусматривалось всемерное оздоров-

ление и озеленение восстанавливаемых городов, улучшение их благоустройства, создание необходимых удобств для населения. Для нового строительства выбирались наиболее здоровые места, на внутриквартальных территориях создавались зеленые насаждения, на месте руин раз-

бывались сады, скверы и благоустроенные детские площадки. Тщательно была продумана архитектурно-планировочная структура основных магистралей, площадей, набережных и жилых кварталов. При этом учитывалась экономическая целесообразность застройки тех или иных территорий и предусматривалось освоение новых участков без сноса существующей застройки. Для разгрузки центров и основных магистралей от транзитного движения создавались специальные транспортные магистрали [1, с. 9].

В 1967 г. был утвержден скорректированный под руководством архитектора М. Комарова генеральный план развития города Курска и одновременно с ним генеральный план реконструкции исторического центра города (архитектор – В. Выборный). В соответствии с планом реконструкции было предусмотрено расширение территории центра, его выразительности [2, л. 21, 34]. Корректировка ранее утвержденных планов 1946 и 1957 гг. была проведена в связи с принятием постановления Совета Министров РСФСР от 21 августа 1963 г. «Об улучшении проектного дела в области гражданского строительства, планировки и застройки городов» [3, л. 138–140].

Разработка проектов реконструкции и застройки города была возложена на организованный в 1965 г. также во исполнение вышеназванного постановления Совмина институт «Курскгражданпроект» [4].

Таким образом, к концу 1960-х гг. город получил нормативно закреплённую документацию по реконструкции исторического центра и застройки отдельных микрорайонов.

Методология

Авторская методология исследования процесса реализации плана строительства и реконструкции Курска в конце 1960-х – начале 1970-х гг. основана на принципе объективности. Он позволил оценить трудности, которые сопровожда-

ли данный процесс, выявить роль исполнительных органов власти по контролю за своевременными сроками сдачи жилых объектов, за качеством строительных и отделочных работ.

Проведенный анализ архивных документов позволил объективно оценить процесс реализации плана застройки и реконструкции города, а целостная картина проблемы реализации плана была получена методом синтеза отдельных фактов, сопровождавших данный процесс.

Общенаучные методы данного исследования представлены системным и функциональным анализом. Метод системного анализа позволил выявить признаки целостности государственной политики в сфере жилищного строительства. Метод функционального анализа дал возможность определить существование устойчивого взаимодействия между исполнительными органами власти и строительными организациями по совершенствованию строительства в городе. Идеографический метод позволил детально описать имевшие место события: плохое качество строительных и отделочных работ, дефицит рабочей силы, не позволявшей соблюсти сроки сдачи объектов, слабая механизация работ, трудности со сносом ветхого жилья. В совокупности все использованные для проведения исследования методы позволили комплексно проанализировать процесс реализации плана строительства и реконструкции Курска в конце 1960-х – начале 1970-х гг.

Результаты и их обсуждение

Застройка Курска по скорректированному генеральному плану 1967 г. и реконструкция его исторического центра активно началась после 1967 г. Для этого периода характерно массовое строительство 9-12-этажных домов кирпичных и крупнопанельных при создании новых микрорайонов и точечная застройка центральной части города с упразднением ветхого одноэтажного жилья [2, л. 23].

Рассмотрим, какими трудностями сопровождался процесс реализации застройки и реконструкции города. Так, например, «жилой дом по ул. Ленина 64, не был своевременно решен вопрос по прокладке кабеля к дому, необходимо для этого произвести снос строений. Медленно идут дела у субподрядчиков. Ни один вид работ не закончен. Сантехники до сих пор не закончили водопровод, канализацию, не сдано отопление, не смонтированы гребенки. Электрики не ставят розетки, коробочки разветвительные, электрощитки, это, в свою очередь, сдерживает начало малярных работ. Не окончены работы и слабых токов. 9 этаж не окончен и не монтируется, не окончены работы и по газу. Дом на ул. Блинова 13. Выполнены земляные работы, забиты сваи, смонтировано 90% стен подвала. Жилой дом на ул. Ленина 99. Произведен снос строений, отрыты котлованы под забивку свай. Однако строительное управление “Мехземстрой” работы в настоящее время не ведет, ссылаясь на поломку копра, и обещают начать работу во 2-й декаде мая месяца. График работ отстает, сваи должны быть забиты еще в апреле месяце. Жилой дом на ул. Блинова 7. Выполнены работы по забивке свай. Однако при испытании несущей способности статической нагрузкой выявлено, что несущая способность неудовлетворительная. Работы приостановлены. Решения от “Курскгражданпроекта” нет. Дом на ул. Ленина 92. Снос строений не окончен, земляные работы не окончены, производится забивка свай, забито 70%. Дом на ул. Ленина 74. Выполнены инженерные сети водопровода, канализации, теплосети и частично благоустройство. Выполнены работы по устройству фундаментов и стен подвала. Однако СМУ-1 не может развернуть работы по-настоящему, на объекте нет обещанных кранов» [5, л. 4-6].

Как видим, имелось много недостатков в работе. В этой связи постоянная строительная комиссия горисполкома по-

считала «провальным» план ввода в эксплуатацию жилья в 1967 г. Причинами резкого невыполнения плана «является, в основном, легкомысленное отношение к строительству жилья в г. Курске со стороны треста “Жилстрой” вообще и особенно к строительству крупнопанельных домов со стороны объединения “Стройдеталь”. Панели и конструкции имеют много брака и плохого качества вообще, что резко снижает темпы монтажа и влечет за собой дополнительные затраты. Следует отметить также, что много брака допускается и строителями при строительстве жилья. На объектах имеют место массовые простои рабочих из-за отсутствия раствора, бетона, сборно-железобетонных конструкций, арматуры и других материалов. Плохо в тресте и объединении налажены служба комплектации и практически она отсутствует. Работы в основном производятся вручную, малая механизация практически отсутствует, в то время как рабочих в тресте явно недостаточно. Не на всех объектах имеются графики производства работ, а если и имеются, то из-за несвоевременной поставки конструкций и материалов сорваны. Объекты не укомплектованы сантехническими материалами. На всех объектах, без исключения, отстаёт, и очень резко, благоустройство». Рассматривая вопрос строительства жилья, на заседании горисполкома был сделан вывод, что основной причиной неудовлетворительного строительства жилых домов в 1967 г. являлось плохое материально-техническое снабжение строек и связанный с этим низкий уровень организации производства строительных работ. Более 4 тыс. человеко-дней допущено целосменных простоев из-за срыва поставок раствора, бетона, железобетонных изделий и др. Горисполком постановил: «... обратить особое внимание и направить в первую очередь материальные и людские ресурсы на строительство объектов центра города... решить вопрос о привлечении на строительство от предприятий

300 человек рабочих-строителей» [6, л. 13-14].

В 1968 г. строительство жилья налажено не было. В заседании комиссии по строительству горисполкома отмечалось, что работы по реконструкции центра города ведутся крайне медленно. «Составляемые графики срываются, качество очень плохое, особенно кровля, полы, облицовка. Вертикальные отметки нарушаются, кладка ведется без порядовок, в результате чего качество её очень низкое. Отмечается также низкое качество поставляемых на строительство домов материалов и особенно конструкций. Столярные изделия изготавливаются из сырых материалов, особенно половая доска и погонные изделия; перегородки, как правило, кривые; сборный железобетон не отвечает требованиям ГОСТа. Очень плохое обеспечение красками и несмотря на то, что лаборатория имеет большой штат, качеством занимается слабо. Инспекции по качеству при СМУ и тресте «Курскпромстрой» не работают». Поэтому было предложено руководству треста «Курскжилстрой» «оживить работу по качеству, усилить контроль при приемке работ от бригадиров при закрывании аккордно-премиальных нарядов, усилить требовательность при приемке деталей и конструкций. Потребовать от заказчиков и авторского надзора усилить требовательность при приемке и оплате работ» [6, л. 37-38].

Постоянная строительная комиссия горисполкома выезжала на строившиеся объекты ежемесячно, отмечались недостатки, предлагались меры к их устранению. Но имели место форс-мажорные обстоятельства, препятствовавшие оптимизации строительных работ. Например, в процессе проверки треста «Жилстрой», проведенной в июле 1968 г., выяснилось следующее: «Трест по-прежнему работает ниже своих возможностей и плохо мобилизует внутренние резервы для безусловного обеспечения выполнения государственного плана капитального строи-

тельства. По многим объектам план не выполняется, по некоторым работы прекращены, а отдельные вообще не начаты. Трест всё время жалуется на нехватку рабочей силы (по штату недостаёт около 400 человек рабочих), но имеющаяся рабочая сила используется плохо. На объектах много простоев из-за неорганизованности, плохой организации обеспечения материалами, транспортом и механизмами. Ряд работ выполняются без минимальной механизации, в целом организация труда строителей еще не на должном уровне. В тресте слабо занимаются вопросом научной организации труда. Например: такой сравнительно простой вопрос, как своевременная подача раствора на стройплощадки, систематически не решается вот уже длительное время. В показателях труда на большинстве строек нет наглядности: кто работает? – наглядной агитации по этому вопросу на объектах не видно. По-прежнему, на ряде строек не организовано питание рабочих, а где пытались, рабочие отказываются питаться из-за низкого качества продуктов. В СМУ поступают молодые рабочие из ПТУ, но руководство СМУ не создаёт заинтересованности молодежи, плохо их принимают, и многие молодые рабочие уходят. По-прежнему в тресте не изжиты прогулы. Большим недостатком в работе треста является необеспеченность изделиями комбината панельного домостроения. СМУ-2, которое в основном занимается строительством крупнопанельных домов, выполнило план только на 50%. Практически 800 человек рабочих в СМУ работают только наполовину, при отмеченном большом недостатке рабочих в целом по тресту. Из-за низких заработков рабочие СМУ-2 вынуждены увольняться – нечего им делать, нет панелей» [7, л. 65–66].

В августе 1968 г. комиссия горисполкома установила, что «недодано тресту «Курскжилстрой» около 12 тыс. м³ панелей, или около 10 домов 60-квартирных. Только 67% получено трестом

других железобетонных изделий. Нормального задела на 1969 г. нет, в результате отделочникам в мае-апреле делать было нечего, это получилось в результате плохой поставки деталей крупнопанельного домостроительства. Не решена проблема асфальта: его нет и людских ресурсов. Наблюдается значительная текучесть рабочей силы. По тресту «Курскжилстрой» за 8 месяцев уволено 555 человек, а принято на работу 540 рабочих. Не полностью решен вопрос со спецодеждой, особенно тёплой обувью. Медленно решается вопрос о сносе, что очень задерживает строительство. Серьёзное отставание имеется по устройству нулей... За 8 месяцев текущего года введено в эксплуатацию только 29 079 кв. м жилой площади, или 22,4% годового плана» [8, л. 101].

В 1969 г. положение дел не улучшилось. Сорвался график по строительству дома 20/26 по ул. Ленина, который должен был быть сдан к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. План строительных работ выполнен на 50%. Не хватало кирпича повышенной марки и керамзита; перегородок, которые поставлял Ростовский завод ЖБИ. Долго не ставился башенный кран. Задерживался снос старых домов [9, л. 22–23].

В 1970 г. качество строительства, особенно жилых домов, оставалось низким: из 11 сданных домов 5 с оценкой хорошо, остальные 6 – удовлетворительно. Такие виды работ, как настил дощатых и метлахских полов, монтаж и отделка лестниц, монтаж наружных стен, отделка фасадов, масляная окраска и благоустройство, получали из года в год только удовлетворительную оценку. Строительные управления треста «Курскжилстрой» некоторые инженерные сети и автодороги выполняли после готовности здания, не внедрялась технология комплексной застройки кварталов и микрорайонов, а встроенно-пристроенные магазины и бытовые помещения не сдавались вместе с жилой частью дома. При монта-

же крупнопанельных домов имели место нарушения в центровке панелей, перекосе арматуры, уменьшении в толщине швов, заделке слабым раствором и др. Повсюду отставали от поточности строительства здания сантехнические работы и качество их в последний год снизилось. Горисполком потребовал от Управления капитального строительства «улучшить надзор за качеством строительства, для чего инженерам кураторам посещать строительные площадки и не принимать работы низкого качества. Добиться, чтобы сданные объекты в большинстве своём принимались с оценкой хорошо и отлично» [10, л. 75–76].

Проблемы обнаруживались и с состоянием проектно-сметной документации для строительства. «Установленные нормами сроки изготовления проектов в ряде случаев задерживаются. Так, например, уже 4 года ведётся проектирование 9-этажного дома по ул. Ленина 31, которое не закончено до сих пор. Качество проектно-сметной документации, особенно смет, всё ещё остаётся низким, что приводит к задержке строительства, открытия финансирования, отражается на планировании работ. Рассмотрение и согласование проектов задерживает «Курскэнерго»» [10, л. 56]. Часто проекты пересматривались. Так, дом по ул. Ленина 31 планировалось строить на сваях, затем проект был пересмотрен, и было принято решение, что дом будет строиться на ленточном фундаменте. Перестраивался проект и дома по ул. Ленина и Весёлой. Соответственно, это вызывало смещение сроков начала и окончания строительства жилых объектов [11, л. 24].

В 1971 г. положение в жилищном строительстве несколько улучшилось. С оценкой «хорошо» было принято домов с полезной площадью 102 тыс. кв. м, или 63,5% против 57% в 1970 г. Несколько улучшилось качество кирпича на Рышковском заводе. Однако, как отмечала комиссия горисполкома, внешний вид многих домов не отвечал современным

архитектурным требованиям (фасады). На крупнопанельных домах не монтировались новые конструкции вентилируемых крыш с внутренними водостоками. Входы в жилые дома, балконные ограждения, лестничные марши и площадки, столярные изделия, кирпичная кладка многих зданий не отвечали требованиям технических условий. Имели место нарушения технологии производства работ. Все дома сдавались без благоустройства: около домов было грязно, дороги и озеленение отсутствовали [12, л. 101–102].

На заседании постоянной комиссии по строительству и промышленности строительных материалов в мае 1972 г. был поднят вопрос «О мерах по улучшению качества жилищного строительства». Главный инженер треста «Курскжилстрой» отметил, что в тресте постоянно проводится работа по улучшению качества выполняемых работ, но на сегодняшний день качество желает быть много лучше. «В I квартале 1972 года была проведена проверка крыш жилых домов и оказалось, что на многих домах крыши текут. Переход на совмещенные вентилируемые крыши позволил ликвидировать подтёки. Совместно с “Курскстройдеталь” трест внедрил “ВС” с внутренним отоплением. Половая доска идёт плохая, сейчас мы работаем над внедрением плит раздельного пола, тогда мы на жёсткое основание будем настилать линолеум. Столярные изделия не выдерживают никакой критики. Древесина плохо высушена или нет шурупов, поверхность шероховатая. Сейчас стараемся внедрять комплексный цикл ККВ, уже много сделано в этом направлении. Для жилищного строительства требуется много лицевого кирпича, надо поручить тресту “Курскпромматериалы” заняться этим вопросом. В объединении “Курскстройдеталь” улучшена фактура промпанелей по серии ИИ-04. Внедряются затирочные машины, внедрена водная пластификация МПН. Серьёзные претензии мы получили по

столярным изделиям, но 60% этих изделий получаем из других городов и нам трудно бороться с поставщиками. В “Курскстройдеталь” освоили выпуск балконов, облицованных стеклоплиткой, но строители это не внедряют, мы просим, чтобы проектировщики и строители быстрее внедрили это новшество». Было отмечено, что «все строители борются за качество и красоту нашего города, но если мы посмотрим на дом по ул. Ленина 26, то он имеет плохой вид, облицовка дома не закончена; наружные стеновые панели идут с плохой поверхностью, малярам трудно выравнивать, требуются дополнительные работы; качество выпускаемого силикатного кирпича отдельных марок, особенно марки М150, который идёт на строительство высотных зданий, продолжает оставаться низким...» [13, л. 107–108].

Темпы сдачи жилья повысились. Так, в 1972 г. в городе было введено в эксплуатацию 170 тыс. кв. м жилой площади, или 100% от плана. В 1973 г. выполнение плана выросло на 4%. В то же время не были введены в эксплуатацию ряд жилых домов в кирпичном исполнении. Вследствие этого последующие планы по полносборному строительству были снижены, и план на 1974 г. составил 83,22 тыс. кв. м, а на 1975 г. – 72 тыс. кв. м [14, л. 32, 65, 66].

В то же время возрастали объёмы проектов в кирпичном исполнении, что с трудом обеспечивалось базой строительных материалов и дефицитом рабочей силы. В больших количествах осуществлялась привязка 9-этажных кирпичных зданий, в 1972–1974 гг. определилась тенденция к привязке таких общежитий для предприятий: РТИ, Трикотажный комбинат, завод «Аккумулятор», Обувное объединение, Промстрой, Швейное объединение и др. [15, л. 66]

Вопросы качества жилья продолжали оставаться открытыми. В 1972 г. 60% домов крупнопанельного домостроения получили оценку удовлетворительно. В

1973 г. 52% сданных объектов получили оценку «удовлетворительно» [16, л. 5–6].

Характерной тенденцией являлась неритмичная сдача объектов, сдача штурмами в конце квартала. Материально-техническое снабжение – один из острых вопросов. Нет облицовочной плитки, нет труб, нет половой доски. После сдачи объектов плохо устранялись недоделки. «По ул. Радищева дом сдали в декабре месяце 1973 года, а лифт до сих пор не работает. По ул. Чехова дом сдали в ноябре, а котельная до сих пор не окончена, а самое главное то, что звенья, которые не выполняют работу, не чувствуют ответственности. Плохо обстоят дела с благоустройством. По плану должны освоить 300 тыс. руб., а освоено всего 20 тыс. руб.» [16, л. 127]. Таким образом, недостатки в работе оставались и переходили из года в год. Качество крупнопанельных домов справедливо подвергалось критике, как в «Курской правде», так и со стороны строителей. В этой связи на заводе крупнопанельного домостроения были разработаны мероприятия по повышению качества выпускаемой продукции, в частности внедрение оплаты труда за качество [17, л. 141].

В 1974 г. план по вводу жилья был выполнен на 109%. Из сданных объектов 38 получили оценку «хорошо», а 11 – «удовлетворительно», т. е. качество выполнения работ снова оставалось ненадлежащим. Как отмечала комиссия горисполкома, «трест “Курскжилстрой” в 1974 году работал очень плохо. Иногда дома сдают с мелкими недоделками, работы на 1-2 дня, а они тянут месяцами. В 15 домах до сих пор нет горячей воды, а там живёт 1200 семей... План по крупнопанельным домам выполнили, а по кирпичным не выполняем... Строителям г. Курска нужно уже подумать построить в Курске дом-эталон, чтобы строители видели, как нужно строить» [16, л. 146, 162].

Большинство проблем сданных в эксплуатацию жилых домов было вызва-

но низким качеством выпускаемой продукции заводов объединения «Курскстройдеталь», не отвечающей техническим требованиям. Поэтому в объединении было решено дома серии I-464 НС оштукатуривать мраморной крошкой белого цвета. Вопросы с сушкой древесины на предприятиях объединения были решены, влажность составила 12%, однако высушенные изделия строители хранили под открытым небом, что приводило к их порче. Кирпич не выдерживал размеров, и это сказывалось на кладке стен, размер швов, соответственно, также не выдерживался. На 1975 г. в объединении было намечено внедрение бездефектной сдачи продукции по всем заводам [18, л. 156].

Комиссия горисполкома в этой связи отмечала: «В городе Курске очень плохо развивается строительная база, администрация объединения “Курскстройматериалы” мало проявляет инициативы, у нас не намечается строительство ни одного завода, а все заводы находятся в плохом состоянии. Наша кирпичная промышленность не шагнула далеко – она находится на уровне 1958 года. Оборудование добывают, нового ничего не приобретают. Наши дома имеют плохой архитектурный вид, потому что наши кирпичные заводы до сих пор не приступили к стабильному выпуску облицовочного кирпича. Куряне ждут улучшения качества облицовочного кирпича... Значение качества отделочных работ велико. И тем не менее оно продолжает оставаться еще не на должном уровне. По качеству работ отделочники имеют много замечаний. Особенно по столярно-плотницким работам, облицовочным, штукатурным. Несистемно проводится день качества. Но качество отделочных работ во многом зависит от того, как объект подготовлен к отделке, а зачастую объекты бывают не готовы, и спрашивать с отделочников трудно. Например, в настоящее время готовы к отделке жилые дома в поселке КЗТЗ и в посёлке Трикотажного комбината. Кроме технологии производства строительных

работ, качество их зависит и от качества материалов. Раствор часто имеет очень низкое качество, так на общежитии СХИ из-за этого пришлось проводить большие переделки. Большие претензии к ДОЗу – столярные изделия очень низкого качества, линолеум, облицовочные плитки, деревоплита оставляют желать лучшего. Такая же картина с инструментом. Работы производятся одновременно на очень многих объектах – это всё является причиной низкого качества производства отделочных работ. Оценки, с которыми объекты сдаются в эксплуатацию, явно завышаются. Критерием их должны быть ГОСТы, правила приёмки и Т.У. по этим нормативам. 70% работ не входят в рамки допустимого. Сейчас работы ведутся так: любой ценой количество, не обращая внимания на качество. Далее производство отделочных работ осуществляется в условиях, запрещающих их производство. Качество полов низкое, линолеум, метлахская плитка – некачественные, но тем не менее многое зависит от строителей. На общежитии коммунальных работников плитка уложена обратной стороной. Идут извечные разговоры по качеству отделки оконных заполнений, единственное, о чём можно хорошо сказать – это потолки. По внедрению новых материалов: ничего не внедрено за последние три года. Необходимо создать эталоны: образцы отделочных работ, может быть даже дом – эталон, чтобы все могли зрительно ощущать качественное производство отделочных работ. Значительно ослаб авторский надзор. Строители не обращаются или очень мало обращаются к архитектору за помощью советом. В новых районах, где производится массовая застройка, отсутствуют малые формы, сети и т. д. Не на должной высоте находится такой важный рычаг, как материальное стимулирование качества. Если работника заинтересовать в качестве выполняемых работ, то он будет работать качественно. Необходимо устранить то несоответствие технологии производства

работ, которое вызывает переделки и различные заделки после работы сантехников, электриков, связистов. Снижен спрос с непосредственных исполнителей. Необходимо оживить работу по качеству. Из-за недостатков в организации строительного производства допускаются значительные потери рабочего времени, неритмичный ввод объектов в эксплуатацию, низкое качество строительных работ. Управление капитального строительства Горисполкома еще слабо занимается перспективными вопросами застройки города, не проявляет необходимой оперативности при освобождении участков под застройку, в снабжении кабельной продукцией и оборудованием поставки заказчика, решении вопроса проектирования. Управление по делам строительства и архитектуры не принимает достаточных мер для выполнения генерального плана города, повышения качества строительства, архитектурной выразительности жилых домов и других зданий, затягивают внесение предложений, связанных с отводом участков... А в целях повышения качества отделочных работ было намечено осуществление ряда мероприятий, а именно: внедрение затирочных работ и жимов для полов; внедрение системы взаимопроверки работы бригад; повышение квалификации; прием качественных материалов при наличии паспорта на них; сдача и прием объектов под отделку по акту; недопущение разбросанности материальных и людских ресурсов; улучшение работы по подготовке участков застройки; своевременному обеспечению документацией подрядных организаций, финансированием, кабельной продукцией и техническим оборудованием» [19, л. 83–84, 86, 88, 99].

Институту «Курскгражданпроект» было наказано усилить контроль за выполнением генерального плана города и повысить качество проектов, их экономичность и архитектурную выразительность: «Проекты отдельных зданий и сооружений архитекторы и проектировщи-

ки института недостаточно использовали для достижения современной архитектурной композиции. Проекты отдельных зданий и сооружений не отличались оригинальностью и выразительностью. Связь института со строителями и предприятиями стройиндустрии и стройматериалов еще недостаточна. Институтом не уделялось должного внимания монументально-декоративному искусству. В институте нет чёткого зонирования территории г. Курска и области по проектным отделам у главных архитекторов проектов. При проектировании застройки следует осуществлять в основном блок-секционное проектирование жилья, обеспечивать её разнообразие и пластичность. В целях обеспечения выразительности застройки и создания индивидуального облика каждого района города применять на ответственных участках и на главных магистралях строительство жилых зданий по индивидуальным проектам. Больше уделять внимания синтезу архитектуры и искусства, т. е. применение монументального декоративного искусства в экстерьерах и интерьерах домов как оригинального колорита застройки, расширить применение цвета в архитектуре [19, л. 101, 228].

Все эти замечания были приняты и внедрены, о чем свидетельствует отчет института «Курскгражданпроект» на заседании постоянной комиссии по строительству и промышленности строительных материалов 15 ноября 1976 г. «Институт участвовал в установлении реальной и экономически обусловленной структуры строительства по типам жилых домов, их этажности и конструкциям. Были разработаны конкретные предложения по разработке проектов реконструкции основных магистралей г. Курска и их застройке. Институт проводит политику по комплексной застройке кварталов, микрорайонов и жилых массивов со всеми необходимыми культурно-бытовыми объектами. Институт обеспечил в своё время переход г. Курска на

строительство крупнопанельных жилых домов с улучшенной планировкой. А уже с 1973 г. дома этой серии заменяются на 9-16-этажные крупнопанельные дома новой планировки. В 1975 г. осуществлён полный переход на привязку жилых домов новых серий. В Курске внедрялись приёмы новой планировки, размещение домов с учётом рельефа местности, лучшей ориентации квартир. Кварталы и микрорайоны жилых домов были спланированы крупными массивами на больших свободных территориях, отвечающих требованиям удобства, экономичности и организации, индустриализации строительства. Появились дома зигзагообразной формы. В плане дома в виде волны и другие. Применен приём блокировки типовых домов в виде угловых комплексов, создающих уютные не проходные дворы. Эти приёмы планировки впервые применяются в городе, позволили разнообразить застройку района, создать свой микроклимат. Здесь уже нет пронизывающих сквозняков, которые обычно гуляют в коридорах, образуемых прямолинейными дворами. Более экономично расходуются земельные участки, уменьшается длина инженерных коммуникаций и повышается до верхнего предела плотность застройки. Начиная с 1973 г. наши архитекторы при разработке проектов застройки стали применять блок-секционный метод проектировки... Массовое индустриальное домостроение существенно изменило многие понятия, включающие представление о жилом доме как конечном произведении архитектуры. Архитектурный облик новых городских районов определяется по преимуществу жилищем. В этой связи совершенствование качества архитектурных решений жилых домов является для архитекторов вопросами наиболее значимыми. Теперь жилище не может мыслиться вне единства со зданиями культурно-бытового, торгового и общественного обслуживания населения без благоустройства, озеленения, малых форм, без

связи с многообразными элементами городского хозяйства. Градостроительные решения должны быть не только художественно выразительны, но и чтобы все элементы были бы комплексно выполнены, чтобы были продуманы все функции, связанные с жилой средой. Исходя из таких инициатив и понятий разработаны и разрабатываются проекты застройки между ул. Ленина, Весёлая, Мирная, Володарского в г. Курске (главный инженер проекта Александров Л.С., архитектор Шамрай М.Г.) ул. Рышковской (главный инженер проекта Теплицкий М.Л.). Проектами застройки предусматривается комплексное благоустройство внутриквартальных территорий. В комплекс работ входит мощение и асфальтирование подъездов и тротуаров, устройство бетонных бордюров соответствующих марок на прочность. Озеленение территории декоративными деревьями в возрасте 8-12 лет с комом, озеленения газонов с подсыпкой черноземом толщиной 20 см со специальной подготовкой почвы. В центральной части каждого микрорайона проектами предусмотрено устройство сквера в виде пешеходного бульвара с размещением водяных бассейнов, малых архитектурных форм и озеленения по специальным дендрологическим чертежам. Покрытие пешеходных аллей бульвара предусматривается выполнять из сборных бетонных плиток с устройством открытых швов для травы. По всей территории микрорайонов предусматриваются цветочные вазы, урны, скамьи для отдыха взрослых, детей, витрины для газет, перголы для отдыха и другие элементы благоустройства.

Значительное место в застройке г. Курска занимает реконструкция его центральной части. За последние годы путём выборочного строительства здесь был построен ряд зданий повышенной этажности, которые несколько улучшили облик города. Однако этот метод влечёт за собой удорожание стоимости прокладки инженерных сетей и благоустройства.

Усложняет организацию строительства и не даёт полноценного градостроительного эффекта. Более правильным и экономичным будет комплексная реконструкция, которая показала свои положительные стороны при застройке между ул. Радищева, Димитрова и Гоголевской. В целях дальнейшего совершенствования комплексного метода застройки существующей части города внутри института был проведён конкурс на проект застройки центрального квартала города, ограниченного ул. Ленина, Весёлой, М. Горького и Мирной. В соответствии с одобренным вариантом здесь предусмотрено, в первую очередь, строительство 9-этажных домов по ул. Весёлой и Ленина со встроенными учреждениями обслуживания. Дома по ул. Весёлой располагаются со значительным отступом от улицы, что позволит в дальнейшем создать широкий бульвар, соединяющий ул. Ленина с Верхней и Нижней набережной реки Тускарь.

Было придано особое значение решению первых этажей жилых домов, расположенных на магистралях, центральных площадях и других ответственных местах города, для чего разрабатывались варианты решения первых этажей с применением железобетонных конструкций, размещая в них различные учреждения обслуживания населения... Прделана работа по повышению экономической эффективности капитальных вложений в жилищно-гражданское строительство и градостроительство, снижению стоимости, трудоёмкости и сокращению продолжительности возведения жилых домов, инженерного оборудования населенных мест, упорядоченного ценообразования на строительство. Рациональное решение генеральных планов, увеличение плотности застройки и сокращение участков общественных зданий до минимальных размеров позволило сократить затраты на инженерную подготовку и инженерное оборудование и благоустройство, на строительство дорог и

на компенсацию за изъятие сельскохозяйственных земель, ориентировочно в сумме 185,0 тыс. руб. за пятилетие. Но не всегда используется в творческом плане рельеф местности. Нет цельности в работе по приданию г. Курску цветового колорита застройки. Роль проводника технического прогресса в архитектуре и градостроительстве – ответственная роль. И сознание этой ответственности отчётливо проявляется, когда читаешь речь Л.И. Брежнева перед избирателями Баумановского района г. Москвы 14 июня 1974 г.: “Сейчас, когда миллионы людей уже улучшили свои бытовые условия, появилась возможность уделить больше внимания качеству строительства, удобной планировке квартир, внешнему виду проспектов, кварталов, общественных зданий. Наши зодчие могут и должны покончить с однообразием застройки, невыразительностью архитектурных решений”. Поэтому перед архитекторами и работниками института стоит задача создания городской среды, отвечающей высоким социальным, экономическим, техническим, гигиеническим, эстетическим требованиям, создаваемого коммунистического общества» [19, л. 250–252].

За этими словами были и конечные результаты, о чем свидетельствует архитектурный облик города Курска.

Вывод

Проведенный анализ процесса реализации планов застройки и реконструкции города Курска в конце 1960-х – начале 1970-х гг. показал, что осуществлялось грандиозное жилищное строительство. Была создана мощная строительная индустрия, основу которой составили крупные строительные организации, оснащенные высокопроизводительными машинами и механизмами, располагающими квалифицированными кадрами строителей и монтажников, хотя параллельно наблюдался и дефицит кадрового состава. В процессе осуществления генерального плана строительства и реконструкции города Курска велось и его благоустройство. Проводилась активная реконструкция центра города, где строились девятиэтажные жилые дома. Строительство первых домов повышенной этажности улучшило архитектурную выразительность центра города. Но, как видно из материалов исследования, темпы реконструкции центра города оставались низкими, сроки строительных объектов постоянно срывались. Основными причинами можно считать малую механизацию, дефицит рабочих рук, недопоставки стройматериалов, а также несвоевременный снос ветхого жилья.

Список литературы

1. Лагутин К. Градостроительство РСФСР за 40 лет // Архитектура СССР. 1957. № 10. С. 4-12.
2. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-623. Оп. 1. Д. 145.
3. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов за 50 лет. Т. 5: 1962-1965 гг. / сост.: К.У. Черненко и М.С. Смиртюкова. М.: Политиздат, 1968. 560 с.
4. ГАКО. Ф. Р-623. Историческая справка.
5. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 841.
6. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 844.
7. ГАКО. Ф. Р-3167. Оп. 1. Д. 587.
8. ГАКО. Ф. Р-3167. Оп. 1. Д. 602.
9. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 919.
10. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 945.
11. ГАКО. Ф. Р-623. Оп. 4. Д. 45.
12. ГАКО. Ф. Р-3167. Оп. 1. Д. 678.
13. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 921.
14. ГАКО. Ф. Р-3167. Оп. 1. Д. 701.

15. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 997.
16. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1080.
17. ГАКО. Ф. Р-504. Оп. 1. Д. 620.
18. ГАКО. Ф. Р-504. Оп. 1. Д. 643.
19. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1210.

References

1. Lagutin K. Urban planning of the RSFSR for 40 years. *Arkitektura SSSR = Architecture of the USSR*. 1957;(10):4-12. (In Russ.)
2. ГАКО (The State Archive of the Kursk region). F. R-623. Op. 1. D. 145. (In Russ.)
3. Chernenko K.U., Smirnyukova M.S. Decisions of the party and the government on economic issues: collection of documents for 50 years. Vol. 5. 1962-1965. Moscow: Politizdat; 1968. 560 p. (In Russ.)
4. ГАКО. F. R-623. Historical device. (In Russ.)
5. ГАКО. F. R-770. Op. 8. D. 841. (In Russ.)
6. ГАКО. F. R-770. Op. 8. D. 844. (In Russ.)
7. ГАКО. F. R-3167. Op. 1. D. 587. (In Russ.)
8. ГАКО. F. R-3167. Op. 1. D. 602. (In Russ.)
9. ГАКО F. R-770. Op. 8. D. 919. (In Russ.)
10. ГАКО. F. R-770. Op. 8. D. 945. (In Russ.)
11. ГАКО. F. R-623. Op. 4. D. 45. (In Russ.)
12. ГАКО. F. R-3167. Op. 1. D. 678. (In Russ.)
13. ГАКО. F. R-770. Op. 8. D. 921. (In Russ.)
14. ГАКО. F. R-3167. Op. 1. D. 701. (In Russ.)
15. ГАКО. F. R-770. Op. 8. D. 997. (In Russ.)
16. ГАКО. F. R-770. Op. 8. D. 1080. (In Russ.)
17. ГАКО. F. R-504. Op. 1. D. 620. (In Russ.)
18. ГАКО. F. R-504. Op. 1. D. 643. (In Russ.)
19. ГАКО. F. R-770. Op. 8. D. 1210. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Масалев Ярослав Владимирович, аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: masalevyv@gmail.com, ORCID: 0009-0002-8800-2053

Iaroslav V. Masalev Postgraduate Student of the Departments of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: masalevyv@gmail.com, ORCID: 0009-0002-8800-2053

Оригинальная статья / Original article

УДК 930

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-285-296>



Образ императора Александра III в материалах уголовных дел по оскорблению царской фамилии

Ван Хуни^{1✉}

¹Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., д. 7–9, г. Санкт-Петербург 199034, Российская Федерация

✉e-mail: wanghongyi25@126.com

Резюме

Актуальность. В конце XIX – начале XX века в условиях роста общественного недовольства и политической мобилизации российские власти стремились усилить контроль над публичным пространством. Особое значение приобрели уголовные дела об оскорблении царской фамилии, которые стали инструментом правового и идеологического воздействия. Однако репрезентация образа императора Александра III в этих делах до сих пор не получила комплексного научного анализа.

Целью исследования является выявление механизмов формирования и юридической защиты сакрализованного образа императора Александра III в правоприменительной практике Российской империи.

Задачи: определить особенности применения статьи 1035 Устава уголовного судопроизводства в делах об оскорблении царской фамилии; проанализировать, как через уголовное преследование конструировался идеологически приемлемый образ монарха.

Методология. В исследовании применены историко-правовой анализ, контент-анализ архивных документов, тематическая интерпретация конкретных уголовных дел из фонда № 124 Государственного архива Российской Федерации.

Результаты. Установлено, что статья 1035 Устава уголовного судопроизводства служила гибким инструментом не только для расследования преступлений, но и для превентивного контроля и политической нейтрализации. Раскрыты случаи, когда слухи, агитация, действия против символов монархии трактовались как угроза государственному строю и рассматривались в судебном порядке.

Вывод. Правоприменение по делам об оскорблении Александра III отражает трансформацию уголовного права в механизм идеологического контроля. Сакрализация личности императора обеспечивалась не только официальной пропагандой, но и судебной практикой, что указывает на высокую политическую чувствительность к символическим формам непопулярности в позднеимперский период.

Ключевые слова: Александр III; общественное мнение; государственное преступление; Министерство юстиции; Устав уголовного судопроизводства; имперская идеология.

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Китайского стипендиального совета в рамках программы № 202306010004.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Ван Хуни. Образ императора Александра III в материалах уголовных дел по оскорблению царской фамилии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 285–296. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-285-296>.

Поступила в редакцию 30.09.2025

Принята к публикации 25.11.2025

Опубликована 25.12.2025

The image of emperor Alexander III in criminal case materials concerning offenses against the imperial family

Wang Hongyi^{1✉}

¹St. Petersburg State University

7–9 Universitetskaya nab., St. Petersburg 199034, Russian Federation

✉e-mail: wanghongyi25@126.com

Abstract

Relevance. In the late 19th and early 20th centuries, amidst growing public unrest and political mobilization, the Russian imperial authorities sought to strengthen control over the public sphere. Criminal cases concerning offenses against the imperial family became a key legal and ideological instrument. However, the specific representation of Emperor Alexander III in such cases has not been the subject of comprehensive academic analysis.

Purpose. This study aims to identify the mechanisms through which a sacralized image of Emperor Alexander III was constructed and protected via legal practices in the Russian Empire.

Objectives: to define the specific application of Article 1035 of the Criminal Procedure Charter in cases involving offenses against the imperial family; to analyze how legal prosecution contributed to constructing an ideologically appropriate image of the monarch.

Methodology. The study employs historical-legal analysis, content analysis of archival documents, and thematic interpretation of selected criminal cases from Fund No. 124 of the State Archive of the Russian Federation.

Results. The research reveals that Article 1035 of the Criminal Procedure Charter served not only for criminal investigation but also as a flexible instrument of preventive control and political neutralization. It demonstrates how rumors, agitation, and actions targeting imperial symbols were legally interpreted as threats to the state and prosecuted accordingly.

Conclusion. The enforcement of laws concerning insults to Alexander III illustrates the transformation of criminal law into a tool of ideological control. The sacralization of the emperor's image was upheld not only through official propaganda but also through judicial practices, reflecting the heightened political sensitivity to symbolic forms of dissent in late imperial Russia.

Keywords: Alexander III; public opinion; state crime; Ministry of Justice; Code of Criminal Procedure; imperial ideology.

Funding: This article was prepared with the financial support of a grant from the China Scholarship Council (CSC) under programme No. 202306010004.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Wang Hongyi. The image of emperor Alexander III in criminal case materials concerning offenses against the imperial family. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(6):285–296. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-285-296>.

Received 30.09.2025

Accepted 25.11.2025

Published 25.12.2025

Введение

Конец XIX – начало XX в. в истории Российской империи характеризовался активной реакцией власти на растущую оппозиционную активность. На фоне политических кризисов и нарастания революционных настроений императорское правительство стремилось сохранить устойчивость традиционного самодержавия путём законодательного ужесточения

и расширения полномочий карательных институтов. Как отмечают многие исследователи, «прослеживается эволюция характера государственных преступлений в сторону радикализма, массовости и десакрализации царской власти» [1], и особое внимание уделялось борьбе с так называемыми государственными преступлениями.

ми, в первую очередь теми, которые трагивали символические основы монархии.

Несмотря на значительное количество дел об оскорблении царской фамилии, долгое время данный феномен оставался на периферии историко-правового изучения. В дореволюционный период к этой теме лишь эпизодически обращались отдельные юристы. Так, В.К. Случевский в работе *«О дознаниях по делам о государственных преступлениях»* сосредоточился преимущественно на процессуальных аспектах ведения расследований, описывая, каким образом осуществлялось дознание по делам об оскорблении верховной власти. В свою очередь, Е.Н. Тарановский представил ценные статистические данные, позволяющие оценить масштаб правоприменительной практики по данным статьям в начале XX в. [2]

Современный этап изучения проблемы связан прежде всего с фундаментальными исследованиями Б.И. Коломницкого [3] и Н.М. Корневой [4], которые на основе широкого круга архивных материалов, особенно за начало XX в., значительно углубили понимание как правовых механизмов, так и социальных практик применения соответствующих норм. Однако, несмотря на эти достижения, вопрос функционирования данной правовой категории в конце XIX в., особенно в контексте репрезентации царской фигуры, остаётся недостаточно изученным.

На этом фоне заслуживает внимания ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) одна из ключевых норм, применявшихся в делах об «оскорблении Его Величества». Несмотря на рост числа подобных дел (по данным газеты «Новое время», с 56 в 1894 г. до 250 в 1901 г. [5]), правовой и идеологический механизм её применения ещё требует системного анализа. Более того, несмотря на кардинальные изменения политической ситуации, ст. 1030–1066, регулирующие судопроизводство по государственным преступлениям,

оставались практически неизменными даже в редакции 1903 г. Это придаёт особую значимость анализу конкретных дел как источников для понимания границ допустимого публичного высказывания в отношении царской власти.

В этом контексте особый интерес представляет то, каким образом через уголовное преследование формировался образ царя, не только как юридически защищаемой фигуры, но и как сакрального символа государства. Изучение подобных дел позволяет увидеть, как право становилось инструментом идеологической мобилизации и политической символизации власти. Настоящее исследование направлено на изучение образа императора Александра III в уголовных делах об оскорблении царской фамилии.

Методология

Методологической основой исследования стал комплекс историко-правовых и источниковедческих подходов, позволяющих выявить механизмы формирования и юридического закрепления сакрализованного образа императора Александра III в правоприменительной практике конца XIX – начала XX в.

Во-первых, применён историко-правовой анализ, направленный на изучение содержания ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства, её эволюции и практики применения в делах об оскорблении царской фамилии. Этот метод позволил проследить взаимосвязь между нормативной базой и политическими задачами охранительной политики самодержавия.

Во-вторых, использовался контент-анализ архивных материалов, включающих протоколы допросов, рапорты жандармских управлений, прокурорские заключения и иные документы фонда № 124 и других фондов Государственного архива Российской Федерации. Анализ содержания этих источников позволил реконструировать типологию дел, выявить характер обвинений, способы фиксирования «государственного вреда», а

также специфику интерпретации высказываний и действий, связанных с образом Александра III.

В-третьих, была проведена тематическая интерпретация конкретных уголовных дел, позволяющая выявить сквозные мотивы и правовые схемы, воспроизводившиеся при оценке слухов, агитационных текстов и символических актов – от повреждения портретов до распространения прокламаций. Такой подход обеспечил возможность сопоставить разные категории дел и проследить, как формировались представления о пределах допустимого публичного выражения отношения к императору.

Наконец, использован сравнительный анализ разных форм проявления нелояльности: слухов, агитации, символических жестов, что позволило показать, что сакрализация образа монарха обеспечивалась не только идеологическими практиками, но и юридическими механизмами, действовавшими в рамках статьи 1035.

В совокупности эти методы позволили рассмотреть образ Александра III сквозь призму правоприменительной практики, выявить устойчивые схемы репрессивного реагирования и определить место уголовного преследования в системе охраны политической символики поздней имперской России.

Основу эмпирической части работы составили материалы фонда № 124 «Уголовные отделения Первого департамента Министерства юстиции» Государственного архива Российской Федерации, охватывающего период с 1893 по 1917 г. Данный фонд содержит обширный массив дел по расследованию государственных преступлений, что позволяет проследить специфику правоприменения в условиях политической мобилизации и идеологического контроля. Особый интерес представляют дела, возбужденные по ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и позднее адаптированной в соответствии с Законом от 7 июня 1904 г. и Законом от 16 июня 1905 г., в

частности, по обвинениям в «оскорблении царской фамилии», включая случаи публичного порицания или иронических высказываний в адрес покойного императора Александра III. В частности, в описях 18 (1897 г.), 23 (1902 г.) и 25 (1904 г.) зафиксированы многочисленные примеры уголовных дел подобного рода.

Результаты и их обсуждение

Статья 1035 и правовая защита образа Александра III

Дела по оскорблению представителей императорской фамилии рассматривались в Российской империи XIX в. в палатах уголовного суда, а затем, с введением в действие судебных уставов 1864 г., – в окружных судах [5]. Организационное обеспечение этой правоприменительной практики опиралось на систему политического сыска, подробно исследованную С.Ю. Плужниковым. Исследователь указывает, что губернские жандармские управления и охранные отделения не только выполняли поручения прокуратуры, но и вели собственную агентурную и розыскную деятельность, зачастую выходя за рамки формальных правовых процедур [6].

Именно в этой институциональной среде и формировалась нормативная база расследования государственных преступлений, важнейшим элементом которой стала ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства. Она устанавливала обязательный порядок уведомления прокурорских органов о любом злоумышлении с признаками посягательства на государственный строй¹. Эта процедура служила

¹ Статья 1035 Уголовного уложения устанавливала строгую процедуру обязательного донесения о всяком злоумышлении, содержащем признаки государственного преступления: «О всяком злоумышлении, заключающем в себе признаки государственного преступления, сообщается прокурору судебной палаты, когда злоумышление обнаружилось в округе того окружного суда, который находится в месте учреждения палаты,

правовой основой для запуска дознаний и обеспечивала координацию между полицией, прокуратурой и судебными инстанциями. Указанный порядок сохранялся практически неизменным вплоть до начала XX в., придавая правоприменению устойчивую формальную структуру.

Тем не менее в преддверии революционных событий конца XIX – начала XX в. правоприменительная система начала обретать всё более централизованный и политически мотивированный характер. Е.Н. Сучков в своём исследовании анализирует эволюцию управления сыском в 1898–1905 гг., подчёркивая рост бюрократической вертикали, подчинённой Министерству внутренних дел. Это, по мнению автора, обеспечивало согласованное применение ключевых охранительных норм, включая ст. 1035, и способствовало использованию дознания не только в следственных, но и в превентивно-репрессивных целях [7].

В таком контексте сама ст. 1035 постепенно утратила сугубо процессуальную функцию и стала выполнять роль инструмента политической нейтрализации. Её применение касалось не только расследования уже совершённых преступлений, но и фиксации угроз потенциального характера. Это особенно ярко проявилось в практике жандармерии, где функция сбора и интерпретации информации все чаще сочеталась с функцией оперативного вмешательства.

Подобная трансформация нашла отражение и в правовой литературе того времени. В 1905 г. юрист В.К. Случевский в работе «О дознаниях по делам о государственных преступлениях» провёл обстоятельный анализ сущности и процедуры дознания по новой редакции закона. Особое внимание он уделял изме-

нениям, внесённым Законом от 7 июня 1904 г., в результате которых структура ст. 1035 была значительно усложнена: она расширилась до 33 параграфов, охватывающих весь спектр следственных полномочий, процедурных шагов и регламентации сбора доказательств¹.

Однако одновременно с этим Случевский выражал серьёзную обеспокоенность качеством исполнения новых норм. Он критиковал практику замены судебных следователей представителями жандармерии, указывая на их недостаточную правовую подготовку и зависимость от вышестоящего административного руководства. Это, по его мнению, вело к обвинительному уклону в расследованиях и нарушению принципа беспристрастности, а также превращало формально законную процедуру дознания в инструмент полицейского давления [5].

Особенно остро эта проблема проявилась в условиях реакции после революции 1905 г., когда ст. 1035 получила вторую жизнь как юридический механизм, обслуживающий борьбу с остатками революционного и террористического подполья. М.Б. Колотков подчёркивает, что в 1906–1907 гг. статья активно использовалась для легализации внесудебных репрессий, усиливая роль административного звена в правоприменительной системе [8].

Конкретным примером масштабного применения ст. 1035 является дело боевой организации партии социалистов-революционеров в Туркестане. Как показала Н.Н. Лозовская, первоначальное расследование против 26 человек в ходе дознания, регламентированного ст. 1035, было расширено до 88 обвиняемых, а объём материалов дела превысил 40 томов [9]. Это наглядно демонстрирует, как

а в противном случае – местному прокурору или его товарищу, или же полиции для донесения о том немедленно прокурору судебной палаты» // Судебные уставы 20 ноября 1864 года. Устав уголовного судопроизводства. [1864]. С. 129.

1. ¹ Закон 7 июня 1904 г. и 16 июня 1905 г. о порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным постановлений нового уголовного уложения. Неофиц. изд. М.: Кн. маг. И.К. Го-лубева, 1905. 32 с.

данная норма способствовала институциональному разрастанию политически мотивированных уголовных дел.

Таким образом, ст. 1035 к началу XX в. трансформировалась в гибкий правовой инструмент, совмещающий элементы процессуальной процедуры и административного контроля. Её широкое применение в условиях усиливающегося общественного недовольства иллюстрирует, как формально-юридическая норма стала ключевым звеном в системе политической охраны порядка в позднеимперской России.

Образ Александра III в делах о слухах и клевете

Во время правления Александра III в Российской империи значительно усилились функции жандармерии и механизмы социального контроля. Император придерживался политики, направленной на укрепление самодержавия и подавление оппозиционных настроений. В результате в обществе накапливалось напряжение: усиливающийся надзор, ограничения свободы слова и политическая цензура вызывали раздражение и тревогу в различных слоях населения. К концу жизни Александра III, особенно в 1894 г., в публичном пространстве и частных кругах стали распространяться разнообразные слухи и спекуляции, отражающие не только обеспокоенность настоящим, но и надежды на будущее. Усиливавшийся контроль всё чаще воспринимался как персонализированное проявление воли самого императора, а в ожидании его смерти в обществе ширились ожидания скорого прихода более либерального правителя и начала реформ.

На этом фоне распространение неподтверждённых слухов и клеветнических высказываний с политическим содержанием стало одной из завуалированных форм выражения недовольства существующим режимом. Такие действия воспринимались властями как потенциальная угроза общественному порядку и

становились объектом внимания жандармерии и следственных органов.

В октябре 1894 г. в почтово-телеграфной конторе г. Ковно при разборе корреспонденции были обнаружены две записки, содержащие оскорбительные высказывания в адрес «Священной Особы в Бозе почившего Государя императора Александра III». Записки, подписанные Антоном Ипполитовым Иоделисом, выражали пожелания мучений императору, при этом автор обвинял российское правительство в угнетении бедных слоёв населения и защите интересов высших классов [10, л. 10].

Кроме того, 23 октября из газеты «Прибавление к ковенским губернским ведомостям» была извлечена третья записка идентичного содержания и подписи. В записках автор критикует социальную несправедливость, указывает на исторические причины польского мятежа 1863 г. и провозглашает крайние меры борьбы с властью, духовенством и капиталистами [10, л. 10 об.].

На основании проведённого дознания было установлено, что автор писем, католик по вероисповеданию, был признан душевно больным и помещён в больницу св. Николая Чудотворца [10, л. 13 об.]. Однако, несмотря на формальный диагноз, содержание некоторых его посланий указывает на более глубокий социально-политический контекст. В частности, в одном из документов, озаглавленном «В знаке памяти за доброжелание Василию Никитину Г-у Орлову», Иоделис саркастически «благодарит» составленную из волостных судей психиатрическую комиссию за то, что она признала его невменяемым [10, л. 11]. Этот текст подчеркивает внутренний конфликт между автором и представителями судебной системы.

Анализ писем показывает, что Иоделис выражал недовольство политикой Александра III в отношении католического населения, которая, по его мнению, затрудняла их экономическое и социальное существование. Вместо полноценно-

го рассмотрения политического аспекта высказываний, дознание было изначально проведено в порядке положения о государственной охране, а затем – в соответствии со ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства. Такой подход позволил властям сместить акцент с возможной политической мотивации на медицинскую интерпретацию, тем самым избежав широкой огласки и правовых осложнений. Случай Иоделиса демонстрирует, как в условиях ограниченных доказательств и чувствительной тематики власти прибегали к признанию душевной болезни как удобному инструменту нейтрализации неудобных фигур.

Подобные настроения прослеживаются и в другом эпизоде, зафиксированном в одном из католических регионов, где распространился слух с более прямой критикой императора Александра III. В начале 1895 г. в Стародубском уезде Черниговской губернии было возбуждено дело в отношении мещанина Бера Брома, обвиняемого в распространении слуха о якобы произошедшем в Варшаве на похоронах Александра III инциденте с собакой, одетой в траур с надписями «Александр III» и «какая честь собаке, такая и Александру III». Согласно рапорту от 5 января 1895 г., унтер-офицер жандармского управления доложил, что слухи, распространяемые Бромом в посаде Клинцах, были восприняты как крамольные.

В ходе дознания по ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства, регламентирующей расследование государственных преступлений, были допрошены свидетели: купеческий брат Фома Мошковский, нотариус Карл де-Ламер и мещанин Алексей Лолгов. Все они подтвердили, что слышали от обвиняемого рассказ о собаке, которую он видел в Варшаве, одетой в траур и вскоре умершей от отравления. Начальник жандармского управления Варшавской губернии также подтвердил, что подобные разговоры действительно циркулировали в регионе [11, л. 10–10 об.].

В результате, учитывая отсутствие убедительных доказательств умысла и достоверность предоставленных обвиняемым объяснений, дознание в отношении Брома было прекращено [11, л. 10–10 об.]. В качестве превентивной меры за ним был установлен особый надзор полиции, что, по сути, означало административный контроль без лишения свободы. Таким образом, Бром фактически избежал уголовного наказания.

Это дело позволяет предположить, что широкое распространение слухов объективно затрудняло их полное пресечение, а местные органы правопорядка зачастую проявляли нежелание проводить чрезмерно активное расследование. В ряде случаев складывается впечатление, что жандармерия предпочитала не «раздувать» инцидент. Подобный подход мог быть продиктован стремлением сохранить локальную стабильность и избежать лишнего общественного резонанса.

Данные дела иллюстрируют сложность доказывания умысла в политически заряженных слухах, а также показывает, что в конце XIX в. распространение неподтверждённых, но социально значимых высказываний рассматривалось органами правопорядка как потенциальная угроза государственному строю, требующая вмешательства в рамках ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства. При этом правоприменительная практика демонстрировала определённую гибкость, учитывая конкретные обстоятельства дела, конфессиональную специфику и уровень общественного резонанса.

Образ Александра III в делах о политической агитации и пропаганде

Одним из характерных направлений правоприменительной практики конца XIX в. стало дознание по делам, связанным с распространением политических агитационных материалов – прокламаций, листовок и революционных воззваний. Несмотря на функционирующие цензурные органы, подобные тексты продолжали активно циркулировать, осо-

бенно в среде учащейся молодёжи и оппозиционно настроенной интеллигенции. Эти материалы нередко содержали критику самодержавного порядка и призывы к реформам. Власти воспринимали подобную печатную продукцию как фактор, способный повлиять на общественные настроения и вызвать нестабильность, особенно в условиях усиливающегося социального напряжения. В этом контексте ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства использовалась в качестве правового инструмента надзора и реагирования на распространение агитационных материалов.

25 октября 1894 г., вскоре после смерти императора Александра III, группа студентов физико-математического факультета Московского университета была арестована за распространение прокламации, изданной Союзным советом студенческих землячеств [12, л. 25 об.]. В этом документе содержался открытый призыв к учреждению конституционного строя в России, а также критика самодержавного порядка: «Не закон господствует над чиновниками, администрацией и полицией, а администрация и полиция управляют законом» [3, л. 2]. Подобные высказывания отражают нарастающее недовольство в среде образованной молодёжи и стремление к политическим реформам. Обвинение было выдвинуто на основании ч. 4 ст. 252 Уложения о наказаниях, как за распространение противоправительственного содержания. Уголовное дело также попало под юрисдикцию ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства, согласно которой о каждом злоумышлении с признаками государственного преступления следовало немедленно сообщать прокурору судебной палаты.

Как и в ряде других аналогичных дел, мера наказания в отношении фигурантов дела была сравнительно мягкой. Несмотря на то, что действия Леонида Леонидовича Конкевича – участие в студенческих организациях и распространение агитационных материалов – фор-

мально могли подпадать под квалификацию «государственного преступления», само расследование закончилось передачей обвиняемого под особый надзор полиции по месту жительства матери в Севастополе, без дальнейшего заключения или судебного разбирательства [3, л. 14 об.]. Подобная практика свидетельствует о характерной для конца XIX в. умеренности в применении ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства. Это позволяет говорить о том, что ст. 1035, несмотря на свою направленность на охрану государственного строя, фактически использовалась скорее как инструмент надзора и профилактики.

В начале XX в., по мере расширения географии агитационной активности и её охвата более широких слоёв населения, сфера действия данной нормы начала распространяться далеко за пределы университетских кругов. Согласно донесению 22 июня 1901 г. в селе Архангельском-Голицыне Саранского уезда Пензенской губернии «были найдены три гектографированные прокламации преступного содержания», среди которых текст под заголовком «Что Император Александр III для дворян», стихотворение «Свобода» и воззвание, начинающееся словами: «крестьяне! Я скажу вам одну басню». Две последние прокламации были подписаны «Пензенским революционным комитетом» [13, л. 7]. Выбор имени Александра III как объекта критики в заголовке первой прокламации указывает на намеренное идеологическое противостояние.

Особенностью данного случая стало то, что материалы агитационного характера были обнаружены не в студенческой среде, а среди сельского населения, значительная часть которого была неграмотной. Показательно, что крестьянский житель Мельников, обнаруживший листовки, из-за своей неграмотности «частью употребил их на папиросы, а частью роздал другим лицам» [13, л. 16–16 об.]. Однако, по ст. 1035 УУС, в соответствии с установленным порядком, если в дей-

ствиях лица усматривались признаки злонамеренного посягательства на государственный строй, дело подлежало передаче в ведение прокурора судебной палаты.

Следственные действия, предпринятые на местах, включали опрос крестьян и представителей почтового отделения. Особое внимание уделялось выяснению возможных каналов распространения литературы. Начальник почтового отделения Волков заявил, что «случаев получения писем, пакетов и посылок неизвестными ему "интеллигентными лицами" в июне не было». Тем не менее дело было прекращено «за необнаружением виновных» [13, л. 18 об.], что демонстрирует ограниченные возможности полиции и жандармерии в условиях анонимной и конспиративной агитации.

Подобное развитие событий было типичным для многих аналогичных дел того времени: несмотря на формальное возбуждение дознания, отсутствие конкретных улик и невозможность установить круг причастных лиц приводили к их закрытию без предъявления обвинений. Тем не менее сам факт обнаружения агитационного материала и последовавшее за этим официальное расследование становились своего рода актом государственного реагирования, направленным не столько на реальное установление виновных, сколько на демонстрацию бдительности и контроля со стороны властей.

Александр III как объект политической агитации и символического протеста

Помимо прямой политической агитации, важной формой протеста становились символические акты, направленные на выражение недовольства властью через оскорбление и разрушение государственных символов, в том числе портретов монархов. Эти действия воспринимались как вызов не только политической системе, но и священному статусу императора. Особое значение придавалось

случаям надругательства над памятниками и портретами, изображавшими уже скончавшихся монархов, в частности Александра III. Повреждение или осквернение таких объектов трактовалось не просто как акт вандализма, а как символическое покушение на легитимность самодержавной власти и историческую память, которую она стремилась закрепить. В связи с этим случаи разрушения или оскорбления портретов и статуй Александра III, установленных в государственных учреждениях, школах или на общественных мероприятиях, как правило, сопровождалось возбуждением дознания по ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства.

Показательный пример содержится в секретном докладе иркутского прокурора от 9 марта 1909 г., направленном министру юстиции. Поводом к возбуждению дела стала информация о планируемой активизации социал-демократического подполья, приуроченной к торжественному открытию памятника Александру III.

Как отмечалось в документе, «в 20-х числах того же августа агентурой было указано, что упомянутый комитет сформировался и начал свою деятельность, предполагая проявить какое-то активное выступление в день открытия памятника императору Александру III» [14, л. 1-2]. Таким образом, формальной причиной стало не совершённое преступление, а предположение об угрозе, что само по себе стало достаточным основанием для включения ст. 1035.

С 24 августа было установлено наружное наблюдение «за некоторыми известными Охранному отделению лицами», в том числе за Александром Цитовичем, Иваном Тумановым и Андреем Знаменским. Слежка была детальной: фиксировались посещения типографий, квартир, движения по городу и передвижения в день мероприятия.

Так, зафиксировано, что 29 августа, утром, участники группы пересекли Ангара и направились в лесную местность близ дачи «Звёздочка», где к ним присо-

единились другие молодые люди. Получив донесение, охранное отделение инициировало операцию: «лесная площадь, на расстоянии ста саженей, была оцеплена народной казачьей и городской полицией». При появлении полиции «толпа заметила приближение полиции, то бросились бежать в разные стороны, но... все были окружены и арестованы». Всего было задержано 25 человек, из которых 23 мужчины и 2 женщины, в том числе чиновники, учащиеся, крестьяне, рабочие [14, л. 1-2].

Данное дело демонстрирует, как в условиях сакрализации власти даже символическая угроза (например, в адрес публичного мероприятия в честь Александра III) могла рассматриваться как основание для немедленного дознания, даже при отсутствии прямого насилия. Подобная правоприменительная чувствительность к символическим формам нелояльности распространялась не только на массовые церемонии или памятники, но и на изображения монарха в официальных интерьерах.

В этом контексте показателен случай с подпоручиком Григорьевым, бросившим стакан в портрет Александра III в помещении Императорского театра. Несмотря на очевидное состояние алкогольного опьянения и импульсивность поступка, в его действиях было усмотрено преступление против государственного символа, что повлекло возбуждение дознания в порядке ст. 1035 УУС и ст. 107 Уложения [15, л. 7].

Аналогичный правовой подход прослеживается в эпизоде от 31 октября 1905 г., когда в гимназическом управлении Карклинского уезда были сорваны и осквернены портреты Александра II, Александра III и Николая II. В этом случае, несмотря на различие в юридической квалификации (оскорбление действующего монарха преследовалось по ст. 103, а действия против почивших царей – в порядке дознания по ст. 1035 УУС), следственная реакция была незамедлительной [16, л. 2].

Показательно, что даже минимальные акты повреждения (как, например, случай от 7 февраля 1904 г., когда на портретах были обнаружены едва заметные порезы длиной около двух вершков) также становились объектом официального дознания [17, л. 2]. Несмотря на незначительный характер материального ущерба, органы охраны порядка квалифицировали это как символически значимое действие, требующее вмешательства. Таким образом, совокупность указанных дел демонстрирует, что степень физического воздействия на императорские изображения не играла решающей роли: любая форма поругания визуального образа власти, независимо от её интенсивности, рассматривалась как политически опасная и подлежала расследованию в рамках ст. 1035 как важный элемент профилактики подрывной активности.

Анализ правоприменительной практики по делам, связанным с оскорблением и повреждением государственных символов, показывает, что ст. 1035 выступала не просто как норма, регулирующая расследование тяжких государственных преступлений, но и как гибкий инструмент политической профилактики, с помощью которого государство стремилось контролировать не только действия, но и символическое пространство, отражающее уровень лояльности подданных.

Выводы

Анализ уголовных дел, возбужденных по обвинениям в оскорблении царской фамилии, позволяет рассматривать образ императора Александра III не только как политическую фигуру, но и как символ, чья сакральность активно формировалась и защищалась через юридические механизмы. Статья 1035 Устава уголовного судопроизводства выступала в данном контексте не столько как инструмент реагирования на конкретное преступление, сколько как канал идеологического воздействия, нормализующий

представление о монархе как неприкосновенной, священной персоне.

Исследование показало, что государственные органы стремились контролировать не только действия, но и высказывания, символические акты и даже слухи, затрагивающие имя Александра III. Его фигура в общественном сознании после смерти приобрела сакрально-политическое значение, что делало любые высказывания или действия, интерпретируемые как проявление неуважения, объектом немедленного дознания. Возбуждение дел по фактам повреждения портретов, предстоящих митингов или словесных оскорблений демонстрирует, насколько власть стремилась не просто к

наказанию виновных, а к контролю над символическим пространством и укреплению идеологической устойчивости режима.

Таким образом, сакрализация образа Александра III в судебной практике конца XIX – начала XX в. отражает общий тренд позднеимперской политической культуры, направленный на мобилизацию лояльности и символическое укрепление власти через уголовное преследование за высказывания. Право превращалось в важный инструмент поддержания идеологического порядка, где личность монарха (даже умершего) оставалась центром политической чувствительности.

Список литературы

1. Варфоломеев Ю.В., Варфоломеев А.Ю. Количественные и качественные изменения в структуре государственных преступлений в начале XX века (по материалам саратовской судебной палаты и окружного суда) // Базис. 2023. № 13. С. 77-85.
2. Тарановский Е.Н. Статистические сведения об осужденных за государственные преступления в 1905–1912 гг. // Журнал Министерства юстиции. 1915. № 10. С. 37-69.
3. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с.
4. Корнева М.Н. «Оскорбление Его Величества дерзкими словами» как государственное преступление (на материалах Санкт-Петербургских архивов) // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 10. С. 388-409.
5. Случевский В.К. О дознаниях по делам о государственных преступлениях // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 275-281.
6. Плужников С.Ю. Система местных органов политического сыска Российской империи в начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 5. С. 340-347.
7. Сучков Е.Н. Система управления политическим сыском Российской империи в период 1898–1905 гг. // Государственное управление. 2008. № 16. С. 1-8.
8. Колотков М.Б. Революционный террор в России в 1906–1907 гг.: историко-правовой аспект // Lex Russica. 2019. № 1 (146). С. 159-173.
9. Лозовская Н.Н. Практика производства дознания по делам о террористах в порядке ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства в начале XX в. // Теория и практика общественного развития. 2006. № 1. С. 66-67.
10. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 124. Оп. 3. Д. 119.
11. ГА РФ. Ф. 124. Оп. 4. Д. 295.
12. ГА РФ. Ф. 124. Оп. 3. Д. 39.
13. ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 497.
14. ГА РФ. Ф. 124. Оп. 48. Д. 60.
15. ГА РФ. Ф. 58. Оп. 2. Д. 968.
16. ГА РФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 1617.
17. ГА РФ. Ф. 124. Оп. 25. Д. 188.

References

1. Varfolomeev Yu.V., Varfolomeev A.Yu. Quantitative and qualitative changes in the structure of state crimes at the beginning of the 20th century (based on the materials of the Saratov Judicial Chamber and the District Court). *Bazis = Basis*. 2023;(13):77-85. (In Russ.)
2. Taranovskii E.N. Statistical data on those convicted of state crimes in 1905-1912. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii = Journal of the Ministry of Justice*. 1915;(10):37-69. (In Russ.)
3. Kolonitskii B.I. Tragic eroticism": Images of the imperial family during the First World War. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2010. 664 p. (In Russ.)
4. Korneva M.N. "Insulting His Majesty with insolent words" as a state crime (on the materials of the St. Petersburg Archives). *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*. 2022;11(10):388-409. (In Russ.)
5. Sluchevskii V.K. On inquiries in cases of State crimes. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2018;(2):275-281. (In Russ.)
6. Pluzhnikov S.Yu. The system of local bodies of political investigation of the Russian Empire at the beginning of the XX century. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*. 2009;(5):340-347. (In Russ.)
7. Suchkov E.N. The management system of the political investigation of the Russian Empire in the period 1898-1905. *Gosudarstvennoe upravlenie = Public Administration*. 2008;(16):1-8. (In Russ.)
8. Kolotkov M.B. The revolutionary terror in Russia in 1906-1907: a historical and legal aspect. *Lex Russica*. 2019;(1):159-173. (In Russ.)
9. Lozovskaya N.N. The practice of conducting inquiries in cases of terrorists in accordance with Article 1035 of the Statute of Criminal Proceedings at the beginning of the 20th century. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of social development*. 2006;(1):66-67. (In Russ.)
10. GA RF (The State Archive of the Russian Federation). F. 124. Op. 3. D. 119. (In Russ.)
11. GA RF. F. 124. Op. 4. D. 295. (In Russ.)
12. GA RF. F. 124. Op. 3. D. 39. (In Russ.)
13. GA RF. F. 124. Op. 10. D. 497. (In Russ.)
14. GA RF. F. 124. Op. 48. D. 60. (In Russ.)
15. GA RF. F. 58. Op. 2. D. 968. (In Russ.)
16. GA RF. F. 222. Op. 1. D. 1617. (In Russ.)
17. GA RF. F. 124. Op. 25. D. 188. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Ван Хуни, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: wanghongyi25@126.com, ORCID: 0009-0003-8614-9032

Wang Hongyi, Postgraduate Student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: wanghongyi25@126.com, ORCID: 0009-0003-8614-9032

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), название (полужирный), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса, аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия

А.Л. Иванов¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (от 15 до 25 источников). Пристатейные списки литературы оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять на официальный сайт журнала <https://hisplus.elpub.ru/jour>

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru